Дивер Джеффри

Собиратель костей

Посвящается моей семье, Ди, Дэнни, Джули, Этель и Нельсону. Яблоки падают недалеко от яблони. Написано также и для Дианы.

Часть первая

Король на день

Настоящее в Нью-Йорке настолько властно и могущественно, что зло теряется в нем.

Джон Джей Чапмэн

Глава первая

Пятница, 10 часов 30 минут вечера — суббота, 3 часа 30 минут дня.

Единственное, чего ей хотелось, так это спать.

Самолет приземлился с опозданием в два часа, после чего пришлось выстаивать бесконечную очередь, чтобы получить багаж. В дополнение ко всему фирма, предоставляющая машины в наем, повела себя не лучшим образом, и заказанный лимузин отъехал час назад. Им пришлось ждать такси.

Она стояла в длинной очереди пассажиров, и ее худощавое тело клонилась на одну сторону под тяжестью портативного компьютера. Джон бубнил что-то о процентных ставках и путях изменения договорных обязательств, а она думала только о том, что сегодня пятница и уже половина одиннадцатого вечера. Самое время нырнуть в пижаму и завалиться спать.

Она смотрела на длинную вереницу такси, которые своим цветом и количеством напоминали ей массу насекомых. По спине женщины волной прошла дрожь: она вспомнила, как в детстве, когда их семья жила в горах, они с братом нашли труп барсука. Перевернув животное, дети увидели под ним целое гнездо копошащихся рыжих муравьев и некоторое время с отвращением наблюдали возню многочисленных членистоногих.

Ти-Джей Колфакс сделала шаг вперед навстречу взвизгнувшей тормозами машине.

Таксист открыл багажник, нажав кнопку на приборной доске, даже не думая вылезать из автомобиля. Им пришлось грузить вещи самим, что сразу же не понравилось Джону. Он привык, чтобы за него все делали другие. Женщину такие мелочи не трогали: она до сих пор удивлялась, что имеет секретаря, и предпочитала печатать документы собственноручно. Тэмми Джин ловко уложила свой чемодан в багажник, захлопнула его и устроилась на сидение такси.

Джон поместился рядом, вытирая вспотевшее жирное лицо и блестящую лысину. Можно было подумать, что погрузка багажа стоила ему Бог весть каких усилий.

— Остановитесь сначала на 72-й Восточной, — бросил он водителю через стекло, разделяющее салон.

— А потом вверх по Западной стороне, — добавила Ти-Джей. Плексиглас, отделявший водителя, был таким мутным, что шофер представлял собой неясную размытую фигуру.

Машина рванулась с места и направилась в сторону Манхэттена.

— Взгляни-ка, — пробурчал Джон, — вот из-за чего в городе столько народу!

Он указал толстым пальцем на огромный плакат, приветствующий участников мирной конференции ООН, которая должна была начаться уже в понедельник. В город съехалось около десяти тысяч гостей. Ти-Джей устало посмотрела на плакат, изображающий улыбающихся и весело машущих руками людей: белых, черных и желтых. Однако это произведение искусства не вызвало у нее положительных эмоций. Пропорции и цвета были искажены настолько, что все лица казались одутловатыми и нездоровыми.

— Какие-то «Похитители тел», — недовольно буркнула она.

Машина мчалась мимо постов береговой охраны и бруклинских причалов, причем асфальт, блестящий в свете желтых фонарей, тоже производил неприятное впечатление.

Джон перестал ворчать, достал свой «Тексас Инструментс» и защелкал клавишами. Ти-Джей, откинувшись на сидении, смотрела в окно на дрожащее над тротуаром марево и на тупые лица обывателей. Жители Нью-Йорка, разомлевшие от жары, сидели на ступеньках своих домов и безразлично пялились на улицу.

В машине тоже было душно, и Ти-Джей нажала на кнопку, чтобы приспустить стекло. Ее даже не удивило, что окно не отреагировало на ее движение, и женщина потянулась к противоположной дверце. И тут она обратила внимание, что на дверях автомобиля отсутствуют внутренние ручки замков.

Она провела рукой по обивке, но поверхность была совершенно гладкой, словно ручки срезали нарочно.

— Что происходит? — спросил Джон.

— То, что эти двери невозможно открыть изнутри. Пока Джон недоуменно переводил взгляд с одной двери на другую, мимо окна промелькнул знак поворота в Мидтаун-Туннель.

— Эй! — постучал он в плексигласовую преграду. — Вы проехали поворот. Куда вы нас везете?

— Может быть, он решил вести нас в объезд, через Квинсборо? — высказала предположение Ти-Джей. Ехать через мост было бы несколько дольше, зато не пришлось бы платить налог за проезд по туннелю. Она наклонилась вперед и постучала в разделительное стекло кольцом: — Вы везете нас к мосту?

Водитель не отреагировал.

— Эй!

Через несколько секунд машина миновала и поворот на Квинсборо.

— Вот дерьмо! — выругался Джон. — Похоже, он везет нас в Гарлем. Могу даже поспорить, что в Гарлем.

Ти-Джей увидела за окном поравнявшуюся с ними машину и изо всех сил забарабанила кулаками по стеклу:

— Помогите! — выкрикнула она. — Пожалуйста…

Водитель взглянул на нее раз, потом другой и нахмурился. Притормозив, он пропустил такси и пристроился ему в хвост, но то, вдруг, резко свернуло в сторону Квинс, влетело в переулок и помчалось через бесконечные ряды складов. Сейчас они ехали со скоростью не менее шестидесяти миль в час.

— Что вы делаете?! — Ти-Джей в отчаянии заколотила по разделительному стеклу. — Куда вы…

— Господи, только не это! — испуганно воскликнул Джон. — Ты только взгляни!

Водитель натянул на лицо лыжную маску с прорезью для глаз.

— Чего вы хотите?! — заорала Ти-Джей. — Денег? Мы отдадим вам все деньги!

В ответ они не услышали ни слова.

Женщина расстегнула сумку, вытащила из нее ноутбук и изо всех сил ударила углом корпуса в боковое стекло. Сила удара оказалась недостаточной, но резкий звук испугал водителя: такси вильнуло в сторону, чуть было не задев кирпичную стену старого здания, мимо которого они проезжали.

— Деньги! Сколько вы хотите? Я могу дать вам очень много! — брызгая слюной, выкрикивал Джон. По его толстым щекам потекли слезы.

Ти-Джей еще раз изо всей силы нанесла удар компьютером по стеклу автомобиля. Экран разлетелся на куски, но окно осталось целым. Еще одна попытка, и то, что раньше было компьютером, бесформенной массой вывалилось из рук женщины.

— Вот дерьмо!

Обоих пассажиров резко бросило вперед, когда машина затормозила в узком темном тупике.

Водитель выбрался наружу, держа в руке маленький пистолет.

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась Ти-Джей. Мужчина обошел машину сзади, вглядываясь через грязные стекла. Потом он остановился и некоторое время неподвижно наблюдал за пассажирами, тогда как те, прижавшись друг к другу вспотевшими телами, замерли в ожидании.

Водитель закрылся руками от света, мешавшего ему рассмотреть своих пленников, и прильнул к стеклу.

Внезапно в воздухе раздался странный звук, напоминавший то ли хлопок, то ли треск. Ти-Джей вздрогнула, а Джон невольно вскрикнул.

Где-то вдалеке, за спиной шофера, небо осветилось яркими красно-синими полосами. Звук повторился, к нему присоединились восторженные свистки и крики людей. Водитель повернулся и поднял голову. В небе над городом раскинул растопыренные лапы огромный оранжевый сверкающий паук.

Только сейчас Ти-Джей вспомнила, что сегодня читала в «Таймс» о готовящемся фейерверке в Нью-Йорке. Это был своего рода подарок мэра и Генерального секретаря ООН делегатам конференции, которых приветствовал величайший город планеты.

Наконец, водитель с громким щелчком отпер дверцу и медленно отворил ее.

……

Звонок был анонимный. Как всегда.

Отследить его не удалось, так как по нескольким направлениям еще не было контрольных коммутаторов. Центральный пост смог лишь объявить, что звонивший говорил из района 37-й улицы и 11-й.

Изрядно вспотев, хотя было всего девять часов утра, Амелия Сакс пробиралась сквозь заросли высокой травы. Она шла «челноком», как у криминалистов называется способ поиска, когда человек движется, описывая одну лежащую восьмерку за другой. Ничего. Амелия взялась за микрофон, прикрепленной к лацкану синей форменной рубашки.

— Говорит 5885. Тут ничего нет. Центральный, жду дальнейших распоряжений.

Сквозь шорохи помех прорвался голос диспетчера:

— Пока больше ничего, 5885. Только вот что… звонивший сообщил, что очень надеется на смерть жертвы. Как слышите?

— Центральный, повторите еще раз.

— Звонивший сообщил, что очень надеется на смерть жертвы. Для ее же блага. Как поняли?

— Сигнал принят.

Надеялся, что жертва мертва?

Амелия обыскала еще один участок, но так же безрезультатно.

Ей хотелось плюнуть на все это, набрать номер 10-90, по которому сообщают о пропавших людях, и отправиться восвояси. Колени у нее побаливали, а все тело в этой августовской жаре чувствовало себя, как рагу в духовке. Она мечтала о том, как окажется в Порт-Оторити и в компании ребят выпьет баночку ледяного чая. Затем, часа через два, в

половине двенадцатого, она заглянет в участок, соберет вещи, а потом отправится на занятия.

Но сейчас она никак не могла так поступить. Нельзя было проигнорировать подобный вызов. Поэтому Амелия упорно продолжала поиски: она перемещалась сначала по раскаленному асфальту тротуара, потом исследовала пустырь между двумя заброшенными домами, затем снова направилась в заросшее сорняками огромное поле.

Сдвинув форменную фуражку, она запустила пальцы в свои густые рыжие волосы и принялась чесать зудевшую от пота голову. Амелия повторила эту процедуру несколько раз: капельки соленой влаги стекали по лбу и пропитывали ее брови.

«Последние два часа на улице, — думала она. — Ничего, с этим можно смириться».

Сакс добралась до кромки кустов, и тут, впервые за утро, вдруг ощутила беспокойство. За ней явно кто-то наблюдал.

Горячий ветер шуршал в высохших ветвях, а по шоссе проносились грузовики и легковушки, въезжая и выезжая из Линкольн-Тоннеля. Женщина задумалась о том, как должен вести себя в подобном случае патрульный офицер. Амелия отдавала себе отчет, что в таком шумном городе к ней могут подобраться сзади на расстояние, достаточное для удара ножом, а она ничего и не услышит.

Она резко обернулась.

Ничего. Только сухие листья, ржавеющие останки техники и прочий хлам.

Она взобралась на груду камней и поморщилась.

Амелия Сакс в возрасте тридцати одного года — *всего*тридцати одного, как говорила ее мать, — уже страдала артритом. Эту болезнь она унаследовала от своего деда, в то время, как мать наградила ее гибкой и стройной фигурой, а отец — привлекательностью и чувством здорового карьеризма (оставалось непонятным только наличие рыжих волос на голове). Еще один приступ боли в ногах настиг ее, когда Амелия, пробравшись через заросли кустов, остановилась на самом краю довольно крутого спуска, длиною около тридцати футов.

Перед нею простирался глубокий каньон, врезанный в коренные скальные породы Западной стороны, по которому были проложены железнодорожные пути северного направления.

Она прищурилась, вглядываясь в обрывистые склоны, уходящие вдаль.

Что это?

Участок перекопанной земли и нечто, напоминающее корявую ветку, воткнутую в небольшой холмик. Похоже, что это...

О Господи, не может быть!..

Ее всю передернуло от открывшегося ей зрелища: к горлу подступила тошнота, а кожу покрыли крупные мурашки. Женщине с трудом удалось справиться с желанием отвернуться и сделать вид, что она ничего не заметила.

Он надеялся, что жертва мертва. Для ее же блага.

Амелия бросилась к железной лестнице, ведущей вниз, к рельсам. Она уже протянула руку к металлическим перилам, но тут же отдернула ее. Черт! Преступник мог уходить этим же путем, и на поручнях в этом случае должны были остаться отпечатки пальцев. Тогда мы поступим вот как. Глубоко вздохнув, чтобы несколько умерить боль в суставах, она принялась спускаться прямо по крутому откосу. Начищенные по поводу ее нового назначения до зеркального блеска туфли скользили по камню. Когда до земли оставалось фута четыре, она спрыгнула и побежала к могиле.

— Бог ты мой!..

То, что она приняла за торчащую из земли ветку, оказалось человеческой рукой. Труп был захоронен вертикально, с таким расчетом, чтобы из-под насыпанного холмика земли выглядывали предплечье и кисть. Амелия уставилась на ее безымянный палец: вся плоть с него была содрана, а коктейльное кольцо с бриллиантом, видимо, снятое до этого, было вновь надето на кровоточащие лохмотья.

Сакс опустилась на колени и принялась раскапывать землю. Грунт так и летел из-под ее ладоней — так обычно роются собаки. Она обратила внимание на то, что остальные пальцы застыли в самом неестественном положении, что говорило об одном: жертва была еще жива, прежде чем последняя лопата засыпала ее с головой.

Не исключено, что она еще жива и сейчас. Амелия яростно раскидывала податливую почву, не обращая внимания на то, что порезалась осколками бутылки, и теперь ее кровь брызгала во все стороны, смешиваясь с землей. Вот, наконец, показались волосы и лоб неприятного, серо-синюшного оттенка. Так бывает вследствие

недостатка кислорода. Сакс продолжала копать, пока не очистила лицо жертвы: пустые, застывшие глаза и рот, искаженный гримасой ужаса.

Несмотря на дамское кольцо, захороненным оказался мужчина плотного телосложения, лет примерно пятидесяти с небольшим. Мертвый и неподвижный, как и похоронившая его земля.

Она выпрямилась и, не отрывая взгляда от глаз покойника, сделала шаг назад, едва не споткнувшись о рельсы. Целую минуту она не могла думать ни о чем, кроме того, что нелепо и страшно умирать подобным образом.

Потом она пришла в себя. "Итак, дорогуша, давай, — подбодрила себя Амелия. — Имеется место преступления, жертва, а ты все-таки офицер полиции и знаешь, что надо делать.

Следуем правилу пяти пунктов:

1. Арестовать преступника, если таковой известен.

2. Задержать свидетелей или подозреваемых.

3. Осмотреть место преступления.

4... Черт побери! Что же там четвертое?" Сакс склонила голову к микрофону:

— 5885 вызывает Центральную. Обнаружен труп возле железной дороги между 38-й и 11-й. Убийство. Требуются детективы, эксперты-криминалисты, автобус и выездной врач. Как поняли?

— Вас понял, 5885. Преступник арестован?

— Пока не найден.

— 5885, вас понял.

Амелия снова уставилась на ободранный до кости палец с совершенно неуместным кольцом и на лицо, изуродованное гримасой. Женщину снова всю передернуло. Когда-то ей приходилось плавать по рекам в окружении змей и прыгать со стофутовой высоты на тарзанке. Она хвасталась, что не испытывала при этом ни малейшего страха. Но стоило ей только подумать о замкнутом пространстве... Если бы ее связали и обездвижили, она ударилась бы в такую панику! Для Сакс это было сродни электрошоку. Вот почему она предпочитала передвигаться быстрым шагом или ездить на большой скорости. *Когда ты в движении, тебя трудно поймать*...До ушей Амелии донесся какой-то неясный

шум, и она склонила голову, прислушиваясь. Грохот усиливался. Над рельсовыми колеями запорхали обрывки газет и закрутились, словно рассерженные призраки, маленькие пылевые смерчи.

Воздух разорвал пронзительный гудок поезда. Патрульный офицер Амелия Сакс, небольшого роста и хрупкого телосложения, стояла, наблюдая, как на нее надвигается бело-красно-синяя тридцатитонная металлическая громадина локомотива «Амтрак» со скоростью десять миль в час.

— Немедленно остановитесь! Эй, вы там! — закричала она. Машинист, казалось, проигнорировал ее вопли. Амелия бросилась навстречу поезду, держась посредине колеи и размахивая руками, приказывая составу затормозить. Завизжав колесными парами, локомотив нехотя остановился. Машинист высунулся из окна.

— Туда ехать нельзя, — категорично заявила Сакс. Пока тот интересовался причинами, она невольно подумала о том, что парень слишком молод, чтобы управлять таким огромным механизмом.

— Там, чуть дальше, место преступления. Пожалуйста, выключите двигатель.

— Леди, но я не вижу никаких следов преступления, — возразил машинист.

Но Сакс не слушала его и смотрела туда, где наверху, сквозь прогалину в кустарниках, была видна часть путепровода 11-й улицы. Именно через этот промежуток и можно было, припарковав машину на 11-й, незаметно перетащить сюда тело. На перекрестке же с 37-й человека с такой ношей заметили бы не менее дюжины людей, окна домов которых выходили туда.

— Оставьте поезд на месте, — повторила Амелия.

— Но я не могу этого сделать.

— Я прошу вас немедленно выключить двигатель.

— На таких поездах просто так это сделать невозможно. Двигатель работает постоянно.

— Соединитесь с диспетчерской или еще с кем-нибудь. Пусть они остановят поезда, двигающиеся навстречу вашему.

— Это невозможно.

— Имейте в виду, что номер вашего транспортного средства я запомнила.

— Транспортного средства? — удивился машинист.

— Предлагаю вам немедленно выполнить распоряжение офицера полиции! — рявкнула Амелия.

— И как вы намерены поступить? Выписать мне штраф?

Но Амелия Сакс, не слушая его, опять карабкалась по каменной стене. При каждом шаге суставы ее похрустывали, а на губах ощущался смешанный привкус известковой пыли, глины и собственного пота. Выбравшись, она устремилась к проезду, который увидела снизу. Здесь она остановилась и принялась осматривать тот перекресток, где 11-я вплотную подходила к Джевитс-центру. Здесь уже собралось множество народу, включая бесчисленных корреспондентов. Огромный плакат провозглашал: «Добро пожаловать участникам конференции ООН». Но это было сейчас, а утром, когда местность здесь пустынна, преступник без труда мог незаметно оставить машину и перенести жертву к железной дороге. Амелия прошлась по 11-й улице, заглядывая в переулки, уже запруженные транспортом.

Пора приниматься за дело.

Она направилась в самую гущу машин, заставляя их водителей изменить направление движения. Некоторые пускались в объезд, но многие были недовольны, и Сакс пришлось даже выписать пару штрафов. Чтобы не допустить транспорт к месту преступления, Амелия решилась выстроить нечто вроде баррикады из мусорных баков почти до середины улицы.

Наконец-то она вспомнила четвертый пункт правил: принять меры к ограждению места происшествия.

Туманный утренний воздух все больше наполнялся нетерпеливыми гудками автомобилей, к которым примешивались возмущенные выкрики водителей. Спустя некоторое время в этой какофонии зазвучали сирены полицейских машин.

Не прошло и получаса, как вся прилегающая местность оказалась буквально наводненной целой сворой следователей, экспертов, агентов и медиков. Пожалуй, их было чересчур много даже для такого чудовищного события, как насильственная смерть. Однако Сакс узнала от другого полицейского, что это преступление имело большое значение

и за него с удовольствием ухватились бы средства массовой информации. Дело в том, что убитым оказался один из пассажиров, прилетевших вчера вечером в аэропорт Кеннеди. Он и его спутница взяли такси и направлялись в город, но до дома так и не добрались.

— Ребята из Си-Эн-Эн уже здесь, — прошептал один из полицейских.

Поэтому Амелия и не удивилась, увидев светлую шевелюру Винса Перетти, шефа Центрального следственного управления, который, осмотрев место преступления, выбрался на набережную и теперь задумчиво отряхивал свой дорогой костюм от известковой пыли.

Однако она изумилась, когда он сделал ей приглашающий жест рукой и даже попытался изобразить улыбку на своем чисто выбритом лице. Ей почему-то показалось, что она должна получить от него кивок одобрения за то, что умудрилась сохранить место преступления в неприкосновенности, хотя это входило в ее обычную рутинную работу. А может быть, даже благодарность в приказе за то, что оставила нетронутыми возможные отпечатки пальцев на поручнях металлической лестницы, отважно пробираясь вниз по каменному утесу. Последний день ее патрульной службы. Что ж, она уйдет с нее в блеске славы.

Перетти мерил ее взглядом, осматривая с ног до головы:

— Женщина-патрульный... Надеюсь, вы не новичок?

— Извините... — Непонимающе начала Амелия и запнулась.

— Я полагаю, вы далеко не новичок в своей работе. Она не была новичком, поскольку прослужила уже три года. Правда, большинство патрульных ее возраста отдали этой работе лет по десять. Несколько лет, перед тем, как поступить в академию, она проработала в охране.

— Я не совсем поняла ваш вопрос, сэр.

Он выглядел изможденным, и улыбка постепенно исчезла с его губ:

— Вы были здесь первым офицером полиции?

— Да, сэр.

— О чем вы думали, когда перекрыли движение по 11-й улице?

Амелия посмотрела на широкую магистраль, до сих пор перегороженную вытащенными ею на проезжую часть мусорными баками. За это время она уже успела привыкнуть к бесконечным сигналам автомобилей, но теперь, посмотрев на улицу, увидела, что вереница машин выстроилась

уже на несколько миль. Кроме того, здесь действительно становилось чересчур шумно.

— Сэр, задача офицера полиции состоит в том, чтобы арестовать преступника, задержать подозреваемых, оградить... — начала Сакс, но Перетти прервал ее:

— Правило пяти пунктов я знаю не хуже вас, офицер. Так вы перекрыли движение, чтобы оградить место преступления?

— Да, сэр. Преступник не оставил бы машину на перекрестке, откуда ее видели бы из окон жилых домов. Вон там, сэр. Одиннадцатая же — самое подходящее место.

— Вы поступили неправильно. На этой стороне улицы мы не обнаружили никаких следов, а те, которые начинаются у лестницы, уходят на 37-ю.

— Я перекрыла и ее.

— Вот именно. Этим и следовало ограничиться. А поезд? Его-то зачем вы остановили?

— Я полагала, что поезд, проходя, может нарушить картину на месте преступления. Или что-то в этом роде.

— В каком еще роде, офицер?!

— Простите, я неправильно выразилась. Я имела в виду...

— А как насчет аэропорта Ньюарк?

— Да, сэр. — Амелия беспомощно оглянулась по сторонам, словно ожидая поддержки от коллег, толпившихся вокруг. Но те были заняты своими делами и не обращали на их беседу никакого внимания. — Что именно насчет Ньюарка?

— Почему вы заодно не закрыли и аэропорт?

Ну, вот, ее отчитали, словно школьницу! Амелия обиженно поджала красиво очерченные, как у Джулии Роберте, губы, и вполне резонно заметила:

— Сэр, мне казалось весьма вероятным, что... — В таком случае, следовало заняться и магистралями Нью-Йорка, и Джерси, и шоссе Лонг-Айленда 1-70, и так до самого Сент-Луиса, поскольку их тоже можно считать вероятными путями отхода преступника.

Чуть опустив голову, она продолжала смотреть в глаза Перетти. Мужчина и женщина были примерно одного роста, только первый носил туфли с высокими каблуками.

— Меня уже замучили звонками и начальник полиции, и представитель портовых властей, и секретариат ООН, и директор вот этого местечка, — тут он мотнул головой в сторону Центра. — Мы обгадили все расписание Конференции. Коту под хвост пошли и речь сенатора, и выступление мэра, не говоря уже о том, что на дорогах всего западного берега царит полная неразбериха. Железная дорога проходит в пятидесяти футах от места, где обнаружена жертва, а улица, которую вы перекрыли — в двухстах футах в сторону, да еще и на тридцать футов выше. Даже ураган Ева не смог так оттрахать северо-восточное направление Амтрак, как это удалось вам.

— Я просто подумала...

Перетти улыбнулся. Сакс была красивой женщиной, и ее прежняя работа по охране фотомоделей на Мэдисон-авеню добавила ей шарма. Поэтому он решил простить ее.

— Патрульный офицер Сакс, — он взглянул на пластинку с ее именем, прикрепленную к бронежилету. — Думаю, этот урок не пройдет для вас даром. Работа на месте преступления не должна нарушать общей гармонии. Конечно, было бы прекрасно, если бы после каждого убийства мы могли бы огородить полгорода и задержать миллиона три подозреваемых. Но это, конечно, невозможно. Поэтому постарайтесь находить впредь более конструктивные решения.

— Дело в том, сэр, — уже более решительно заметила Амелия, — что меня сегодня переводят с патрульной службы. Ровно в полдень.

Перетти кивнул и весело улыбнулся:

— Тогда сказанного мною вполне достаточно. Тем не менее, укажите в отчете, что остановка поезда и перекрытие движения по улицам — целиком ваша инициатива.

— Да, сэр. Не возражаю, потому что так оно и было.

Он что-то записал в черный блокнот порывистыми движениями руки.

Когда же это кончится...

— А теперь уберите эти мусорные баки и займитесь регулировкой движения. Все ясно?

Не отвечая ни слова. Сакс повернулась и направилась к улице, где начала неторопливо разбирать возведенную ею преграду. Каждый проезжавший мимо водитель считал своим долгом обругать ее последними словами. Сакс посмотрела на часы.

Оставалось ровно шестьдесят минут.

Ну, с этим еще можно смириться.

Глава вторая

С тугим хлопаньем крыльев сокол-сапсан уселся на карниз. Утренний свет был чист и прозрачен, что предвещало жаркий день.

— А вот и ты, — прошептал мужчина и склонил голову, прислушиваясь к трели звонка, прозвучавшей у входной двери.

— Это он? — крикнул мужчина в направлении лестницы. Не дождавшись ответа, Линкольн Райм вновь посмотрел в окно. Голова сокола рывком повернулась в его сторону. У птицы это движение никогда не получалось плавным. Райм обратил внимание, что ее когти испачканы кровью. Кусок желтоватой плоти свисал с черного, крючковатого клюва. Сокол вытянул короткую шею в сторону гнезда, движением, больше напоминавшим змеиное, нежели птичье. Потом он уронил кусок мяса в распахнутый рот голубоватого пушистого птенца. «Я смотрю на единственного хищника в этом городе, — думал Райм, — которому нечего и некого бояться, кроме, разве что. Господа Бога». Он услышал шаги. Кто-то поднимался по лестнице.

— Это был он? — спросил мужчина Тома.

— Нет, — коротко ответил молодой человек.

— А кто тогда? Ведь прозвенел звонок, не так ли?

Том повернулся к окну:

— Птица вернулась. Посмотрите, карниз испачкан кровью. Вам видно отсюда?

На фоне неба появилась голова сокола-самки, перья которой отливали металлическим блеском.

— Они постоянно держатся вместе. Они, что, образуют пары на всю жизнь, как и гуси? — вслух рассуждал Том.

Линкольн посмотрел на молодого человека, который, изогнувшись, разглядывал гнездо сквозь грязное забрызганное стекло.

— Так кто это был? — повторил свой вопрос Райм. Молодой человек тянул с ответом, и Линкольна это раздражало.

— Посетитель.

— Посетитель? Ну-ну, — хмыкнул Райм. Он попытался вспомнить, когда к нему приходили последний раз. Месяца три назад? Кто же это был? Кажется, корреспондент или какой-то дальний родственник. Ах, да! Питер Тейлор — специалист по болезням позвоночника. Да, несколько раз заходила Блэйн, но ее никак нельзя причислить к разряду посетителей.

— Наверное, им холодно, — заметил Том и попытался открыть окно. Молодость всегда принимает скоропалительные решения.

— Не надо его открывать, — остановил его Райм. — И скажи, наконец, черт возьми, кто пришел.

— Им холодно.

— Ты только побеспокоишь их. Если хочешь, можешь выключить кондиционер. Да я и *сам*его выключу.

— Мы поселились здесь первыми, — Том не оставлял попыток приподнять оконную раму. — Когда соколы свили здесь гнездо, они знали, что место уже занято. — Птицы свирепо смотрели в ту сторону, откуда раздавался шум. Впрочем, они всегда так смотрели. Соколы сидели, вцепившись когтями в карниз, и важно озирали принадлежащие им владения, простиравшиеся до самого парка с поникшими от жары деревьями.

— Кто пришел? — не отступал Райм.

— Лон Селитто.

— Лон?

Что ему здесь надо?

Том оглядел комнату, в которой царил полнейший беспорядок, о чем он тут же поставил в известность Райма.

Райму никогда не нравилась суета, возникавшая в доме во время уборки. Его всегда раздражали шум и гудение пылесоса. Линкольна вполне

удовлетворяло состояние его комнаты, которую он считал своим офисом. Она находилась на втором этаже домика в готическом стиле, расположенном в западной части города на границе Центрального Парка. Комната имела большую площадь — двадцать на двадцать футов, и на каждом из них «проживали» дорогие Райму вещи. Иногда Линкольн расслаблялся следующим образом: он закрывал глаза и пытался определить, чем пахнет та или иная вещь в его комнате.

Например, тысячи книг и журналов, стопки альбомов с фотографиями, напоминавшие Пизанскую башню, радиодетали и телевизионные блоки, пыльные электрические лампочки и всевозможные справочники. Винил, латекс, перекись водорода. Обивка мебели.

Три разных сорта шотландских виски.

Соколиный помет.

— Я не хочу его видеть. Скажи, что я сейчас очень занят.

— С ним пришел молодой полицейский. Эрни Бэнкс. Нет, по-моему, это игрок в бейсбол, если не ошибаюсь. Вам все же следовало бы разрешить мне провести здесь уборку, — заворчал Том. — Иногда мы не замечаем, до чего же у нас грязно, пока нам не нанесут визит посторонние люди.

— Визит? Как это чудно прозвучало. Я бы даже сказал, старомодно. А вот как понравится следующая фраза: пошли-ка вы все отсюда к чертовой матери! Кажется, это что-то из декадентского этикета.

Беспорядок...

И хотя Том, без сомнения, имел в виду бардак только в комнате, Райму почему-то показалось, что помощник подразумевал и своего босса.

Волосы у Линкольна оставались по-прежнему черными и густыми, как у двадцатилетнего юноши (хотя он был вдвое старше), но пряди перепутались и торчали в разные стороны: вечно грязные и непричесанные, они могли вызвать лишь чувство брезгливости. Его щеки покрывала противная трехдневная щетина. К тому же, сегодня утром Райм проснулся с неприятным покалыванием и щекотанием в ухе, что означало одно: о волосках, растущих на разных частях лица, также следовало бы позаботиться. Ногти оставляли желать лучшего, как на руках, так и на ногах. И что уж говорить об одежде, которую он не менял неделями, постоянно находясь в одной из своих омерзительных пижам «в горошек». Глаза у Райма были узкие, темно-карие, но, в общем и целом, как когда-то неоднократно повторяла Блэйн, лицо его можно было назвать страстным и иногда даже красивым.

— Они хотят поговорить с вами, — продолжал Том, — и несколько раз повторили, что это очень важно.

— Вот пусть своими делами сами и занимаются.

— Но вы ведь не виделись с Лоном почти год.

— Ну и что с того? Разве это означает, что я обрадуюсь ему сегодня? Кстати, ты случайно не спугнул птиц? Если так, я на тебя рассержусь.

— Это очень важно. Линкольн, — подчеркнул Том.

— Ах, даже так! Я помню, ты уже мне говорил. Где же тот проклятый врач? Мог бы уже и позвонить. Кстати, я немного вздремнул, когда ты уходил, так что мы могли прозевать его звонок.

— Да вы проснулись уже в шесть утра и с тех пор не засыпали, — Том тут же уличил босса во лжи.

— Не совсем так. — Райм задумался. — Да, я проснулся рано, это верно. А потом заснул снова, причем достаточно крепко. Ты проверял сообщения на автоответчике?

— Да, — хладнокровно заметил Том. — Но доктор вам не звонил.

— Он обещал приехать ко мне ближе к полудню.

— Вот видите, а сейчас половина двенадцатого. Может быть, пока нет никаких причин беспокоиться? Не мог же он пропасть бесследно. Как вы считаете? Рано или поздно объявится.

— Ты случайно сам не висел на телефоне? — снова заворчал Райм. — Может быть, он просто не смог к нам пробиться?

— Я всего-навсего позвонил...

— А я разве что-то сказал? — тут же перебил Райм. — Ну, вот, ты уже начинаешь сердиться. Я вовсе не против того, что ты звонишь туда, куда тебе нужно. Пожалуйста. Я всегда разрешал тебе пользоваться телефоном. Я только имел в виду то, что вдруг он звонил нам как раз в тот момент, когда линия была занята.

— Нет, вы имели в виду то, что сегодня утром будете вести себя как зануда.

— Вот, начинается. Ты знаешь, можно достать такую штучку для телефона, чтобы можно было одновременно прослушивать два звонка.

Вот нам бы такую! Так что же все-таки хочет мой старый приятель Лон? И *его*друг, который играет в бейсбол?

— Спросите у них сами.

— Я спрашиваю *у тебя*.

—Они хотят увидеться с вами. Это все, что мне известно.

— И поговорить о чем-то о-о-очень ва-а-ажном.

— Линкольн, — с вздохом произнес Том и замолчал. Симпатичный молодой человек пригладил рукой свои светлые волосы. На нем были светло-коричневые брюки, белоснежная Рубашка и изящно повязанный, синий в цветочках галстук. Когда полгода назад Райм принимал его на работу, то сказал Тому, что тот может носить хоть джинсы с футболками, хотя последний предпочитал одеваться строго и со вкусом. Райм не мог сказать себе, что именно эта деталь повлияла на его решение оставить при себе Тома, но, видимо, так оно и было. Ни один из его предшественников не продержался у Линкольна более полутора месяцев. Причем, число ушедших по собственному желанию равнялось количеству тех, кому указал на дверь сам Райм.

— Ну хорошо, и что же ты им сказал?

— Попросил подождать несколько минут, чтобы убедиться, что вы их примете. Ненадолго.

— Значит, ты поступил таким образом, даже не спросив меня. Ну, спасибо.

Том отступил на несколько шагов и крикнул в пролет лестницы:

— Входите, джентльмены.

— Но они успели тебе о чем-то сказать, — не унимался Райм. — Ты явно чего-то недоговариваешь.

Том ничего не ответил, и Райму только оставалось наблюдать, как к нему приближаются двое. Как только они вошли в комнату, первым заговорил сам хозяин, обращаясь к Тому:

— Задерни занавески на окне. Ты и без того растревожил птиц.

Это означало, что Линкольн уже получил свою дозу солнечных лучей.

……

Безмолвие.

Со ртом, заклеенным отвратительной липкой лентой, не в состоянии произнести ни слова, она чувствовала себя более беспомощной, чем от наручников на запястьях. Чем от грубых прикосновений его рук к ее телу.

Таксист, не снимая натянутой на лицо лыжной шапочки, потащил ее вниз по узкому, сочащемуся влагой коридору, по стенам которого тянулись бесконечные ряды труб. Она находилась сейчас в подвале какого-то учреждения, но не могла понять, где именно.

«Если бы я только могла с ним поговорить...»

Ти-Джей Колфакс по натуре была игроком и настоящей хитрой сучкой Моргана Стенли, способной вести любые переговоры.

«Деньги? Вам нужны деньги? — рассуждала она про себя. — Я могу достать их много. Очень много, целые бушели денег».

Ти-Джей повторяла эти слова снова и снова, пытаясь заглянуть в глаза похитителю, словно намереваясь внедрить свою мысль ему в мозг.

«Пожалуйста-а-а-а!» — молила она и мысленно представляла себе возможность обналичивания денег со счетов, вплоть до передачи в качестве выкупа своих пенсионных накоплений.

Она вспоминала во всех деталях минувший вечер: как водитель отвернулся от фейерверка, как вытащил ее и Джона из машины и надел на них наручники. Затем таксист погрузил обоих в багажник, и машина снова поехала. Сначала по крупной щебенке и разбитому асфальту, затем дорога сделалась гладкой, потом снова неровной. Наконец, такси остановилось и, судя по звуку, водитель отправился открывать какие-то ворота. Скорее всего, гаража. Городской шум исчез, зато выхлоп мотора звучал громко и гулко, что указывало на то, что они находятся в каком-то помещении.

Затем крышка багажника открылась, и водитель выволок Ти-Джей наружу. Грубым рывком он сдернул с ее пальца кольцо с бриллиантом и сунул его в карман. Потом он потащил ее вдоль стены, с которой на нее пустыми глазницами смотрели полустертые портреты: она успела заметить изображение дьявола и трех скорбящих детей, еле угадывающееся на облупившейся штукатурке. Он затащил Ти-Джей в

сырой, покрытый плесенью подвал и швырнул на пол. Потом водитель чем-то стучал наверху, оставив ее в темноте, пропитанной отвратительным запахом гниющей плоти и слежавшегося мусора. Она пролежала здесь несколько часов, иногда принимаясь плакать, иногда засыпая. Где-то совсем рядом раздался взрыв, разбудивший ее, после чего Ти-Джей снова овладела тяжелая дремота.

Полчаса назад он вернулся за ней, вытащил из подвала, снова затолкал в багажник, они опять куда-то ехали минут двадцать, и вот теперь она *здесь*.

Они вошли в какой-то темный подвал, посреди которого вертикально торчала толстая черная труба. Водитель приковал к ней девушку, заведя ее руки назад и, потянув за ноги, вынудил сесть на пол. Наклонившись над ней, он связал ноги Ти-Джей тонкой веревкой, на что ушло несколько минут. Женщина обратила внимание, что похититель не снимал кожаных перчаток. Он выпрямился и некоторое время смотрел на нее. Затем снова нагнулся и разорвал на ней блузку. После этого таксист зашел сзади, и Ти-Джей задохнулась от ужаса, когда он начал ощупывать ее плечи и лопатки.

Она плакала и все пыталась издать хоть какой-то звук сквозь заклеивающую рот ленту.

Она знала, чем все это кончится.

Его пальцы скользнули по ее предплечьям, передвигаясь вперед, но не коснулись груди, а, как паучьи лапы, пробежались по ребрам. Он поглаживал и ощупывал их. Ти-Джей задрожала и сделала неловкую попытку уклониться, но мужчина стиснул ее, ощущая руками гибкость ее костей.

Потом он выпрямился, и она услышала удаляющиеся шаги. Долгое время вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь свистом воздуха в трубах кондиционеров и гулом работающих лифтов. Внезапно, услышав сзади странный повторяющийся свистяще-шипящий звук, она от страха издала нечленораздельный хрюкающий стон. Звук показался ей знакомым, только Ти-Джей никак не могла вспомнить, что он значит. Она попробовала повернуться, но это оказалось невозможным. Что же это? Прислушавшись к ритмично повторяющемуся звуку, женщина почему-то представила себе родительский дом.

Теннеси. Субботнее утро в небольшом бунгало в городке Бедфорд. Это был единственный день, когда ее мать не работала и целиком посвящала себя уборке дома. Маленькая Тэмми просыпалась, когда солнце уже начинало припекать, и отправлялась на первый этаж помогать матери.

Сейчас, прислушиваясь к странному звуку, она расплакалась, думая о том, зачем, во имя всего святого, этому страшному человеку понадобилось так тщательно и равномерно возить веником по полу...

......

По их лицам он сразу понял, что они оба удивлены и чувствуют себя неуверенно.

Хотя полицейские, занимающиеся расследованием убийств, очень редко оказываются в подобных ситуациях.

Лон Селитто и молодой Бэнкс (кстати, Джерри, а не Эрни) сразу же сели туда, куда движением косматой головы указал им хозяин, — на пыльные и расшатанные плетеные стулья, готовые вот-вот развалиться.

Райм сильно изменился с тех пор, когда Селитто видел его в последний раз, и детектив не мог скрыть своего удивления, даже шока. Бэнксу было не с чем сравнивать состояние Линкольна, но, тем не менее, он тоже пришел в ужас от того, что ему пришлось здесь увидеть. Грязная, неубранная комната и блуждающий взгляд хозяина, осматривающего их с ног до головы. Запах был почти невыносим. Впрочем, именно так и должно, наверное, было пахнуть в затхлых, непроветриваемых помещениях, где живут люди, подобные Райму.

Линкольн уже успел пожалеть о том, что позволил этим двоим подняться сюда.

— Почему же ты не позвонил мне заранее, Лон?

— Ты бы послал меня подальше. И он не ошибался.

Том возник возле лестницы и вопросительно посмотрел на своего босса, но тот успел опередить помощника:

— Нет, Том, ты нам не нужен. — Линкольн вовремя вспомнил что усердный юноша каждый раз непременно спрашивал гостей, не желают ли они что-нибудь выпить или поесть.

Просто Марта Стюарт в брюках!

На какое-то время в комнате воцарилось неловкое молчание. Первым решился заговорить Селитто. Этот огромный, чуть взъерошенный полицейский с двадцатилетним стажем был достаточно крепок духом, и мало что могло удивить или расстроить его. Однако, что бы он ни намеревался поведать, слова тут же застряли у него в горле, когда он

бросил взгляд на коробку, стоящую у кровати Райма, с одноразовыми подгузниками для взрослых.

— Я читал вашу книгу, сэр, — робко начал Джерри Бэнкс. Как успел заметить Райм, этот парень еще не научился как следует пользоваться бритвой, и на его лице оставалось множество следов от порезов после бритья. А как лихо закручен у него чубчик! Господи, да ему не дашь больше двенадцати, раз уж на то пошло. «Чем больше стареет мир, — отметил про себя Линкольн, — тем моложе начинают казаться его обитатели».

— Какую именно?

— Ну, разумеется, учебник по криминалистике. Но я имел в виду приложения с фотографиями. Тот, второй вариант, который вышел пару лет назад.

— Там кроме картинок еще и слова есть. Вы не забыли их прочитать? — съязвил Райм.

— Ну да, конечно, — смутился Бэнкс. У одной стены были выстроены пачки нераспроданного тиража «Места преступления».

— Я и не знал, что вы с Лоном друзья, — сообщил Бэнкс.

— Неужели Лон не щегольнул тем, что о нас упоминали в книге «Лучшие люди года»? И не показывал свои фотографии? Не закатывал рукава, чтобы продемонстрировать шрамы и заметить при этом: «А вот эти раны я получил еще тогда, когда мы работали вместе с Линкольном Раймом»?

Селитто даже не улыбнулся. «Ну, хороню, — подумал он, — я могу показать тебе такое, что у тебя будет еще меньше поводов для улыбки». Старший детектив принялся рыться в своем кейсе. «Интересно, с чем он ко мне заявился?» — мелькнуло в голове Линкольна.

— И сколько же времени вы были напарниками? — продолжал Бэнкс, пытаясь заполнить паузу.

— Это к тебе вопрос, — Райм посмотрел на часы.

— Мы не были напарниками, — поправил Селитто. — Я занимался убийствами, а он был главой следственного управления.

— Ого! — уважительно заметил Бэнкс. Место главы Центрального аппарата считалось одним из самых престижных во всем полицейском департаменте.

— Именно так, — подтвердил Райм, глядя в окно на небо с таким видом, словно врач должен был прилететь к нему на соколе. — Два мушкетера.

Спокойным тоном, который так бесил Линкольна, Селитто заметил:

— Целых семь лет мы работали рука об руку.

— И очень неплохих лет, — так же бесстрастно отозвался Райм.

При этих словах Том нахмурился, но Селитто сделал вид, что ничего не заметил. Скорее, даже проигнорировал. Вместо этого он заявил:

— У нас появились проблемы, Линкольн. Требуется твоя помощь.

Шлеп! Целая пачка бумаг очутилась на прикроватном столике.

— Помощь? — Ноздри Райма затрепетали от смеха. Как отзывалась об этой части лица Блэйн, «этот нос похож на удачное творение пластического хирурга». Что на самом деле не соответствовало истине. Также ей казалось, что у Линкольна идеальный рисунок губ. («Необходимо добавить шрам», — как-то пошутила она, и действительно, в одной из их бесконечных схваток он чуть было не заработал его.) «Но почему же, — удивлялся Райм, — ее чувственные видения до сих пор волнуют меня?» Вот и сегодня он проснулся с мыслью о своей бывшей жене и решил написать ей письмо. В настоящий момент оно уже было набрано на компьютере, и Райм сбросил его на жесткий диск. В комнате повисла тишина, пока Линкольн одним пальцем набирал на клавиатуре команду.

— Линкольн? — обратился к нему Селитто.

— Да, сэр. Я уже слышал, что от меня требуется помощь. Бэнкс продолжал глупо и неуместно улыбаться, ерзая и пытаясь поудобнее пристроить свою задницу на жестком сидении.

— У меня назначена встреча, которая может состояться в любую секунду, — сообщил Райм.

— Встреча?

— Это врач.

— Серьезно? — спросил Бэнкс, лишь бы хоть как-нибудь нарушить тягостную тишину, вновь повисшую в комнате.

Селитто, словно не понимая, о чем идет речь, неуверенно спросил:

— А как твои дела?

Бэнкс и Селитто не подумали поинтересоваться его здоровьем, когда явились сюда. Впрочем, при виде Линкольна Райма другие люди тоже избегали задавать подобный вопрос. Ответ мог оказаться неожиданным, долгим и очень неприятным.

— Все хорошо, спасибо. А у тебя? Как Бетти? — просто ответил Райм.

— Мы развелись, — так же быстро и непринужденно ответил Селитто.

— Неужели?

— Ей остался дом, а я получил половину ребенка. — Коренастый полицейский произнес это с натянутой улыбкой, словно данную фразу ему приходилось в последнее время произносить довольно часто. Однако по его тону Райм сразу понял, что за этим незамысловатым объяснением таится весьма неприятная и болезненная история. Во всяком случае, сам Линкольн не хотел бы ее сейчас выслушивать. Впрочем, Райм и не удивился тому, что их брак окончился подобным образом. Селитто был рабочей лошадью, одним из лучших сотрудников полиции, отдававшим службе по восемьдесят часов в неделю. Первые несколько месяцев совместной работы Райм даже не предполагал, что Селитто женат.

— И где ты сейчас обитаешь? — Райм надеялся, что подобный разговор на бытовые темы вскоре утомит Лона, и гостей можно будет выпроводить.

— В Бруклине. На работу могу ходить пешком. Ты ведь помнишь, что я постоянно сидел на различных диетах? А оказалось, что дело не в них, а в том, что надо побольше двигаться.

Он выглядел не толще и не худее, чем тот Лон Селитто, которого Райм знал три с половиной года тому назад. Или даже пятнадцать лет, если уж на то пошло.

— Так вы говорили, что ждете врача? — вступил в разговор Бэнкс. — Наверное, для того чтобы...

— Назначить новый курс лечения, — закончил за него фразу Райм. — Именно так.

— Надеюсь, он вам поможет.

— *Огромное*вам спасибо.

Часы показывали 11:36. Утро заканчивалось. Опоздание для человека, посвятившего себя медицине, непростительно.

Линкольн обратил внимание, что глаза Бэнкса уже дважды останавливались на ногах хозяина квартиры. Встретившись взглядом с этим прыщавым юнцом, Райм не удивился, заметив, что тот покраснел.

— Итак, — начал Райм, — боюсь, что у меня действительно нет времени для помощи вам.

— Но ведь врач еще не пришел, — констатировал Лон Селитто все тем же пуленепробиваемым голосом, годным лишь на то, чтобы окончательно пригвоздить подозреваемого неопровержимыми уликами.

В дверях появился Том с кофейником в руках. «Твою мать!» — одними губами, неслышно пробормотал Райм.

— Линкольн забыл кое-что предложить вам, джентльмены.

— Том обращается со мной, словно с малым ребенком.

— Только когда он позволяет мне это, — парировал помощник.

— Ну, хорошо, пейте кофе, — огрызнулся Райм, — а я предпочитаю молоко от бешеной коровы.

— Не рановато ли? Бар еще не открыт, — возразил Том, без колебаний выдерживая недовольный взгляд Линкольна.

Глаза Бэнкса вновь принялись изучать тело Райма. Возможно, он ожидал увидеть здесь скелет, обтянутый кожей? Однако атрофия мышц остановилась вскоре после катастрофы, и первые лечившие Райма терапевты буквально изнасиловали его физическими нагрузками. Том тоже иногда становился настоящей задницей и, словно курица, пестующая своих цыплят, надоедал Линкольну, заставляя его делать гимнастику. При этом он еще скрупулезно заносил в специальную тетрадь данные о подвижности каждого сустава. Комбинация активной и пассивной методик занятий, конечно, не являлась панацеей, но, тем не менее, приносила определенные результаты, поддерживая общий тонус организма. Она благотворно влияла и на кровообращение, и на самочувствие в целом. Для человека, вся мышечная активность которого ограничивалась лишь подвижностью головы, плеч и безымянного пальца левой руки в течение трех с половиной лет, Райм находился в довольно приличной форме.

Молодой детектив отвернулся, стараясь не смотреть на панель управления универсальной инвалидной кроватью, соединенную

проводами и кабелями с еще одним коммутационным устройством, пристыкованным, в свою очередь, к компьютеру и экрану на стене. Кнопки управления приходились как раз под единственным движущимся пальцем Райма.

Жизнь инвалида, как заметил когда-то один из врачей Линкольна, это кнопки и провода. Богатого инвалида, разумеется. И счастливого.

Наконец, заговорил Лон Селитто:

— Сегодня рано утром на Западной стороне произошло убийство.

— К нам постоянно приходят материалы о пропавших бездомных мужчинах и женщинах, — включился в разговор Бэнкс, — и мы поначалу подумали, что это один из них. Но все оказалось гораздо сложнее и хуже, — с драматическими интонациями добавил он. — Убитым оказался один из прибывших вчера вечером людей.

— Каких еще людей? — Райм непонимающе уставился на испещренное угрями лицо детектива.

— Линкольн никогда не смотрит новости, — вмешался Том. — Если вы говорите о похищении, то ему об этом ничего не известно.

— Ты что, не интересуешься новостями? — невольно рассмеялся Селитто. — Раньше ты читал по четыре газеты в день, да еще выписывал сводку новостей, чтобы посмотреть их по телевизору, когда вернешься домой. Блэйн даже призналась как-то, что однажды ночью, занимаясь с ней любовью, ты назвал ее Кэти Курик.

— Теперь я увлекаюсь только художественной литературой, — заявил Райм, хотя это прозвучало помпезно и фальшиво.

— Литература — это новости, которые вечно будут новостями, — добавил Том.

Райм не стал комментировать его слова.

— Мужчина и женщина возвращались из деловой поездки, взяли в аэропорту Кеннеди такси, но до дома так и не добрались, — продолжал Селитто. — В одиннадцать тридцать вечера поступило сообщение, что такси с белыми мужчиной и женщиной на заднем сиденье направляется в Квинс. Со стороны было похоже, что они стараются выбить стекло в машине. Никаких значков или табличек, говорящих об их принадлежности к конференции, у них не было.

— А этот свидетель, ну, который видел такси, он о водителе что-нибудь сообщил?

— Нет.

— а о женщине-пассажирке?

— Тоже ничего.

Время шло, а доктор Уильям Бергер и не думал появляться. Райма начинало бесить такое наплевательское отношение к нему со стороны этого эскулапа.

— Неприятное происшествие, — рассеянно пробормотал он. Селитто глубоко вздохнул.

— Продолжай, продолжай, — подбодрил его Линкольн.

— У него было ее кольцо, — снова встрял Бэнкс.

— У кого и какое кольцо? — снова недопонял Райм.

— У жертвы. Сегодня утром была обнаружена жертва, а на пальце — кольцо женщины-пассажирки.

— А почему вы так уверены, что это именно ее кольцо?

— На внутренней стороне выгравированы ее инициалы.

— Значит, у нас имеется предпод, который намеренно оставил это кольцо. Следовательно, он хочет, чтобы мы знали: женщина в данное время находится у него, и она пока что жива.

— А что такое «предпод»? — удивился Том. Райм проигнорировал вопрос своего помощника, и на помощь Тому пришел Селитто:

— Предполагаемый подозреваемый.

— И вы знаете, что он сделал для того, чтобы кольцо налезло на его палец? — выпучив глаза больше, чем следовало, подключился Банкс.

— Заранее сдаюсь.

— Он срезал всю плоть с пальца у того парня. Всю, до самой кости!

Райм чуть заметно улыбнулся:

— Что ж, ваш малый — довольно сообразительный тип, не так ли?

— В чем же заключается его сообразительность?

— Ну, он просто подстраховался, чтобы никто из проходящих мимо не позарился на это колечко. Ведь оно наверняка было перепачкано кровью.

— Еще как!

— Во-первых, его становится не так заметно. Ну, а потом СПИД или гепатит… И даже те, кто увидит такой «сувенир», скорее всего, пройдут мимо, не рискнув снимать его. Каково же имя этой женщины, Лон?

Детектив кивнул напарнику, и тот сразу же открыл блокнот на нужной странице.

— Тэмми Джин Колфакс. Чаще ее зовут Ти-Джей. Двадцать восемь лет. Работает у Моргана Стенли.

Райм обратил внимание, что у Бэнкса на пальце тоже было кольцо. Видимо, какой-то талисман, возможно, еще со школьной скамьи. Хотя этот юноша был слишком уж лощеный, чтобы быть выпускником средней школы или полицейской академии. Никакого налета армейской службы у него и близко не наблюдалось. Райм не удивился бы, если внутреннюю сторону кольца украшала бы гравировка Йельского университета. И это — детектив по расследованию убийств?! Куда катится наш мир?!

Молодой детектив держал чашку с кофе обеими руками и периодически вздрагивал от озноба. Едва шевельнув безымянным пальцем над панелью «Эверест и Дженингс», Райм щелкнул одной из клавиш и выключил кондиционер. Рабочие манипуляторы постели он предпочитал использовать для более важных вещей, чем обогревание комнаты: например, включения света, управления компьютером и устройством, перелистывающим страницы. Правда иногда, когда в комнате становилось чересчур холодно, его одолевал насморк, а для инвалида это настоящая пытка.

— И никаких записок насчет выкупа? — поинтересовался Райм.

— Нет.

— Тебе поручено вести это дело? — обратился он к Селитто.

— Да, под руководством Джима Поллинга. Мне бы хотелось, чтобы ты ознакомился с отчетом по месту преступления.

— Я? — снова раздался сметок хозяина. — Я уже три года не читал никаких отчетов. Чем же я смогу вам помочь?

— Ты можешь здорово выручить нас, Линк.

— А кто сейчас стоит во главе следственного управления?

— Вине Перетти.

— А, сыночек конгрессмена, — вспомнил Райм. — Ну, вот пусть он и копается в этом деле.

— Мы бы все-таки предпочли тебя, — после секундного замешательства признался Лон.

— А кто это «мы»?

— Шеф и твой покорный слуга.

— Интересно, как отнесется к этому капитан Перетти, узнав, что вы выразили ему вотум недоверия? — Райм улыбнулся, как шаловливая школьница.

Селитто поднялся и принялся мерить шагами комнату, осматривая сложенные в стопки журналы и справочники: «Криминалистическое обозрение», каталог научного оборудования «Хардинг и Бойл», ежегодник криминалистических расследований Скотланд-Ярда и масса других брошюр и журналов, посвященных криминалистике.

— Вы только посмотрите, — кивнул Райм, — срок подписки на этот хлам давно закончился. Они все уже пылью покрылись.

— Да здесь все уже плесенью поросло, Линк! — не выдержал Селитто. — Почему бы тебе не собраться и не навести в этом хлеву хоть какой-нибудь порядок?

Бэнкс буквально обалдел от такого заявления, а Райм подавил приступ смеха, почувствовав, как внутри он наливается холодом и отчужденностью. Но уже через несколько секунд он взял себя в руки, и раздражение уступило место другому чувству. Теперь он откровенно развлекался. Он жалел сейчас, что жизнь сложилась так, что им с Селитто пришлось расстаться.

— Прости, но я ничем вам помочь не смогу, — пробурчал Райм.

— В понедельник открывается конференция. Мы...

— Какая конференция?

— В ООН. Приезжают главы государств и послы. Прибывает около десяти тысяч самых уважаемых людей в мире. Ты, я надеюсь, слышал, что за хреновина приключилась в Лондоне два дня назад?

— Хреновина? — язвительно повторил Райм.

— Кто-то попытался взорвать гостиницу, в которой поселилась делегация ЮНЕСКО. Наш мэр опасается, что такое же дерьмо может произойти и здесь, на конференции. Ему абсолютно не нужны издевательские заголовки статей в прессе.

— И вот одна маленькая проблема уже появилась, — тягуче произнес Райм, — а именно: мисс Тэмми Джин явно не наслаждается своим прибытием домой.

— Джерри, — обратился Лон к напарнику, — посвяти-ка его в подробности. Пусть у него разыграется аппетит.

К этому времени Бэнкс перестал коситься на ноги Райма и переключил свое внимание на кровать, которая действительно была достойна изучения. Особенно панель управления. Она больше напоминала что-нибудь с космического корабля и, наверное, столько же и стоила.

— Через десять часов после похищения мы обнаружили пропавшего пассажира. Им оказался некто Джон Ульбрехт. Он был ранен и заживо похоронен возле железнодорожной ветки «Амтрак» рядом с пересечением 11-ой и 37-ой улиц. Мы нашли его мертвым, но можно смело утверждать, что закопан он был еще живым. — Бэнкс поднял глаза и добавил: — Пуля тридцать второго калибра, «Хонда-аккорд».

Это последнее замечание давало понять, что никакой экзотики в плане оружия не предвидится. «А этот Бэнкс — умный парень, — решил про себя Райм. — Единственным его недостатком является молодость, да и та, возможно, со временем пройдет. А может, и нет». Линкольн Райм искренне считал, что сам он вообще никогда не был молодым.

— На пуле сохранились следы надрезов ствола?

— Шесть фасок, закрученных слева направо.

— Значит, убийца использовал «кольт», — резюмировал Райм.

— Вы сказали «убийца», — отметил молодой детектив, — а почему не «убийцы»?

— Что?

— Их несколько. А если более точно, то двое. Между железной лестницей, ведущей от могилы к улице наверх, обнаружены следы двух человек, — сказал Бэнкс, показывая Линкольну диаграмму места преступления.

— На поручнях лестницы остались отпечатки пальцев?

— Нет, ее предусмотрительно протерли. Преступник все тщательно продумал. Но к могиле ведут две дорожки следов. Да оно и понятно: жертва весила более двухсот фунтов, и в одиночку дотащить ее туда было бы невозможно.

— Продолжайте.

— Они доволокли его до ямы, выстрелили и закопали. Потом вернулись тем же путем и исчезли.

— Выстрелили уже в могиле? — уточнил Райм.

— Скорее всего. Следов крови ни на лестнице, ни на траве вокруг не обнаружено.

Райм почувствовал, как в нем начинает пробуждаться интерес, но, тем не менее, спросил:

— Ну, а я-то вам зачем понадобился?

— Дело в том, — ухмыльнулся Селитто, обнажая свои кривые желтые зубы, — что нам оставили такие вещественные доказательства, от которых голова кругом идет. Просто тайна какая-то.

— Ну и что? — Райм прекрасно знал: что бы ни обнаруживалось на месте преступления, это далеко не всегда сразу же помогало в его раскрытии.

— Да нет, тут действительно какая-то дикость. Вот, взгляни, о чем пишут в рапорте. Пожалуйста, я прошу тебя. Я кладу его сюда. Как действует твой пюпитр? — Селитто наблюдал за тем, как Том ловко вставил листы в автоматический переворачиватель страниц.

— Но у меня совершенно нет времени, Лон, — пытался протестовать Райм.

Что и говорить, хитроумное приспособление, — восхищенно заметил Бэнкс, рассматривая раму, в которую были зажаты листы рапорта. Райм не ответил, внимательно читая первую страницу. Затем он чуть

шевельнул безымянным пальцем, и изогнутая обрезиненная штанга перевернула лист.

«Да, вот это действительно странно», — подумал Райм, пробегая глазами текст.

Кто осматривал место преступления?

Сам Перетти. Когда он узнал, что жертвой оказался один из пассажиров такси, о котором сообщили в полицию, он явился для осмотра места собственной персоной.

Райм продолжал читать. Обычно невыразительные слова полицейского документа пробудили в нем живейший интерес. В это время внизу, у входной двери, раздался звонок, и сердце Райма тревожно забилось в груди. Линкольн одарил Тома ледяным взглядом, и тот понял, что аудиенция закончена. Не говоря ни слова, помощник Райма кивнул и направился на первый этаж.

В ту же секунду все мысли о вещественных доказательствах, преступниках-таксистах и похищенных банкирах улетучились из головы Линкольна.

— Доктор Бергер, — объявил Том по селектору. Наконец! Как долго пришлось его ждать.

— Извини, Лон, мне было очень приятно встретиться с тобой, но сейчас вам пора уходить. — Он улыбнулся и добавил: — А дело-то, действительно, выходит интересное.

После некоторого колебания Селитто поднялся и спросил:

— Но ты дочитаешь до конца? Поделишься с нами своими соображениями?

— Обязательно, — кивнул Райм, откидываясь на подушку. Инвалиды, подобно Линкольну, сохранившие возможность двигать головой и плечами, могут привести в действие с десяток различных рычагов управления. Но Райм дорожил оставшимися в его распоряжении чувственными ощущениями, поэтому разнообразные функции двухсотдолларовой подушки его не интересовали. Он предпочитал ее просто как удобное изголовье. Посетители здорово утомили его. Еще только полдень, а ему уже хочется спать, и мышцы шеи настоятельно требуют отдыха.

Когда Селитто и Бэнкс оказались в дверях. Линкольн неожиданно произнес:

— Подожди, Лон. Детектив замер на месте.

— Вот что ты должен запомнить. Вы нашли только половину места преступления. А вторая половина не менее важна. Это его дом. Искать преступника надо там. Но в этом и будет заключаться вся сложность.

— Почему ты решил, что есть и еще одно место преступления?

— Потому что убийца стрелял не на могиле. У него для этого было другое место, где сейчас находится похищенная женщина. Его логово либо находится где-то под землей, либо в заброшенной и малопосещаемой части города. А может, и то и другое вместе... Потому, Бэнкс, — заявил Райм, предвосхищая вопрос молодого следователя, — что он не стал бы сильно рисковать: и стрелять, и держать заложницу. Из этого следует, что его убежище достаточно надежно.

— А может быть, он использовал глушитель.

— На пуле нет ни следов резинового уплотнения, ни хлопчатобумажных волокон поглотителя, — отрезал Райм.

— Но как он мог стрелять где-то в другом месте, кроме как у могилы? — изумился Бэнкс. — Ведь по пути к ней должны были остаться следы крови.

— Я полагаю, что выстрел пришелся в лицо, — заявил Линкольн.

— Да, именно так, — кивнул Бэнкс, растерянно хлопая глазами и глупо улыбаясь. — Откуда вы знаете?

— Это очень болезненно и надолго лишает сознания, а крови при этом довольно мало. Да и оружие было тридцать второго калибра. Если пуля не задела мозг, летальный исход крайне редок. Жертву в таком состоянии можно вести куда угодно даже в одиночку. Да преступник и действовал один.

Наступила пауза.

— Но ведь на месте обнаружили две цепочки следов, — почти шепотом произнес Бэнкс, затаив дыхание, словно обезвреживая опасную мину.

— Если вы сравните оба отпечатка, — вздохнул Райм, — то они окажутся идентичными. У них даже глубина одинаковая. Преступник оставил два следа, чтобы запутать вас. Он не тащил и не нес двухсотфунтовое тело. Жертва, как я полагаю, была без ботинок?

Бэнкс пролистал несколько страниц:

— Да, в одних носках.

— Отлично. Убийца снял с жертвы ботинки и прошел в них до лестницы и обратно.

— Но если он не поднимался по ней, то как попал к могиле?

— Он привел жертву по рельсам. Возможно, с севера.

— Но других лестниц, спускающихся к полотну железной дороги нет на много кварталов. Ни к северу, ни к югу. Однако существуют тоннели, идущие параллельно рельсам, — продолжал Райм. — Они соединяются с некоторыми из старых складов, расположенных по 11-ой улице. Еще во времена «сухого закона» один мафиози — Оуни Мэдден — построил эти тоннели, чтобы доставлять бутлегерское спиртное по железной дороге прямо в Олбани и Бриджпорт. — Почему бы тогда не закопать жертву прямо возле тоннеля, а рисковать, таща ее по открытой местности? — Вы понимаете, что этим хотел нам сказать убийца? — Райм начинал терять терпение.

Бэнкс открыл было рот, но потом отрицательно помотал головой.

— Преступник постарался устроить тело так, чтобы его заметили. Для чего тогда он оставил на поверхности руку жертвы? Она как бы машет, привлекая внимание. Вы меня простите, но если преступник и действовал в одиночку, то ума у него уж точно хватает на двоих. Где-то поблизости должен находиться вход в тот самый тоннель. Спускайтесь туда и ищите отпечатки, хотя, скорее всего, их там нет. Но сделать вам это придется. Пресса, сами знаете... Когда эта история всплывет... Ну, джентльмены, желаю удачи. А теперь прошу извинить меня. Лон!

— Да?

— Не забудь про второе место преступления. Что бы ни случилось, вам необходимо найти его, и как можно быстрее.

— Спасибо, Линк. А ты пока дочитай рапорт до конца.

Райм попытался убедить их в том, что он обязательно дочитает документы, и они поверили его откровенной лжи.

Глава третья

У него были прекрасные манеры обхождения с больными. Таких врачей Райму редко приходилось встречать. А уж кому, как не самому Линкольну судить о том, умеет ли человек правильно обращаться с прикованными к постели пациентами или нет. Райм как-то подсчитал,

что за три с половиной года болезни его посетили семьдесят восемь дипломированных врачей.

— Прекрасный вид, — отметил Бергер, выглядывая из окна.

— Не правда ли, он действительно великолепен? Хотя высота кровати позволяла Райму видеть лишь клочок туманного неба над Центральным парком. Это, да еще облюбовавшие карниз его окна птицы, — вот, пожалуй, и весь вид, которым он мог любоваться. С тех самых пор, как его выписали из реабилитационного центра два с половиной года тому назад. Большую часть времени шторы на окнах в его комнате оставались задернутыми.

Том был занят тем, что сначала поворачивал своего босса с боку на бок: этот маневр помогал содержать легкие в надлежащей форме, а затем с помощью катетера помог Райму опорожнить мочевой пузырь. Последнюю процедуру приходилось повторять каждые пять или шесть часов. После травмы позвоночника сфинктеры мочевого пузыря остаются либо постоянно открытыми, либо закрытыми. Райму еще повезло: его сфинктеры остались закрыты. Посчастливилось ему и в том смысле, что рядом ним всегда находился помощник, который открывал маленькую трубку с катетером четыре раза в день.

Доктор Бергер равнодушно наблюдал за этой процедурой, и Райму было абсолютно безразлично, что в данный момент он лишился некоторой интимности. Первое, с чем приходится навсегда порвать инвалидам, так это со скромностью. И если кое-кто из калек еще иногда пытается как-то прикрыть свое тело во время не слишком приятных манипуляций: очищения кишечника или просто омовения, то настоящие, мужественные инвалиды смотрят на это гораздо проще, без излишнего и совершенно ненужного смущения.

В первом реабилитационном центре, где лежал Райм, существовал обычай. Если кто-то из пациентов отправлялся на прогулку или на встречу с родственниками, по его возвращении остальные обитатели палаты собирались возле него и проверяли своего товарища на предмет опорожнения мочевого пузыря. Это было своего рода барометром, указывающим, насколько удачно тому удалось провести время. Сам Райм однажды заслужил всеобщее восхищение, когда вернувшиеся в палату «коллеги» слили из него 1430 миллилитров мочи.

— Взгляните на карниз, доктор, — обратился Райм к Бергеру. — Там сидят мои ангелы-хранители.

— Это ястребы?

— Нет, соколы-сапсаны. Обычно они гнездятся очень высоко, поэтому странно, что они выбрали мое жилище.

Бергер некоторое время смотрел на птиц, а потом отвернулся и задернул занавеску. Пернатые его не интересовали. Доктор был человеком некрупным, но спортивного типа, и подтянутым, словно бегун. Ему было около пятидесяти, но в черных волосах не наблюдалось и намека на седину. Словом, он выглядел так, что мог служить якорем надежды для больного.

— Вот это кровать! — восхитился Бергер.

— Вам она нравится?

Ложе производства фирмы «Клинитрон» представляло собой монументальное сооружение весом около тонны, с огромным воздушным матрасом, наполненным миллионами силиконовых шариков. Сжатый воздух, протекая в пустотах между ними, поддерживал тело Райма почти на весу. Если бы Линкольн сохранял способность ощущать этот эффект всем телом, то ему казалось бы, что он парит в воздухе.

Райм велел Тому подать доктору кофе. Когда помощник явился, то, прежде чем удалиться, возвел глаза к потолку и прошептал:

— С чего это мы вдруг стали такими общительными?

— Вы, как я помню, говорили, что служили в полиции, — обратился Бергер к пациенту.

— Да, когда-то я возглавлял следственное управление.

— А потом вас ранили?

— Нет. Я осматривал место преступления, где при строительстве станции метро рабочие обнаружили останки человека. Им оказался пропавший за полгода до этого молодой патрульный полицейский. Мы тогда занимались серийным убийцей, специализировавшимся на охоте за полицейскими. Меня попросили лично осмотреть место преступления. Во время работы на меня рухнула огромная балка, и я пробыл под ней в течение четырех часов.

— Что, действительно существовал такой убийца полицейских?

— Он успел убить троих и ранить еще одного. Кстати, он сам оказался патрульным сержантом Дэном Шепердом.

Бергер взглянул на розовый шрам, проходящий по шее Райма: верный признак квадриплегии, паралича рук и ног. Это был след от трубки для интубации легких, которая находится в дыхательном горле в течение нескольких месяцев, иногда лет, а в некоторых случаях устанавливается навсегда. Но Райм, благодаря своему упрямству и титаническим усилиям врачей, смог избежать подобной участи. Он обладал парой таких легких, что мог бы находиться под водой минут пять.

— Итак, у вас была травма позвоночника.

— Точнее, четвертого позвонка.

— Понятно.

Четвертый позвонок является своего рода пограничной зоной. Если травма происходит *выше*четвертого позвонка, то смерть, как правило, неминуема. Если поражение располагается ниже, то по крайней мере верхние конечности сохраняют полную подвижность. Межреберная мышечная ткань и брюшной пресс почти атрофировались, и Райм дышал только диафрагмой. Он мог двигать головой, шеей и немного плечами. Единственной удачей можно считать то, что рухнувшая дубовая балка не затронула одну цепь передачи нейронов мозга, поэтому безымянный палец левой руки был способен двигаться.

Райм пожалел доктора и не стал ему рассказывать обо всех ужасах своей жизни в первый год после несчастного случая: целый месяц с черепной тягой, когда щипцами через отверстия в голове ему вытягивали позвоночник. Затем в течение трех месяцев ему пришлось мириться с приспособлением, называемым «гало» — пластиковым нагрудником и стальными подпорками у головы для того, чтобы поддерживать шею в постоянной неподвижности. А для того, чтобы вентиляция легких не нарушалась, он вынужден был пользоваться специальным грудобрюшным стимулятором нервной системы. Не стал Линкольн распространяться и о бесконечных катетерах, повторных операциях, непроходимости кишечника, язвах, вызванных стрессом, гипотонии, замедленном сердцебиении, пролежнях, локтевых незаживающих язвах, склерозе и дистрофии мышц, которая угрожала неподвижности его единственного работающего пальца. И, наконец, о фантомных болях, напоминающих страдания от ожогов и переломов в конечностях, которые после несчастного случая вообще потеряли всякую чувствительность...

Однако он упомянул о самом последнем неудобстве, которым одарила его неподвижность, произнеся всего два слова:

— Автономная дисрефлексия.

Это означало, что вот уже некоторое время Райма начали беспокоить учащенное сердцебиение, перепады кровяного давления и бесконечные головные боли. Причем они могли начинаться по массе причин. Например, от самого банального запора. И прекратить их нельзя было никаким другим способом, кроме как искоренить саму причину, то есть перманентное состояние стресса.

Доктор Питер Тейлор, наблюдавший Райма, был немало обеспокоен повторяющимися приступами депрессии у своего пациента. Он даже проинструктировал Тома, что нужно делать в подобных случаях до приезда врача, и рекомендовал даже поместить свой домашний номер в телефонную память для быстрого набора. Тейлор предупредил помощника, что сильный приступ может стимулировать инсульт.

Бергер молча выслушал эту исповедь. По его лицу было видно, что он испытывает самое искреннее сочувствие к страданиям несчастного. Немного помолчав, доктор, наконец, заговорил:

Прежде чем стать тем, кем я являюсь сейчас, я специализировался в области гериатрической ортопедии. В основном это касалось тазобедренных суставов, так что честно признаюсь вам, что я неважно разбираюсь в неврологии. Каковы ваши шансы на выздоровление?

—Никаких. Я останусь в таком состоянии до конца своих дней, тут же ответил Райм, и сразу пожалел, что поторопился. Надеюсь, вы хорошо представляете себе мои проблемы, доктор.

— Думаю, что да. Тем не менее, мне хотелось бы все услышать от вас.

Райм вздохнул, потом качнул головой, чтобы убрать со лба надоедливую непослушную прядь волос, и твердо произнес:

— Каждый человек имеет право убить себя.

— Не могу с вами согласиться, — покачал головой Бергер. — Во многих обществах считается, что вы можете иметь силы, чтобы покончить с собой, но только не *право*делать это. И в этом существенное различие.

Райм горько рассмеялся:

— Я не слишком силен в философии, однако в моем конкретном случае у меня нет даже на это сил. Вот поэтому я и пригласил вас сюда.

Линкольн Райм обращался за помощью убить его уже к четырем врачам, но все они ответили отказом. Тогда он смирился с поведением медиков и решил поступить по-своему. Он просто перестал принимать пищу. Однако процесс доведения себя до смерти путем физического истощения

оказался самой настоящей пыткой, выдержать которую он не смог. Поначалу у него начались страшные спазмы желудка и головные боли, затем бессонница. Пришлось бросить эту нелепую затею. Немного позже в одной из весьма искренних бесед он как-то попросил Тома помочь ему и убить его. Молодой человек внезапно расплакался. Пожалуй, это был единственный раз, когда Том проявил такую эмоциональность. Бедняга заявил, что, конечно, помог бы своему боссу, если бы только сумел это сделать. Он был согласен сидеть рядом с Линкольном до самой его смерти, страдать вместе с ним и ощущать свое бессилие оживить тело хозяина, но убить его он не смог бы ни за что на свете.

А затем произошло чудо. Если, конечно, это можно так назвать.

После выхода в свет его книги «Место преступления» к Райму приехали корреспонденты, чтобы взять интервью у популярного автора. И вот в одной статье в «Нью-Йорк Таймс» появилась следующая недвусмысленная цитата из речи Райма:

«Нет, я не планирую больше писать. Дело в том, что моим следующим грандиозным проектом является самоубийство. Это очень сложная проблема. Вот уже целых полгода я ищу человека, который согласился бы помочь мне в этом нелегком деле».

Эти строчки вызвали немалое волнение и в службе по делам нью-йоркской полиции, и среди бывших друзей и знакомых Райма. Больше всех встревожилась Блэйн. Она заявила, что он не смеет даже думать об этом, что нельзя быть таким эгоистом, каким, впрочем, он являлся еще и тогда, когда они были не разведены, и так далее и тому подобное. Кстати, раз уж она приехала навестить его в те дни, то сочла нужным сообщить ему, что снова выходит замуж...

Эта же статья попалась на глаза и Уильяму Бергеру. Вскоре в доме Райма раздался неожиданный звонок из Сиэтла. Через несколько минут приятного разговора Уильям сообщил Линкольну, что прочитал о нем в газете. Последовала непродолжительная пауза, и доктор спросил:

— Вы когда-нибудь слышали об Обществе Леты?

Да, Райм о нем слышал. Это была проэвтаназионная группировка, которую он пытался разыскать вот уже несколько месяцев, но безуспешно. Она считалась более агрессивной, нежели «Безопасный Переход» или даже «Общество Выход».

— Дело в том, что членов нашего общества начинают таскать по всем инстанциям, как только где-нибудь в стране произойдет самоубийство, —

пояснил Бергер. — Вот поэтому нам приходится занимать крайне осторожную и незаметную позицию.

Затем он сообщил Райму, что согласен заняться его проблемой, о которой упоминалось в статье. Однако Бергер был противником скоропалительных решений, и в течение семи или восьми месяцев они с Линкольном имели несколько длительных телефонных бесед. Сегодня произошло их первое очное свидание.

— Скажите, а нет ли у вас возможности самому совершить этот переход более естественным путем? *Переход*...

—Вы имеете в виду, как это сделал Джин Хэррод? Вряд ли.

Хэррод, о котором говорил Райм, был достаточно известен в Америке. Этот молодой бостонец тоже пришел к заключению, что ему необходимо убить себя. Так и не найдя достойного помощника, он покончил с собой единственным доступным ему путем. При помощи рычагов управления он разжег камин, устроил небольшой пожар, и когда пламя заполыхало на полкомнаты, въехал в него на своем инвалидном кресле, надеясь сгореть при этом заживо. Как потом писали газеты, он умер от обширных ожогов третьей степени.

Этот случай впоследствии часто упоминался в связи с проблемой эвтаназии, особенно, когда ее защитники хотели показать, к каким трагедиям может привести запрет на тихую и безболезненную смерть.

Разумеется, Бергер слышал об этом несчастном юноше, поэтому сочувственно покачал головой, полностью соглашаясь с Раймом:

— Нет, конечно, нет. Я считаю, что ни один человек не заслуживает такого кошмарного конца.

Затем доктор осмотрел тело Линкольна и панель управления, находящуюся рядом с ним.

— А каковы ваши, так сказать, механические возможности? — поинтересовался он.

Райм принялся объяснять, как, двигая безымянным пальцем левой руки, он приводит в движение некоторые части своего тела, в результате чего получает возможность самостоятельно принимать пищу, частично обслуживать себя и даже удивил доктора замысловатым прибором, который сам печатал на мониторе компьютера текст под диктовку Линкольна.

— Да, но настраивать любую аппаратуру для вас вынужден кто-то другой? — не отступал доктор. — Ну, например, если вы пожелаете застрелиться, все равно ведь для этого постороннему человеку придется идти в магазин, покупать пистолет, устанавливать его на специальной подставке, привязывать к спусковому крючку проволоку или что-то еще и так далее для того, чтобы вы сами совершили лишь последнее движение.

— Совершенно верно.

А это означало, что тот второй, выполняющий роль помощника, на самом деле с точки зрения закона является сообщником заговора и самого настоящего убийства.

— А можно поинтересоваться, каким оборудованием располагаете вы сами? — перешел к делу Линкольн. — Оно эффективно?

— Оборудование? — недоуменно переспросил Бергер.

— Ну, то, что вы используете для... гм... своей работы, если можно так выразиться.

— Безусловно. Эффективность — сто процентов. Еще ни один мой клиент не жаловался.

Райм непонимающе заморгал, а когда Бергер довольно цинично рассмеялся. Линкольн тут же присоединился к нему. Если вы не умеете смеяться над смертью, то над чем же тогда вы вообще смеетесь?

— Вот, посмотрите сами, — предложил доктор.

— Вы все привезли с собой? — Внезапно Райм почувствовал, как в груди его расцвела надежда. Впервые за последние годы он ощутил в душе приятное тепло.

Бергер раскрыл свой атташе-кейс и торжественно достал оттуда бутылку бренди. За ней последовал пузырек с какими-то таблетками, полиэтиленовый пакет и самая обычная резинка, которой перевязывают пачки денег в банках.

— Что это за лекарство?

— Секонал. Его больше никто не назначает. Раньше совершить самоубийство было куда проще. Эти маленькие таблеточки делают это легко и безболезненно. С появлением современных транквилизаторов убить себя стало практически невозможно. Вы только подумайте:

гальцион, либриум, далман, ксанакс... Да, вы будете долго спать, но в конце концов проснетесь, да еще с ужасной головной болью...

— А при чем здесь пакет?

— Ах, пакет... — Бергер взял его в руки и принялся рассматривать, словно увидел впервые. — Это как бы эмблема и гарантия нашего Общества Леты. Конечно, неофициально, иначе вы могли бы подумать, что у нас имеется даже свой логотип. Если бренди и таблеток оказывается недостаточно, мы применяем пакет. Его просто надо надеть на голову и перетянуть резинкой у шеи. Внутрь необходимо добавить немного льда, потому что уже через несколько минут становится достаточно душно и неуютно.

Райм не мог отвести взгляда от этого бесхитростного набора из трех предметов. Пакет, самый обыкновенный, может, немного толстоватый, вот и все. Бренди, причем из дешевых сортов, как он успел подметить. И лекарство, правда, потерявшее популярность, но которое раньше можно было купить в любой захудалой аптеке.

— А у вас довольно милый дом, — сменил тему Бергер, оглядывая комнату. — Центральный парк под боком... Вы живете на пенсию по инвалидности?

— Частично. Я работал консультантом как в полиции, так и у федералов. А после несчастного случая... Строительная компания, на участке которой произошло несчастье, выплатила мне три миллиона. Вообще-то они говорили, что не несут ответственности за подобные аварии, но очевидно, существовало негласное правило, по которому парализованный пострадавший все равно выигрывал дело, если *уж*разбирательство доходило до суда. Строительные компании всегда оставались в накладе вне зависимости от того, по чьей вине произошел несчастный случай. Вы представляете, что начиналось в судах, если туда являлся нетрудоспособный истец...

— И, кроме того, вы написали книгу по криминалистике. Верно?

— Да, я получил за нее солидный гонорар. Мог бы и больше, но она капельку не дотянула до звания бестселлера.

Бергер поднял с пола один экземпляр «Места преступления» и пролистал его.

— Знаменитые места преступлений... Нет, вы только посмотрите! — Он рассмеялся. — Сколько же их здесь описано? Сорок? Пятьдесят?

— Пятьдесят одно.

Райм досконально описал все места преступлений в Нью-Йорке, которые только мог вспомнить. Книга появилась уже после аварии, и посещать эти местечки он мог только мысленно. Некоторые из описанных преступлений были раскрыты, другие так и остались загадкой. В числе прочих, Райм описал и «Олд Брюэри», старинное жилое здание, в котором в одну ночь 1839 года было совершено тринадцать преступлений, ничем не связанных между собой. Одна глава была посвящена Чарльзу Обриджу Дикону, убившему свою мать 13 июля 1863 года, во время восстания против вербовки солдат на Гражданскую войну. Затем он обвинил в ее смерти бывших рабов, чем спровоцировал крупнейший погром черного населения города.

Райм рассказал и об архитекторе Стэнфорде Уайте, убившем свою жену и ее любовника на том самом месте, где сейчас находится Мэдисон-сквер Гарден, и об исчезновении судьи Крейтера, и о Джордже Метески, безумном бомбометальщике 50-х, и о Мэрфи-Прибое, пытавшемся похитить крупнейший алмаз «Звезду Индии», и о многих-многих других.

— Особенности строительства зданий в девятнадцатом веке… подземные реки… школы обучения дворецких, — читал Бергер, листая книгу и удивляясь эрудиции ее автора. — Сауны для гомосексуалистов, публичные дома в китайском квартале, русские православные церкви… Откуда вы все это узнали о своем городе?

Райм пожал плечами. Во время службы в следственном управлении он изучил литературы по истории Нью-Йорка не меньше, чем по криминалистике. И не только по истории. Его интересовала политика, геология, социология, инфраструктура города.

— Специалисты по криминалистике существуют не в вакууме, — пояснил он. — Чем больше вы знаете об окружающем вас мире, тем больше вы можете применить…

Он сразу же почувствовал, как в его голосе зазвучал энтузиазм, осекся и оборвал себя на половине фразы. Сейчас он сердился на себя за то, что доктор сумел так легко перехитрить его, заведя разговор на близкую ему тему.

— У вас это неплохо получилось, доктор Бергер, — мрачно констатировал Линкольн.

— Ну, что вы… Кстати, зовите меня просто Билл. Пожалуйста.

Но Райма не так-то просто было смутить.

— Да, я об этом тоже кое-что слышал. Мне надо взять большой чистый гладкий лист бумаги и написать на нем все причины, из-за которых мне хочется себя убить. Затем берется другой такой же белый чистый гладкий лист, но теперь я пишу на нем те причины, по которым мне этого делать не следует. Сразу приходят на ум такие слова, как *продуктивный, полезный, интересный, бросающий вызови* так далее. Большие, красивые слова. Каждое весом в сто тонн. Но только для меня теперь они ровным счетом ничего не значат. И кроме всего прочего, я и карандаш-то в руки не могу взять, чтобы написать все это и спасти свою душу.

— Линкольн, — мягко обратился к Райму Бергер, — прежде всего, я должен хорошенько убедиться в том, что вы являетесь подходящим кандидатом для нашей программы.

— Кандидатом? Для программы? Ах, ну да, это все тирания эвфемизмов! — горько усмехнулся Райм. — Доктор, я все уже давно решил. И я хочу это сделать сегодня. Прямо сейчас, если говорить точнее.

— Но почему именно сегодня?

Глаза Райма вернулись к столику, где стояла бутылка с бренди.

— А почему бы и нет? — торопливо зашептал он. — Почему не сегодня? Двадцать третьего августа. Отличный денек. Ничем не хуже и не лучше остальных, чтобы умереть.

Доктор постучал себя пальцами по губам:

— И все же мне придется потратить еще некоторое время, чтобы побеседовать с вами, Линкольн. И только если я буду стопроцентно убежден в том, что вы действительно желаете продвигаться вперед по намеченному пути...

— Желаю, — громко произнес Райм, в очередной раз убеждаясь в том, насколько слабее и менее выразительно звучат слова, если они не сопровождаются жестикуляцией. Как ему хотелось сейчас для убедительности вложить свою ладонь в ладонь доктора или вознести руки к небу в мольбе.

Не спрашивая у хозяина разрешения, Бергер достал из кармана пачку «Мальборо» и закурил. Из другого кармана, как из волшебной шляпы фокусника, возникла складная металлическая пепельница. Бергер сидел

на стуле, скрестив свои худые ноги, и напоминал теперь юношу, впервые вышедшего в свет и пробующего табак в компании взрослых.

— Линкольн, я полагаю, вы понимаете, какие проблемы возникают в нашем деле?

Конечно, он все прекрасно понимал. Именно поэтому Бергер и прилетел сюда лично, и по тем же причинам ни один из лечащих врачей Райма не согласился помочь ему. Подстегивать неизбежную смерть — это одно дело. Между прочим, почти треть всех врачей, которым приходится пользовать неизлечимых больных, нередко выписывают смертельные дозировки лекарств. И в этих случаях прокуроры в основном закрывают глаза на подробности смерти, если только сам доктор не начинает щеголять своей причастностью к случившемуся, как это было с Кеворкяном.

Но калека, инвалид, паралитик — тут совсем другое дело. Линкольну Райму недавно исполнилось сорок лет. Он отказался от искусственной вентиляции легких, и, если внутри него не было нескольких коварных генов, то ничто не помешало бы ему дожить лет до восьмидесяти.

— Позвольте мне быть с вами откровенным до конца, — продолжал Бергер. — Я должен быть уверен, что меня не подставляют.

— Подставляют?

— Ну, все эти преследования со стороны прокуратуры… Я уже попадал в такую ловушку.

Райм искренне рассмеялся:

— Вы знаете, генеральный прокурор Нью-Йорка — слишком занятый человек, чтобы разбираться в жалобах какого-то инвалида.

Взгляд Райма случайно упал на оставленный Селитто отчет:

… в десяти футах юго-западнее жертвы на небольшом холмике белого песка найден плотный шарик беловатого цвета примерно шести сантиметров в диаметре. Вещество было подвергнуто энергорассеивающему просвечиванию в рентгеновских лучах. Получена формула: $Ca_2Mg(Al,Si)_8O_{22}(OH)_2$*. Источник вещества не обнаружен. Образец отослан в лабораторию ФБР для дальнейшего анализа…*

—Мне приходится соблюдать крайнюю осторожность, — добавил Бергер. — И это составляет существенную часть моей профессиональной деятельности. Ведь я теперь полностью отказался от ортопедии. Кроме

того, то, чем я занимаюсь сейчас, больше, чем обыкновенная работа. Я посвятил свою жизнь помощи другим в окончании их жизни.

...В непосредственной близости от вышеуказанного предмета, а именно в трех дюймах, были найдены, два обрывка бумаги. Один из них представляет собой фрагмент обыкновенной газеты со словами «три часа дня» (шрифт «Таймс Роман», краска типографская, используемая для печати коммерческих газет). Второй фрагмент предположительно является частью страницы из книги с напечатанными на нем цифрами «823». Шрифт «Гарамонд». При нингидриновом анализе обнаружены скрытые отпечатки пальцев. Идентификация невозможна...

Что-то начинало терзать Райма. Например, этот шарик. Почему Перетти сразу не выяснил, что это такое? Вроде бы, здесь все достаточно очевидно. И для чего эти вещественные доказательства — и шарик, и обрывки бумаги — помещены в одну кучу? Что-то явно было не так...

— Линкольн?

— Простите...

— Я говорил... Вы же не являетесь смертельно больным человеком, умирающим от невыносимой боли. Кроме того, у вас есть крыша над головой. У вас есть деньги, талант. Вы консультируете полицейских... и это приносит людям огромную пользу. Если бы вы захотели, то смогли бы вести достойную и... да-да! — *продуктивную*жизнь. И достаточно долгую.

— Долгую. Вот именно. В этом тоже заключается моя проблема. — Райму надоело вести себя слишком корректно, и он позволил себе грубо рявкнуть на доктора: — А на черта мне эта долгая жизнь, скажите на милость?!

— Понимаете, — медленно заговорил Бергер, — если у вас имеется хоть малейший шанс на то, что вы могли бы пожалеть о своем решении, то ведь жить с этим дальше придется *мне.*А не вам.

— А кому интересно в этом копаться? Никто ничего и не узнает.

Тем не менее, глаза его воровато вернулись к отчету:

... На фрагментах бумаги находился железный болт. С шестигранной головкой, с выдавленными на ней буквами «КЭ». Длина — два дюйма, резьба по часовой стрелке. 15/16 дюйма в диаметре...

—Несколько дней я буду весьма занят, — сообщил Бергер, поглядывая на свои часы. Райм заметил, что у доктор был превосходный «Ролекс». Что ж, смерть всегда прибыльна. — У меня есть еще час или что-то около того. Давайте поступим так. Мы сейчас с вами еще немного побеседуем, потом я вам даю день для передышки, и после этого мы встретимся еще раз.

И снова что-то внутри не давало Линкольну покоя. Что-то зудело в нем. Чесотка — это проклятье для всех паралитиков, но на этот раз Райм испытывал интеллектуальный зуд. Тот самый, который мучил его всю сознательную жизнь.

— Послушайте доктор, внезапно попросил Райм, — а не могли бы вы мне оказать одну услугу? Вот здесь мне оставили один отчет. Просмотрите его, пожалуйста. Меня интересует фотография железного болта.

Бергер еще колебался:

— Фотография?

— Поляроидный снимок. Она должна быть где-то приклеена, скорее, в конце, а перелистывать всю пачку мне очень долго.

Бергер взял отчет в руки и начал переворачивать одну страницу за другой.

— Вот здесь. Спасибо.

Едва взглянув на фотографию, Райм понял, что дело всерьез заинтересовало его. Нет, только не сейчас! Однако удержаться он не смог:

— Извините, но нельзя ли теперь снова вернуться к той странице, которая была открыта?

Бергер повиновался.

Райм ничего не сказал, глаза его жадно вчитывались в текст.

И снова эти обрывки бумаги.

Три часа дня... страница 823...

Сердце Линкольна бешено заколотилось, лоб покрылся испариной. Он услышал знакомый нарастающий шум в ушах.

Райм мысленно представил себе заголовок завтрашних газет: «Пациент умирает во время ведения переговоров с доктором смерти...»

Бергер взволнованно заморгал:

— Линкольн? С вами все в порядке? — тихо спросил он, хитрым взглядом продолжая изучать Райма.

— Понимаете, доктор, — заговорил Линкольн, изо всех сил стараясь, чтобы голос его прозвучал обыденно, — мне тут кое-что принесли и попросили высказать свое мнение.

Бергер медленно кивнул:

— Значит, дела у них без вас идут неважно?

— Ничего страшного. — Райм попытался как можно беспечней улыбнуться. — Я подумал о том, а что, если нам с вами встретиться, скажем, через пару часиков?

Здесь надо проявить максимальную осторожность. Если доктор почувствует, что Райм заинтересовался отчетом, то он явно не сочтет его склонным к самоубийству. Чего доброго, он заберет свой бесценный пузырек с таблетками, пластиковый пакет и улетит назад домой.

Бергер раскрыл свой блокнот и несколько секунд внимательно изучал его:

— Нет, сегодня я слишком занят, ничего не получится. Посмотрим, что у нас завтра... Боюсь, что раньше понедельника я не смогу у вас появиться. Значит, до послезавтра.

Райм колебался. Что же происходит? Желание его души, к которому он стремился каждый день вот уже в течение года, кажется, может исполниться. Так в чем же дело?

Необходимо принять решение.

Его собственный голос показался Линкольну далеким и искусственным:

— Ну, хорошо. Значит, в понедельник. — И он снова попытался изобразить на лице улыбку.

— Так что же у вас за проблемы? — ненавязчиво поинтересовался доктор.

— Понимаете, меня попросил о помощи один человек, с которым мы когда-то вместе работали. Ему нужен мой совет. Впрочем, мне не надо

было обращать так много внимания на его просьбу. Я обязательно позвоню ему.

Нет, дело тут вовсе не в дисрефлексии, и даже не в приступах депрессии.

Линкольн Райм почувствовал, как его охватывает приятное, давно забытое чувство. Ему надо было торопиться.

— Вы не могли бы прислать ко мне Тома? — обратился он к Бергеру. — Он сейчас, наверное, внизу, на кухне.

— Конечно. С удовольствием.

Только сейчас Райм заметил нечто странное в глазах Бергера. Что же это? Предосторожность? Может быть. Или разочарование? Но сейчас у Линкольна не было ни времени, ни желания разбираться в подобных мелочах. Как только шаги доктора затихли, он нетерпеливо выкрикнул:

— Том!

— Что? — тут же отозвался снизу молодой человек.

— Звони Лону. Пусть тут же возвращается сюда. Скорее!

Интересно, сколько же сейчас времени? Стрелки показывали начало первого. Оставалось менее трех часов.

Глава четвертая

— То, что нашли на месте преступления, туда положили не случайно, — заявил Линкольн Райм. — Это было сделано преднамеренно. Тут разыграна чуть ли не целая пьеса.

Лон Селитто снял пиджак, под которым оказалась жеваная неглаженная рубашка. Он прислонился к столу, заваленному всевозможными бумагами и, сложив руки на груди, внимательно слушал своего старого друга.

Вместе с Лоном вернулся и Джерри Бэнкс. Сейчас он не сводил своих светло-голубых глаз с Райма. Ни кровать, ни панель управления больше его не интересовали.

— Но что за историю пытается передать нам преступник? — нахмурился Селитто. — Что он хочет рассказать?

На месте преступления, особенно если совершено убийство, подозреваемый частенько специально подбрасывает различные вещицы,

чтобы сбить с толку следователей и повести их по ложному пути. Иногда встречаются довольно умные преступники, тщательно продумывающие каждый свой шаг, но, большей частью, они допускают существенные промахи. Например, муж, избивший жену до смерти, пытается все сделать так, чтобы инсценировать ограбление квартиры. Он «ворует» все без исключения драгоценности своей супруги, совершенно забывая о том, что оставляет при этом на самом видном месте свой собственный перстень или золотой браслет.

— Вот тут-то и кроется самое интересное, — продолжал Райм. — Все предметы, найденные на месте преступления, говорят не о том, что там случилось, а о том, что *должно произойти*в ближайшем будущем.

— С чего это ты так решил? — проворчал Селитто.

— Возьмем для начала клочки бумаги. Они явно свидетельствуют о том, что сегодня ровно в три часа дня должно что-то случиться.

— Сегодня?

— Вот, посмотри! — Нетерпеливым кивком Райм указал в сторону отчета.

— На одном обрывке действительно написано «три часа дня», — констатировал Бэнкс. — А на втором остался только номер страницы, вырванной из какой-то книги. Почему вы решили, что речь идет о сегодняшнем дне?

— Это не номер страницы, — Райм изумленно приподнял бровь. Неужели они не могут сами до сих пор догадаться? — Рассуждайте логически! Единственной причиной, по которой преступник оставил нам эти «вещественные доказательства» было то, что он пытается нам что-то сказать. В данном случае номер самой страницы не имеет никакого значения, поскольку мы не знаем, из какой именно книги вырван листок. Ну, а если это так, что же из этого следует?

Молчание.

Потеряв всяческое терпение, Райм выкрикнул:

— Это число и месяц! Восемь — двадцать три. Восьмой месяц, август, и двадцать третье число. Значит, именно сегодня в три часа дня должно что-то произойти! Идем дальше. У нас имеется некий шарик. Это асбест.

— Асбест? — неуверенно произнес Селитто.

— Там, в отчете, написана его формула. Это же роговая обманка. Силикат магния. *То есть*асбест. И зачем Перетти понадобилось отсылать его для

дальнейшего анализа в лабораторию ФБР, мне совершенно непонятно. Итак, на полотне железной дороги находится асбестовый шарик, а там его быть не должно. Кроме того, мы имеем железный болт, шляпка которого окислена, а ножка — нет. Это означает, что он был прикручен где-то в течение долгого времени и лишь недавно оттуда изъят.

— А не могло случиться так, что он пролежал очень долго в земле, а когда преступник копал могилу, то случайно вырыл и его?

— Исключено, — авторитетно заявил Райм. — В этом месте города подстилающая порода располагается достаточно близко к поверхности, а следовательно, и водоносный слой тоже. В почве на территории от 34-й улицы и до самого Гарлема содержится столько влаги, что она способна окислить железо за несколько дней. Наш болт проржавел бы до самого основания. А не только его шляпка. Это в том случае, если бы он действительно долго пролежал в земле. Нет, его откуда-то открутили, принесли на место преступления и умышленно оставили там. И еще этот песок... Скажите мне на милость, какого черта на железной дороге в Манхэттене мы обнаруживаем холмик белого песка? Здесь в состав почвы, насколько мне известно, входят суглинок, ил, гранит и мягкая глина.

Бэнкс уже открыл было рот, чтобы возразить, но Райм не стал дожидаться, пока заговорит молодой следователь, и снова сам взял слово:

— Самое главное: почему все эти необычные вещи были сложены вместе? Дело в том, что наш подозреваемый пытается нам что-то передать. Могу поспорить, что это именно так. Бэнкс, вы нашли боковой вход в тоннель?

— Да, вы оказались абсолютно правы, — кивнул молодой человек, — примерно в ста футах севернее могилы располагается вход, который оказался выбитым изнутри. И насчет отпечатков обуви вы тоже сказали все верно. А следов шин мы так и не обнаружили...

И вот теперь еще кусочек асбеста, болт и обрывки бумаги...

— Скажите, а место преступления все еще остается закрытым?

— Нет, мы его разблокировали.

Линкольн Райм, инвалид, обладающий невероятного объема легкими, злобно зашипел и, наконец, закричал:

— Кто посмел допустить такую ошибку?!

— Не знаю, — виновато протянул Селитто, — скорее всего, дежурный офицер.

«Значит, Перетти», — подумал про себя Линкольн, а вслух произнес:

— Ну, в таком случае придется ограничиться только тем, что мы уже имеем.

Все улики, которые могли объяснить следователям, что за личность этот похититель и что он задумал, находились сейчас в отчете или были жестоко затоптаны ботинками полицейских, праздных пешеходов и железнодорожных рабочих. Вся остальная работа по поиску необходимых сведений, то есть обычная рутина, включающая в себя опрос местных жителей, отработка версий и так далее, велась крайне лениво. Так было всегда. И только осмотр места преступления должен был производиться «молниеносно». Именно так и поступал всегда Райм, когда еще служил в полиции и имел в подчинении офицеров. Если же какие-то специалисты работали с меньшей скоростью, чем этого требовал Райм, он немедленно увольнял их, и набирал в свою команду более расторопных полицейских.

— Перетти лично осматривал место преступления?

— И сам Перетти, и вся его группа в полном составе.

— В полном составе? — сухо переспросил Линкольн. — Что это еще такое?

Селитто взглянул на Бэнкса, и тот торопливо пояснил:

— Четыре технических работника из фотолаборатории, четверо специалистов по отпечаткам пальцев, восемь детективов и судебный эксперт.

— Целых восемь детективов осматривали место преступления?

Для работы с местом преступления сложились свои правила, по которым получалось, что при убийстве лучше всего будет произведен осмотр двумя специалистами, так как один может что-то упустить из виду. Если же их будет трое или больше, выше вероятность, что они упустят еще больше важных деталей, понадеявшись друг на друга. Что касается Линкольна Райма, то он всегда предпочитал работать в одиночку. Конечно, специалисты по отпечаткам пальцев пытались отыскать какие-нибудь скрытые следы, а фотографы делали свою работу: щелкали камерами и снимали место преступления на видео, но основную работу Райм выполнял самостоятельно.

Перетти... Райм сейчас вспоминал, как лет шесть или семь тому назад он сам принял на службу этого подающего надежды сыночка богатого политика. Место в отделе судебной экспертизы всегда считалось лакомым кусочком, и чтобы попасть в подразделение к Райму, нужно было отстоять длинную очередь. Одной из любимых процедур отсеивания кандидатов у Райма являлся просмотр «семейного альбома», коллекции самых отвратительных фотографий, сделанных на местах преступлений. Некоторые офицеры бледнели от подобных снимков, другие тихо похихикивали. А бывали и такие, которые возвращали альбом, недоуменно поднимая при этом брови и как бы спрашивая: «Ну и что?». Именно таких и предпочитал Райм набирать в свою команду. Одним из них оказался и Перетти.

Селитто что-то спросил у Райма, но тот пропустил вопрос мимо ушей и теперь, в свою очередь, смотрел на Лона так, словно хотел, чтобы тот повторил свою просьбу:

— Ну, так ты будешь работать вместе с нами над этим делом?

— Работать вместе с вами? — Райм рассмеялся и закашлялся. — Не могу, Лон. Я постараюсь выдать вам несколько свежих идей, которые, может быть, окажутся кстати. Тебе поручено расследование, вот и дерзай. Том, соедини меня с Бергером, — внезапно обратился он к помощнику. — Сейчас он жалел о том, что отложил свою встречу с доктором на целых два дня. Но, кто знает, возможно, еще не поздно, и они смогут увидеться в самом ближайшем будущем? Райм почувствовал, что ему будет очень трудно вытерпеть эти дни, прежде чем он, наконец, совершит свой долгожданный *переход*...Понедельник. Почему-то именно сейчас ему было неприятно думать о смерти именно в понедельник. Наверное, ничего необычного в таком решении не было.

— Скажите «пожалуйста», — капризно потребовал помощник.

— Том!

— Ну, хорошо-хорошо, — юноша поднял обе руки, показывая тем самым, что сдается, и полностью повинуется своему хозяину.

Райм беспомощно оглядел столик, на котором доктор оставил бутылку, пузырек с таблетками и пластиковый пакет. Они казались такими близкими и, одновременно с этим, недосягаемыми, как, впрочем, и многое другое в жизни инвалида.

Селитто набрал номер, поднес трубку к уху и чуть склонил голову, прислушиваясь к голосу на другом конце провода. Он представился и мельком взглянул на часы. Стрелки показывали половину первого.

— Да, сэр, — детектив перешел на почтительный шепот. Райм сразу догадался, что Лон звонит мэру. — Это относительно похищения из аэропорта Кеннеди. Я уже успел переговорить с Линкольном Раймом... Да, сэр, у него имеются кое-какие мысли по этому поводу... — Лон не спеша перешел к окну, бессмысленно оглядел соколов, одновременно пытаясь объяснить нечто непостижимое человеку, управляющему самым таинственным городом на всей планете. Затем он повесил трубку на рычаг и повернулся к Райму:

— Они вместе с шефом хотят, чтобы этим делом занялся именно ты, Линк. Очень просили. Сам Уилсон.

Райм не смог сдержать смеха:

— Лон, да ты оглянись вокруг себя. Ты что, ничего не замечаешь? Неужели я похож на человека, способного вести расследование?

— Обычное расследование вряд ли. Но дело в том, что сейчас мы столкнулись с весьма неординарным убийством. Разве я не прав?

— Прости, но у меня нет на это времени. Тот самый доктор... И новый тип лечения... Том, ты дозвонился до него?

— Пока нет. Подождите еще минутку.

— Немедленно! Сейчас же звони, и пока не добьешься, не отходи от телефона! — рассердился Райм.

Том взглянул на Селитто и вышел из комнаты. Райм понял, что помощник и не собирался никуда звонить. Черт бы его побрал!

Бэнкс дотронулся до одного из порезов на лице и неожиданно выпалил:

— Ну, тогда хотя бы поделитесь своими соображениями. Пожалуйста. Этот предполагаемый подозреваемый, как вы говорили, он ведь...

Селитто лишь махнул рукой, приказывая Джерри замолчать, не сводя при этом пристального взгляда с Райма.

«Ах ты, старый хрен! — думал Линкольн. — Как мне это знакомо! Эта тишина, которую мы так ненавидели и пытались заполнить хоть чем-нибудь. Сколько свидетелей и подозреваемых было похоронено в этой гнетущей тяжелой тишине!» Несомненно, они с Селитто составляли единую команду. Райм прекрасно управлялся с вещественными доказательствами, а Лон превосходно работал с людьми. Вдвоем они дополняли друг друга.

Два мушкетера. И если существовал третий, то им являлась чистая и строгая тишина.

Глаза детектива остановились на отчете, лежащем на столике Райма.

— Послушай, Линк, что же сегодня должно произойти ровно в три часа дня? — начал он.

— Понятия не имею, — равнодушно произнес тот.

— Прямо так и не имеешь? — ехидно переспросил Селитто. «Ах ты, хитрюга! Но так просто меня не возьмешь!»

— Он собирается убить ее, — наконец, словно нехотя, заговорил Райм. — Ту самую женщину из такси. И очень жестоким способом. Это я вам гарантирую. Он задумал нечто такое, что будет равносильно погребению заживо.

— О Господи! — прошептал Том, который до сих пор стоял в дверях и не думал никуда уходить.

Почему они не оставят его в покое? Может быть, стоит им рассказать, какую невыносимую боль в шее и плечах он сейчас испытывает? Или о другой боли, фантомной, которая, хоть и не столь сильна, но куда более пугающая. Она мучает все его тело, которое давно забыло физические ощущения. Может быть, имеет смысл поведать им о том, насколько он устает ежедневно оттого, что... что вообще продолжает существовать? И еще о той слабости, которая угнетает его, а причиной ее является постоянная зависимость от других...

Можно рассказать им и о том проклятом комаре, который залетел к нему в комнату прошлой ночью и в течение целого часа атаковал его лицо с бреющего полета. У Райма даже закружилась голова, когда он пытался избавиться от него, пока, наконец, маленькое чудовище не уселось Линкольну на ухо, где тот позволил себя укусить, чтобы только отделаться от надоедливого насекомого. И то лишь потому, что это место было доступно Райму: впоследствии он мог спокойно тереться ухом о подушку, чтобы почесать укушенную плоть.

Селитто приподнял бровь.

— Сегодня, — вздохнул Райм. — Именно так.

— Спасибо, Линк. Мы тебе обязаны, — Селитто подвинул свой стул поближе к кровати приятеля и кивком велел Бэнксу последовать его примеру:

— Ну, а теперь, — попросил он, — нельзя ли поговорить об этом поподробнее? Что же задумала эта задница?

— Не так быстро, — остудил его Райм. — Я не работаю в одиночку.

— Что ж, это разумно, — согласился Лон. — Кого бы ты хотел видеть в своей комнате?

— Технического сотрудника из следственного управления. Причем самого лучшего. Пусть немедленно приезжает сюда со всем основным оборудованием. Нужно еще несколько мальчиков, которые начнут проводить тактическую работу. Да, и еще мне понадобятся несколько телефонов, чтобы дело пошло быстрее, — инструктировал Райм, одновременно поглядывая на бутылку виски, стоявшую на тумбочке. Ему тут же вспомнился и дешевый бренди из набора Бергера. Нет уж, если он решился на последний переход, ему поможет не подобная дешевка, а что-нибудь весьма дорогое и достойное. Например, «Лагавулин» шестнадцатилетней выдержки или даже «Макаллан», возраст которого исчисляется десятилетиями. Или (а почему бы и нет?) и то, и другое одновременно.

Бэнкс сразу же выложил на столик свой сотовый телефон:

— Куда надо звонить? — с готовностью отозвался он.

— В город.

— Отсюда?

— Конечно, нет! — рявкнул Райм.

— Он имел в виду, что ему нужны операторы, которые по телефонам начнут добывать необходимую информацию, — пояснил Селитто. — Кто-нибудь из наших полицейских диспетчеров.

— Теперь понятно.

— Звони в контору, — приказал Селитто, — пусть нам предоставят двоих или троих диспетчеров.

— Лон, — обратился к приятелю Райм, — а кто опрашивал местных жителей по поводу сегодняшнего убийства?

— Братья Харди, — выпалил за него Бэнкс и улыбнулся. Но Райм так сверкнул на него глазами, что улыбка тут же слетела с лица юноши:

— Детективы Беддинг и Саул, сэр, — быстро добавил он. Но на этот раз не удержался уже сам Селитто и усмехнулся:

— Братья Харди. По-другому их никто и не называет. Ты их не знаешь, Линк. Эти ребята работают в отделе по расследованию убийств в центральном районе города.

— Они близнецы, — пояснил Бэнкс, — и их почти невозможно различить. К тому же, они довольно смешные, — добавил он.

— Только комедиантов нам здесь не хватало, — нахмурился Райм.

— Нет, не в этом дело, — поспешил заверить Райма Лон в полной профессиональной пригодности братьев. — Лучше них никто не сумеет прочесать местность. Помнишь, в прошлом году была похищена восьмилетняя девочка в Квинсе? Так вот, преступника нашли только благодаря Саулу и Беддингу. Они буквально замучили своими вопросами весь район. В их отчетах насчитывалось *две тысячи двести*протоколов! Если бы не они, мы бы так и не схватили того негодяя. Когда мы узнали, что жертвами были пассажиры из аэропорта Кеннеди, сам Уилсон потребовал, чтобы братья Харди подключились к расследованию.

— И чем же они сейчас занимаются?

— Поиском свидетелей. В основном, в районах, примыкающих к железной дороге. Кроме того, пытаются вынюхать все возможное о таксисте и его машине.

— Так ты позвонил Бергеру или нет?! — неожиданно закричал Райм в коридор, адресуясь к Тому. — Разумеется, нет! А тебе известно такое слово, как «неповиновение»? Что ты там торчишь без дела? По крайней мере, мог бы немного помочь и здесь. Снова поставь отчет в рамку и начинай перелистывать страницы, что ли.

— Похоже, у нас сегодня благодушное солнечное настроение, — огрызнулся помощник.

— Немного повыше, а то я вконец ослепну! — продолжал ворчать Райм.

Он впился глазами в текст и некоторое время с интересом читал, затем взглянул на Селитто. Тот пытался кому-то дозвониться, но Линкольн перебил его:

— Что бы ни случилось сегодня в три часа дня, если нам удастся найти это место, там будет совершено преступление. Именно поэтому мне нужен надежный человек, который осмотрит его.

— Хорошо, — кивнул Селитто. — Я свяжусь с Перетти. Можно бросить ему эту лакомую косточку. Я знаю, что он лично не будет напрашиваться в нашу команду, поскольку считает, что мы обязаны ходить вокруг него на цыпочках.

— Разве я просил, чтобы к нам присоединился Перетти? — пробурчал Райм.

— Но он сейчас считается одним из лучших сотрудников в следственном управлении, — возразил Бэнкс.

— Нет, только не он, — пробормотал Райм. — Есть еще кое-кто, кого бы я с удовольствием принял в нашу команду.

Селитто и Бэнкс обменялись недоумевающими взглядами. Потом Лон улыбнулся, бессмысленно поглаживая свою измятую рубашку.

— Кто бы он ни был, ты его получишь, — уверенно пообещал он Линкольну. — Ты у нас сегодня король дня.

……

Ти-Джей Колфакс смотрела в черный глаз трубы. Уроженка горных склонов восточной части штата Теннеси, выпускница высшей школы бизнеса города Нью-Йорк и прекрасная работница отдела торговли валютой только что очнулась от тяжелого сна, больше напоминавшего глубокий обморок. Спутанные волосы липли к щекам, пот ручьями стекал по лицу и шее, попадая на грудь.

Выбравшись из темноты сна, она увидела, что смотрит в черное отверстие какой-то ржавой трубы диаметром дюймов в шесть, из которой была вынута заглушка.

Она втянула носом воздух, поскольку рот до сих пор был заклеен широкой липкой лентой. Неприятный запах горячего пластика распространился по всей носоглотке и заставил женщину поморщиться.

«Что случилось с Джоном? — размышляла Ти-Джей. — Где он?» Колфакс отгоняла от себя неприятные мысли и старалась не вспоминать тот громкий хлопок, услышанный ею еще вчера вечером в этом подвале. Она выросла в Теннеси и знала, что означают подобные хлопки.

«О Господи! — молилась она за своего начальника. — Сделай так, чтобы с ним все было в порядке!»

«Необходимо оставаться спокойной и не паниковать, — решила для себя женщина. — Начнешь снова орать, так вспомни, что может произойти».

Тогда, после выстрела, она впала в истерику и разрыдалась так, что едва не задохнулась.

Только спокойствие.

Можно смотреть в этот черный глаз трубы и притвориться, будто он даже весело подмигивает. Надо сделать вид, будто это и есть твой ангел-хранитель, старающийся приободрить тебя и вселить в душу хоть каплю надежды.

Ти-Джей сидела на полу в окружении бесконечных труб и проводов. Здесь царила настоящая жара. Жарче, чем в столовой у ее брата, жарче, чем в июльские дни в запертом автомобиле с поднятыми стеклами. Где-то капала вода, с потолка, с древних решеток свисали самые настоящие сталактиты. Единственным освещением здесь были несколько тусклых желтых лампочек. А над самой головой Ти-Джей красовался какой-то предупреждающий знак. Она не могла разобрать, что же там написано, и видела сейчас только расплывчатый текст в красной рамке. О чем бы ни сообщала эта табличка, в самом конце надписи был выведен жирный восклицательный знак.

Ти-Джей снова попыталась высвободиться из оков, но наручники надежно сжимали ее запястья, грубо врезаясь в кожу почти до кости. Отчаянный, какой-то животный крик вырвался из горла несчастной женщины. Однако толстая липкая лента и гул работающего где-то неподалеку оборудования заглушили этот невнятный звук. Никто не смог бы услышать его, даже если бы находился рядом.

Черный глаз безмолвно смотрел на девушку. «Ты ведь обязательно спасешь меня. Верно?» — уже в который раз мысленно обратилась девушка к бездушной трубе.

Неожиданно где-то вдали раздался грохот металла, словно кто-то закрыл где-то железную заслонку. Примерно с таким же звуком запираются двери на пароходе. Шум исходил откуда-то из недр трубы, из ее дружелюбного «глаза».

Женщина дернулась и попыталась встать на ноги, однако, ей не удалось приподняться ни на дюйм.

«Ничего страшного, не надо паниковать, — снова напомнила она себе. — Немного переждем и попробуем еще раз».

Только теперь она поняла, что сумеет прочитать табличку, расположенную наверху. Надо только немного придвинуться к ней

поближе и склонить голову. Вот теперь буквы становились понятными и больше не расплывались.

Нет, только не это! О Господи!..

И Ти-Джей снова расплакалась.

Почему-то перед ее мысленным взором возникла мать, с гладко зачесанными назад волосами, в своем любимом васильковом фартуке. Она нагнулась над дочерью и ласково зашептала: «Все будет хорошо, дорогая моя. Не волнуйся».

Но Ти-Джей не поверила этим успокаивающим словам.

Она верила в надпись, которую ей удалось, наконец, разобрать:

«Опасно для жизни! Горячий пар под большим давлением! Не снимать заглушку с трубы! За консультацией обращаться в „Консолидейтед Эдисон". Опасно для жизни!»

Теперь черный глаз смотрел на женщину зловеще. Он вел в самые недра котельной. Сейчас он кровожадно созерцал розовую нежную грудь мисс Колфакс. Откуда-то издалека снова раздались звонкие удары металла о металл. Это трудились ремонтные рабочие, налаживая и подтягивая старые стыки на трубах парового отопления.

Тэмми Джин плакала и не могла остановиться. Затем вдали послышался какой-то странный звук, напоминающий стон, и в эту же секунду ей показалось, что черный глаз наконец-то подмигнул ей.

Глава пятая

— Вот вкратце и все, что мы имеем на текущий момент, — подытожил свое недолгое выступление Линкольн Райм. — Имеется похищенная женщина и ограничение во времени до трех часов дня.

— И никаких записок или сообщений с требованием выкупа, — добавил Селитто, а потом повернулся к отчаянно трезвонившему телефону.

— Джерри, — попросил Райм молодого следователя, — ознакомь присутствующих с подробностями преступления, произошедшего сегодня утром.

Райм не мог бы точно вспомнить, когда в последний раз в его мрачной одинокой комнате толпилось столько людей. Ну, конечно, сразу после того несчастного случая к нему частенько наведывались друзья, да и просто знакомые. Причем делали они это достаточно беззастенчиво, не

сообщая о своем намерении по телефону и ссылаясь лишь на то, что «находились поблизости и решили заскочить». (Прекрасно зная о том, разумеется, что Райм постоянно находится дома. Куда же ему еще деваться?) Но, в конце концов. Линкольну это порядком надоело, и он стал отделываться от надоедливых посетителей. Постепенно он перестал звонить товарищам, все более отдаляясь от них и становясь замкнутым и нелюдимым. Сначала он долгие часы проводил, работая над своей книгой, а когда закончил ее, то углубился в чтение художественной литературы. Когда и это ему наскучило, он начал брать напрокат видеофильмы и посвящать свободное время прослушиванию классической музыки. Постепенно ему надоело все это, и тогда он переключился на живопись. Он мог часами рассматривать репродукции известных картин, которые его помощник по просьбе хозяина аккуратно наклеивал на стены комнаты. Наконец и это осточертело Райму, и он замкнулся в себе. Как ему казалось, уже навсегда.

Одиночество...

Оно стало единственным нормальным состоянием, к которому стоило стремиться, и вот теперь его грубо нарушили.

По комнате взад-вперед разгуливал напряженный Джим Поллинг. Конечно, расследование дела было поручено Лону Селитто, но такое запутанное преступление требовало тщательного рассмотрения, и здесь, конечно, требовался более значительный «командир», коим и вызвался выступить на этот раз Джим. Преступление походило на бомбу замедленного действия, и его удачное расследование могло существенно повлиять на карьеру полицейского. Поэтому Поллинг счел своим долгом участвовать в нем. Конечно, это участие будет проводиться как бы «со стороны», зато, когда все закончится и настанет время для пресс-конференций, в печати замелькают слова «при участии», а также «был уполномочен», «был назначен» и тому подобные. Пожалуй, только один Райм не мог понять, почему кто-то стремится возглавить это расследование.

Поллинг считался весьма странным типом. Этот низкорослый неприметный человечек сделал себе прекрасную карьеру в участке северного района Нью-Йорка, заработав репутацию одного из наиболее удачливых детективов по расследованию убийств. Он был также печально известен своим вспыльчивым характером, из-за чего однажды даже застрелил невооруженного подозреваемого. Однако это не повредило его служебному росту, поскольку вскоре Поллинг сумел реабилитироваться, выйдя на след Шепарда и добившись его осуждения — того самого серийного убийцы полицейских, из-за которого и пострадал сам Линкольн Райм. После этого знаменательного события Джим получил звание капитана, и в тот же момент в его жизни

произошли существенные перемены. Он перестал носить джинсы и костюмы из «Сирса», переключившись на одежду от «Кельвина Кляйна», и мечтал теперь об уютном кабинете на одном из верхних этажей в Центральном полицейском управлении.

Еще один офицер пристроился рядом со столиком. Стройный и подтянутый, с аккуратной короткой стрижкой, капитан Боу Хауманн был начальником группы немедленного реагирования нью-йоркской полиции.

Бэнкс закончил свое обозрение как раз в тот момент, когда Селитто повесил трубку.

— Звонили братья Харди, — сообщил Лон.

— Что-нибудь новенькое насчет такси? — встрепенулся Поллинг.

— Нет, пока что ребята бьются вхолостую.

— Может быть, эта женщина влезла в чью-то личную жизнь, и мы имеем дело с элементарной женской местью? — предположил Поллинг. — Или у нее оказался чересчур ревнивый приятель?

— Нет, никакие любовники здесь не замешаны. Если она и встречалась с кем-то, то все это можно считать несерьезными свиданиями, не более того.

— Неужели до сих пор никто не потребовал за нее выкупа? — удивлялся Райм.

— Нет.

Раздался звонок у входной двери. Том пошел открывать.

Райм прислушался к голосам в прихожей.

Через несколько секунд помощник провел в комнату женщину в полицейской форме. Издалека она казалась очень молодой, но когда подошла поближе, Райм увидел, что ей было около тридцати лет. Женщина была высокой и имела ту гордую внешность и независимую красоту, которой отличаются девушки, смотрящие на вас с обложек модных журналов.

Мы обычно воспринимаем людей так же, как стали бы оценивать себя, и с момента того самого несчастного случая Линкольн Райм перестал обращать внимание на тела людей. Он совершенно хладнокровно оглядел ее рельефные бедра, ладную фигурку и ярко-рыжую шевелюру.

Кто-то другой мог, увидев такую красотку, воскликнуть что-нибудь вроде: «Ух ты! Вот это да!» Но только не Линкольн Райм. То, что его действительно сразу же потрясло в этой женщине, так это ее глаза, а вернее, ее взгляд.

Не удивление из-за того, что ее забыли предупредить о том, что ей предстоит встретиться с инвалидом, нет, здесь было что-то совсем другое. Райм не помнил такого взгляда у женщин. Словно его беспомощное состояние вполне удовлетворяло ее, будто она даже не обратила на это внимания, словно так и должно было быть. Реакция ее была совсем не похожа на ту, с которой ему приходилось сталкиваться столько раз. Она вошла в комнату, и Райму сразу стало ясно, что здесь эта женщина чувствует себя действительно «как в своей тарелке».

— Офицер Сакс? — обратился к ней Райм.

— Да, сэр, — бойко ответила Амелия и поймала себя на том, что ей захотелось пожать его руку. — А вы — детектив Райм?

Селитто представил ей Поллинга и Хауманна. Об этих полицейских она уже слышала раньше, и теперь вся превратилась в слух.

Она мигом оценила обстановку, в которой ей пришлось оказаться: мрачная пыльная комната, неубранная и переполненная вещами. Под столом ее внимание привлек наполовину развернутый плакат с репродукцией картины Эдварда Хоппера «Ночные ястребы», на которой было изображено, как поздним вечером, в каком-то заброшенном кабаке, ужинают несколько посетителей. Этот плакат дольше всех продержался на стене и свалился последним из-за собственной тяжести. Том еще не успел убрать его.

Райм коротко объяснил Амелии, что у них осталось очень мало времени, а именно только до трех часов. Она понимающе кивнула, но в ее глазах промелькнул какой-то непонятный блеск. Что это? Страх? Или, может быть, отвращение?

Джерри Бэнкс, носивший на пальце кольцо, хоть и красивое, но не обручальное, немедленно оценил ее потрясающую внешность и сразу же одарил молодую женщину восхищенной улыбкой. Однако в ответ он получил такой взгляд, что юноше сразу все стало понятно: здесь ни о каком флирте не может быть и речи. Да и вне пределов этой комнаты — тоже.

— А не может здесь быть ловушки? — высказал предположение Поллинг. — Он выведет нас туда, куда ему нужно, мы попадемся на его

удочку, а потом окажется, что он заранее заложил в помещение бомбу или что-то в этом роде?

— Сильно сомневаюсь, — пожал плечами Селитто. — Зачем ему для этого прибегать к таким сложностям? Если вам уж так приспичило убивать полицейских, куда легче их просто находить и отстреливать.

Наступила неловкая пауза, во время которой Поллинг переводил взгляд с Селитто на Райма и обратно. Все почему-то сразу припомнили, что Линкольн повредил позвоночник именно при расследовании подобного преступления, о котором сейчас вскользь упомянул Лон.

Однако на самого Райма данное высказывание не произвело никакого впечатления. Он продолжал:

— Я согласен с Лоном, хотя, на всякий случай, о мерах предосторожности забывать не следует. Нас может ожидать засада. Похоже, что наш подопечный действует по собственным правилам.

Сакс снова принялась рассматривать картину Хоппера. Райм проследил за взглядом женщины. Теперь ему почему-то показалось, что обедающие посетители кабака не так уж и одиноко себя чувствуют. Если повнимательнее изучить картину, становится очевидно, что они весьма довольны своим положением.

— У нас имеется как бы два вида вещественных доказательств, — продолжал Линкольн, — стандартные, то есть те, что преступник не собирался оставлять после себя. Сюда относятся волосы, отпечатки, возможно, кровь и следы от обуви. Если нам удастся обнаружить достаточное количество именно этих следов, то мы сумеем обнаружить и первичное место преступления, то есть дом, где и живет наш подозреваемый.

— Или убежище, где он прячется, — подхватил Селитто. — Это ведь может быть и временное жилье.

— Укромное безопасное место? — кивая, размышлял вслух Райм. — Не исключено, что ты прав, Лон. Ему нужно такое место. Именно оттуда он и начинает свои операции... Кроме того, имеются умышленно оставленные вещественные доказательства. Кроме обрывков бумаги, которые подсказывают нам, когда совершится преступление, в нашем распоряжении есть болт, кусок асбеста и песок.

— Опять начинается эта поганая охота вслепую, — заворчал Хауманн, приглаживая свой «ежик». Сейчас он напоминал Райму вышколенного сержанта, которым, собственно, тот и являлся по своей сути.

— Значит, я могу доложить начальству, что у нас есть все основания полагать, что мы вовремя обнаружим жертву? — с надеждой в голосе произнес Поллинг.

— Я думаю, да.

Капитан тут же принялся набирать номер, не забыв уединиться в дальнем углу комнаты. Когда разговор был окончен, он нахмурился:

— Я беседовал с мэром, — сообщил он. — Он и шеф полиции ждут меня. Через час у них начинается пресс-конференция, и они хотят, чтобы я тоже на ней присутствовал. В мои обязанности входит проверить, на месте ли у них члены и застегнуты ли на штанах ширинки. Что-нибудь еще им сообщить?

Селитто посмотрел на Райма, но тот лишь отрицательно шевельнул бровями.

— Пока что нет.

Поллинг вернул Лону его сотовый телефон и буквально выпорхнул из комнаты.

Через несколько секунд наверх легким шагом поднялся сухощавый лысый господин лет тридцати с небольшим. Мел Купер на первый взгляд производил впечатление полного болвана, годного лишь на роль простака в комедии. Его сопровождали двое полицейских, несших увесистый сундук и два кейса. Казалось, что в каждом из них не менее тысячи фунтов. Офицеры поставили свою поклажу на пол и покинули комнату.

— Привет, Мел, — приветствовал вошедшего Райм.

— Добрый день, детектив. — Купер подошел к постели и пожал безжизненную руку Линкольна. «Единственный физический контакт за весь сегодняшний день», — отметил про себя хозяин дома. Они когда-то работали вместе с Купером несколько лет подряд. Мел имел ученые степени по органической химии, физике и математике и считался великолепным специалистом по отпечаткам пальцев, ДНК, судебной экспертизе и вообще анализу любых вещественных доказательств.

— Как поживает лучший криминалист мира? — поинтересовался Купер.

Райм добродушно усмехнулся. Этим титулом его наградила пресса, после того как ФБР выбрало его — городского полицейского — консультантом для комплектования своего следственного отдела, который анализирует вещественные доказательства, найденные на местах преступлений. Не

удовлетворившись привычным «специалист судебной экспертизы», они повесили на него ярлык «лучший криминалист мира».

Это слово к тому времени уже прижилось в Америке. Впервые криминалистом был назван легендарный Пол Леланд Кирк, который долгое время работал директором школы криминалистов в Беркли. Эту первую в истории США школу основал еще более известный человек Август Волмер. Потом словечко стало модным, и теперь любой технический сотрудник, работающий в области судебной экспертизы, приставая на вечеринке к симпатичной блондинке, считал своим долгом отрекомендоваться как «криминалист».

— Я думаю, это кошмар для любого нормального человека, — поморщился Купер. — Спокойно сесть в такси, и уже через минуту осознать, что за рулем находится самый настоящий маньяк-убийца. А в это время весь мир наблюдает за Нью-Йорком, потому что именно здесь происходит Всемирная конференция ООН. Да, для расследования такого дела они кого хочешь, вернут с заслуженного отдыха!

— Как поживает твоя матушка? — поинтересовался Райм.

— Все еще жалуется на постоянные боли во всем теле, хотя по-прежнему чувствует себя куда лучше, чем я сам.

Купер с самого дня своего рождения жил в небольшом бунгало в Квинсе со своей мамой. Он обожал бальные танцы и специализировался на танго. Злые языки поговаривали, что у Купера не все в порядке с сексуальной ориентацией. Райм не очень интересовался личной жизнью своих подчиненных, хотя сам был удивлен не меньше остальных, когда Купер, наконец, представил товарищам свою невесту Грету, ошеломляющей красоты скандинавскую девушку, преподающую высшую математику в колумбийском университете.

Купер неторопливо открыл свой сундук, обитый изнутри бархатом, достал оттуда детали трех микроскопов и начал с предельной аккуратностью собирать их.

— Воздушные потоки будут мешать, — он с сожалением осмотрел отдушины и поправил очки на переносице.

— Потому что это самый обыкновенный жилой дом. Мел.

— А я бы не удивился, если бы узнал, что ты предпочитаешь жить в лаборатории.

Райм с удовольствием смотрел на эти знакомые, старые инструменты. Целых пятнадцать лет своей жизни он провел точно с такими же. Стандартный микроскоп, фазоконтрастный и поляризованная легкая модель. Затем Купер вынул из кейсов целую коллекцию всевозможных склянок и пробирок. Райм сразу же начал вспоминать названия различных реактивов и оборудования, словно только вчера работал с ними. Набор для полного анализа крови, уксусная кислота, ортотолидин, реактив люминола, магнитный порошок, реактив Рухеманна...

Поджарый Купер деловито осмотрел комнату:

— Тут все выглядит почти так же, как и в твоем кабинете, Линкольн. Интересно, как ты находишь нужную тебе вещь? Я бы растерялся среди такого скопления всякой всячины...

— Том, — Райм кивнул помощнику в сторону наименее захламленного столика. Тот проворно убрал с поверхности книги и журналы, расчистив пространство для микроскопов.

Селитто еще раз взглянул на отчет:

— Так как мы назовем нашего подозреваемого? — поинтересовался он. — У этого дела нет даже порядкового номера.

— Назови любое число, — обратился Райм к Бэнксу. — Ну, первое, что придет тебе в голову.

— Давайте используем номер найденной страницы, — тут же предложил Джерри. — То есть сегодняшнее число, — сразу поправился он.

— Итак, подозреваемый номер 823. Не лучше и не хуже любого другого номера.

Селитто тут же внес это в свой блокнот.

— Хм... Извините, пожалуйста, детектив Райм...

Райм повернул голову. Говорила женщина.

— Мне в полдень надо было приехать в управление...

— Офицер Сакс... — начал Райм, — кажется, вы сегодня были дежурным полицейским? Я имею в виду, что это именно вы обнаружили жертву возле железнодорожного полотна?

— Да. Все верно. Я ответила на телефонный звонок и поехала на место преступления, — проговорила Амелия, хотя со стороны казалось, что теперь она обращается к Тому.

— Офицер, я нахожусь немного левее, — едва сдерживаясь, напомнил о себе Линкольн. — Вот здесь. — Его раздражало, когда другие, обращаясь к нему, говорили, смотря на него сквозь посторонних, *здоровых*людей.

Голова женщины резко повернулась на звук его голоса, и Райм понял, что Сакс достаточно быстро учится и хорошо запоминает уроки.

— Да, сэр, — тихо отметила она, сверкнул льдом своих красивых глаз.

— Я уже не служу в полиции, — напомнил Райм, — поэтому можете называть меня просто «Линкольн».

— Я хочу, чтобы вы сначала разобрались в отношении меня.

— А в чем дело?

— Я не понимаю, почему сейчас необходимо мое присутствие. Если вам нужно мое письменное извинение, я его вам представлю. Дело в том, что я опаздываю на свои занятия, и, кроме того, никак не могу дозвониться до своего начальника, чтобы предупредить его о том, что немного задерживаюсь.

— Извинения? — снова не понял ее Райм.

— Дело в том, что я не имею никакого опыта в осмотре места преступления, — пояснила Амелия. — Поэтому я, наверное, действовала немного неосмотрительно и перестаралась.

— О чем вы говорите?

— О том, что я самовольно перекрыла одиннадцатую улицу и остановила движение поездов. Это из-за меня сенатор не смог вовремя выступить со своей речью и кое-кто из участников конференции выбился из своего намеченного графика.

— А вы знаете, кто я такой? — искренне рассмеялся Райм.

— Ну, конечно. Мне и раньше приходилось о вас много слышать. Только я почему-то всегда считала, что вы...

— Что я уже умер? — помог ей Райм.

— Нет, я имела в виду совсем другое, — вспыхнула Амелия, хотя она хотела сказать именно это. — Мы все учились в академии по вашей книге, но почему-то никто лично с вами не встречался. То есть... — Она уставилась в стену и отчеканила: — Как офицер полиции, я сочла необходимым остановить движение поездов и перекрыть улицу, ближайшую к месту преступления, чтобы оставить его нетронутым. Именно так я и поступила, сэр.

— Я же просил вас называть меня «Линкольн». Итак, вы...

— Я...

— Кстати, как вас зовут?

— Амелия.

— Амелия? Уж не в честь ли великой летчицы?

— Нет, сэр, это обычное женское имя.

— Итак, Амелия, мне не требуется от вас никаких письменных извинений и объяснений. Вы поступили правильно, а Вине Перетти оказался в данном случае не прав.

Селитто чуть не поперхнулся от такой неучтивости по отношению к коллеге-офицеру, но Райму сейчас было наплевать на подобные мелочи. В конце концов, он сейчас был одним из немногих людей, которые могли себе позволить даже не пошевелиться, если бы в эту комнату сейчас вошел сам президент Соединенных Штатов.

— Перетти отнесся к своим обязанностям так, — продолжал Райм, — как будто мэр заглядывал ему через плечо, а это прямой путь к тому, чтобы все испортить. Ни в коем случае нельзя было возобновлять движение по улице и, тем более, снова пускать поезда. Кто знает, если бы вам предоставили возможность и далее обследовать место преступления, мы могли бы обнаружить там даже визитную карточку нашего подозреваемого или огромный отпечаток его большого пальца.

— Не исключено, что так оно и было бы, — осторожно согласился Селитто, — но давай все-таки оставим свои предположения при себе. — Лон переводил взгляд с Сакс на Купера и юного Бэнкса.

Райм не к месту рассмеялся. Затем он повернулся к Сакс и увидел, что женщина, как и Бэнкс сегодня утром, пристально рассматривает его тело и ноги, прикрытые бледно-оранжевым пледом:

— Я пригласил вас сюда, — объяснил он, — чтобы вы работали с нами и смогли как следует осмотреть следующее место преступления.

— Что? — На этот раз она смотрела непосредственно в глаза Линкольна.

— Чтобы вы работали вместе с нами, — терпеливо повторил тот. — На следующем месте преступления.

— Но, — она нервно расхохоталась, — но я не судебный эксперт. Я простой патрульный полицейский.

— А у нас достаточно необычное дело. И это вам подтвердит детектив Селитто. Это просто дикость какая то, верно, Лон? Все правильно, если бы все шло по стандарту, я бы и не стал беспокоить вас. Но сейчас нам, как никогда, требуется свежая пара глаз.

Сакс беспомощно посмотрела на Селитто, но тот молчал:

— Я… я буду бесполезным грузом. Я просто уверена в этом.

— Ну, хорошо, — спокойно произнес Райм. — Хотите правду?

Амелия кивнула.

— Мне нужен человек, у которого хватает смелости останавливать поезда, чтобы сохранить место преступления нетронутым, а потом еще и сил, чтобы отстаивать свою правоту.

— Спасибо вам за доверие, сэр. То есть Линкольн. Но только…

— Лон, — обратился Райм к приятелю.

— Офицер, — обратился к Сакс Селитто, — мы не предлагаем вам никакого выбора. Вас назначили участвовать в расследовании этого дела и оказывать посильную помощь следствию.

— Сэр, я вынуждена протестовать. Меня как раз сегодня переводят с патрульной службы по состоянию моего здоровья. И приказ о моем новом назначении уже час как вступил в силу.

— Что у вас со здоровьем? — поинтересовался Райм.

Амелия некоторое время колебалась, продолжая смотреть на его ноги, но затем все же чуть слышно выговорила:

— У меня артрит.

— Неужели?

— Хронический.

— Какая жалость!

— Я подняла телефонную трубку сегодня только потому, что дежурный офицер приболел и не вышел на службу, — попыталась оправдаться Амелия. — Я вовсе не планировала осматривать место преступления.

— Да, это верно. У меня тоже были на этот день совершенно другие планы, — понимающе кивнул Линкольн. — А теперь давайте приступим к анализу наших вещественных доказательств.

Глава шестая

Обыкновенный болт...

Классическое правило исследования вещественных доказательств: в первую очередь анализируй самые необычные предметы.

Том вертел в разные стороны целлофановый пакет, а Райм изучал находящийся в нем болт, наполовину ржавый, со сбитыми фасками и изношенной резьбой.

— Ты уверен насчет отпечатков пальцев? Использовался ли тонкодисперсный реактив, применяемый для этой цели?

— Да, — подтвердил Мел Купер.

— Том, — сердился Райм, — убери у меня со лба волосы и зачеши их назад. Я еще утром просил тебя это сделать.

Помощник вздохнул и принялся укладывать непослушные черные пряди.

— Осторожнее! — предупредил он, когда Райм недовольно дернул головой, отчего расческа еще глубже завязла в волосах.

Амелия Сакс, насупившись, сидела в углу. Ноги она убрала под стул, и сейчас их ступни занимали положение, словно у бегуна на старте. Казалось, что женщина с нетерпением ожидает возможности сорваться с места.

Внимание Райма вновь переключилось на болт. Когда Линкольн еще работал в полицейском управлении, он принялся составлять обширную базу данных, включающих в себя всевозможные характеристики оружия,

пуль, волокон ткани, отпечатков протекторов шин, следов моторного масла, обуви, различных инструментов и тому подобное. Он потратил сотни часов, систематизируя эти данные, присваивая им номера и индексы.

Но, несмотря на свой титанический труд, он так и не добрался до каталогизации скобяных изделий. Теперь он злился на себя за то, что не успел это сделать, но еще больше его сердил Винс Перетти, который так и не удосужился продолжить его работу.

— Нам потребуется дозвониться до каждого изготовителя и продавца подобных болтов в северо-восточном районе города. Нет, во всей стране. Надо выяснить, кто их делает и кому продает. Перешлите факсом описание и чертеж этого болта нашим диспетчерам. Пусть начинают работу.

— Послушайте, таких изготовителей, а, тем более, магазинов, могут быть миллионы! В каждом крупном универмаге обязательно должен быть отдел, где торгуют болтами.

— Не думаю, — задумчиво произнес Райм. — В таком случае он не стал бы оставлять нам эту вещицу. Здесь что-то не так. Могу поспорить, что наш болт — особенный, и их выпускают весьма ограниченное количество.

Селитто набрал номер и через минуту доложил Райму:

— Нам выделили четырех диспетчеров. Теперь вопрос: где нам взять список фирм-производителей этих железок?

— Пошлите патрульного на 42-ю улицу, — распорядился Линкольн. — Там в публичной библиотеке есть каталоги, но пока он их не раздобыл, пусть диспетчеры начинают обзванивать тех, кто занесен в Желтые страницы.

Селитто повторил приказ в телефонную трубку. Райм с беспокойством посмотрел на часы. Половина второго.

— Теперь перейдем к асбесту.

На долю секунды это слово будто зависло у него в мозгу, вызывая смутные воспоминания и ассоциации. Что же такого знакомого в этом слове? Линкольну показалось, что ему совсем недавно попадалось упоминание именно об асбесте. Но где? К тому же в последнее время он перестал доверять своим ощущениям. Тем более, он уже не мог точно сказать, как давно это было. Когда приходится лежать день за днем,

месяц за месяцем без движения, время замедляет свой бег. Может быть, это проклятое слово «асбест» попадалось ему в литературе и два года назад.

— Что нам известно об асбесте? — вслух рассуждал Райм. Ему никто не ответил, да он этого и не ждал, так как знал ответ сам. Асбест представлял собой набор сложных силикатов, негорючих, так как, подобно стеклу, они уже подверглись полному окислению. Часто его применяют как наполнитель для изготовления строительных конструкций.

Когда-то, при расследовании убийства полицейского тем самым Даном Шепердом, работая вместе с судебными антропологами и одонтологами, Райму пришлось трудиться в облицованном асбоцементными плитами помещении. Он до сих пор вспоминал привкус пыли, проникавший в легкие невзирая на защитную маску. Тогда труп копа был ими найден в генераторной, куда его сбросил убийца, на станции метро «Сити Холл». Именно в тот момент, когда Райм расстегивал на груди полицейского рубашку, послышался треск, и на него рухнула та самая проклятая балка. Маска не дала ему задохнуться от поднявшихся облаков пыли и строительного мусора.

— Может быть, подозреваемый прячет жертву на каком-нибудь строительном объекте? Там, где сейчас идет уборка, — предположил Селитто.

— Может быть, — согласился Райм.

Селитто обратился к своему молодому помощнику:

— Джерри, позвони в Управление по охране окружающей среды и выясни, где сейчас завершаются строительные работы и вывозится мусор.

— Боу, у тебя есть команды, готовые к работе? — поинтересовался Райм.

— Одна готова приступить прямо сейчас, — подтвердил Хауманн. — Хотя, надо сказать, половина сил сейчас привлечена в связи с работой конференции. Отдел безопасности ООН и Секретная службы вроде как одолжили у нас сотрудников.

— Я получил кое-какую информацию от экологов, — поманил Бэнкс Хауманна, и они отошли в сторонку. Они отодвинули несколько стопок книг, и Хауманн развернул на освободившемся месте тактическую карту города. С одной из книг что-то свалилось прямо на нее.

— О Господи! — от неожиданности подпрыгнул Бэнкс. Райм со своего ложа не мог видеть, что у них упало. После секундного замешательства Хауманн нагнулся и, подняв с пола фрагмент позвоночника, снова водрузил его на книги.

Райм почувствовал, как на него устремились взгляды всех присутствующих в комнате, однако не стал распространяться по поводу находки. Хауманн склонился над картой, а Бэнкс принялся сообщать ему все, что узнал по телефону о строительных участках, где в данный момент могла производиться уборка мусора. Боу отмечал места фломастером. Выяснилось, что таких участков в городе было великое множество, и все они находились в самых разных районах. Пока что картина вырисовывалась не слишком вдохновляющая.

— Надо сузить места поиска, — предложил Райм. — Давайте посмотрим, что у нас с песком. Купер, что лично ты о нем думаешь?

Селитто передал Боу пакет, и тот высыпал его содержимое на эмалированный поднос. Поблескивающий порошок оставил в воздухе небольшое облачко пыли. В самом центре кучки оказался и маленький камешек.

У Линкольна Райма перехватило горло. Но не оттого, что он увидел: Линкольн пока что еще даже не смотрел на песок. Порыв схватить ручку, зародившийся в мозгу, отозвался болезненным импульсом, замершим на половине пути, так и не дойдя до бесполезных, бесчувственных пальцев. Давно он уже не испытывал ничего подобного. Он еле сдержался, чтобы не расплакаться от обиды, как ребенок. И только вид пузырька с секоналом да пластикового пакета, оставленных доктором Бергером, немного успокоил его. Они, как ангелы-спасители, витали в комнате, не давая ее хозяину до конца расслабиться.

Он прокашлялся:

— Отпечатки!

— Что? — переспросил Купер.

— На этом камне должны быть отпечатки пальцев. Селитто вопросительно посмотрел на Линкольна.

— Камень попал сюда случайно. Он не относится к песку, — начинал сердиться Райм. — Котлеты отдельно, и мухи тоже отдельно. Мне важно знать, что тут делает этот камешек. Проверь-ка его на предмет отпечатков.

Используя щипцы с фарфоровыми наконечниками, Купер осторожно вынул из песка камень, и внимательно оглядел его со всех сторон. Затем надел очки и направил на камень луч фонаря.

— Ничего? — нетерпеливо поинтересовался Райм. Существует методика, называемая «показания вакуумного металла»: она является очень важной для выявления скрытых отпечатков пальцев на непористых поверхностях. При этом в вакуумной камере, куда кладется анализируемый предмет, начинается испарение золота или цинка, и тончайший слой металла покрывает скрытые отпечатки. При этом пальцевой узор становится виден во всем своем великолепии — с бугорками и завитками.

Но именно этого приспособления у Купера с собой сейчас не оказалось.

— Так что у тебя вообще есть? — недовольно спросил Райм. — Черный седан, стабилизированный физический проявитель, йод, черный амидо, магнитный порошок... Да мало ли чего!

Кроме этого, он захватил с собой нингидрин для поиска отпечатков на пористой поверхности и супер-клей для гладких поверхностей. Райм сразу вспомнил о тех открытиях в криминалистике, которые потрясли эту науку всего несколько лет назад. Технический служащий в лаборатории американских вооруженных сил, расположенных в Японии, использовал супер-клей, чтобы починить сломанный фотоаппарат. Каково же было его изумление, когда из-за воздействия паров клеящего вещества на камере проявились скрытые отпечатки множества пальцев, причем намного ярче, чем это делалось при помощи других реактивов.

Именно этот метод и собирался сейчас применить Купер. При помощи щипцов он поместил камешек в стеклянную коробочку и капнул клеем на горячую пластину, прикрепленную внутри. Через несколько минут камень был извлечен наружу.

— Что-то есть, — важно сообщил он и принялся оглаживать камень кисточкой с порошком, видимым в ультрафиолетовых лучах. После этого на камень был направлен специальный луч, и в самой его середине проявился отчетливый отпечаток. Его тут же сфотографировали в натуральную величину «поляроидом» и передали снимок Райму.

— Поближе, пожалуйста, — прищурившись, попросил Линкольн. — Да, он прокатал палец по камню!

Когда палец «катается» по предмету, отпечаток получается отличный от того, как если бы этот предмет просто брали в руки. Конечно, не специалист не отличил бы эти отпечатки, разница была заметна, может

быть, только в ширине бороздок на пальцевом узоре, но эксперту все становилось ясно с первого же взгляда.

— Посмотрите-ка, а это что такое? — внезапно встрепенулся Райм. — Я имею в виду вот эту линию. — Над самим отпечатком пальца красовался полумесяц.

— Похоже на...

— Вот именно, — подхватил Райм. — Это след от ее ногтя. В нормальных условиях такой след было бы трудновато получить. Могу поспорить, что он специально смазал отпечаток пальца.

— А зачем ему надо было все это? — изумилась Сакс. Райм снова начинал сердиться на всех окружающих лишь за то, что они не успевали так же быстро, как и он, схватывать информацию и оценивать ситуацию, и поэтому принялся объяснять:

— Своей очередной «постановкой» он пытается передать нам две вещи. Во-первых, подчеркнуть, что его жертва — женщина. Это на всякий случай, если мы до сих пор не догадались, что между нею и сегодняшним трупом имеется некоторая связь.

— Но почему так сложно? — недоумевал Бэнкс.

— Чтобы заставить нас лишний раз попотеть, — огрызнулся Райм. — Теперь он ясно показал нам, что женщина находится у него в руках и ей угрожает опасность. — Взгляд Линкольна случайно упал на руки Амелии. Он был удивлен, почему у такой красивой женщины столь неухоженные ногти. Мало того, некоторые пальцы были обмотаны пластырем, а на других — ногти обгрызены до самого мяса. На одном ногте даже запеклась кровь. Он посмотрел на ее лицо и сразу заметил покраснение под бровями. «Наверное, от неумелого выщипывания волосков», — подумал Райм. А возле уха — самая настоящая царапина. Все признаки самостоятельного разрушения собственного организма. Оказывается, в мире существует еще миллион других способов уделать себя, кроме как с помощью «арманьяка» и таблеток.

— И вот еще что хочет рассказать нам наш предполагаемый подозреваемый, — громко объявил Райм. — И я уже, кажется, говорил вам об этом. Ему кое-что известно о вещественных доказательствах и о том, как проводится судебная экспертиза. Поэтому он требует от нас, чтобы мы начали мыслить нестандартно и действовать не по правилам. Он предупреждает, что все вещи, которые он нам оставил на месте преступления, необычны, и анализировать их надо тоже с умом. Ну, во всяком случае, так думает он. Тем не менее, мы, как я считаю, все равно

разберемся в этом деле. Могу биться об заклад! — Внезапно Райм нахмурился. — Карта! Нам нужна карта. Том!

— Какая карта? — попытался уточнить помощник.

— Ты знаешь, *какую*именно я имею в виду!

Том устало вздохнул:

— Понятия не имею. Линкольн.

Глядя в окно и разговаривая сам с собой вполголоса, Райм рассуждал:

— Подземные туннели бутлегеров, тайные входы, асбест... Все это относится к делам минувших дней. Ему, по всей вероятности, нравится история. Старинный Нью-Йорк... Мне нужна карта Рандела.

— И где она лежит?

— В материалах для исторического обзора в моей книге, где же еще?

Том сразу отыскал нужную папку и извлек оттуда ксерокопию карты Манхэттена:

— Это?

— Да-да, именно это!

Это была обзорная карта Нью-Йорка от 1811 года, выполненная специально для планирования решетчатой структуры расположения улиц в городе. Карта была начерчена в горизонтальной плоскости так, что южный Бэттери-Парк располагался слева, а Гарлем, который в реальной жизни находится на севере, здесь оказался справа. Расположенный таким необычным способом, весь остров напоминал тело прыгающей собаки, готовой к нападению, с чуть приподнятой узкой головой.

— Прилепи ее на стенку... Вот так.

Как только Том выполнил это несложное поручение. Линкольн довольно улыбнулся:

— Знаешь что. Том, пожалуй, мы примем тебя в нашу команду. Будем работать вместе. Лон, выдай ему какой-нибудь блестящий жетон или еще что-нибудь.

— Ну, Линкольн... — Помощник посмотрел на хозяина укоризненно.

— Нет-нет, ты нам действительно нужен. По-моему, ты в душе всегда мечтал стать кем-то вроде Сэма Спейда или Коджака?

— Только Джуди Гарланд, — ответил Том.

— В таком случае, ты будешь нашей персональной Джессикой Флетчер! Значит, на тебя накладывается обязанность составлять портрет нашего подозреваемого. Не теряй времени и доставай свою роскошную ручку, которая вечно без дела торчит у тебя из нагрудного кармана!

Молодой человек лишь закатил глаза к потолку, но потом послушно вынул из кармана рубашки «Паркер» и взял со стола новенький блокнот.

— Нет, я придумал кое-что получше, — провозгласил Райм. — Мы воспользуемся одним из моих плакатов. Да, тех самых, с репродукциями. Приклей его пустой стороной на стену, а писать будешь толстым маркером, крупными печатными буквами, чтобы мне все хорошо было видно.

Том выбрал «Лилии» Моне и пристроил плакат на стене так, чтобы он хорошо был виден Райму с постели.

— Наверху пиши: Предпод номер 823. Затем рисуй таблицу из четырех колонок. Озаглавь их так: «Внешность», «Место жительства», «Транспортные средства», «Прочее». Чудесно. Итак, начинаем. Что нам о нем вообще известно?

— Его транспортное средство — это самое обыкновенное такси желтого цвета, — тут же включился Селитто.

— Правильно. А в столбце «Прочее» надо первым делом записать то, что ему известно многое о криминалистике и методах, используемых для проведения анализа вещественных доказательств.

— А ведь это в свою очередь может означать, — добавил Лон, — что он успел хлебнуть свою порцию.

— Не понял вас, — удивился Том.

— Я хотел сказать, что наш подозреваемый, вероятно, уже имел судимость, раз так неплохо разбирается в криминалистике.

— Может быть, стоит добавить, что у него есть «Кольт» 32-го калибра? — подал голос Бэнкс.

— Черт возьми, конечно! — поддержал его Лон.

— И еще он разбирается в пальцевых узорах, — внес свой вклад Райм.

— В чем? — снова недопонял Том.

— В отпечатках пальцев. Они ведь, если приглядеться, действительно представляют собой самые настоящие узоры. И еще внеси в таблицу то, что он, скорее всего, имеет безопасное жилье, откуда и начинает действовать. Прекрасно. Вы только посмотрите на Тома. По-моему, его истинное призвание — работа в криминалистике!

Том вспыхнул и отступил от стены, стряхивая с рубашки прилипшую паутину.

— Ну вот, ребята, — подытожил Селитто, — это наше первое знакомство с предподом номер 823. Райм повернулся к Мелу Куперу:

— Пойдем дальше. Что у нас там с песком?

Купер сдвинул очки на бледный лоб, насыпал немного песка на предметное стеклышко микроскопа поляризированного света и начал настраивать резкость.

— Гм-м… Забавно. Отсутствует двойное лучепреломление. Поляризирующие микроскопы показывают двойную рефракцию кристаллов, волокон и некоторых других материалов. При исследовании обычного морского берегового песка это особенно хорошо видно в окуляр.

Предпод № 823

Внешность

Место жительства

Транспортные средства

Прочее

Возможно, имеет безопасный дом

Стандартное желтое такси

Знаком с методами криминалистики

Возможно ранее судим

Знаком с анализом отпечатков

Пистолет «Кольт» 32 калибра

— Значит, это вовсе и не песок, — пробормотал Райм, — а нечто совсем другое. — Ты можешь индивидуализировать это вещество?

Индивидуализация... Конечная цель криминалиста. Большинство вещественных доказательств может быть *идентифицировано*.Но даже если вы определили предмет, остаются сотни или даже тысячи источников, откуда он мог появиться. Если же вам удалось его *индивидуализировать,*значит, вы уже знаете источник происхождения этого вещества или же количество таких источников весьма ограничено. Это может быть отпечаток пальца, формула ДНК, кусочек краски, который отвалился как раз от машины подозреваемого и подходит и по цвету и по форме к поврежденной поверхности, как маленький фрагмент мозаики, незначительный сам по себе, но в совокупности с остальными кусочками делающий картину законченной.

— Может быть, — вздохнул Мел, — только для начала мне надо определить, что это вообще такое.

— Измельченное стекло? — предположил Райм. По своей сути стекло — это значительно расплавленный и спаянный песок, но процесс изготовления стекла меняет структуру кристаллов. Измельченное стекло также под микроскопом не покажет двойной рефракции. Купер впился глазами в непонятное вещество.

— Нет, не стекло и вовсе непохоже. Даже предположить не могу, что это такое. Жаль, у нас здесь нет рентгеновского аппарата с рассеянной энергией!

Довольно распространенный инструмент в современной криминалистике — это сканирующий электронный микроскоп, соединенный с рентгеновским аппаратом рассеянной энергии. Он обнаруживает даже самые незначительные включения в любом образце, который подвергается анализу.

— Достаньте ему такой прибор, — приказал Райм Селитто и оглядел комнату. — И еще нужен вакуумный аппарат для отпечатков пальцев. Не помешает и ГХ-ФМ спектрометр.

Газовый хроматограф разделял вещества на составные элементы, а фотоспектрометрия помогала определить каждый из них. Эти приборы позволяли криминалистам работать с образцами, составляющими сотые доли грамма, сравнивая результаты с множеством систематизированных в каталогах веществ.

Селитто тут же связался с лабораторией и объявил о своем заказе.

— Однако мы не можем пассивно дожидаться этих дорогих игрушек. Мел, — заявил Райм. — Поэтому придется нам действовать старомодным способом. Что ты еще можешь мне рассказать о нашем лже-песочке?

— Он смешан с грязью. Есть включения глины, кварца, полевого шпата и слюды. Наблюдаются микроскопические следы разложившихся растений. Попадается также то, что может оказаться бентонитом.

— Бентонит, — с удовольствием повторил Райм. — Это вулканический туф и пепел, спрессованные в морских отложениях. Он встречается строителям при закладке глубоких фундаментов, и они добавляют его в жидкое цементное тесто. Это предохраняет здание от оседания. Итак, мы ищем район новостроек, поблизости от побережья, возможно, к югу от 34-й улицы. Севернее коренные породы располагаются близко к поверхности, и подобной заливки фундаментов там не требуется.

— Если продолжать играть в «угадайку», — продолжал Мел, — то я бы сказал, что основным элементом здесь является кальций... Подожди-ка, есть и какие-то волокна.

Он вновь закрутил ручками настройки, и Райм отдал бы все что угодно за возможность самому взглянуть в окуляр. Ему вспомнились те вечера, когда он сам до изнеможения прижимался к резиновому наглазнику микроскопа, разглядывая следы перегноя, кровяные клетки или мельчайшие металлические вкрапления в образцах.

— Вот, нашел! Какая-то крупная трехслойная гранула. Один слой напоминает роговой, и два кальциевых. Цвета немного отличаются, один из слоев — полупрозрачный.

— Три слоя? — сердито буркнул Райм. — Черт, это же частица морской раковины! — Теперь он уже сердился на самого себя. Что стоило догадаться раньше?!

— Да, именно так, — согласился Купер. — Похоже на устрицу.

Устричные отложения были известны лишь в районе Лонг-Айленда и Нью-Джерси. Райм втайне надеялся, что география поисков убежища преступника ограничится Манхэттеном, где была найдена первая жертва.

— В таком случае он предоставляет нам возможность обшаривать весь город, — забормотал Линкольн, — и поиски становятся практически бессмысленными.

— Вижу еще кое-что, — снова заговорил Купер. — Похоже на следы известняка, причем древнего, гранулированного.

— Может быть, это цемент? — предположил Райм.

— Не исключено.

— Тогда я перестаю понимать, причем здесь раковины, — пожал плечами Мел. — Вокруг всего Нью-Йорка отложения раковин включают в себя массу грязи и перегнивших растений. Здесь лее почему-то добавлен цемент, а растительные включения ничтожны.

— Края! — неожиданно рявкнул Райм. — Края! Какие края у твоей раковины. Мел?

Купер прильнул к окуляру:

— Обломанные, совсем, не сглаженные водой. Такое происходит при сухом дроблении. Эта раковина давно не лежала в воде.

Глаза Райма шарили по карте Рандела справа налево. Наконец, его взгляд замер на том месте, где у «прыгающей собаки» находился крестец.

— Есть! — выкрикнул он. — Теперь мне все ясно. В 1913 году Ф. У. Вулворт выстроил здание в шестьдесят этажей, которое до сих пор носит его имя. Оно знаменито своей архитектурной терракотой, из которой были вырезаны фигуры химер и прочих готических чудовищ. В течение шестнадцати лет дом оставался самым высоким в мире. Из-за того, что почва в этом месте Манхэттена была намного ниже, чем уровень Бродвея, рабочим пришлось выкопать очень глубокий котлован для возведения массивного фундамента. Во время работ случайно были обнаружены останки промышленника Талбота Соамса, похищенного в 1906 году. Они были погребены в породе, напоминавшей белый песок, но на самом деле оказавшейся измельченным ракушечником. Газеты во всю трубили о том, что тучный обжора-магнат и в смерти не нашел в себе сил расстаться со столь любимыми им при жизни устрицами. Из-за того, что эти моллюски во множестве встречались на восточной оконечности Манхэттена и все мусорные баки были завалены их раковинами, получила свое название Перл-стрит, то есть Перламутровая.

— Заложница должна быть где-то в центре города, — объявил Райм. — В деловой части, скорее всего, ближе к восточной стороне. И возможно, на Перл-стрит. Она находится под землей на глубине от пяти до пятнадцати футов. Может быть, это новостройка или просто подвал. Надо искать старинное здание или тоннель.

— Джерри, еще раз быстренько проверь по информации Управления охраны окружающей среды, где сейчас ведется вывоз асбеста.

— По Перл-стрит таких участков нет, — отозвался молодой детектив, отрывая взгляд от карты, над которой он и Хауманн сейчас работали. — Зато в других районах их не меньше трех дюжин: и в Гарлеме, и в Бронксе... В деловой части ничего похожего нет.

— Асбест... асбест... — как завороженный, повторял Райм. — Что же такого еще может сообщить нам этот чертов асбест? Часы показывали уже пять минут третьего.

— Боу, в любом случае нам надо начинать пошевеливаться. Бери своих людей и бросай их на поиски. Проверьте все до одного дома по Перл-стрит. И Уотер-стрит тоже.

— Ничего себе! — ахнул полицейский. — Представляешь, сколько там этих домов?! — И он направился к двери.

— Лон, тебе тоже надо идти, — обратился Райм к Селитто. — Чем больше людей, тем больше шансов на успех. Придется задействовать все имеющиеся у нас резервы. Амелия, я хочу, чтобы вы тоже участвовали в поисках жертвы.

— Послушайте, я как раз думала о том, что...

— Офицер Сакс, — перебил ее Селитто, — по-моему, приказы надо выполнять, а не обсуждать.

Она бросила на него сердитый взгляд, который сразу же испортил ее привлекательную внешность.

— Мел, ты приехал сюда на своем автобусе? — спросил Райм Купера.

— Именно так. На СНР.

В автобусах, которые вызывали на место преступления для сбора и анализа вещественных доказательств, находилось такое количество всевозможной аппаратуры, которому позавидовала бы криминалистическая лаборатория небольшого города. В то время, когда Райм еще служил в следственном управлении, он приказал использовать более маневренные микроавтобусы. Их называли СНР — средство немедленного реагирования. С виду эти машины казались обычным городским транспортом, но Райм добился, чтобы их двигатели заменили на турбинные, такие, которые стоят в полицейских машинах перехвата. Впоследствии частенько получалось так, что лабораторные микроавтобусы успевали прибыть на место преступления даже раньше

полицейских патрульных машин, и технические работники волей-неволей становились там первыми офицерами. А это мечта каждого, кто работает в полиции.

— Передай ключи Амелии.

Купер повиновался, и Сакс, на несколько секунд застыв, неожиданно сорвалась с места и бросилась к лестнице. Райм отметил про себя, что даже ее шаги сейчас звучали как-то сердито.

— Ну, хорошо, Лон. Что ты обо всем этом думаешь? — обратился Линкольн к Селитто.

Тот лишь посмотрел на пустую комнату и подошел поближе к приятелю:

— Ты действительно хочешь задействовать в этом расследовании ДК?

— Что такое ДК?

— Я имею в виду эту девушку, Сакс. У нее есть прозвище: ДК.

— Почему?

— Только не называй ее так в лицо, она начинает раздражаться. Ее отец был прекрасным полицейским в течение сорока лет. Он действительно был великолепным человеком, копом по призванию, поэтому ее стали называть ДК — Дочь копа.

— А ты думаешь, не следует нам ее подключать?

— Я ничего подобного не говорил. Просто мне интересно, почему ты выбрал именно ее?

— Потому что ей пришлось спускаться вниз по отвесной скале только ради того, чтобы оставить место преступления нетронутым. Кроме того, она самостоятельно перекрыла движение поездов. А это неплохое проявление инициативы.

— Ну и что? Я могу назвать тебе дюжину полицейских, которые поступили бы точно так же.

— Тем не менее, мне нужна именно она, — строгим голосом произнес Райм, давая понять Селитто, что дальнейшая дискуссия на эту тему неуместна.

— Я просто хотел сказать еще вот что, — смутился детектив, — я только что имел разговор с Поллингом. Так как Перетти не включен

непосредственно в расследование, то могут возникнуть неприятности, если выяснится, что осмотр места преступления методом «решетки» производил самый обыкновенный патрульный полицейский.

— Возможно, так оно и будет, — безразлично произнес Райм, любуясь приклеенным к стене плакатом с начатым на нем описанием преступника. — Но мне кажется, что эта проблема и яйца выеденного не стоит по сравнению с теми, которые нас ждут уже сегодня.

И он опустил голову на мягкую подушку.

Глава седьмая

Микроавтобус мчался по направлению к грязным закопченным районам Уолл-стрит в деловой части Нью-Йорка.

Пальцы Амелии Сакс нервно постукивали по рулю, когда она пыталась представить себе то злосчастное место, где томилась бедная Ти-Джей Колфакс. Амелии казалось, что найти женщину просто невозможно. Приближающийся финансовый центр города сейчас показался ей невероятно огромным, полным крошечных переулков и тупиков, весь усеянный люками, дверями и бесконечными черными окнами.

В любом из этих мест можно спрятать заложника.

Перед мысленным взором Сакс все еще стояла рука, торчащая из холмика возле железнодорожного полотна. И блеск кольца с бриллиантом, надетого на окровавленную кость пальца. Амелии были знакомы такие кольца: подобные украшения покупают сами себе богатые одинокие девушки. Будь у нее побольше денег, она приобрела бы себе нечто похожее.

Сейчас она мчалась на юг, лавируя в потоке машин и уклоняясь от столкновения с многочисленными велосипедистами.

Даже в такой солнечный сияющий жаркий день эта часть города казалась холодной и мрачной. Мрачные здания отбрасывали глубокую тень, а их серые стены покрывали темные подтеки, напоминавшие свернувшуюся кровь.

Сакс сбросила скорость до сорока миль, вписалась в поворот и, несколько раз подпрыгнув на выщербленном асфальте, машина снова помчалась вперед.

«Великолепный двигатель», — подумала Амелия и решила попробовать, как он покажет себя на скорости семьдесят миль в час.

Еще будучи подростком, Эми Сакс, пользуясь тем, что отец, уставая на дежурстве, ложился спать, зажимала в ладони ключ от его «Камаро» и невинным тоном осведомлялась у матери, не надо ли что-нибудь купить в магазине. Не успевала та ответить отрицательно или порекомендовать дочери сесть на поезд, как девочка исчезала и через секунду уже неслась в отцовской машине по проселочным дорогам.

Возвращалась она часа через три и, конечно же, без продуктов. Эми потихоньку пробиралась в дом, где ее встречала рассерженная мать, читавшая ей пространные нравоучения. Суть их сводилась к тому, что ранняя беременность — штука нежелательная, что материнство в таком возрасте преждевременно состарит Эми, и тогда с мечтами о карьере фотомодели можно будет распроститься навсегда. Однако в конце концов мать выяснила, что ее дочка не спит с кем попало, а вместо этого летает на машине по окрестностям со скоростью сто миль в час. Она рассердилась еще больше, и теперь характер ее нотаций претерпел незначительные изменения: мать предупреждала Эми, что та неминуемо попадет в аварию и изуродует лицо, что также поставит крест на возможности стать той же фотомоделью.

Когда Эми подросла и получила водительские права, дела пошли еще хуже.

Теперь ей очень нравилось мчаться в узких промежутках между огромными грузовиками, уповая лишь на то, что ни их водители, ни пассажиры не откроют дверей.

Когда ты в движении, тебя трудно поймать...

Лон Селитто сосредоточенно мял короткими толстыми пальцами свое лицо и, совершенно не обращая внимания на скорость, с которой двигался их микроавтобус, беседовал со своим напарником о ходе расследования. Со стороны он напоминал главного бухгалтера, согласующего с подчиненным нюансы какого-нибудь финансового отчета. Что касается Бэнкса, то тот перестал бросать вожделенные взгляды на глаза и губы Амелии, а лишь ежеминутно смотрел на показания спидометра.

Они лихо свернули под Бруклинский мост. Сакс сейчас думала о содержавшейся в плену женщине. Постукивая своими неухоженными пальцами по рулю, она представляла себе роскошный маникюр Ти-Джей. И снова перед ее глазами встала торчащая из земли белая ветвь руки с кольцом на окровавленной кости.

— По-моему, он просто чокнутый, — неожиданно выпалила Сакс, лишь бы избавиться от навязчивого видения.

— Кто? — удивился Селитто.

— Райм.

— Что до меня, — добавил Бэнкс, — он мне кажется похожим на Говарда Хьюза, только помоложе.

— Да, он действительно сегодня выглядел неважно, — согласился Селитто, — а раньше ведь был красавец-мужчина. Хотя это и неудивительно, учитывая то, через что ему пришлось пройти. Кстати, Сакс, где вы научились так водить машину?

— На службе, — буркнула Амелия. — Причем никто меня не просил, а только приказывал. Как вот вы сегодня. А что, он действительно когда-то был выдающимся криминалистом?

— Райм? Он был более чем выдающимся. Если самый талантливый криминалист в год мог разобраться с парой сотен трупов, то Линкольн без труда справлялся с четырьмястами. Даже тогда, когда уже стоял во главе следственного управления. Взять хотя бы Перетти. Он неплохой парень, но занимается от силы одним делом в две недели, да и то при условии, что оно попадет на страницы всех центральных газет. Только я вам ничего не говорил, офицер.

— Конечно, нет.

— А Райм вникал буквально во все. Если у него не было текущих дел, он просто ходил по городу.

— Зачем?

— Просто ходил. Присматривался, кое-что покупал, кое-что подбирал. В общем, собирал разные вещи.

— Какие вещи?

— То, что чаще всего оказывается вещественными доказательствами. Образцы почвы, продукты питания, журналы, колпаки с автомобильных колес, обувь, лекарства, растения... Вы называете любой предмет, и он находит его в своем каталоге или вносит туда. Поэтому, когда в ходе расследования появляются вещественные доказательства, Райм лучше всех знает, где был преступник и чем занимался.

— А в роду у него были полицейские?

— Нет. Отец — ученый, работал в национальной лаборатории, что-то изобретал, насколько я помню.

— Значит, Райм тоже хотел пойти по его стопам и стать ученым?

— Да, у него две ученые степени: в области химии и истории. Я, правда, сам не знаю, почему он посвятил себя именно этим предметам. Родители его умерли давно, лет пятнадцать назад. Братьев и сестер нет. Родился и вырос он в Иллинойсе, поэтому его и назвали Линкольном.

Амелии захотелось спросить, женат ли он или, может быть, когда-то раньше состоял в браке, но она сдержалась и вместо этого неуверенно начала:

— Скажите, а он всегда такой…

— Смелее, офицер.

— С говнецом вместо характера?

Бэнкс рассмеялся.

— Моя мама про таких говорила «завернутый», — улыбнулся Селитто. — Пожалуй, это словечко лучше всего характеризует Райма. Он действительно свернут на своем любимом деле. Как-то раз, я помню, его придурковатый помощник обработал люминолом, — а это реактив для анализа крови — отпечаток пальца. Ну, немного перепутал с нингидрином. Короче говоря, отпечаток был потерян. Так Райм его уволил в ту же секунду. В другой раз полицейскому захотелось отлить на месте преступления, и он, после того, как сделал свое дело, додумался спустить воду в унитазе. Вы бы видели, как разбушевался Райм! Он велел несчастному копу разобрать унитаз и вернуть все то, что находилось в нем в тот момент, когда они прибыли на место преступления. — Селитто улыбнулся. — Но тот полицейский тоже оказался с гонором. «Ничего делать не буду, — говорит, — я, между прочим, лейтенант». На что Райм ему преспокойно отвечает: «Неужели? А у меня для вас новости. С этой минуты вы не лейтенант полиции, а сантехник низшего разряда». Я могу рассказывать такие истории бесконечно… Послушайте, офицер, вы, как мне кажется, уже разогнались до восьмидесяти миль!

Они пронеслись мимо здания полицейского управления, и Амелия с грустью подумала: «А ведь я сейчас должна была сидеть здесь, слушать лекции, знакомиться с новыми товарищами, наслаждаться прохладным воздухом кондиционеров».

В этот момент ей удалось обойти таксиста, намеревавшегося просочиться на красный свет.

Господи, ну и жарища! Душно, просто пекло какое-то! Самое мерзкое время суток. И настроение под стать погоде, так и бросает то вверх, то вниз, как грязные потоки воды в Гарлемских фонтанах. Пару лет назад Амелия с приятелем справляли Рождество «по сокращенному графику». У них был всего один свободный час, с одиннадцати вечера до полуночи. Погода стояла прохладная — всего четыре градуса. Они с Ником расположились в Рокфеллер-Центре на свежем воздухе возле катка, пили горячий кофе и бренди. Еще тогда они дружно пришли к мнению, что лучше провести в таком режиме целую неделю, чем пережить один-единственный августовский день в городе.

Наконец показалась и Перл-стрит. Амелия еще издалека заметила командный пост Хауманна. Оставив на асфальте черные восьмифутовые полосы тормозного пути, она втиснула машину между его автомобилем и полицейским автобусом.

— Черт возьми, а вы прекрасно водите, — похвалил ее Селитто, вылезая из микроавтобуса. Сакс испытала чувство Удовлетворения от того, что вспотевшие от напряжения руки Бэнкса оставили на двери мокрые отпечатки.

Полиция была повсюду: человек пятьдесят или того больше, и машины все продолжали прибывать. Казалось, что все внимание городской полиции было приковано сейчас к деловой части города. Сакс лениво подумала о том, что если бы сейчас кто-то решился совершить политическое убийство или, например, захватить иностранное консульство, то лучшего времени было и не выбрать.

Хауманн рысью подбежал к микроавтобусу и сразу же обратился к Селитто:

— Мы проверяем каждую дверь на Перл-стрит. Никто ничего не знает о вывозе асбестового мусора, и никто не слышал криков о помощи.

Сакс собиралась уже выйти из машины, но Хауманн остановил ее:

— Нет, офицер. Вам приказано оставаться рядом с микроавтобусом.

Тем не менее, она все равно выбралась наружу:

— Да, сэр. А кто именно это приказал?

— Детектив Райм. Я только что разговаривал с ним. Вам необходимо связаться с центром, как только вы прибудете на командный пост.

Сказав это, Хауманн удалился. Селитто и Банкс заспешили к командному посту.

— Детектив Селитто! — окликнула его Сакс. Когда тот повернулся, она продолжала: — Простите меня, детектив. Я не совсем поняла, кто мой непосредственный начальник. Кому я должна обо всем докладывать?

— Конечно, Райму, — без колебаний отозвался Лон. Амелия нервно рассмеялась:

— Но дело в том, что я не могу ему докладывать. Селитто уставился на нее непонимающе.

— Я имею в виду, что в этом деле кто-то должен нести официальную ответственность, не так ли? С точки зрения законности. А он — обычное гражданское лицо.

— Офицер, выслушайте меня внимательно, — спокойным, ровным тоном произнес Селитто. — Мы все подчиняемся Райму и докладываем об обстановке тоже ему. И мне абсолютно неважно, кто он: гражданское лицо, начальник полиции или сумасшедший крестоносец. Это, надеюсь, понятно?

— Но как же...

— Если вы хотите жаловаться, сделайте это в письменном виде и не ранее, чем завтра.

С этими словами он отвернулся от Амелии и зашагал прочь. Сакс еще несколько секунд смотрела ему вслед, потом вернулась в микроавтобус и, удобно устроившись на переднем сидении, соединилась с центром и доложила, что благополучно прибыла в назначенное место. Теперь она ждала дальнейших инструкций.

Через несколько секунд она снова нервно рассмеялась, услышав, что сказала ей женщина-диспетчер из центра:

— Вас поняла, 5885. Ждите дальнейших распоряжений от детектива Райма. Скоро он выйдет с вами на связь. *Детектив*Райм...

— Сигнал принят. Конец связи, — отчеканила Сакс и посмотрела на заднее сиденье, где лежали черные кейсы. Ей стало любопытно, что же может находиться там, внутри?

Два часа сорок минут.

В доме Райма зазвонил телефон. Том снял трубку и тут же услышал:

— Говорит диспетчер из штаба.

— Соединяю.

В комнате работала громкая связь. Из динамика до Линкольна донеслось:

— Детектив Райм, возможно, вы меня не помните, но я работала в следственном управлении еще при вас. Эмма Роллинс, я добывала для вас информацию по телефону.

— Я прекрасно тебя помню, Эмма. Как поживают твои ребятишки? — Райм не мог забыть эту веселую огромную негритянку, которой приходилось кормить пятерых детей, устроившись при этом сразу на две работы. Он помнил еще и то, как она, изо всех сил молотя своими сильными пальцами по кнопкам, один раз даже умудрилась сломать телефон правительственной связи.

— Джереми через пару недель отправляется в колледж, Дора уже выступает на сцене, ну, по крайней мере, она сама так считает. А с маленькими все пока прекрасно.

— Тебя Лон Селитто подключил к нам?

— Нет, сэр. Я узнала, что вы расследуете сложное дело, и посадила на 911 вместо себя приятельницу. Я ей сказала, что просто обязана помогать вам, и она согласилась временно поменяться со мной местами.

— Так чем ты нас можешь порадовать?

— Мы работали над поиском компании, изготовляющей болты. Потом по списку магазинов, торгующих скобяными товарами. Вот что я нашла. Там, на шляпке болта, есть буквы. «КЭ». Такие штуковины выпускает только «Консолидейтед Эдисон».

Господи! Как же он сразу не сообразил?!

— Но буквы стоят не случайно. Это означает, что данный болт — особенный, отличный от других, которые выпускает и продает эта компания. Он имеет длину 15/16 дюйма и более крутую нарезку, чем обычные болты. Они предназначены для старых труб и применяются только в Нью-Йорке. Трубам этим должно быть лет по шестьдесят или семьдесят. Они соединяются очень плотно. Короче, части трубы прилегают друг к другу теснее, чем жених к невесте на брачном ложе, как заявил мне их консультант. Он, видимо, подумал, что я при его откровенности покраснею.

— Эмма, я тебя обожаю. Ты ведь останешься с нами, не бросишь меня?

— Ни за что!

— Том! — крикнул Райм помощнику. — Я сейчас займу наш телефон. Мне надо много звонить. Там, в компьютере, была программа для активации голоса. Она у нас работает?

— Вы ее до сих пор не заказали.

— Разве?

— Именно так.

— Но она мне сейчас очень нужна.

— Что поделать, если у нас ее нет?

— Так придумай что-нибудь. Мне надо звонить.

— По-моему, у нас где-то было ручное управление громкоговорителем. — Том порылся в ящике у стены и нашел электронный адаптер для микрофона. Один конец провода он воткнул в телефон, другой приспособил к стойке рычага, установленного рядом со щекой Райма.

— Но это чертовски неудобное приспособление! — попытался возмутиться Линкольн.

— Пока что больше у нас ничего нет. Если бы вы согласились на инфракрасный луч, который исходил бы у вас со лба, что я предлагал уже давно, вы бы уже два года самостоятельно названивали в службу «секс по телефону».

— Сколько же тут проводов! — сердился Райм. — Неужели все они нужны?

Он случайно дернул шеей, и рычаг управления вылетел из зоны досягаемости.

— Черт!

Неожиданно это простейшее задание, не говоря уже о сложном расследовании, показалось Райму невыполнимым. Он измучился, у него ныли мышцы шеи и болела голова.

Особенно ощущалось давление на глаза, их пощипывало, и Линкольна одолевало желание потереть пальцами закрытые веки. Такое незатейливое движение, которое приносит значительное облегчение и которое доступно всему остальному миру.

Том поставил джойстик на место. Собрав весь имевшийся у него запас терпения, Райм тихо спросил:

— Как эта штука действует?

— Вот экран, видите? Надо двигать джойстик на нужную цифру, выждать секунду, и она будет введена в программу. Затем следующая цифра и так далее. Когда набраны все семь, надо нажать вот сюда.

— Но у меня не получится!

— Немного попрактикуетесь, и все будет в порядке.

— У нас сейчас нет для этого времени!

— А сколько его вы потратили впустую! — огрызнулся Том. — Ведь я только и делал, что звонил вместо вас, когда вам это было нужно!

— Ну, хорошо, — Райм заговорил тише, таким образом, показывая помощнику, что считает себя неправым и приносит извинения. — Пожалуй, попозже я действительно уделю некоторое время практике. А теперь, пожалуйста, соедини меня с компанией «Консолидейтед Эдисон». Попроси, чтобы к телефону подозвали инспектора.

……

От веревки и наручников нестерпимо болели конечности, но не это больше всего тревожило ее. Женщину пугал шум.

Тэмми Джин Колфакс почувствовала, как будто весь пот, содержащийся в теле, вдруг выступил на ее лице, шее и руках, когда она упорно продолжала пилить звенья наручников о старый проржавевший болт. Запястья у нее онемели и начали зудеть, но ей казалось, что дела идут успешно, и часть металла уже сточена.

Затем она сделала небольшой перерыв, чувствуя, что успела порядком устать. Она пыталась выкрутить руки и так, и эдак, чтобы ее не мучили спазмы, и было легче продолжить работу. Ти-Джей снова прислушалась. Звук до ее ушей доносился такой, будто где-то вдали трудились рабочие, закрепляя болты на трубах и подгоняя эти трубы одну к другой. Ей даже показалось, будто она видит, как они заканчивают свою работу. Еще несколько ударов молотка, и скоро все они отправятся по домам.

«Не уходите! — мысленно прокричала Ти-Джей. — Не оставляйте здесь меня одну!» Пока рабочие налаживали трубы и проверяли стыки, она почему-то чувствовала себя в относительной безопасности.

Но вот прозвучал последний удар, и все стихло.

Постарайся все же убраться отсюда, девочка...

Мамочка...

Ти-Джей расплакалась. Ей почему-то вспомнилась ее семья, оставшаяся там, в восточной части штата Теннеси. Нос у нее заложило, но с взрывом слез она внезапно почувствовала, что ноздри, наконец-то, «пробило». Ей удалось освободиться от мучившей ее слизи, и теперь женщина задышала свободно. Это прибавило ей уверенности в победе. Силы ее удвоились, и она возобновила свою попытку распилить проклятые наручники.

......

— Я прекрасно понимаю вашу спешку, детектив. Но только мне непонятно, каким образом я могу вам помочь. Мы используем такие болты по всему городу. Газовые трубы, нефтепроводы... — Женщина замолчала.

— Ну, хорошо, — вздохнул Райм и попробовал начать разговор с инспектором компании «Консолидейтед Эдисон» с другого конца. — Скажите, пожалуйста, вы изолируете трубы асбестом?

Секундное замешательство.

— Мы уже отказались от этого, — обиженно произнесла женщина. — Ну, на девяносто процентов. Даже на девяносто пять.

Господи, до чего же некоторые люди умеют вывести из себя связавшегося с ними человека!

— Я все понимаю, — как можно спокойней произнес Райм. — Мне нужно узнать только, где в проводке еще используется асбест в качестве изолятора.

— В электричестве никогда! — инспектор была непреклонна. — Только в паровом отоплении, а это, как вы понимаете, ничтожный процент нашей службы.

Пар!

Это было одной из наименее популярных и наиболее пугающих коммунальных услуг города. Вода нагревалась до огромной температуры и запускалась под Манхэттеном по системе труб длиной в несколько сот

миль. Обжигающий пар достигал температуры в 380 градусов и путешествовал по городу со скоростью в семьдесят пять миль в час.

Райму смутно вспомнилась газетная статья, попавшаяся ему на глаза не далее как на прошлой неделе.

— Скажите, у вас не было прорыва на линии несколько дней назад?

— Да, сэр, но асбест не протек. На том участке все чисто уже много лет.

— Но на каком-то участке асбест до сих пор оставлен?

Снова неловкое молчание.

— Да, но...

— Где был прорыв? — выпалил Райм.

— На Бродвее. В квартале севернее Чамберса.

— "Таймс" писала об этой аварии?

— Не знаю, может быть... Да, об этой.

— В статье упоминалось использование асбеста?

— Да, — нехотя призналась инспектор. — Но там только говорилось о том, что раньше загрязнение из-за применения асбеста вызывало серьезные проблемы.

— Та труба, которую прорвало... Она дальше пересекается с Перл-стрит? — продолжал атаку Райм.

— Подождите, мне надо проверить... Да, именно так. В районе Хановер-стрит. На северной ее стороне.

Райму представилась Ти-Джей Колфакс, женщина с длинными пальцами и ухоженными ногтями, которой с минуты на минуту суждено было погибнуть.

— И вы запускаете пар в три часа?

— Все верно, это должно произойти как раз сейчас.

— Этого нельзя допустить! — взорвался Линкольн. — Кто-то должен срочно вмешаться! Вы не должны пускать пар!

Купер оторвал взгляд от микроскопа и застыл, наблюдая за Раймом.

— Ну, я не знаю, что можно сделать… — неуверенно начала инспектор.

— Срочно звони Лону, — обратился Райм к Тому. — Сообщи ему, что женщина находится в подвале дома на пересечении Хановер и Перл-стрит. На северной стороне. — Затем он в двух словах объяснил ситуацию с паром. — Пусть туда приедет пожарная бригада со снаряжением, защищающим от высоких температур.

— Срочно соединитесь с рабочими! — продолжал Линкольн орать теперь уже инспектору «Консолидейтед Эдисон». — Немедленно! Нельзя запускать пар по трубам! *Ни в коем случае!* -Он бессмысленно повторял эти слова, осознавая всю тщетность своей запоздалой просьбы. Райм проклинал свое воображение за то, что сейчас оно рисовало ему навязчивую картину смерти Ти-Джей Колфакс. Он почти видел, как кожа женщины становится сначала ярко-розовой, потом красной, а через несколько секунд багровеет и начинает расползаться под шипящими струями пара.

……

В микроавтобусе затрещало радио. Часы Амелии показывали без трех минут три. Она вышла на связь:

— 5885 слушает.

— Брось ты эту официальщину, Амелия, — раздался голос Райма. — На это сейчас нет времени.

— Я…

— Похоже, нам стало известно, где она. Это на пересечении Хановер и Перл.

Она обернулась и увидела, как несколько десятков полицейских устремились к старому зданию.

— Вы хотите, чтобы я…

— Они позаботятся о женщине, а ты готовься заняться осмотром места преступления.

— Но я могла бы помочь…

— Нет. Оставайся пока здесь. На заднем сидении машины лежит кейс с наклейкой «02». В другом находится специальный фонарь. Ты видела такой у меня в комнате, когда им пользовался Мел. Захватишь его с собой. В кейсе «03» найдешь наушники с микрофоном. Соединишь их со

своей рацией, а потом отправишься вслед за полицейскими. Когда закончишь экипироваться, свяжешься со мной по 37-му каналу. Я подключен пока к наземной связи, но диспетчер соединит тебя со мной.

Тридцать седьмой канал... Именно эта частота использовалась для экстренной связи во время проведения самых ответственных операций в городе.

— Что? — попыталась переспросить Амелия, но радио уже замолчало.

На ремне у нее висел мощный галогеновый фонарь, так что она оставила в машине свой тяжелый и неудобный 12-тиволь-товик, прихватив все то, что велел Райм. Кейс «02» оказался довольно увесистым — фунтов пятьдесят, если не больше. «Только этого и не хватало моим бедным суставам!» — подумала Сакс. Перехватив ручку кейса поудобней и заранее стискивая зубы от боли, она поспешила на пересечение улиц.

Селитто, задыхаясь от быстрого бега, направлялся туда же. За ним семенил Бэнкс.

— Ты уже слышала? — спросил Лон на бегу. Сакс только кивнула в ответ.

— Туда?

Лон махнул рукой в сторону переулка:

— Он должен был провести ее черным ходом, — пояснил он. — В вестибюле дежурит охрана. — Они свернули в узкое ущелье между стенами домов: грязный, воняющий мочой и закиданный хламом проход, где возле баков с мусором, изнывая от жары, сидели бездомные.

— Туда! — прокричал Селитто. — Вон в ту дверь. Полицейские бросились к выходящим в проход дверям. Три из них оказались запертыми изнутри, а четвертая, вскрытая при помощи лома, сейчас запиралась новой цепью с замком.

— Здесь! — Селитто бросился к двери, замер на секунду, вспомнив, видимо, про отпечатки пальцев, затем махнул рукой и решительно схватился за ручку. Он дернул дверь, и та приоткрылась на несколько дюймов. Дальше не пускала цепь. Лон послал троих подоспевших полицейских обследовать вход в подвал с другой стороны. Один из копов подхватил лежащий рядом булыжник и принялся колотить им по цепи. Полдюжины ударов. Дюжина. Потом неловкое движение, и рука полицейского ударилась о дверь. Он поранился, и из пальцев хлынула кровь.

В этот момент на помощь к ним подоспел пожарный, вооруженный инструментом фирмы «Халлиган» — этакой помесью лома и кирки. Всадив металлический конец лома под цепь, он крутанул его и вывернул ее вместе с замком. Селитто выжидательно смотрел на Сакс. Она, в свою очередь, уставилась на него.

— Вперед, офицер! — рявкнул Лон.

— Что?

— Разве он вам не сказал?

— Кто?

— Райм.

Черт побери, в суматохе она забыла подключить наушники к рации! Немного повозившись. Сакс, наконец, вставила разъем в гнездо и тут же услышала:

— Амелия, где...

— Я уже здесь.

— Возле здания?

— Да.

— Заходи внутрь. Они перекрыли пар, но не уверен, что смогли это сделать вовремя. Захвати с собой медэксперта и одного полицейского и направляйтесь прямо в котельную. Скорее всего, ты сразу же обнаружишь эту Колфакс. Иди к ней, только не по прямой от двери. Если он вдруг оставил отпечатки ног, их нельзя повредить. Ты меня поняла?

— Да. — Она кивнула, словно Райм мог видеть ее в этот момент. Нетерпеливым жестом подозвав к себе медика и одного из копов, она шагнула вперед и очутилась в темном коридоре, где со стен капала вода, и откуда-то доносился шум работающих механизмов.

— Амелия, — снова послышался голос Райма.

— Да?

— Помнишь, мы говорили о возможности засады? То, что я уже знаю о преступнике, позволяет думать, что на этот раз опасности нет. Скорее всего, он уже где-то далеко отсюда. Иначе это было бы нелогично. Но все равно держи стреляющую руку наготове.

Нелогично...

—Хорошо.

— А теперь вперед. Быстро!

Глава восьмая

Мрачная пещера. Здесь жарко, темно и сыро.

Все трое осторожно двигались по грязному коридору к единственной двери впереди. На табличке перед входом значилось: «Котельная». Первым шел вооруженный полицейский в шлеме и бронежилете, за ним следовала Сакс. Медик замыкал шествие.

Правое плечо ныло от тяжести чемодана. Она взяла его в другую руку, чуть не уронив при этом и едва успев перехватить ручку поудобнее. Троица приближалась к двери.

Добравшись до цели, офицер полиции что есть силы пнул ногой дверь и тут же выступил вперед, обводя дулом своего автомата мрачную комнату. К стволу оружия был прикреплен фонарь, бросавший бледный свет на стены, покрытые мокрыми полосами сконденсировавшегося пара. Сакс сразу же уловила в воздухе запах плесени. И чего-то еще, отвратительного и страшного.

Щелкнула рация.

— Амелия? — Резкий голос Райма перепугал напрягшуюся до предела Сакс. — Где ты находишься, Амелия? Дрожащей рукой она убавила громкость.

— Внутри, — задыхаясь от жары, сообщила женщина.

— Она жива?

Сакс едва устояла на ногах, когда полицейским открылось ожидавшее их зрелище. Сначала Амелия зажмурилась, не веря тому, что увидела. Но уже через пару секунд ей все стало ясно.

— О, нет! — едва слышно прошептала она, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу.

Вокруг плавал тяжелый жирный запах вареного мяса. Но это было не самое худшее. Равно как и вид женской кожи, приобретшей желто-оранжевый цвет и лохмотьями слезавшей с тела. Лицо жертвы почти полностью сварилось. Самое страшное заключалось в той

невообразимой, какой-то перекрученной позе, в которой замерло это подобие человека. Можно представить, в каких муках извивалась Ти-Джей Кол-факс, стараясь уберечься от ревущей струи перегретого пара.

Он надеялся, что жертва уже мертва. Ради ее же блага...

—Она жива? — повторил Райм.

— Нет, — едва прошептала Сакс. — Я не вижу, как... Нет.

— Помещение безопасно?

Амелия оглянулась на полицейского с автоматом и увидела, как тот, видимо, слыша их разговор, утвердительно кивнул.

— Да, безопасно.

— Тогда можете отправить сопровождающего наверх, а сами вдвоем с медиком займитесь осмотром.

Сакс подавила приступ дурноты, вызванный запахом, и постаралась привести в порядок рефлексы. Вместе с медэкспертом они спустились по наклонному бетонному полу к трубе, возле которой медик нагнулся и спокойно ощупал шею женщины. Потом он выпрямился и отрицательно покачал головой.

— Амелия? — донесся из рации голос Райма. Итак, уже второй труп за один день.

— Подтверждение обнаружения трупа на месте преступления, — деревянным официальным голосом констатировал мед-эксперт.

Сакс кивнула и повторила его слова в микрофон.

— Сварилась заживо?

— Похоже на то.

— Привязана к стене?

— Прикована к трубе. Наручниками. Руки заведены назад, ноги связаны веревкой. Рот заклеен липкой лентой. Он вывинтил заглушку из паропровода, который находился в паре футов от лица жертвы. Боже мой!

— Отправь медика назад к двери тем же путем, каким вы вошли туда, — продолжал инструктировать Райм. — Следи за тем, куда ставишь ноги.

Она выполнила все его указания, не сводя глаз с женщины. Неужели человеческая кожа может становиться такой же красной, как панцирь вареного краба?

— Хорошо. Теперь, Амелия, тебе предстоит осмотреть место преступления. Открывай чемодан.

Она не ответила, продолжая смотреть на изуродованное тело.

— Амелия, ты уже у двери?.. Амелия!

— Что?! — вдруг выкрикнула она.

— Ты у двери?

Его голос звучал до отвращения спокойно, совсем не так требовательно, когда он разговаривал с ними в своей спальне. Спокойно… и как-то еще, но она сразу не смогла определить.

— Да, я у двери. Понимаете, это просто какое-то безумие.

— Абсолютное безумие, — согласился Райм каким-то даже бодрым тоном. — Ты открыла, наконец, чемодан?

Амелия подняла крышку и заглянула внутрь. Плоскогубцы, щипцы, зеркало с ручкой, ватные тампоны, пипетки, шпатели, скальпели…

Зачем все это?

…Тряпка, марля, конверты, кисточки и щеточки, ножницы, полиэтиленовые и бумажные пакеты, пузырьки и металлические баночки. Кроме того, пятипроцентная азотная кислота, нингидрин, силикон, йод, набор для обработки отпечатков пальцев…

Все это Амелия увидела словно впервые в жизни.

— По-моему, вы зря поверили в меня, детектив, — робко произнесла она в микрофон. — Я ведь практически не знаю, как надо обращаться с вещественными доказательствами и что нужно делать на месте преступления.

И снова взгляд Амелии упал на обезображенное тело женщины. С облупившегося от пара носа капала вода. В одном месте на щеке из-под

отслоившейся плоти белела кость. Лицо искажала болезненная гримаса, совсем как у утренней жертвы.

— Я верю в тебя, Амелия. Ну, так ты открыла чемодан? — Теперь Сакс поняла, что кроме спокойствия в его голосе звучали еще и нотки опытного соблазнителя. Таким тоном разговаривают с любовницей.

«Ненавижу его! — подумала Сакс. — Плохо, конечно, так относиться к калеке, но я, черт возьми, его ненавижу!»

— Ты сейчас в подвале, верно?

— Да, сэр.

— Послушай, ты должна называть меня Линкольном. К тому времени, когда все это закончится, мы должны узнать друг друга как следует.

А закончится все это максимум минут через шестьдесят.

— Если я не ошибаюсь, ты должна обнаружить в чемодане резиновые полосы.

— Вижу.

— Обмотай ими свою обувь. Если потом трудно будет разбираться со следами, ты всегда будешь знать, какие из них твои.

— Хорошо… Сделано.

— Теперь возьми несколько конвертов и пакетов для вещественных доказательств. Положи по десятку в каждый карман. Тебе когда-нибудь приходилось пользоваться палочками для еды?

— Что вы сказали?

— Ты городской житель. Тебе, что, не приходилось бывать в китайском ресторане? Вспомни цыплят и холодную лапшу с кунжутной подливой.

При напоминании о еде горло Амелии перехватил спазм. Сейчас у нее уже не было сил разглядывать женщину, свисающую перед ней с трубы.

— Я умею ими пользоваться, — ледяным тоном произнесла она.

— Посмотри в чемодане, хотя я не уверен, что они там есть. Палочки хранились там еще со времен моей работы.

— Нет, ничего похожего не вижу.

— Хорошо, в таком случае воспользуйся карандашами. Положи их в нагрудный карман. Теперь надо осмотреть место методом решетки, не пропуская ни одного дюйма. Ты готова?

— Да.

— Сначала расскажи мне, что ты видишь.

— Большая комната. Футов двадцать на тридцать. Здесь много ржавых труб, а под ногами — растрескавшийся бетонный пол. Стены кирпичные, заплесневелые.

— Есть какие-нибудь ящики или что-то в этом роде на полу?

— Нет, тут пусто. Кроме труб, бочек из-под масла и котла, здесь ничего нет. В одном месте есть небольшая кучка песка, то есть измельченных раковин, высыпавшихся из щели в стене. И какое-то серое вещество...

— Вещество?! — Казалось, Райм подпрыгнул на своей кровати. — Я не признаю этого слова. Говори конкретнее. Что еще за вещество?

Амелия чуть не поддалась вспышке гнева, но совладала с собой и спокойно ответила:

— Это асбест. Но не шарик, как мы разглядывали сегодня утром, а обломки асбестовых плит.

— Хорошо. Приступаем к первой стадии. Постарайся обнаружить следы обуви и ключевые предметы, вроде тех, которые преступник оставляет нам преднамеренно.

— Вы думаете, он и здесь их оставил?

— Могу поспорить. Надевай очки и используй наш фонарь. Держи его как можно ниже и начинай челноком двигаться по помещению. Ты знаешь, как это делается?

— Да.

— Ну и как же?

— Не надо меня проверять в таких мелочах, — ощетинилась Сакс.

— Ну, тогда порадуй меня. Так как же?

— Это называется «решетка». Вперед и назад в одном направлении, потом тем же способом поперек первоначального маршрута.

— Причем каждый шаг не должен превышать фута в длину, — напомнил Райм.

— Знаю, — проворчала она, хотя на самом деле раньше ей это было неизвестно.

— Начинай.

Фонарь озарил помещение каким-то жутковатым потусторонним сиянием. Она знала, что такое приспособление называется «альтернативным источником света» и в нем отпечатки пальцев, кровь и сперма становились флуоресцентными. Слабый зеленоватый луч прыгал по помещению, и пару раз Амелии мерещились какие-то мрачные формы, которые, как оказалось впоследствии, существовали только в ее воображении.

— Амелия! — раздался резкий голос Линкольна, и женщина снова невольно вздрогнула.

— Да, я слушаю.

— Ты видишь следы обуви?

Она внимательно осматривала пол.

— Нет. Тут какие-то пыльные полосы. Или что-то еще. — Она поморщилась, чувствуя, что подобрала не слишком удачное слово. Но Райм, в отличие от Перетти, не обратил на это внимание, а лишь заметил:

— Значит, преступник подметал пол.

— Да, именно так! — искренне удивилась Сакс. — Это действительно следы от метлы. Как вы догадались?

Райм от души рассмеялся, и в этой могиле его смех показался ей даже оскорбительным.

— Преступник достаточно осмотрителен, так что уничтожил все следы еще утром. Неудивительно, что здесь он поступил точно так же. Он не прост, этот наш мальчик, но и мы тоже неплохи. Продолжай.

Сакс нагнулась и, превозмогая жгучую боль в суставах, принялась исследовать пол, фут за футом.

— Ничего нет. Вообще ничего.

Райм уловил в ее голосе нотки безнадежности.

— Амелия, ты же только начала, — укоризненно заметил он. — Помни о том, что места преступлений всегда трехмерны. Видимо, ты хотела сказать, что ничего нет на полу. Теперь переходи к осмотру стен. Начинай с места, самого удаленного от точки воздействия пара.

Сакс медленно обошла вокруг жуткой марионетки, сидящей в центре комнаты. Ей вспомнилась детская игра вокруг «майского дерева», когда она вместе с другими ребятишками лет шести-семи веселилась на улицах Бруклина. Комната казалась пустой, но в ней находилось множество мест, которые ей необходимо было осмотреть.

Безнадежно... Невозможно...

Однако она оказалась не права. На небольшом выступе футах в шести от пола Амелия обнаружила сразу несколько так называемых «ключевых» предметов.

— Вот! Тут что-то есть.

— Много всего?

— Да. Большой кусок темного дерева.

— Палочки для еды.

— Что? — не поняла Амелия.

— То есть карандаши. Используй их, чтобы приподнять эту деревяшку. Кстати, она мокрая?

— Здесь все мокрое.

— Еще бы! Это все-таки пар. Положи деревяшку в бумажный пакет. Полиэтилен не пропускает влагу, так что бактерии размножатся и уничтожат все следы, если они там есть. Что ты еще нашла? — нетерпеливо спросил Райм.

— Даже не знаю. Что-то вроде волос, только очень коротких, словно подстриженных. Они сложены небольшой кучкой.

— Просто волосы или с куском кожи?

— Просто волосы.

— Там в чемодане есть клейкая двухдюймовая лента. Используй ее.

Сакс удалось собрать таким образом почти все волоски, которые она тоже уложила в бумажный пакет. Затем она тщательно осмотрела и сам выступ.

— Тут имеются какие-то пятна, то ли ржавчина, то ли кровь. — Только теперь ее посетила логичная мысль осветить их специальным фонарем. — Они флуоресцируют, — доложила она через секунду.

— Ты можешь сделать хотя бы поверхностный анализ крови?

— Нет.

— Тогда будем считать, что это все-таки кровь. Она может принадлежать жертве?

— Непохоже. Это место слишком далеко от тела, к тому же, нет никаких следов крови на полу.

— А куда ведут пятна?

— К одному из кирпичей в стене. Он шатается. Но отпечатков нет и на нем. Сейчас я сдвину его... О Господи! — задохнулась Сакс и отступила назад, чуть не упав.

— Что там?

Амелия снова подалась вперед, уставившись на обнаруженный предмет, словно не веря своим глазам.

— Амелия, поговори со мной.

— Это кость. Окровавленная кость.

— Человеческая?

— Я не знаю. Откуда мне... Не знаю.

— Она свежая?

— Похоже на то. Два дюйма длиной и два в диаметре. На ней кровь и немного плоти. Судя по всему, ее отпилили. О Господи! Какой же засранец мог все это...

— Не волнуйся.

— А вдруг он отпилил ее от другой жертвы?

— В таком случае нам надо как можно быстрее отыскать его. Кость можешь положить в пластиковый мешок. Может быть, он еще что-нибудь для нас оставил? — озабоченно спросил Райм.

— Нет.

— Значит, это все? Волоски, кость и кусок дерева. Нелегкую же он нам задает задачку, да?

— Мне доставить все это в ваш... офис?

Райм снова рассмеялся.

— Похоже, он думает, что мы на этом остановимся и прекратим осмотр. Не тут-то было. Стоит выяснить еще кое-что о нашем подозреваемом номер 823.

— Но тут больше ничего нет.

— Ошибаешься, Амелия, тут полно всего. Здесь можно отыскать его адрес, номер телефона, полное описание внешности, а также его желаний и стремлений. Они совсем рядом с тобой.

Женщину злил его менторский тон, но на этот раз Сакс смолчала.

— у тебя фонарь с собой?

— Нет, только галогенный.

— Не годится, — заворчал Райм. — Его луч очень узкий. Нужен широкий, как у 12-вольтовика.

— Я не захватила его, — огрызнулась Сакс. — Теперь, что, возвращаться за фонарем?

— На это нет времени. Проверь трубы.

Она продолжала поиски в течение десяти минут, забираясь почти под самый потолок и освещая такие места, которые находились в темноте не менее полувека.

— Нет, я больше ничего не вижу.

— Тогда возвращайся назад к двери. Быстрей!

Она секунду колебалась, но потом выполнила его приказ.

— Я на месте.

— Хорошо. Закрой глаза. Какие запахи ты ощущаешь?

— Запахи? Вы сказали «запахи»? — Наверное, он совсем рехнулся.

— Никогда не забывай понюхать воздух на месте преступления. Он может рассказать тебе очень о многом.

Широко раскрыв глаза от изумления, Амелия, тем не менее, все же принюхалась, набрав полную грудь воздуха.

— Ну, я не понимаю, чем здесь пахнет, — призналась она.

— Такой ответ неприемлем.

Она выдохнула в отчаянии, надеясь, что ее шипение будет слышно в спальне Райма. Затем она зажмурилась и, сражаясь с тошнотой, снова потянула в себя воздух.

— Плесень, сырость. Запах горячей воды от пара.

— Ты не знаешь, что и откуда здесь взялось. Просто продолжай описывать свои ощущения.

— Горячая вода. Женские духи.

— Ты уверена, что это ее духи?

— Не совсем.

— Ты сейчас сама надушена?

— Нет.

— А как у нас насчет лосьона после бритья? Медик им пользовался? А тот полицейский, который побывал с тобой в этой комнате?

— Не думаю. Нет.

— Опиши этот запах.

— Сухой и терпкий. Как джин.

— Теперь напрягись и попробуй разобраться. Это все же больше похоже на женские духи или на мужской лосьон?

Она попыталась вспомнить, каким лосьоном пользовался ее Ник. Кажется, это был «Эррид Экстра Драй».

— Не знаю, — повторила она. — По-моему, ближе к мужскому лосьону.

— Подойди к телу.

Она посмотрела на трубу, потом на пол.

— Я...

— Иди, — коротко отозвался Райм. Амелия шагнула вперед.

Отслоившаяся кожа напоминала лохмотья коры на березе, только здесь они были красно-черного цвета.

— Понюхай ее шею.

— Она вся... То есть, я хотела сказать, что тут и кожи-то практически не осталось.

— Прости, Амелия, но тебе все равно придется это сделать. Нам надо выяснить, ее ли это духи или нет.

Сакс повиновалась и втянула воздух. Потом резко закашлялась, и ее чуть не вырвало.

«Сейчас меня вывернет наизнанку, — пронеслось в голове женщины. — Как тогда, с Ником, когда мы — двое крутых полицейских! — налакались этих дешевых коктейлей! Там еще пластмассовые рыбки в них плавали... Вспомнить противно!»

— Ты чувствуешь запах духов?

Вот, опять комок подступает к горлу... И опять эти дурацкие позывы...

Нет. Нет! Сакс закрыла глаза и сосредоточилась на боли в суставах. Хуже всего дела обстоят с коленом... И вот — о чудо! — тошнота исчезла, растворилась.

— Нет, это не ее духи, — твердо заявила Амелия.

— Хорошо. Может быть, наш мальчик настолько самовлюблен, что имеет привычку обильно поливать себя лосьоном. Это, кстати, зачастую указывает и на его социальное положение. Или же он просто пытается перебить лосьоном какой-то другой запах, который оставляет после себя.

Например, чеснока или сигар, рыбы или виски. Посмотрим. А теперь, Амелия, слушай меня внимательно.

— Что такое?

— Я хочу, чтобы ты на время перевоплотилась в него. «Еще чего! Начались экстрасенсорные чудачества! Вот только этой чертовщины мне не хватало», — Амелия в сердцах даже притопнула ногой.

— У нас нет времени на это.

— Когда работаешь на месте преступления, его всегда не хватает, — спокойно продолжал Райм. — Но это нас не остановит. Попробуй поставить себя на его место. Начни думать так, как мог бы думать он.

— И как же мне это сделать?

— Используй свое воображение. Именно для этого Господь и наградил нас им. Итак, ты — это он. Ты заклеил ей рот, надел наручники, притащил в эту комнату и приковал к трубе. Ты ее перепугал, и тебе это нравится.

— Откуда вам известно, что ему это нравится?

— Это *тебе*нравится, а не *ему*.Откуда известно? Просто никто не стал бы причинять самому себе столько хлопот, если бы его не удовлетворял конечный результат. Продолжим. Ты здесь все знаешь, поскольку бывала в этой комнате и раньше.

— А это еще почему?

— Потому что все нужно было проверить заранее. Найти уединенное место, такое, чтобы туда выходила паровая труба. Взять отсюда «ключевые» предметы, а потом оставить их у железной дороги.

Сакс была буквально загипнотизирована его тихим, спокойным голосом. Сейчас она полностью забыла о неподвижном теле говорившего.

— Да, все верно.

— Ты снимаешь заглушку паропровода. О чем ты думаешь?

— Не знаю. О том, что ее надо снять и покончить с этим делом.

Уже произнеся эти слова, Амелия про себя подумала: «Не то». Она даже не удивилась, услышав, как Райм разочарованно прищелкнул языком.

— Ты и вправду так думаешь?

— Нет. Я хочу, чтобы это продолжалось как можно дольше.

— Да! Именно это тебе нужно! Ты размышляешь о том, что сделает с твоей жертвой пар. Что ты еще чувствуешь?

— Я...

Какая-то неясная мысль стала формироваться в голове Амелии. Она увидела женщину, прилагающую все силы, чтобы освободиться. И что-то еще... Вернее, *кого-то*еще. Наверное, это он и есть. Подозреваемый номер 823. Что же она может о нем сказать? Что? Скорее всего... Тут мысль внезапно рассеялась.

— Не знаю, — прошептала Сакс.

— Ты поступаешь поспешно, торопишься, или чувствуешь полное спокойствие?

— Я тороплюсь, мне надо уходить. Копы могут появиться в любой момент. И тем не менее я...

— Что?

— Ш-ш-ш-ш! — тихо сказала она себе и принялась снова обходить комнату, пытаясь взрастить в себе то семечко сомнения, которое заронила в нее так некстати ушедшая мысль.

Амелия шла через комнату, как сквозь темную звездную ночь. Ее окружали черные вихри, лишь кое-где скупо подсвеченные тусклыми желтыми огоньками. *"О*Господи, — подумала она, — не хватало еще потерять сознание!"

Может быть, он...

Есть! Глаза Сакс скользнули вдоль паровой трубы и остановились на еще одной заглушке, находившейся в углу, в нише, напоминающей темный альков. Там жертву было бы куда удобнее спрятать, так как от двери этот угол не просматривался. К тому же, на второй заглушке было только четыре болта, а не восемь, как на той, которую он предпочел.

Почему?

И тут она поняла все.

— Он не хочет... Я не хочу уходить, потому что мне интересно наблюдать за ней.

— Почему ты так подумала? — поинтересовался Райм, эхом повторив ее мысли, пришедшие в голову Амелии несколько минут назад.

— Тут есть еще одна труба, к которой можно было бы приковать жертву, но я выбрала другую, которую видно от двери.

— Чтобы лучше было наблюдать?

— Думаю, да.

— Почему?

— Чтобы убедиться, что ей не спастись. Или проверить, насколько надежно лента, залепившая ей рот, заглушает крик... Не знаю.

— Хорошо, Амелия. Но что это *означает,*и как мы можем использовать данный *факт*?

Сакс обшарила глазами комнату, выбирая место, откуда можно было следить за жертвой, самому при этом оставаясь для нее невидимым. Таким уголком оказался тонущий во мраке промежуток между двумя масляными бочками.

— Да! — возбужденно воскликнула Амелия, выходя из роли. — Он находился здесь и подмел пол.

Она тщательно обследовала темный угол, шаря по нему зеленоватым лучом фонаря.

— Следов обуви здесь нет, — разочарованно доложила она, но, поднимая фонарь, чтобы выключить его, неожиданно заметила, как на одной из бочек засветилось какое-то смазанное пятно. — У нас есть отпечаток!

— Отпечаток?

— Прикованное к трубе тело лучше видно, если наклониться вперед, но при этом приходится опираться на бочку. Именно это он и сделал. Я в этом уверена. Только отпечаток очень странный, Линкольн. Он какой-то деформированный, — добавила она, с замиранием сердца разглядывая след ладони.

— В чемодане есть флакон с аэрозолем «ДФО». Он сделает отпечаток флуоресцентным. Освети его и сделай фотографию «поляроидом» в масштабе 1:1.

Когда она выполнила его распоряжения, Райм продолжил:

— Теперь внимательно осмотри пол. Если нам повезет, тут могут обнаружиться волоски, а то и обгрызенный ноготь или еще что-нибудь.

«Мои дурацкие привычки, — невольно подумала Сакс. — Выщипанные брови, изгрызенные ногти в заусеницах: все то, что помешало карьере фотомодели». Сколько раз она тщетно пыталась избавиться от них, но потом опустила руки, подавленная тем, что такая мелочь может полностью изменить судьбу.

— Возьми вакуумный фильтр и втяни через него всю пыль, находящуюся в этом углу, а потом упакуй его в пакет.

— Бумажный?

— Естественно. А теперь перейдем к телу, Амелия.

— Что?

— Теперь будем осматривать тело. Сердце ее упало. Неужели этим не может заняться кто-нибудь другой? Ну, пожалуйста, только не я!

— Сначала с ним должен разобраться медэксперт. Таковы правила.

— Сегодня никакие правила не действуют, Амелия. Мы создадим свои собственные. Медэксперт будет работать после нас. Сакс приблизилась к трупу женщины.

— Тебе известна вся рутина?

— Да. — Она подошла вплотную к обезображенному телу. И застыла как вкопанная, когда ее руки оказались в каком-нибудь дюйме от остатков обваренной кожи.

«Я не смогу этого сделать», — внутренне содрогаясь, подумала Амелия, заставляя себя действовать, но мускулы отказывались служить ей.

— Сакс! Ты меня слышишь? Она даже не смогла ответить Райму. Я не могу этого сделать... Вот как все просто. Это оказалось невозможным для меня.

— Сакс?

Внезапно Амелия заглянула внутрь себя, и перед ее мысленным взором предстал отец. Она как бы воочию увидела его в полицейской форме, идущим по раскаленному асфальту 42-й улицы. Вот он наклоняется над

грязным, вонючим, отвратительным пьяницей, чтобы поднять его и помочь добраться до дома. Потом ей представился Ник, сидящий в гадкой пивнушке в Бронксе вместе со всяким отребьем, которое прикончило бы его, не моргнув глазом, узнав, что он — законспирированный полицейский, занимающийся расследованием. Это двое мужчин, прошедшие через ее жизнь, всегда ставили долг превыше всего.

— Амелия?

Может быть, эти два образа, промелькнувшие перед ней, а может, и что-то другое, неожиданно успокоили ее смятенные чувства.

— Я здесь, — твердо ответила она Линкольну Райму и принялась за дело, так, как ее когда-то обучали. Выскребала из-под ногтей жертвы налет, брала образцы волос, вычесывая их с головы и лобка, одновременно сопровождая свои действия комментариями.

Совершенно при этом не обращая внимания на пустые орбиты лопнувших глаз и обезображенное лицо…

На темно-красные клочья кожи и обваренную плоть…

Пытаясь не замечать тяжелого запаха.

— Нам понадобится ее одежда, — продолжал руководить Райм. — Срежь ее полностью. Только сначала расстели вокруг тела газету, чтобы не потерялись фрагменты, которые отпадут.

— Карманы проверить?

— Не надо, этим мы займемся позже. Все заверни в бумагу.

Сакс срезала блузку, юбку и трусики и протянула руку к тому, что приняла за свисающий с груди бюстгальтер. На ощупь он оказался странным, расползающимся в ее пальцах. Потом до нее дошло, что в руках у нее не ткань, а целиком отслоившаяся от груди кожа. Амелия невольно вскрикнула.

— Амелия! С тобой все в порядке?

— Да! — задыхаясь, ответила она. — Все отлично.

— Опиши, как она связана.

— Так. Вместо кляпа использована липкая лента шириной в два дюйма. Руки скованы стандартными наручниками, ноги связаны тонкой веревкой.

— Освети тело. Он мог дотрагиваться до нее голыми руками и оставить отпечатки. Ищи их.

— Ничего нет, — после небольшой паузы доложила Сакс.

— Хорошо. Теперь срезай веревку, но только не по узлу, — продолжал наставлять ее Райм. — После этого упакуй ее в полиэтиленовый пакет.

Когда она справилась с этим заданием, Райм продолжил:

— Нам нужны и наручники.

— Хорошо. У меня есть ключ.

— Нет, Амелия, их нельзя открывать.

— Что?

— Способ запирания наручников может дать ценную информацию о личности преступника.

— Интересно, и как я должна поступить, — с нервным смешком спросила Амелия, — как я сниму их, не открывая?

— В чемодане имеется полотно от хирургической пилы.

— Вы хотите, чтобы я распилила наручники?

После некоторой паузы Райм произнес:

— Не наручники, Амелия.

— Так что же вы от меня хотите?..

Нет, это не может быть сказано серьезно. *Ее руки?*

— Придется, и ничего здесь не поделаешь. — В голосе Линкольна звучали раздраженные нотки.

Все ясно. Селитто и Поллинг в качестве руководителя определили ей настоящего психа. Может, они и ставят свою карьеру превыше всего, но тут она им не попутчик.

— Даже и не думайте об этом.

— Амелия, это просто еще один способ добыть вещественные доказательства.

Почему его доводы звучат так разумно? Она тщетно пыталась найти отговорку.

— Они и так все в крови, и если я их отпилю...

— Ее сердце давно перестало биться. Кроме того, кровь уже свернулась.

Амелию снова одолел приступ дурноты.

— Давай, Амелия. Иди к чемодану и доставай пилу. Она закреплена на крышке. — Он помолчал и вдруг добавил: — Пожалуйста.

— Зачем в таком случае я брала у нее соскобы из-под ногтей? Я могла бы просто принести вам ее руки.

— Амелия, нам нужны наручники. Мы будем открывать их позже, а ждать медэксперта нам не позволяет время. Это надо сделать.

Сакс подошла к двери, откинула крышку чемодана и, взяв в руки ужасного вида пилу, посмотрела на тело женщины, замершее в жуткой позе посреди зловещей комнаты.

— Амелия? *Амелия!*

Снаружи небо было затянуто желтой пеленой, а старые потемневшие здания на улице цветом напоминали обугленные кости. С чемоданом в одной руке и с пилой, зажатой в другой, с болтающимися на шее наушниками. Сакс, игнорируя толпу уставившихся на нее полицейских и праздных зевак, решительным шагом направилась прямо к микроавтобусу.

Поравнявшись с Селитто, она демонстративным жестом почти впихнула пилу ему в руки:

— Если ему это так необходимо, пусть встает, приезжает сюда и делает все сам.

Часть вторая

Принцип Локара

В реальной жизни на месте преступления, если речь идет об убийстве, производится один-единственный выстрел.

Вернон Дж. Джиберт, капитан-лейтенант в отставке, Управление нью-йоркской полиции.

Глава девятая

Суббота, 4 часа дня — суббота, 10 часов 15 минут вечера.

— Я попала в довольно сложную ситуацию, сэр.

Мужчина, сидящий за столом напротив нее, выглядел так, как в популярных телевизионных фильмах изображают заместителя шефа полиции большого города. Именно такой пост и занимал этот благородный седовласый господин, обладавший не слишком выдающейся нижней челюстью, с очками в тонкой золотой оправе.

— Так в чем же заключается ваша проблема, офицер?

Заместитель начальника полиции Рэндольф С. Экерт, чуть опустив свой длинный нос, взглянул на Сакс так, что та сразу поняла — принцип этого господина таков: «Будь так нее строг с полицейскими-женщинами, как и с мужчинами».

— У меня имеется жалоба, — твердо заявила Амелия. — Вы, наверное, уже слышали о похищении двух пассажиров такси?

Он кивнул:

— Не из-за этого ли в городе началась такая петрушка? Сакс была уверена, что петрушка — это огородная трава, однако не позволила себе объяснять это заместителю начальника полиции.

— Эта проклятая ооновская конференция! — продолжал Экерт. — Из-за нее на нас сейчас весь мир смотрит. Это даже несправедливо. Никто ведь не обсуждает преступления, совершенные, например, в Вашингтоне. Или в Детройте. Ну, нет, то, что происходит в Детройте, правда, обсуждается всегда. А вот возьмите, к примеру, Чикаго. Да никогда в жизни! Нет, всем обязательно надо наброситься на Нью-Йорк! Кстати, в Ричмонде, в штате Вирджиния, в прошлом году количество преступлений на душу населения было больше, чем у нас. Я лично проверял. И, между прочим, я бы даже согласился на парашюте и без оружия спуститься в центральный Гарлем, нежели очутиться среди бела дня в машине с поднятыми стеклами в Юго-восточном районе столицы.

— Да, сэр.

— Как я понял, девушку обнаружили мертвой. В новостях уже сообщили. Ох, уж эти вездесущие репортеры!

— Это случилось в деловой части города. Совсем недавно.

— Очень жаль.

— Да, сэр.

— Неужели они вот так просто убили ее? И никаких требований о выкупе или переговорах?

— Я не слышала ни о каких выкупах.

— Так в чем суть вашей жалобы?

— Я была первым офицером на месте преступления сегодня утром.

— Так вы патрульный полицейский? — поинтересовался Экерт.

— Была патрульным, но как раз сегодня в полдень меня должны были перевести в отдел по связям с общественностью для переподготовки. — Она беспомощно подняла руки с заклеенными свежим пластырем пальцами и опустила их на колени. — Но они добились моего участия в расследовании нечестным путем.

— Кто?

— Детектив Лон Селитто, сэр. И капитан Хауманн. А с ними еще и Линкольн Райм.

— Райм?

— Да, сэр.

— Это не тот ли самый парень, который несколько лет назад заведовал следственным управлением?

— Да, сэр. Это он.

— Я почему-то считал, что он умер. «Такие эгоисты живут дольше других», — подумала Сакс, а вслух сказала:

— Нет, сэр, он очень даже жив.

Заместитель начальника полиции посмотрел в окно:

— Но он больше не работает у нас. Каким же образом он может заниматься расследованием?

— В качестве консультанта, как я полагаю. Дело поручено Лону Селитто, а за ходом следствия наблюдает капитан Поллинг. Я же ждала своего нового назначения целых восемь месяцев, а они меня теперь заставляют осматривать места преступлений. Я никогда этим раньше не занималась. По-моему, бессмысленно привлекать к такому делу человека, ничего в нем не смыслящего. Честно говоря, я просто возмущена, что мне приходится заниматься тем, чему меня никто никогда не обучал.

— Осмотром места преступления?

— Да, Райм заставил меня проделать всю процедуру с начала и до конца. Без помощников.

До Экерта ее последние слова доходили с трудом:

— Каким же образом гражданское лицо может заставить полицейского выполнять свои распоряжения?

— Я согласна помогать, — пошла на попятную Амелия. — То есть помогать до определенного момента. Но я никак не была готова начать расчленять трупы жертв.

— Что?

Она заморгала, будто удивляясь, все ли хорошо со слухом у заместителя начальника полиции, а потом объяснила ситуацию с наручниками.

— О Господи Всемогущий, о чем они только думают? Вот чертовщина-то! Вы простите меня за грубость, но неужели они не понимают, что сейчас на нас смотрит весь мир? Это похищение по Си-Эн-Эн смакуется вот уже целый день! Так, говорите, он хотел, чтобы вы отрезали ей руки? Послушайте-ка, а вы не дочь Германа Сакса?

— Совершенно верно.

— Хороший был полицейский. Я бы даже сказал *отличный*.Я сам давал ему рекомендацию и подписывал благодарности в приказах. Помнится, он работал где-то в южной части города, верно?

— Да, сэр.

— Герман Сакс, наверное, сумел предотвратить больше преступлений, чем целый полицейский отряд их расследует за год. Ему удавалось как-то успокаивать народ.

— Да, отец этим отличался.

— Так вы говорите, отрезать у нее руки, — фыркнул Экерт. — А потом родственники этой девчонки нас бы по судам затаскали. Если бы, конечно, об этом стало известно. Да и не только за это. Вот на нас сейчас подал в суд один насильник за то, что ему прострелили ногу в тот момент, когда он с ножом в руке бросился на полицейского. Его адвокат выдвинул какую-то теорию об «альтернативе смерти». То есть, вместо того чтобы стрелять в преступника, мы сейчас должны, в крайнем случае, опрыскать его слезоточивым газом. Или попытаться ласково уговорить его не совершать ничего противозаконного. Вот пусть этим газеты бы и занимались. Сколько же интересных заголовков можно было бы придумать! — он взглянул на часы. Стрелки показывали начало пятого. — У вас на сегодня работа уже закончена?

— Мне надо еще доложить Райму обо всем происшедшем в его квартиру. — Сакс вспомнила про пилу и холодно добавила. — Если точнее, то ему лично в спальню. Это наш командный пункт.

— Командный пункт? В спальне гражданского лица?

— Я была бы вам весьма признательна, сэр, за вашу помощь. Я так долго ждала этого нового назначения.

— Отрезать ей руки! Ну, надо же!

Она поднялась и вышла в один из коридоров здания, в котором в ближайшем времени собиралась продолжать свою переподготовку и дальнейшую работу. Правда, чувство облегчения пришло не так скоро, как ей бы этого хотелось.

……

Он стоял у окна, стекла которого были темно-зеленого цвета, и наблюдал за возней бездомных собак, рывшихся на пустыре по ту сторону улицы.

Он находился на первом этаже этого старинного здания, построенного из мрамора еще в начале XIX века. Дом окружали пустыри и угрюмые жилые корпуса, одни из которых пустовали, а в других, большей частью незаконно, обитали какие-то люди. А этот красивый особняк пустовал уже долгие годы.

Собиратель костей взял кусок наждачной бумаги и продолжил работу. Он посматривал то в окно, то на свое «рукоделие».

Движения его пальцев были точны. Еле слышный шорох наждака будто что-то нашептывал ему. Ш-ш-ш… Так мать пытается успокоить грудного ребенка.

Лет десять назад, когда Нью-Йорк еще считался подающим большие надежды городом, сюда переехал какой-то безумный художник. Он заполнил сырой двухэтажный особняк проржавевшими и поломанными антикварными шедеврами. Здесь были кованые железные решетки, горы заплесневелой лепнины, целые полотна витражей, сплошь покрытые паутиной, и даже какие-то несуразные колонны. Кое-что из работ самого художника осталось на стенах дома: так и не законченные фрески в старинном стиле. Тут были дети и взрослые с круглыми невыразительными лицами и пустыми глазами. Они уныло смотрели в вечность, словно из их тел кто-то заранее забрал души.

Художнику не повезло ни при жизни, когда его отказывались признавать, ни даже после его самоубийства, когда несколько лет назад банк аннулировал право пользования домом.

Ш-ш-ш...

Собиратель костей случайно наткнулся на это здание год назад и сразу понял, что оно станет его настоящим домом. Особенно его устраивал этот заброшенный пустынный район. Но здесь было и еще одно обстоятельство, согревающее его душу, а именно пустырь, расположенный на другой стороне улицы. Несколько лет назад здесь начали расчищать местность под строительство, и экскаватор вырыл целую груду человеческих костей. Позже выяснилось, что как раз на этом месте когда-то находилось кладбище. В газетах возбужденно писали о том, что некоторые останки могут принадлежать не только первым переселенцам из Европы, но даже древним индейским племенам.

Он отложил в сторону предмет полировки — маленькую запястную косточку, и взял в руки кисть, которую так аккуратно отделил вчера от лучевой и локтевой костей, как раз перед тем, как отправиться в аэропорт Кеннеди за своими первыми жертвами. Кисть сохла в течение целой недели. Основная часть плоти была удалена, и тем не менее потребовалось изрядно потрудиться, для того чтобы удачно отделить эту кисть. При разрыве соединяющей ткани всякий раз раздавался легкий щелчок. Такие звуки слышны на берегу озера, когда веселые рыбки выпрыгивают из воды и снова шлепаются о ее ровную гладь.

А полицейские оказались намного шустрее, чем он предполагал. Он пристально наблюдал за ними, когда они начали обыскивать Перл-стрит, и ему даже стало интересно, найдут ли они старое здание, куда он спрятал женщину из аэропорта. Он был искренне удивлен, когда увидел, что они наконец-то бросились в нужном направлении. Сначала ему казалось, что погибнут два или три человека, прежде чем они начнут

понимать значение его «ключевых» предметов. Разумеется, спасти ее им не удалось. А ведь могли бы! Минута или две решили все дело.

Как, впрочем, часто случается в нашей жизни.

Ладьевидная кость, полулунная, крючковидная, головчатая… кости переплетались, как греческая головоломка из колец, и одна за другой отделялись в его умелых руках. Он аккуратно освобождал их от остатков плоти и связок. Он выбрал то место, где когда-то находился большой палец, и снова принялся за работу.

Ш-ш-ш…

Собиратель костей прищурился, посмотрев в окно, и ему показалось, что он заметил какого-то господина, стоявшего у одной из могил. Разумеется, это был только плод его воображения, поскольку мужчина был в котелке и длиннополом кафтане. Он положил на надгробный камень несколько бордовых роз и удалился, ловко маневрируя между экипажами, направляясь к изящному мосту на Кэнел-стрит. Кого он приходил навестить? Родителей? Брата? Семью, погибшую от чахотки или во время одной из тех страшных эпидемий инфлюэнцы, которые совсем недавно свирепствовали в городе?..

Недавно?

Ну, может быть, не совсем так. Это было примерно сто лет назад, вот что он имел в виду.

Он снова прищурился. Нет на улице никаких экипажей. И тем более мужчины в котелке. Хотя они казались такими Реальными.

А может, они и *были реальны*…

Шшш-шшш-шшш…

Прошлое снова начинало вмешиваться в его жизнь. Он видел то, что происходило когда-то очень давно, но он видел это так же ясно, как будто все свершалось именно сейчас. Правда, он мог управлять этими явлениями. По крайней мере, ему так казалось.

Выглянув в очередной раз на улицу, он осознал, что на самом деле не существовало, конечно же, никаких «раньше» и «потом». Во всяком случае, для него. Он путешествовал во времени туда и обратно, на день, на пять лет, на век или даже два, как сухой лист в ветреный день.

Он посмотрел на часы и понял, что подошло время отправляться.

Положив кость на камин, он тщательно вымыл руки, совсем как настоящий хирург. Затем минут пять потратил на то, что тщательнейшим образом очистил свой костюм. Не дай Бог на нем останется пыль от костей, лишняя грязь или чужие волосы, которые приведут в его дом полицейских!

Он прошел в пристройку для экипажа мимо незаконченный картины, изображавшей луноликого мясника в окровавленном белом фартуке. Собиратель костей уже собрался сесть в свое такси, но потом передумал. Непредсказуемость — лучшая защита. На этот раз он двинется в путь на своем экипаже... седане марки «Форд». Он завел мотор, выехал из гаража и, выйдя из автомобиля, закрыл двери пристройки и запер их на замок.

Никаких «раньше» и «потом»...

Когда он проезжал мимо кладбища, стая собак безразлично оглядела его «Форд», и изнывающие от жары животные вновь принялись рыскать по кустам в поисках крыс и свежей воды.

Никаких «тогда» и «теперь»...

Он вынул из кармана лыжную шапочку и перчатки, положил их на сиденье рядом с собой и выехал из старого района. Собиратель костей вышел на охоту.

Глава десятая

В комнате что-то изменилось, но она не могла поначалу понять, что именно.

Линкольн Райм сразу заметил это по ее глазам.

— Мы без тебя скучали, Амелия, — застенчиво произнес он. — У тебя были какие-то поручения?

Она отвернулась в сторону:

— Очевидно, никто не предупредил моего нового начальника, что сегодня я на службе не появлюсь. А я-то думала, что это уже сделано.

— Ах, да!

Она разглядывала стену, стараясь вникнуть в произошедшие изменения. В дополнение к принесенным Купером приборам, здесь появился сканирующий электронный микроскоп с рентгеновской приставкой, камерой флотации и термоустановкой для анализа стекла. Амелия увидела рядом с ним сравнительный микроскоп, прибор для анализа

почвы по плотности и огромное количество пробирок, мензурок и флаконов с реактивами.

В самом центре комнаты располагалась гордость Купера — компьютеризированный газовый хроматограф и масс-спектрометр. Он был соединен с другим компьютером, находящимся в лаборатории Мела, в следственном управлении.

Сакс осторожно перешагивала через многочисленные кабели, змеями протянувшиеся по лестнице. Напряжение в доме было, но проводка и розетки одной лишь спальни не выдерживали подключения такой массы приборов. Наблюдая ее легкую элегантную поступь, Райм лишь теперь отметил, насколько Амелия красива. Пожалуй, она была самой привлекательной женщиной, которую ему приходилось видеть в полиции.

В этот момент она показалась ему исключительно сексапильной. Про него говорили, что он помешан на сексе, и Райм этого не отрицал. Несмотря на свое состояние, он продолжал чувствовать либидо. Линкольн до сих пор с содроганием вспоминал одну ночь через полгода после несчастного случая. Они с Блэйн попытались заняться любовью, просто чтобы посмотреть, что из этого получится, прежде чем отказаться от таких попыток. После происшедшего им оставалось только делать вид, что ничего особенного не произошло и в жизни остается еще много интересного.

Однако все это оказалось намного серьезнее. Настоящий секс и так-то занятие не из легких, а если добавить к этому наличие катетеров, мочеприемников и прочего, — слишком уж острое желание надо испытывать, чтобы рискнуть. При этом надо обладать настойчивостью и незаурядным чувством юмора. Но основной причиной, убившей всю поэзию данного процесса, причем достаточно быстро, было выражение лица его жены. В вымученной, фальшивой улыбке Блэйн Чапмэн Райм Линкольн не увидел ничего, кроме жалости к калеке, и это прострелило его навылет. Через две недели он подал на развод. Блэйн попыталась протестовать, но бумаги, тем не менее, подписала.

Появились Селитто и Бэнкс. Они принесли собранные Амелией вещественные доказательства и разложили их на столе. Сакс с любопытством следила за ними.

— Специалисты из лаборатории, где занимаются скрытыми следами преступлений, обнаружили еще восемь фрагментов отпечатков, — сообщил Райм Амелии, — но все они, как выяснилось, принадлежали ремонтным рабочим, которые трудились в здании.

— Понятно.

Он улыбнулся:

— *Всего*восемь?

— Вам сделали комплимент, — объяснил Том, — это максимум, на что вы могли рассчитывать.

— Перевода не требуется. Том, но все равно спасибо, — кивнул Райм.

— Я счастлива, что смогла быть полезной, — и она постаралась мило улыбнуться.

Что же это такое? Райм был абсолютно уверен в том, что она сломя голову прибежит сюда и бросит мешки с вещественными доказательствами прямо ему на постель. Может быть, даже и пилу, и полиэтиленовый пакет с отпиленными руками жертвы. Он ожидал, что произойдет нечто необыкновенное и сокрушительное. Люди редко снимают перчатки, когда имеют дело с калекой. Райм все время думал о том взгляде, каким она одарила его при первой встрече. Ему казалось, что в нем он увидел какое-то неясное, смутное родство между собой и этой женщиной.

Но, увы, теперь он понял, что ошибся. Амелия Сакс ничем не отличалась от всех остальных: она только погладила его по головке и уже искала ближайший выход.

Его сердце в один момент превратилось в лед. Когда он заговорил, то обращался к паутине, зависшей у самого потолка:

— Мы уже беседовали о крайнем сроке, в который нам надо обнаружить следующую жертву, офицер. Но час и минута нам пока неизвестны.

— Мы считаем, — продолжал Селитто, — что бы ни задумал этот мерзавец совершить со своей следующей жертвой, он ее пока не раздобыл, и поэтому сам не знает, когда наступит предполагаемая смерть. Линкольн рассчитывает, что он опять упрячет несчастного туда, где не слишком много воздуха.

Глаза Сакс при этих словах чуть сузились, и Райм успел это заметить. Похоронить живого человека... Если при этом жертва страдает клаустрофобией, страшнее наказания и не придумать.

Их разговор был прерван вторжением двух мужчин в серых одинаковых костюмах, которые поднялись по лестнице и бесцеремонно вошли в спальню, как будто они жили здесь сами.

— Мы стучали, — сообщил один из них.

— Мы звонили, — поддержал его другой.

— Ответа не дождались.

Мужчинам было чуть больше сорока лет, один чуть выше другого, но оба с одинаковыми прическами и волосами цвета соломы. Они добродушно улыбались, и прежде чем бруклинский выговор испортил все впечатление, Райм успел подумать: «Классические фермерские сыновья». Пожалуй, самым главным отличием их были обильные веснушки на носу у одного из неожиданных гостей.

— Знакомьтесь, джентльмены, — произнес Селитто и представил братьев Харди, детективов Беддинга и Саула, команду, не расстающуюся ни днем, ни ночью. Они обладали искусством выведывать информацию у людей, живущих неподалеку от места преступления. И в этом им равных не было. Это искусство считалось одним из самых сложных. Правда, у Райма никогда не возникало желания овладеть им. Ему нравилось добывать сведения через вещественные доказательства и вручать их вот таким офицерам, которые потом, в разговоре с подозреваемыми, смогут узнать все, что нужно, и заодно разнести в пух и прах любую лживую историю.

Обладая необходимыми данными, братья становились ходячими детекторами лжи. Сейчас они пришли к Райму с докладом, и их ничуть не смущал тот факт, что на данном этапе их начальником становилось гражданское лицо, да еще прикованное к постели.

Когда они заговорили, то делили фразу на двоих, и стоило одному замолкнуть, как его мысль подхватывал другой. Первым начал тот, что повыше и в веснушках:

— Нам удалось обнаружить тридцать шесть...

— Тридцать восемь, если считать двух психов, а он почему-то не принимает их во внимание.

— ...субъектов, которых мы и опросили. Правда, удачей это назвать нельзя.

— Потому что большинство их как будто оказались слепыми, глухими, и все, как один, страдали потерей памяти. Ну, как это обычно бывает в подобных случаях.

— Никто не видел никакого такси. Мы прочесали западную сторону. Ноль.

— А теперь хорошие новости, — продолжал Беддинг.

— Мы нашли свидетеля.

— Неужели? — обрадовался Бэнкс. — Фантастика!

Райм, не испытывавший подобного энтузиазма, попросил их продолжать.

— Это случилось рядом с железной дорогой, если быть точнее.

— Он увидел мужчину, который шел по 11-й улице, а затем свернул...

— Весьма неожиданно, — добавил не веснушчатый Беддинг.

— ...к переулку, который выходил к тоннелю. Он простоял там некоторое время...

— И смотрел при этом вниз.

— Это не наш приятель, — обеспокоено заметил Райм. — Наш не стал бы так рисковать, чтобы не быть замеченным.

— Но, — вдруг торжественно произнес Саул, подняв вверх указательный палец и взглянув на своего напарника, — существует только одно окно, из которого можно было бы увидеть этого человека.

— Откуда как раз и наблюдал за ним наш свидетель.

— Он просыпается очень рано, да благослови его Господь! Прежде чем Райм вспомнил, что рассердился на Сакс, он обратился к женщине:

— Ну что, Амелия, как тебе это нравится?

— О чем вы спросили? — Она оторвала взгляд от окна.

— Разве тебе не приятно чувствовать себя абсолютно правой? — пояснил Линкольн. — Ведь ты перекрыла 11-ю улицу, а не 37-ю.

Она не успела ничего ответить, а Райм уже снова повернулся к близнецам:

— Как же он выглядит?

— К сожалению, наш свидетель мало рассказал о нем.

— Он уже успел налакаться, несмотря на ранний час.

— Он упомянул, что мужчина был невысокого роста. Цвет волос он не запомнил. Что касается кожи...

— ...скорее всего, она белая.

— Что на нем было надето? — нетерпеливо бросил Райм.

— Что-то темное. Больше выжать нам из него ничего не удалось.

— И что же этот неизвестный там делал? — недоумевал Селитто.

— Цитирую: он просто стоял, не двигаясь, и смотрел вниз. Я подумал, что этот парень собрался прыгать. Ну, понимаете сами, перед поездом. Он пару раз поглядел на часы.

— ...А потом быстро ушел. Но постоянно оглядывался, как будто проверяя, не следит ли за ним кто-нибудь.

«Интересно, зачем ему понадобилось там стоять? — размышлял Райм. — Смотреть, как умирает его жертва? Или это случилось чуть раньше, еще до того, как он закопал того мужчину, и он просто проверял, насколько безлюдно это место?»

— Он ушел оттуда пешком или сел в машину?

— Пешком. Мы проверили все ближайшие стоянки.

— И гаражи.

— Во всем районе. Но это место находится рядом с центром, где проводится конференция, поэтому там очень много парковочных площадок. Дежурные по стоянкам с улицы начинают размахивать оранжевыми флажками, указывая на въезд.

— Из-за конференции половина парковок была уже битком набита автомобилями к семи утра. У нас есть список номеров примерно девятисот машин.

— Надо их проверить, — Селитто лишь покачал головой.

— Этим уже занимаются, — тут же подхватил Беддинг.

— ...Но мне кажется, что преступник не стал бы пользоваться такой стоянкой, где выдаются талоны. Райм согласно кивнул:

— А что у вас есть по зданию на Перл-стрит? Кто-то из близнецов, а может быть и оба сразу, ответили ему:

— Этот дом у нас в списке вторым. Мы как раз туда сейчас и направляемся.

Райм заметил, как Сакс нервно посматривает на часы, аккуратно сидящие на ее белоснежном запястье и никак не гармонирующие с красными истерзанными пальцами. Он тут же проинструктировал Тома, чтобы тот внес в их таблицу новые данные о преступнике номер 823.

— Вы хотите переговорить с тем парнем? — поинтересовался Бэнкс. — Ну, который живет возле железной дороги?

— Нет, я не слишком доверяю свидетелям, — напыщенно произнес Райм. — Я хочу заняться нашей непосредственной работой. — Он взглянул на Мела Купера. — Волоски, кровь, кость и деревяшка. Пожалуй, начнем с кости, — решительно заявил он.

……

Morgen[1]…

Юная Монелл Гергер открыла глаза и села на своей кровати с провисшей сеткой. Прожив в восточной части Гринвич-Виллидж уже два года, она так и не привыкла просыпаться рано утром.

Ее пышное тело инстинктивно потянулось вперед, к свету, и она тут же получила удар солнечных брызг по своим еще не до конца раскрывшимся глазам. Августовские лучи дневного светила оказались беспощадными к двадцатилетней красавице.

— *Mein Gott*[2]…

Из клуба она ушла в пять, домой попала только в шесть, а потом еще до семи занималась любовью с Брайаном…

Интересно, сколько же сейчас времени?

Она была уверена, что еще очень рано.

Прищурившись, Монелл взглянула на часы. Половина пятого дня.

— Не такое уж *fruh morgens*[3], *в*конце концов.

Выпить кофе или сначала заняться стиркой?

Примерно в это время она отправлялась в забегаловку к Доджо, где съедала сэндвич и выпивала сразу три чашки крепчайшего кофе. Здесь

она встречалась с приятелями, которых знала по клубу, — такими же бездельниками, как и она сама.

И правда, в последнее время Монелл совсем запустила домашнее хозяйство. Она натянула мешковатую рубашку, скрывавшую ее крупные формы, и джинсы. Надев на шею сразу пять или шесть цепочек, девушка подхватила корзину с грязным бельем, сунув сверху пачку стирального порошка.

Монелл отодвинула три тяжелых засова, запиравших дверь, и спустилась по темной лестнице в подвал. Здесь она остановилась.

Irgendwas stimmt hier nicht[4].

Девушка почувствовала себя неуютно и обернулась, глядя в сторону лестницы и мрачного коридора.

Что же ее так насторожило?

Вот в чем дело! Свет! Лампочки в холле и в коридоре почему-то перегорели. Но когда она подошла поближе, то увидела, что лампочки отсутствуют вовсе. Эти чертовы дети воруют все, что попадается под руку. Она переехала в Дойче-Хаус лишь потому, что этот дом считался прибежищем немецких музыкантов и художников. На деле же он оказался обыкновенным запущенным и грязным домом без лифта и с явно завышенной квартирной платой, как, впрочем, и во многих других домах этого района. Единственным преимуществом была возможность ругаться с домовладельцем на родном языке.

Монелл двинулась дальше по направлению к мусоросжигательной печи, но здесь стоял такой мрак, что ей пришлось добираться туда, опираясь о стену, чтобы не споткнуться о кучи хлама, наваленного на полу.

Добравшись до нужной двери, она толкнула ее, и по открывшемуся перед ней проходу направилась в прачечную.

Где-то послышалось легкое шарканье подошв.

Девушка обернулась, но ничего, кроме неподвижных теней, не заметила. Сейчас до ее слуха доносились только отдаленный шум улицы да поскрипывание и вздохи старого дома.

Через темноту, мимо пустых коробок и сломанной мебели, под покрытыми жирной пылью кабелями Монелл продвигалась к прачечной. Лампочки отсутствовали и здесь. Неприятное чувство переросло в беспричинный страх, и она вспомнила случай, произошедший с ней в детстве. Они с отцом шли по узкой улочке, рядом

с Ланге-штрассе, направляясь в зоопарк. Ей тогда было всего пять или шесть лет. Внезапно отец остановился и, схватив дочь за плечо, указал ей на мост, под которым, как он сказал, жил злобный и голодный тролль. Когда они возвращались обратно, он предупредил ее, что это место нужно миновать как можно быстрее. Паника, охватившая ее тогда и волной поднимавшаяся по позвоночнику, была сродни чувству, которое она испытывала сейчас.

Как глупо! Какие-то тролли...

Девушка продолжала идти по коридору, прислушиваясь к гудению какого-то электрического оборудования. Откуда-то издалека доносилась музыка.

В самой прачечной тоже было темно.

Ну, уж если лампочки выкрутили и здесь, придется возвращаться назад, подниматься наверх и стучать в дверь герра Найсхена до тех пор, пока он не соизволит ее открыть. Тогда уж она выскажет ему все: и про сломанные замки на парадной и задней двери, и про юнцов, целыми днями сосущих на веранде пиво, и заодно про отсутствие освещения в подвале.

Она зашла в помещение и повернула выключатель.

К ее удивлению, три ярких плафона залили прачечную ярким радостным светом. Здесь было грязно и пустынно. Монелл прошествовала мимо четырех стиральных машин, швыряя белое белье в одну, а цветное — в другую. Затем она отсчитала монеты, опустила их в щель приемника и потянула за рычаги.

Тишина.

Девушка несколько раз подергала за рычаг, потом ударила кулаком по корпусу машины, но это не дало никакого эффекта.

— Вот дерьмо! Что за проклятый дом!

Внезапно ее взгляд упал на электрический провод: какой-то идиот просто выдернул сетевой шнур из розетки. Она знала, чьих это рук дело. У Найсхена был двенадцатилетний сынишка, который и нес ответственность за все разрушения и неполадки в доме. Когда она в прошлом году попыталась пожаловаться на него отцу, этот маленький стервец чуть не ударил ее ногой.

Она подняла шнур и полезла за машину, чтобы вставить вилку в розетку.

В этот момент девушка ощутила на шее чье-то дыхание.

— *Neiri!*[5]

Мужчина прятался между стеной и задней панелью стиральной машины. Монелл задушенно вскрикнула, увидев в тени лыжную маску с прорезями для глаз, темный костюм и кисть, словно челюсти акулы, сомкнувшуюся на ее руке. Она потеряла равновесие и от толчка неизвестного покатилась по полу, больно ударившись лицом о бетон.

Мужчина мгновенно оказался над ней и, прижав ее руки к полу, одним движением заклеил ей рот широкой серой лентой.

Hilfe! Nein, bitte nicht. Bitte nicht[6].

Нападавший не отличался высоким ростом и крепким телосложением, но был очень силен. Он без труда перекатил ее на живот, завел руки за спину, и она услышала щелчок наручников, закрывшихся у нее на запястьях.

Затем мужчина выпрямился. В прачечной не раздавалось ни звука, если не считать капающей воды, тяжелого дыхания самой Монелл и отдаленного гула работающего мотора.

Девушка замерла, ожидая, что сейчас его руки примутся ощупывать ее тело и рвать на ней одежду. Она услышала, как он направился к двери, видимо за тем, чтобы убедиться, что поблизости никого нет.

Монелл знала, что их никто здесь не потревожит. Сейчас она ругала себя за то, что была, пожалуй, единственной дурой во всем доме, которая пользовалась этой прачечной. Большинство жильцов избегали приходить сюда, так как дверь не запирающегося черного хода располагалась совсем близко, и в случае чего звать на помощь было бы бесполезно.

Мужчина вернулся и снова перекатил ее на спину. Он зашептал что-то, и поначалу Монелл не могла разобрать ни слова, а потом поняла, что неизвестный произносит имя «Ханна».

*"Ханна?*Но это ошибка. Он перепутал меня с кем-то другим", — мелькнуло в голове испуганной девушки. Она отчаянно завертела головой, пытаясь дать понять, что незнакомец принял ее за другую.

Но встретившись взглядом с его глазами, Монелл замерла, парализованная ужасом. Даже маска не могла скрыть, что нападавший чем-то взволнован или даже разочарован. Он бегло ощупывал ее тело, сокрушенно качая головой. Пальцы в перчатках исследовали ее широкие

пухлые плечи, несколько раз даже ущипнув девушку за жирную плоть так, что она вздрагивала от боли.

Да, нападавший явно поддался разочарованию. Мужчина напал на нее, связал, а теперь не знал, как поступить дальше.

Он сунул руку в карман, затем извлек ее оттуда, и щелчок выкидного ножа заставил девушку дернуться, как от удара током. Потом она расплакалась.

Nein, nein, nein!

Из его губ вырвалось шипенье, напоминавшее свист ветра в ветвях деревьев. Он нагнулся над Монелл и с сомнением в голосе произнес:

— Ханна, что же мне теперь делать?

Потом неожиданно он принял какое-то решение. Убрав нож и поставив девушку на ноги, он провел ее по коридору к двери черного хода. Той самой, со сломанным запором, из-за которого она уже несколько недель охотилась за герром Найсхеном.

Глава одиннадцатая

Настоящий криминалист — это человек сродни творцам эпохи Возрождения.

Ему приходится изучать ботанику, геологию, баллистику, медицину, химию, литературу, строительство. По высокому содержанию стронция в пепле он всегда определит, что тот образовался от сгорания сигнальной ракеты. Он знает, что «faca» по-португальски означает «нож», что жители Эфиопии при еде не пользуются посудой и орудуют только правой рукой. Ему известно, что пуля с пятью правыми нарезами не может быть выпущена из «Кольта», и еще многое-многое другое. Обладая такими знаниями, он может нащупать связь между подозреваемым и оставленными на месте преступления предметами.

Самое главное, что должен знать криминалист, это, пожалуй, основы анатомии. Как раз в этой области Линкольн Райм разбирался довольно неплохо. Особенно в последние три с половиной года, когда постигал все премудрости взаимосвязей нервов и костей.

Сейчас он смотрел на пакет с вещественными доказательствами, добытыми в котельной, который держал в руке Джерри Банкс.

— Эта кость ноги, — объявил он. — Не человеческая, значит, она не принадлежит следующей жертве. Это было костяное кольцо, ровно

отпиленное, двух дюймов в диаметре. На кости остались следы пилы и немного крови.

— Животное средних размеров, — продолжал Райм. — Крупная собака, овца или коза. При жизни, как я полагаю, животное имело вес около ста — ста пятидесяти фунтов. Давайте все же убедимся, что и кровь на кости принадлежит не человеку и что следующая жертва тут не при чем.

Бывали случаи, когда преступники забивали свои жертвы до смерти костями или использовали их вместо ножей. Райму в свое время пришлось трижды расследовать подобные случаи. Оружием тогда служили нога теленка, оленя, а в одном особенно неприятном случае это была локтевая кость самой жертвы.

Мел Купер быстро подготовил реактивы для проведения анализа крови.

— Придется немного подождать, прежде чем будут готовы результаты, — извиняющимся голосом пояснил он.

— Амелия, — снова заговорил Райм, — может быть, ты сама нам поможешь. Возьми вон ту лупу и внимательно посмотри на кость. Скажи нам, что интересного ты увидишь.

— Разве здесь не нужен микроскоп? — удивилась девушка. Райм уже думал о том, какие отговорки она отыщет на этот раз, чтобы отказаться, но Сакс шагнула вперед и с любопытством принялась изучать кость.

— Нет, иначе будет слишком сильное увеличение, — объяснил Райм такой выбор инструмента.

Она надела бинокулярную лупу и склонилась над эмалированным подносом. Купер направил свет настольной лампы, чтобы Амелии было лучше видно образец.

— Обрати внимание на сам срез, — поучал Райм. — Он ровный или там имеются зазубрины?

— Достаточно ровный.

— Значит, использовалась электрическая пила.

Сам Линкольн задумался о том, было ли животное еще живо на тот момент.

— Есть что-нибудь необычное? Сакс еще раз осмотрела кость со всех сторон:

— Не знаю. По-моему, нет. Ничего особенного, самая обыкновенная кость.

Как раз в этот момент мимо стола проходил Том. Взглянув на поднос, он саркастически заметил:

— Это и есть ваш ключевой предмет? Забавно.

— Забавно, — рассеянно повторил Райм и тут же встрепенулся. — Что именно тут забавного?

— У тебя имеется собственная теория? — вмещался Селитто.

— Никакой теории. — Он нагнулся и понюхал кость. — Это букко.

— Что?

— Остатки телячьей голени. Помните, я как-то раз готовил вам это блюдо? Тушеная телячья голень. — Том посмотрел на Сакс и скорчил гримасу: — Мне еще влетело за то, что я ее недосолил.

— Черт возьми! — не выдержал Селитто. — Значит, она куплена в обычном продуктовом магазине!

— Если нам очень повезет, — добавил Райм, — может оказаться, что преступник купил мясо в ближайшем к своей норе магазине.

Купер подтвердил, что кровь, собранная Амелией для проведения анализа, вовсе не человеческая, а бычья.

— Но что он хотел этим сказать? — удивился Бэнкс. Воздержавшись от высказывания предположений, Райм предложил вернуться к работе:

— Что у нас имеется по замку и цепи? Купер рассматривал названные предметы, упакованные в шуршащий пластиковый пакет:

— На звеньях цепи изготовители давно уже не ставят клейма. Поэтому здесь нам ничего не светит. Замок стандартный, среднего качества. Сколько же времени потребовалось, чтобы взломать его?

— Целых три секунды, — отозвался Селитто.

— Ну вот, видите. Никаких серийных номеров. Такие замки продаются везде — от универмагов до крошечных лавчонок по всей стране.

— Ключ или цифровой набор?

— Набор.

— Позвоните кому-нибудь из изготовителей и узнайте, можно ли по номеру заводского набора цифр установить, куда данная партия изделий отправлялась.

Бэнкс, не удержавшись, присвистнул:

— Да, это долгая история.

Райм так сверкнул на него глазами, что Джерри покраснел и замолчал.

— Судя по энтузиазму, прозвучавшему в вашем голосе, детектив, лучше всего это дело поручить вам, — вкрадчиво заявил Линкольн.

— Да, сэр, — обреченно кивнул молодой человек, вынимая сотовый телефон. — Я уже приступил.

— А что там на цепи? — поинтересовался Райм. — Уж не кровь ли?

— Да, один из наших ребят порезался, стараясь сбить замок, — пояснил Селитто.

— Значит, она уже не идеально чистая, — нахмурился Райм.

— Но он пытался поскорее прийти на помощь женщине, — вступилась за коллегу Сакс.

— Я понимаю. Это, конечно, благородный порыв, но, увы, цепь теперь теряет для экспертизы всякую ценность. — Он взглянул на стол. — Отпечатки есть?

Купер доложил, что уже проверил все звенья, и ничьих отпечатков, кроме принадлежащих Селитто, не обнаружил.

— Ну, хорошо. Перейдем к найденной Амелией деревяшке. Ее тоже следует проверить на наличие отпечатков пальцев.

— Это я уже сделала, — заявила Сакс. — Еще на месте преступления.

«ДК», — припомнил ее прозвище Райм. Однако эта кличка совсем не подходила ей. Красивым людям достаточно их собственных имен.

— Давайте все же используем «тяжелую артиллерию», чтобы подстраховаться, — предложил Линкольн и обратился к Куперу: — Используй нингидрин, а потом пройдись по отпечатку алюмо-иттриевым лазером.

Бэнкс внимательно слушал Райма, понимая его слова лишь наполовину.

Купер облил кусок дерева какой-то жидкостью из пластмассового флакона и направил на образец лазерный луч.

Затем он надел специальные очки и через несколько секунд объявил:

— Тут ничего нет.

Мел выключил лазер и принялся осматривать деревяшку, держа ее пинцетом. Это был осколок какой-то темной породы древесины длиной около шести дюймов. Поверхность его, в темных разводах, напоминавших смолу, была испачкана грязью.

— Я знаю, что Линкольн требует, чтобы все работали палочками для еды, — заявил Купер. — Я же, когда иду в китайский ресторан, предпочитаю вилку.

— Ты можешь повредить некоторые важные клетки, — заворчал знаменитый криминалист.

— Могу, но не повреждаю, — парировал Мел. — А что это за древесина? — сгорал от нетерпения Райм. — Нам придется делать специальный анализ?

— Нет, — отозвался Купер. — Это дуб. Тут вопросов нет. — Кусок отрублен или отпилен? — резко дернул головой Линкольн, и его шейные мышцы свело мучительной судорогой. Он со всхлипом втянул воздух и закрыл глаза, пытаясь потянуться и утихомирить боль. Через секунду Райм почувствовал, как сильные пальцы Тома массируют его шею, и боль постепенно отступает.

— Линкольн, — заволновался Селитто, — ты как, в порядке?

— Да. Уже все нормально, — ответил Райм, глубоко дыша.

— Вот, — Купер приблизился к постели и, держа перед глазами криминалиста лупу, поднес к ней кусок дерева. Райм внимательно изучил образец:

— Срезан на пилораме, вдоль волокон. Существует очень много видов срезов, но, судя по всему, это фрагмент бруса или балки, которую изготовили лет сто назад. Тогда лесопилки были еще паровыми. Мел, поднеси-ка его поближе, чтобы я мог понюхать.

Купер сунул деревяшку прямо под самый нос Райма.

— Пропитан креозотом, — резюмировал тот. — Продуктом возгонки каменной смолы. Эта технология используется для сообщения дереву влагостойкости. Обработанная таким образом древесина применялась на железных дорогах, при строительстве доков и причалов.

— Может быть, этот кусок имеет отношение к железной дороге? — высказал предположение Селитто. — Той самой, где нашли жертву?

— Все может быть, — согласился Райм. — Проверь плотность клеток древесины.

— Она сильно спрессована, — ответил Купер, взглянув на образец в микроскоп. — Но сжата она вдоль волокон, поэтому железную дорогу можно исключить. Скорее всего, это обломок какой-то несущей конструкции.

Итак, кость и кусок старой дубовой балки...

— Я вижу на дереве какой-то грязный налет. О чем он может нам рассказать?

Купер расстелил на столе листы бумаги и, держа над ними деревяшку, щеточкой стряхнул частицы грязи, засевшие в трещинах древесины. После этого он принялся изучать их — этакое звездное небо в негативе.

— Здесь будет достаточно вещества для проведения анализа плотности? — поинтересовался Райм.

Для этого анализа кусочки исследуемого материала помещаются в пробирку с жидкостями, обладающими разной плотностью. Почва расслаивается, и каждый ее кусочек зависает в определенном месте в соответствии со своей плотностью. Райм в свое время составил довольно сложную таблицу классификации такой грязи по всем пяти районам города. К сожалению, для успешного проведения анализа требовалось достаточное количество вещества. На этот раз Купер засомневался, хватит ли им тех крупиц, которые ему удалось стряхнуть с деревяшки.

— Можно попробовать, — неуверенно произнес он, — но в любом случае, на это уйдет все то, что я выскоблил. И если у меня ничего не получится, то для других анализов почвы уже не останется.

Райм решил: сначала провести визуальное обследование, потом подвергнуть обработке в хроматографе-спектрометре.

Мел послушно поместил несколько соринок на стеклышко микроскопа. Несколько минут он молча изучал их, прежде чем заговорил снова:

— Тут что-то странное. Линкольн. Это верхний слой почвы. С очень большим процентом содержания остатков растений. Но форма их весьма своеобразна. Разложение очень давнее. — Он поднял голову, и Райм заметил темные круги вокруг его глаз, оставшиеся от окуляров. Линкольн припомнил, что такие характерные круги надолго оставались на лицах технических сотрудников, если те проводили по несколько часов в лаборатории, уткнувшись в свои микроскопы. И такого засидевшегося работника, когда он появлялся, наконец, перед сослуживцами, непременно приветствовали одной и той же фразой: "А вот и наш *енот*из норы вылез!"

— Испари образец, — посоветовал Райм. Мел поместил часть почвы в хроматограф. Машина ожила, послышалось характерное шипение.

— Сейчас, пару минут придется подождать.

— Ну, а пока идет процесс, — предложил Райм, — давайте снова займемся костью. Она никак не выходит у меня из головы. Мел, осмотри ее под микроскопом, пожалуйста.

Мел повиновался, и очень скоро по его удивленному вскрику всем стало понятно, что Купер обнаружил что-то заслуживающее внимания.

— Что там?

— Кое-что имеется. Очень маленькое и прозрачное. Ну-ка, подайте мне гемостат, — потребовал Мел, кивая Сакс в направлении небольших щипчиков. Как только он получил их, то осторожно потыкал кончиками в спинной мозг, извлекая оттуда какой-то фрагмент.

— Это микроскопический кусочек целлофана, — торжественно объявил Купер.

— Целлофан, — задумчиво сказал Райм. — Далее.

— Следы растяжки и проколов. Я бы сказал, что он оставил его здесь не умышленно. В общем, это не противоречит тому, что мы имеем обрывок толстого целлофана.

— "Не противоречит", — заворчал на приятеля Райм. — Как я не люблю такие обтекаемые выражения!

— Иногда ими приходится пользоваться, — возразил Мел.

— Предполагает, похоже на... — разве так не лучше? — сердился Линкольн. — Ну, не нравится мне вот это «не противоречит»!

— Тем не менее, здесь можно высказать несколько предположений, — продолжал Купер. — Самое смелое из них таково: лично я полагаю, что в подобную упаковку заворачивают покупки, сделанные в коммерческих магазинах. Это не самая распространенная форма упаковки, поверьте мне. Ножка куплена либо в мясной лавке, либо в небольшом продуктовом магазинчике.

Из коридора вернулся Джерри Бэнкс:

— Печальные новости, — растерянно сообщил он. — Компания, производящая данные замки, не ведет записей комбинаций цифр на изделиях на замке. Специальные автоматы устанавливают их буквально наобум.

— Понятно.

— Но вот что интересно... Они сказали, что им частенько звонят из полиции по поводу их продукции, но мы были первыми, кто поинтересовался, нельзя ли проследить отправку партии по цифровому набору шифра.

— Что же тут может быть «интересного», если мы все равно зашли в тупик? — недоумевающе произнес Райм, и снова повернулся к Куперу, который в это время лишь покачивал головой, глядя на свой аппарат: — Что там у тебя?

— Результат анализа почвы готов. Но, возможно, машина не справилась с задачей. Что-то тут не сходится в плане азота.

Придется повторить попытку, но на этот раз надо взять побольше исходного материала.

Райм велел ему продолжать, а сам впился глазами в кость.

— Мел, как ты считаешь, этого теленка давно забили? Тот снова принялся изучать фрагмент кости под микроскопом.

— Минимальные скопления бактерий. Похоже, нашего Бэмби пристукнули буквально на днях. Или часов восемь как достали из холодильника.

— Выходит, преступник недавно купил эту ножку? — предположил Райм.

— Или вчера, или месяц назад, но держал в морозилке, — уточнил Селитто.

— Нет, — поправил его Купер, — мясо не было заморожено. Нет никаких свидетельств разрушения волокон от кристаллов льда. Да и в холоде оно пролежало немного времени. Оно не подсохло, а современные холодильники производят дегидратизацию пищевых продуктов.

— Начало неплохое, — воодушевленно заговорил Райм. — Так что можно поработать в этом направлении.

— Поработать? — не выдержав, рассмеялась Сакс. — Мы, что же, будем обзванивать все продуктовые магазины и лавки города, выясняя, где вчера продавались телячьи ноги?

— Не совсем так, — поправил ее Райм. — Не только вчера, но и позавчера тоже.

— Может быть, к этому стоит подключить братьев Харди?

— Пусть занимаются своим непосредственным делом. Позвони Эмме в диспетчерскую, если она там еще работает. Даже если ее там нет, пусть возвращается и вместе с остальными посидит сегодня сверх положенного времени. Дай ей список всех фирменных продуктовых магазинов. Могу поспорить, что наш приятель не закупает продукты на семью из четырех человек, поэтому пусть проверяют те чеки, на которых пробито не более пяти наименований товаров.

— А у нас есть для этого какие-нибудь распоряжения или основания?

— Если кто-нибудь хоть слово скажет, я достану и ордер, — заявил Селитто. — Но пока что давайте попробуем без официальной части. Кто знает? Многие горожане с удовольствием станут сотрудничать с нами. Мне это хорошо известно.

— Но как в магазине узнают, что покупали именно телячьи ноги? — недоумевала Сакс. Теперь она уже не сидела, насупившись, в сторонке, и в ее голосе даже появилась заинтересованность и нетерпение. Райм подумал о том, что сейчас она может быть, испытывает как раз то, с чем он так хорошо знаком: емкость вещественных доказательств. Основная проблема криминалиста — это не нехватка предметов, найденных на месте преступления, а, наоборот, их изобилие, которое начинает угнетать.

— У них есть для этого специальные сканеры, — пояснил Райм, — и они контролируют покупки. Для переучета товара. Бэнкс, говори. Я по твоему лицу вижу, что тебя что-то волнует. Выкладывай. На этот раз я тебя никуда не отправлю. Дальше Сибири, разумеется.

— Дело в том, что такие сканеры есть только в больших фирменных магазинах, сэр, — заявил молодой детектив, — а ведь существуют сотни мелких лавок, торгующих теми же ножками.

— Верно подмечено. Только я не думаю, чтобы он отправился в такой крохотный магазинчик, о которых ты говоришь. Для него сейчас самое главное — анонимность. Ему очень важно оставаться незамеченным. Поэтому он пойдет именно в большой универмаг. Там покупателей много, и он потеряется в их массе.

Селитто соединился с диспетчерами и объяснил Эмме ее нелегкое задание.

— А теперь давайте сделаем снимок этого кусочка целлофана, — обратился Райм к Куперу.

Мел положил нужный фрагмент в поляризирующий микроскоп, приладил камеру и сфотографировал образец. Вышел эффектный цветной снимок, изображавший пеструю радугу с пересекающими ее серыми полосами. Само по себе это еще ни о чем не говорило, но если бы они начали сравнивать полученный снимок с другими подобными материалами, тогда можно было кое-что и выяснить.

Внезапно Райма осенило:

— Лон, сюда надо срочно вызвать десяток полицейских из отрядов немедленного реагирования.

— Сюда?

— Мы будем проводить операцию совместно.

— Ты уверен, что это необходимо?

— Да, и немедленно!

— Ну, хорошо, — Лон кивнул Бэнксу, и тот срочно соединился с Хауманном.

— Теперь перейдем к третьему «ключевому» предмету, который нашла Амелия. Это волоски.

Купер некоторое время молча разглядывал их, потом поместил несколько волосков под фазово-контрастный микроскоп.

При помощи этого инструмента предмет, находящийся на тестировании, освещался сразу двумя источниками, но лучи при этом находились в

разных фазах, поэтому предмет был и освещен, и мог рассматриваться в тени.

— Это не человеческие волосы, — авторитетно заявил Мел. — Могу это гарантировать. Более того, они сняты со шкуры животного.

— И что же это за зверь? Собака?

— Или теленок? — торопливо выкрикнул молодой следователь.

— Проверь чешуйки, — велел Райм. Под чешуйками он имел в виду микроскопические пласты, составляющие верхний слой волоса.

Купер набрал какие-то слова и символы на компьютере, и уже через несколько секунд на экране появился образ чешуи с пластинами размером с ноготь на большом пальце.

— Это стало возможным благодаря тебе. Линкольн, — напомнил он. — Помнишь свою базу данных?

Возглавляя следственное управление, Райм собрал целую коллекцию микрографических образцов разных типов волосяного покрова.

— Конечно, такое не забудешь. Мел. Но когда я видел эти данные в последний раз, они содержались в толстенных папках. Как же удалось все это заложить в компьютер?

— При помощи сканирования, разумеется.

Райм еще раз поразился тому, как далеко ушла вперед компьютерная технология всего за три с половиной года, когда он оказался не у дел...

Пока Купер возился с волосками, Райм снова задумался над тем вопросом, который мучил его целый день. Почему преступник оставляет им эти «ключевые» предметы? Человеческое создание настолько удивительно и непредсказуемо, что остается лишь повторить: действительно «создание». Животное, умеющее смеяться, очень опасное, умное, и всегда действующее по какой-то причине. Именно эта причина и движет зверем на пути к достижению цели. Ученый Линкольн Райм не верил в случайности. У каждого психопата имеется своя логика, пусть искаженная и поставленная с ног на голову, как это кажется нормальному человеку. И Райм знал, что у подозреваемого номер 823 были свои веские причины, по которым тот сейчас вел разговор на таинственном языке вещественных доказательств.

— Ну вот, нашел, — послышался голос Купера. — Это волоски грызуна. Скорее всего, крысы. Шерсть была сбрита.

Это, конечно, нам о многом говорит! — расстроился Бэнкс. — В городе миллионы крыс. Мы даже примерно не можем назвать район следующего места преступления. Зачем ему понадобилось сообщать нам о крысах?

Селитто закрыл глаза и что-то пробормотал себе под нос. Сакс ничего этого не замечала. Она смотрела на Райма с любопытством. Он удивился: неужели и она не догадалась, что этим хотел сказать преступник, однако вслух тоже ничего не произнес. Он счел нужным пока что ни с кем не делиться этой страшной новостью, которую так недвусмысленно передавал им подозреваемый номер 823.

……

Седьмой жертвой Джеймса Шнейдера (или восьмой, если вы предпочитаете включать в этот список бедного ангелочка, малютку Мэгги О'Коннор) стала жена неутомимого труженика, иммигранта, который поселился со своим семейством в скромном домике на Хестер-стрит в восточной части города.

Именно благодаря бесстрашию этой несчастной женщины констебли и полиция обнаружили преступника. Ханна Голдшмидт, женщина еврейско-немецкого происхождения, была образцовой женой и матерью шестерых детей (один ребенок умер при родах) и пользовалась доброй славой среди соседей.

Собиратель костей не спеша ехал по улицам Нью-Йорка. Он был осторожен, опасаясь, что его остановят за превышение скорости. Правда, он прекрасно знал, что за такую мелочь в этом городе никто никого не штрафует.

Мужчина остановился на светофоре и взглянул на очередной плакат конференции ООН. Его взгляд скользил по тупым невыразительным лицам на нем, которые напоминали такие же уродливые незаконченные фрески в его особняке. Потом мужчина обратил внимание на город. Он с некоторым удивлением обнаружил, что дома его огромны и массивны, а небоскребы вздымаются почти до облаков. Собиратель костей рассматривал гладкие стекла зданий, изящные современные машины и чистеньких, опрятных горожан. Тот город, который он знал лучше, был темным и грязным, и в нем всегда пахло потом и мусором. В любой момент там вас могла сбить лошадь, а банда бездомных могла, оглушив ударом дубинки, вывернуть все карманы в поисках денег. Причем многим хулиганам не было и десяти лет. Именно таким был город, в котором обитал собиратель костей.

Правда, иногда он вдруг осознавал, что находится в новеньком блестящем «Таурусе», мчащемся по гладкой асфальтовой дороге. Вот как сейчас. Он слушает по радио новости и, как истинный житель Нью-Йорка, ругается, когда ему не удается проскочить на зеленый свет, и выходит из себя, так как запрещено разворачиваться на красный.

Собиратель костей чуть склонил голову, прислушиваясь к негромким ударам, раздающимся из багажника. Но вокруг стоял обычный городской шум, в котором никто бы не услышал слабые протесты Ханны.

Светофор переключился на зеленый. *Конечно, даже в наше время женщина, отважившаяся поздно вечером выйти на улицу без сопровождения джентльмена, — явление исключительно редкое. А в те далекие дни это было еще более странным. Однако в ту роковую ночь у несчастной Ханны, не оставалось выбора, кроме как на короткое время покинуть свое жилище. Ее младший ребенок подхватил лихорадку, и, пока его отец истово молился в ближайшей синагоге, Ханне пришлось отправиться в ночь, чтобы раздобыть компресс и приложить ее к пылающему лбу своего ребенка. Закрывая за собой дверь, она обратилась к старшей дочери:*

— Задвинь за мной засов. Я скоро вернусь. Но, увы, она не смогла сдержать слово, потому что уже через несколько мгновений столкнулась с Джеймсом Шнейдером.

Собиратель костей оглядел жалкие замусоренные улочки района, куда он только что прибыл. Именно здесь, в Адовой Кухне, на западе города, он и похоронил свою первую жертву. Когда-то здесь находился центр ирландских банд, а сейчас район заполонили молодые профессионалы. Кроме того, здесь же располагались бесчисленные рекламные агентства, фотостудии и шикарные стильные рестораны.

Он ощутил в воздухе запах навоза, и поэтому ничуть не удивился, увидев перед собой отпрянувшую в сторону лошадь.

На этот раз животное не было призраком, возникшим из далекого девятнадцатого века. Лошадь оказалась впряженной в небольшой двухколесный экипаж, на котором можно было проехаться по Центральному Парку, за что, между прочим, взималась весьма современная плата. Именно тут и находились конюшни, где содержались эти лошади.

Мужчина засмеялся, и звук этот прозвучал жутковато. *Теперь мы можем лишь предполагать, что же случилось в ту ночь, поскольку свидетелей этого кошмара не существует. Однако мы попробуем вообразить себе весь ужас случившегося достаточно достоверно. Злодей увлек*

женщину в темный закоулок и нанес ей удар кинжалом, однако не смертельный. Его основным желанием было не убивать, а лишь подчинять себе людей. Но дух добропорядочной миссис Голдшмидт был несгибаем. Ей добавляли сил и мысли о больном ребенке. Она весьма удивила чудовище, набросившись на него с невероятной яростью. Женщина несколько раз стукнула нападавшего по лицу и успела выдрать с его головы приличный клок волос.

Она моментально освободилась от его хватки и издала леденящий душу вопль. Трусливый Шнейдер нанес ей еще несколько ударов и скрылся.

Отважная женщина, шатаясь, добралась до тротуара и упала в изнеможении. Здесь же она и умерла на руках констебля, которого привлек в это место шум сбежавшихся соседей.

Этот рассказ был напечатан в книге, которая сейчас лежала в кармане брюк собирателя костей. Она называлась «Самые громкие преступления старого Нью-Йорка». Он бы и сам не смог объяснить, откуда явилась та притягательная сила, которая заставляла его снова и снова перечитывать эту тоненькую книжечку. Если бы его попросили более точно охарактеризовать свое отношение к брошюре, он бы сказал, наверное, что привык к ней, как к наркотику. Несмотря на то, что она была издана семьдесят пять лет назад, книга прекрасно сохранилась, может быть, благодаря хорошему переплету. Теперь она была его амулетом и талисманом. Он откопал ее на одной из полок в какой-то захудалой районной библиотеке, и в тот же день совершил свою первую и, может быть, последнюю кражу в жизни, положив книгу в карман плаща и потихоньку покинув здание библиотеки.

Главу про Шнейдера он читал, наверное, сотни раз и практически знал наизусть.

Теперь машина двигалась черепашьим шагом. Они почти что доехали до нужного ему места.

Когда несчастный скорбящий муж, рыдая, склонился над безжизненным телом Ханны, он в последний раз взглянул на ее лицо, прежде чем ее увезли (поскольку по еврейскому вероисповеданию мертвых необходимо как можно быстрее предать земле). И тогда он заметил на ее белоснежной щеке кровоподтек в форме некоего занятного символа. Ему показалось, что этот полукруглый знак напоминал полумесяц с группой звезд над ним.

Констебль вскрикнул, осознав, что это, наверное, отпечаток перстня негодяя, который остался на щеке несчастной после того, как убийца

ударил ее по лицу. Детективам понадобилась помощь художника, и вскоре один из мастеров изобразил этот перстень (читатель увидит его на гравюре XXII). Полиция обошла всех ювелиров города в поисках покупателя именно такого перстня, и вскоре было выявлено несколько джентльменов. Двое из них оказались вне всякого подозрения, поскольку один являлся дьяконом в церкви, а другой — уважаемым профессором известного университета. Третьим господином оказался именно тот самый человек, относительно которого у полиции уже возникали сомнения, и его подозревали в нечестивых поступках. Им оказался Джеймс Шнейдер.

Когда-то этот господин участвовал в работе нескольких благотворительных организации Манхэттена и имел определенное влияние на их членов. Наиболее значительные среди них: Лига помощи страдающим чахоткой и Общество благосостояния пенсионеров.

Констебли обратили на него внимание после того, как исчезли несколько членов вышеназванных групп. Самое главное: они пропадали вскоре после того, как Шнейдер наносил им визиты. Ему не было предъявлено никакого обвинения, но сразу после того, как началось расследование, этот господин словно испарился.

После ужасной смерти Ханны Голдшмидт полиция продолжала вести поиски Шнейдера и для этого производила обыски в сомнительных домах и притонах. Однако его так и не нашли. Тогда констебли расклеили по городу плакаты с описанием внешности злодея, но все тщетно. И это было настоящей трагедией в свете того несчастья, которое вскоре постигло город. И виной тому снова стал проклятый убийца.

Улицы были безлюдны. Собиратель костей свернул в какой-то неприметный переулок и остановился. Выйдя из машины, он открыл двери склада, а потом въехал внутрь, где наклонный деревянный пандус спускался к входу в тоннель.

Убедившись, что здесь никого нет, он вылез, обошел автомобиль и, отперев багажник, вытащил оттуда Ханну. Она была мягкой и толстой, словно мешок торфяной крошки. Это разозлило мужчину, и он грубо потащил ее в отверстие тоннеля. Было слышно, как поверх тоннеля, над их головами, по шоссе проносились легковушки и грузовики. Прислушиваясь к тяжелому дыханию девушки, собиратель костей решил немного ослабить натяжение липкой ленты, но в тот же миг он почувствовал, как она содрогнулась в его руках и полностью обмякла. Теперь ему самому пришлось судорожно хватать ртом воздух, чтобы не свалиться под тяжестью ее тела. Он осторожно уложил ее на пол и немного отклеил ленту. Она затрепетала, пропуская в легкие воздух. Что

случилось? Может быть, девушка просто потеряла сознание? Он прислушался к ее сердцебиению. Вроде бы пока все шло как надо.

Он обрезал веревку, спутывавшую ее лодыжки, наклонился вперед и прошептал:

— Hanna, *kommen Sie mit mir,*Hanna Goldschmidt[7]...

— *Nein,* -еле слышно пробормотала она.

Он придвинулся еще ближе и похлопал ее по щекам:

— Ханна, ты должна идти со мной. И тут она завизжала, что есть сил:

— *Mein Name ist nicht Hanna*[8]*,* -и боднула его в челюсть. Яркий желтый свет вспыхнул у него перед глазами, и его отбросило в сторону фута на два. Мужчина едва не потерял равновесия. Ханна вскочила на ноги и бросилась бежать вперед, в темный проход. Но он очень быстро нагнал ее и схватил прежде, чем она успела удалиться на десять ярдов. Девушка тяжело повалилась на пол, увлекая его за собой.

В течение целой минуты они лежали, борясь с болью, при этом мужчина яростно сдирал со своей жертвы одежду, а Монелл колотила его, куда попало. Лежа на спине, в наручниках, она использовала свое единственное оружие — ноги, поднимая их в воздух и опуская на убийцу. Один удар пришелся по руке, и мужчина взвыл от боли. Перчатка соскользнула у него с ладони, и в тот же момент женщина приготовилась к повторному удару. Только чудо спасло его от ее острого каблука, которым она на этот раз метилась ему в лицо, но промахнулась, и нога попала в песок. В противном случае она наверняка сломала бы ему нос.

— *So nicht!*[9] —зарычал он и с силой ухватил ее за горло рукой без перчатки. Женщина захрипела и стала извиваться, но очень скоро движения ее стали вялыми, а затем и вовсе прекратились. Она дернулась еще пару раз и затихла.

Он снова прильнул к ее груди. На этот раз сердце едва прослушивалось. Но теперь девушка не могла притворяться. Он поднял с земли перчатку, надел ее и принялся тащить свою жертву к столбу. Здесь он снова связал ее и заклеил рот новым куском липкой ленты. Когда Монелл пришла в себя, он уже вовсю исследовал ее тело. Она вздрогнула и попыталась увернуться, пока он ощупывал плоть у нее за ухом. Потом его пальцы переключились на локоть, на челюсть... У этой толстухи было не слишком много мест, до которых ему хотелось бы прикоснуться. Она напоминала ему подушку и вызывала отвращение.

Хотя, под кожей... Он с силой схватил ее за ногу. Монелл широко открытыми глазами в ужасе смотрела, как напавший на нее мужчина вытащил из кармана нож. Не колеблясь ни секунды, похититель распорол лезвием ее плоть до самой кости. Лента заглушила истошный вопль жертвы, она попыталась брыкаться, но мужчина крепко удерживал ее. Тебе нравится это, Ханна? Девушка стонала, заливаясь слезами, поэтому ему даже пришлось нагнуться пониже, чтобы лучше был слышен восхитительный звук скребущего по кости лезвия. Затем он схватил ее за руку.

На секунду их глаза встретились, и, глядя на мужчину с немой мольбой, Монелл отчаянно замотала головой. Но тот, оглядев ее пухлое предплечье, снова пустил в ход нож. Все ее тело свело судорогой боли, и она издала еще один задушенный крик. Он снова склонился, словно музыкант над настраиваемым инструментом, и прислушался к скребущему звуку металла, скользящего по локтевой кости. Взад-вперед, взад-вперед... Только через несколько секунд мужчина догадался, что его жертва потеряла сознание.

Наконец, он встал, выпрямился и направился к машине. Захватив из багажника несколько предметов, собиратель костей вооружился метлой и принялся тщательно заметать оставленные следы. Выехав по пандусу наверх, он, не выключая мотора, прошелся метлой и по следам шин своего автомобиля.

Немного передохнув, он всмотрелся в глубину тоннеля. Мужчина стоял и просто смотрел на свою жертву, и тут его губы растянулись в легкой улыбке. К его удивлению, первые «посетители» уже пожаловали. Во мраке засверкали красноватые искры: сначала пять пар глаз, потом десять, а вскоре он потерял им счет... Казалось, они с любопытством разглядывают окровавленную плоть Ханны... А может быть, это было не столько любопытство, сколько голод. Хотя последнее могло оказаться лишь плодом его воображения. Одному Господу известно, насколько оно у собирателя костей было живым.

Глава двенадцатая

— Мел, теперь надо разобраться с одеждой Колфакс. Амелия, ты не могла бы помочь ему?

Она подарила ему кивок вежливости, как это принято в приличном обществе, и Райм еще раз осознал, насколько он зол на Амелию.

Подойдя к Мелу, Сакс надела резиновые перчатки, аккуратно разложила одежду Колфакс и щеткой смела с нее все прилипшие к ткани частицы на

чистые листы бумаги. Купер поднял их при помощи специальной ленты и принялся рассматривать в микроскоп.

— Маловато, — вздохнул он. — Большинство следов погибло из-за воздействия пара. Немного земли, но для анализа не хватит. Подожди-ка... Великолепно! У нас есть какие-то волокна. Посмотри...

«Не могу», — сердито подумал Райм.

— Темно-синие, смесь шерсти с акрилом, как я полагаю. Недостаточно жесткие, значит, не из ковра. Следовательно, от одежды.

— Ну, в такую жару он вряд ли стал бы надевать шерстяные носки или свитер. Скорее всего, это лыжная маска.

— Могу поспорить, что ты угадал, — поддержал приятеля Мел.

— Значит, он серьезен в своем намерении дать нам шанс спасти их, — отозвался Линкольн. — Если бы он намеревался убивать, то ему было бы все равно, видели они его или нет.

— Эта скотина, вероятно, думает, что все сойдет ему безнаказанно, — возмутился Селитто. — И ни о каком самоубийстве он тоже не помышляет. Значит, если мы его поймаем в тот момент, когда кое-кто из его жертв все еще будет находиться в опасности, он сможет провести с нами переговоры и на чем-нибудь столковаться.

— Мне нравится твой оптимизм, Лон, — улыбнулся Райм. В прихожей раздался звонок, и Том спустился вниз, чтобы открыть входную дверь. Через несколько секунд по лестнице поднялся Джим Поллинг, вид у него был растрепанный и обеспокоенный. А что еще можно ожидать от своей внешности, если целый день приходится болтаться между пресс-конференциями, офисом мэра и зданием ФБР?

— Да, с форелью на этот раз вышло неудачно, — кивнул ему Селитто, а потом пояснил для Райма: — Джимми у нас заядлый рыболов. Сам делает блесны и все такое прочее. Если я выбираюсь за город к воде, то беру напрокат лодку, к ней упаковку пива, и вполне счастлив.

— Сначала разберемся с этим негодяем, а потом будем думать и о рыбалке, — заявил Поллинг, наливая себе горячего кофе из кофейника, который Том предусмотрительно оставил возле окна. Джим выглянул на улицу, и был немало поражен, увидев, что на него уставились две крупные птицы. Ничего не сказав, он снова повернулся к Райму и объяснил, что из-за дурацкого похищения в аэропорту ему пришлось отказаться от рыбалки в Вермонте, хотя поездка была запланирована

уже давно. Райму никогда не приходилось рыбачить. У него не было на это времени, да и сам он не считал себя склонным увлекаться чем-то чересчур сильно. Но теперь он почувствовал, что искренне завидует Поллингу. Безмятежность рыбной ловли казалась ему притягательной. Это был как раз тот вид спорта, которым можно заниматься в полном одиночестве. Те виды, которыми, как правило, занимаются инвалиды, носят состязательный характер и в любом случае подразумевают физическую, если не силу, то ловкость. Нужно кого-то побеждать, кого-то опережать, что-то доказывать всему миру... и самому себе. Баскетбол, теннис, марафон в инвалидных креслах... Райм твердо решил, что если ему приспичит заниматься спортом, то он выберет рыбную ловлю. Хотя забросить леску при помощи единственного функционирующего пальца тоже было весьма проблематично.

— В прессе его уже назвали серийным похитителем, — сообщил Поллинг.

«Возможно, они и не ошиблись», — подумал Райм.

— А мэр буквально сходит с ума. Он хочет призвать на помощь федералов. Мне пока что удалось уговорить шефа никому это дело не передавать. Но мы не имеем права потерять следующую жертву.

— Мы постараемся, — язвительно вставил Райм. Отхлебнув глоток кофе, Поллинг подошел ближе к кровати:

— Ты хорошо себя чувствуешь. Линкольн?

— Превосходно.

Поллинг посмотрел на бывшего коллегу, может быть, немного дольше, чем следовало, и кивнул Селитто:

— Доложи мне вкратце обо всем случившемся. Через полчаса у меня назначена очередная пресс-конференция. Вы последнюю по телевизору не смотрели? Не слышали, что там наговорил один репортер? Ему интересно, как, по-нашему, отреагирует семья жертвы, когда узнает, что женщину буквально сварили заживо?

— О Боже! — Бэнкс только покачал головой. Райму вспомнился один случай. Три с половиной года назад, когда шло расследование дела об убийстве полицейских, капитан разбил вдребезги весьма дорогую видеокамеру у репортера только за то, что тот поинтересовался: не из-за того ли столь агрессивен Поллинг, что преступником оказался человек, который сам служил в полиции?

Поллинг и Селитто устроились в дальнем углу спальни, и детектив принялся посвящать капитана в ход дела. Когда, на конец, Джим покинул их, то Райм обратил внимание на то, что сейчас капитан не был и наполовину таким же бодрым и жизнерадостным, как обычно.

— Прекрасно, — объявил Купер. — У нас имеется волосок. Обнаружен в кармане жертвы.

— Целый? — без особой надежды спросил Райм, и поэтому ничуть не удивился, когда Мел со вздохом ответил:

— Увы, нет. Без луковицы.

Без луковицы волос нельзя индивидуализировать, он может служить только не слишком информативным вещественным доказательством. По нему нельзя определить структуру ДНК и определить преступника. Хотя определенную ценность волосы, разумеется, представляют. Канадские ученые-исследователи несколько лет назад доказали, что если на месте преступления найден волос, то шансы на то, что это и есть волос подозреваемого, равны примерно 4500:1. Однако вся проблема заключается в том, что по волосу слишком мало можно сказать о человеке, потерявшем его. Практически невозможно определить пол человека и даже расу. Возраст удается узнать, только имея дело с волосами младенцев. Цвет — фактор обманчивый, если учитывать достижения современных красок. А так как каждый нормальный человек теряет по несколько десятков волос в сутки, трудно даже сказать, лысеет ли он при этом или нет.

— Проверь его на принадлежность к жертве. Сравни чешуйки и пигментацию, — приказал Райм.

Уже через несколько секунд Купер, оторвавшись от микроскопа, уверенно заявил:

— Это не ее волос. Не Ти-Джей Колфакс.

— Каково описание?

— Светло-коричневый. Отклонений нет, поэтому негроидная раса исключается. По пигментации также ясно, что это и не монголоид.

— Значит, белая раса, — довольно подтвердил Райм, кивая в сторону таблицы на стене. — Это только подтверждает показания нашего свидетеля. Волосок с головы или с тела?

— Диаметр варьирует не слишком сильно, кроме того, по распределению пигмента можно сделать заключение, что он с головы.

— Длина?

— Три сантиметра.

Том спросил, нужно ли добавить в таблицу тот факт, что у подозреваемого каштановые волосы.

— Нет, надо дождаться подтверждения. — Райм не стал торопиться. — Напиши только то, что нам доподлинно известно.

Он пользуется лыжной маской темно-синего цвета. Что там с ногтевыми соскобами, Мел?

Купер уже рассмотрел их в микроскоп, но ничего полезного не нашел.

— А тот отпечаток на бочке, что ты обнаружила? Давайте посмотрим. Покажи мне его, Амелия.

Сакс колебалась несколько мгновений, потом поднесла к нему поближе поляроидный снимок.

— Вот так чудовище! — прокомментировал Райм, рассматривая огромную деформированную ладонь, на которой вместо изящных завитков и бугорков виднелись лишь смазанные беспорядочные черточки.

— Великолепная картина, ты просто виртуальный Эдвард Вестон, Амелия. Но, к сожалению, это не ладонь, а эти черточки — не пальцевые рисунки. Это перчатка. Кожаная. Довольно старая. Верно, Мел?

Купер молча кивнул.

— Том, запиши, что наш подозреваемый имеет пару старых перчаток, — приказал Райм и обратился ко всем присутствующим: — Вот теперь мы начинаем кое-что понимать о нашем преступнике. Он никогда не оставляет *своих*отпечатков на месте преступления. Зато след его перчатки у нас уже есть. И если мы найдем ее саму, то сможем утверждать, что он был там, в котельной. Наш подозреваемый умен, но не гениален.

— А что же носят гениальные преступники? — поинтересовалась Сакс.

— Замшевые перчатки с хлопковой подкладкой. — Где фильтр?

Мел вытряхнул вакуумный фильтр, напоминавший конусообразную деталь от кофеварки, на чистый лист бумаги.

Вещественные доказательства...

Журналисты и присяжные заседатели любят видеть в качестве вещественных доказательств вполне очевидные предметы: окровавленные перчатки, ножи, огнестрельное оружие, которым недавно пользовались, любовные письма, остатки спермы и отпечатки пальцев. Но Линкольн Райм больше всего любил пыль и жидкости всех сортов. Именно на это меньше всего обращают внимание преступники, оставляя после себя подобные следы.

Но и фильтр на этот раз не захватил ничего ценного.

— Ну, ладно, — успокоил остальных Линкольн. — Пойдем дальше. Давайте посмотрим на наручники.

Сакс напряглась, наблюдая, как Купер открывает пластиковый пакет и вытряхивает наручники на лист бумаги. Как Райм и предупреждал, крови здесь было совсем мало. С пилой на этот раз пришлось работать медэксперту. Правда, для полной уверенности он дождался, когда адвокат нью-йоркской полиции перешлет официальное согласие на эту процедуру по факсу.

Купер внимательно осмотрел наручники:

— Фирма «Бойд и Келлер». Серийный номер отсутствует. — Он опрыскал их жидкостью из пульверизатора и осветил. — Отпечатков нет, только следы от перчатки.

— Теперь открой их.

При помощи стандартного ключа Купер расстегнул наручники, а потом продул механизм воздушным очистителем для линз.

— Ты все еще сердишься на меня, Амелия? — обратился к Сакс Линкольн. — Насчет рук.

Вопрос прозвучал неожиданно и застал ее врасплох:

— Я не рассердилась, — через пару секунд заговорила Амелия. — Я подумала, что такие действия квалифицируются как непрофессиональные. Я имею в виду то, что вы предлагали.

— Ты знаешь, кто такой Эдмон Локар?

Она отрицательно помотала головой.

— Француз. Родился в 1877 году. Он основал при Лионском университете Институт криминалистики. Он вывел один закон, который всегда помогал мне, когда я работал в следственном управлении. Принцип обмена Локара. Этот ученый был уверен в том, что когда два человека контактируют, обязательно будет произведен какой-то обмен. Один человек забирает что-то у другого и что-то отдает. Может быть, это просто пыль, кровь, клетки кожи, волокна, крошечные металлические частицы. Бывает очень сложно определить, что именно участвовало в процессе обмена, и еще сложнее понять, что бы этот обмен мог значить. Но это происходит, и именно руководствуясь этим принципом, мы поймаем нашего подозреваемого.

Впрочем, этот экскурс в историю совсем не заинтересовал Амелию.

— Тебе еще повезло, — обратился Мел Купер к Сакс, даже не поворачивая к ней головы. — Он хотел, чтобы ты вместе с медэкспертом поехала в лабораторию, присутствовала при аутопсии и исследовала содержимое ее желудка.

— Это нам не помогло бы, — пробурчал Райм, стараясь не встречаться взглядом с женщиной.

— Но я его отговорил, — заявил Купер.

— Аутопсия, говорите... — вздохнула Сакс с такой обреченностью, будто теперь никакая информация, касающаяся Линкольна Райма, была не в состоянии удивить ее.

«По-моему, эта красотка сейчас даже не находится вместе с нами, — продолжал злиться Райм. — Она уже унеслась куда-то за тысячи миль».

— Ага, — обрадовался Купер, — Что-то нашел. Кажется, это и есть кусочек перчатки.

Он поместил крошечный фрагмент под микроскоп и принялся изучать его:

— Кожа, красновато-коричневатая. С одной стороны отполированная.

— Красная, это хорошо, — кивнул Селитто и пояснил Амелии: — Чем эксцентричнее они одеваются, тем легче их поймать. Правда, этому в академии не учат. Когда-нибудь я расскажу тебе о тех временах, когда мы схватили Джимми Плейда из банды Гамбино. Помнишь, Джерри?

— Да, такие портки, как были у него, за милю видно, — кивнул молодой детектив.

— Кожа высушена. Жира в структуре очень мало. Ты был прав, когда говорил, что они очень старые.

— Что это за животное?

— Перчатки лайковые, причем очень хорошего качества.

— Если бы они были новые, можно было бы подумать, что их владелец богат, — вздохнул Райм. — Но раз они не новые, он мог найти их в мусорном баке или купить как поношенные. Никаких выводов о подозреваемом пока делать не стоит. Ну, хорошо. Том, добавь в таблицу то, что у преступника имеются лайковые перчатки красноватого оттенка. Что еще мы имеем?

— Он пользуется лосьоном после бритья, — напомнила Сакс.

— Да, у меня это из головы вылетело. Хорошо. Возможно, он хочет скрыть какой-то другой запах. Иногда преступники прибегают к подобным уловкам. Запиши это. Том. Как пах этот лосьон, Амелия? Ты мне уже рассказывала.

— Терпкий, как джин.

— Что у нас с веревкой? — продолжал Райм.

— Синтетическая, — доложил Купер после быстрого обследования. — Я такие уже видел. Несколько десятков внутренних волокон состоят из различных типов полимеров, одна нить, нет, две, металлические.

— Нам нужен изготовитель.

Купер отрицательно помотал головой:

— Не получится. Слишком расплывчатые сведения.

— Проклятье! — выругался Райм. — А узел?

— А вот это что-то интересное. Смотри-ка, он дважды завязывается в петлю. Такую веревку вообще трудно завязать так, чтобы узел не соскальзывал, а здесь все вышло надежно.

— У нас есть перечень узлов?

— Нет.

«Непростительно», — промелькнуло в голове Райма.

— Сэр?

Райм повернулся к Бэнксу.

— Я когда-то плавал...

— Из Вестпорта, — подсказал Райм.

— В общем, да. А откуда вы об этом узнали? Если бы Райму пришлось определять родину Бэнкса, он, не колеблясь, назвал бы Коннектикут.

— Просто удачная догадка, — небрежно заметил Линкольн.

— Это не морской узел. Я такой первый раз вижу.

— Что ж, полезная информация. Повесь-ка веревку вон туда, — Райм кивнул на стену, где уже находился снимок целлофана и таблица на плакате Моне. — Мы вернемся к узлу позже.

В эту минуту зазвонил звонок в прихожей, и Том отправился открывать дверь. Райм забеспокоился. Уж не доктор ли Бергер явился уведомить его, что больше не заинтересован в их «проекте» и не намерен ему помогать?

Но по тяжелому топоту ног Райм тут же догадался, кто же пришел навестить его.

Офицеры службы немедленного реагирования, все мрачные, одетые по-боевому, один за другим входили в комнату и вежливыми кивками здоровались с присутствующими. Это были очень серьезные люди, и Райм сразу понял, что за двадцатью устремленными на него глазами скрывалось десять вариантов весьма неблагоприятного впечатления о человеке, навсегда прикованного к постели.

— Господа, все вы, я думаю, уже знаете о вчерашнем похищении и о гибели жертвы сегодня днем. — Послышалось утвердительное мычание, и Райм продолжал: — Наш подозреваемый захватил очередную жертву. У нас есть свои версии по поводу того, где обитает преступник, и от вас требуется конкретная помощь. Существует несколько мест, которые вы должны посетить и достать вещественные доказательства. Действовать придется незамедлительно, и всем сразу. Каждый человек отправится в указанное ему место.

— Вы хотите сказать, — неуверенно выступил усатый офицер, — что у нас не будет прикрытия?

— Вам оно и не потребуется.

— Как сказать, сэр. Лично мне не хотелось бы отправляться на задание в одиночку. Лучше хотя бы с напарником.

— Я не думаю, что вам придется пользоваться оружием. Вашей целью станут фирменные продуктовые магазины города.

— Продуктовые?

— Да, но не все магазины, а только самые крупные из них. Например, «Джей-Джи», «Шопрайт», «Фуд Верхаус»...

— Что же конкретно мы должны делать?

— Покупать телячьи ножки.

— Что?

— По одной ножке в каждом магазине. Боюсь, что вам на этот раз придется заплатить из собственного кармана, джентльмены. Но город потом отплатит вам сторицей. Да, чуть не забыл, они нужны нам срочно!

......

Она лежала на боку и не шевелилась.

Ее глаза успели привыкнуть к полумраку тоннеля, и девушка теперь прекрасно видела этих маленьких уродцев, подкрадывавшихся к ней со всех сторон. Ее внимание привлек один из них, самый крупный и наиболее решительный.

Нога девушки ныла, причиняя постоянные страдания, но хуже всего дела обстояли с рукой. Там, где этот негодяй прорезал ее до самой кости, боль была почти невыносимой. Но так как Монелл оставалась прикованной к столбу, она не могла повернуться и посмотреть, насколько рана на руке была глубокой и сильно ли она кровоточила. Наверное, порез все же был серьезным, потому что девушка ослабла и, кроме того, чувствовала, как липкая жидкость заливает ее руку и бок.

Затем послышался шуршащий звук. Это крошечные игольчатые коготки царапали бетонный пол. Серовато-бурые комочки жались по углам. Затем крысы осмелели и начали придвигаться поближе. Их было, наверное, не меньше сотни.

Девушка усилием воли заставила себя не паниковать и лежала тихо, наблюдая за здоровенной крысой, которую про себя окрестила Чернышом. Он шел первым, ежесекундно то отступая, то делая пару шажков вперед, и изучал ее.

К девятнадцати годам Монелл Гергер уже успела дважды объехать весь мир. Она путешествовала автостопом и посетила такие страны, как Шри-Ланка, Камбоджа и Пакистан. В Небраске женщины с негодованием смотрели на ее колечки, протыкающие брови и свисающую грудь без бюстгальтера. В Иране мужчины провожали жадными взглядами ее полные обнаженные руки. Она спала под открытым небом в гватемальских парках и три дня провела с повстанцами в Никарагуа, потерявшись на пути к лагерю беженцев.

Но никогда ей не было так страшно, как сейчас.

Mein Gott…

И больше всего ее пугало то, что она задумала совершить.

Одна крыса подбежала совсем близко, ее бурое тельце вздрагивало, продвигаясь вперед дюйм за дюймом. «Крысы потому такие противные и омерзительные, — решила про себя Монелл, — что они больше похожи на рептилий, нежели на грызунов. Мордочка и хвост — совсем как у змеи. А еще эти поганые красные глазки!»

Позади этого наглеца шел Черныш, зверек размерами напоминал небольшую кошку. Он встал на задние лапки, как будто разглядывая что-то особенно интересное, и замер.

Затем маленькая крыса перешла в атаку. Не обращая внимание на приглушенный крик Монелл, она рванулась вперед и с молниеносной скоростью вцепилась в ногу, вырывая кусочек плоти оттуда, где светился порез. Рана заполыхала огнем. Монелл взвыла, одновременно испытывая жгучую боль и досаду за свое бессилие что-либо сделать. Пошел прочь! Она изо всех сил ударила каблуком по спине крысы. Раздался слабый хруст, зверек дернулся и свалился замертво.

Еще одна крыса добежала до ее шеи, отхватила кусочек и отпрянула, наблюдая за жертвой. Она крутила носом так, что, казалось, облизывает мордочку от удовольствия.

Dieser Schmerz[10]…

Девушку трясло от боли. *Dieser Schmerz!*Эта боль! Стиснув зубы, она снова заставила себя успокоиться и лежать, не шевелясь.

Маленький негодяй приготовился ко второй атаке, но неожиданно извернулся и бросился наутек. И Монелл увидела, что стало причиной такого трусливого поведения крысы. Черныш осмелел и теперь

возглавлял стаю. Он медленно, но верно приближался к намеченной цели.

Вот так, это уже лучше.

Она ждала именно его, потому что крысу не интересовали ни ее кровь, ни плоть. Черныш уже в течение двадцати минут, как завороженный, смотрел на серебристую ленту, заклеивающую рот девушки.

Маленькая крыса слилась с морем шевелящихся мохнатых телец, а Черныш продолжал идти вперед, перебирая своими малюсенькими лапками. Замер на месте, опять пошел. До цели оставалось шесть футов… Пять…

Вот уже всего три фута.

Монелл лежала абсолютно неподвижно, почти не дыша, боясь, что тяжелое дыхание отпугнет крысу.

Черныш снова остановился. Вот он опять засеменил вперед. До головы остается два фута.

«Замри и не двигайся!» — приказала себе Монелл.

Крыса изогнула спину и обнажила свои коричневатые зубы. Вот Черныш прошел еще один фут и застыл, внимательно глядя вперед. Сел на задние лапы, передние потер одна о другую, словно приготавливаясь к чему-то очень приятному, и снова тронулся в путь.

Монелл Гергер притворилась мертвой.

Еще шесть дюймов… *Vorwarts!*[11]

Ну, давай же!

И вот он уже возле ее лица. Девушка сразу почувствовала отвратительный запах помойки, кала и гнилого мяса, исходящий от его шкуры. Зверек обнюхал ленту, и Монелл еле сдерживалась, чтобы не стряхнуть крысу: он щекотал ее своими усиками по носу снова и снова. Но вот, наконец. Черныш оскалился и принялся жевать ленту.

Минут пять ушло на то, чтобы он обгрыз ее со всех сторон. Один раз какая-то наглая крыса отважилась вцепиться в лодыжку девушки. Монелл закрыла глаза от боли и попыталась переключиться на что-нибудь другое. Черныш заметил нахала и тут же прогнал его прочь. Добежав до угла и убедившись, что конкурент скрылся в темном углу.

Черныш вновь повернулся к Монелл, и принялся изучать ее так, будто увидел впервые.

Vorwarts, Черныш! Ну, давай же!

Он возвратился к ней неторопливой походкой. Слезы градом катились по щекам девушки, но она пересилила себя, и покорно прижалась щекой к полу.

Крыса принялась за работу.

Давай, давай!

Она ощущала зловонное горячее дыхание, когда Черныш, наконец, прорвал ленту и начал отрывать от нее кусочки покрупнее, складывая их в жадные лапки.

«Может быть, отверстие уже достаточно большое?» — раздумывала Монелл.

Наверное, да. Впрочем, она уже не могла больше терпеть.

Медленно, миллиметр за миллиметром, она начала приподнимать голову. Черныш насторожился, и весь подался вперед.

Монелл широко раскрыла рот, и сердце ее радостно забилось, когда она услышала, как разрываются остатки ленты на ее губах. Она набрала полные легкие воздуха. Теперь она снова может нормально дышать!

А также кричать и звать на помощь. — *Bitte, iiclfen Sic mir!*[12] Пожалуйста, помогите! Черныш в испуге отпрянул, ошеломленный ее неистовым завыванием, по пути теряя драгоценные кусочки серебристой ленты. Правда, он отбежал не слишком далеко. Остановившись и оглянувшись, зверек поднялся на задние лапки, словно выжидая, когда все успокоится и можно будет продолжить свое занятие.

Не обращая больше внимания на крысу, девушка изо всех сил пнула ногой столб, к которому была прикована. Сверху серым облаком на нее полетела пыль и какой-то мусор, но столб не поддался ни на миллиметр. Тогда она принялась снова и снова звать на помощь, пока не заболело горло.

— *Bitte!*На помощь!

Шум транспорта наверху поглотил этот звук. На несколько секунд в подземелье воцарилась тишина. Потом Черныш, немного осмелев, снова

засеменил к девушке. На этот раз он пришел не один. За ним следовала еще группа лоснящихся гибких тел. Они дергались, то замирая на месте, то отчаянно бросаясь вперед. Манящий запах крови оказался сильнее страха.

……

Кость и дерево, дерево и кость.

— Мел, что у тебя там? — Райм кивал в направлении компьютера, соединенного с хроматографом. Купер еще раз подверг исследованию кусочки грязи, обнаруженные в порах деревяшки.

— Очень много азота.

Три различных анализа с одинаковым результатом. Тем не менее, аппарат работал исправно.

— Можно предположить, — задумчиво произнес Купер, — что азот как-то связан с огнестрельным оружием или с производством снарядов.

— Но это уже Коннектикут, а не Манхэттен. — Райм взглянул на часы. Половина седьмого. Как быстро сегодня летит время! И как медленно оно тянулось в течение последних трех с половиной лет. Сейчас ему казалось, что он бодрствует уже несколько суток подряд.

Молодой детектив склонился над картой Манхэттена, отодвинув бледный позвонок, упавший со стопки книг.

Эту кость Райму оставил его специалист по травмам позвоночника Питер Тейлор. Это было давно. Тогда доктор, тщательно осмотрев Линкольна, уселся на расшатанном стуле и вынул из кармана какой-то предмет.

— Пришло время рассказать вам кое-что интересное, — интригующе объявил он.

Райм взглянул на раскрытую ладонь Тейлора.

— Вот это и есть тот самый четвертый позвонок. Такой же, как у вас в шее. Тот, что сломан. Видите эти хвостики у него вот здесь? — Доктор повернул позвонок несколько раз. — О чем вы думаете, смотря на него?

Райм уважал Тейлора. Доктор не относился к нему, как к ребенку, психопату или вообще человеку, доставляющему окружающим одни неудобства. Однако в тот день Линкольн был не в настроении продолжать игру в догадки и поэтому промолчал.

— Некоторые из моих пациентов считают, что он похож на морского ската, — тем не менее, продолжал Питер. — Другие говорят, что это космический корабль, самолет или грузовик. Кому бы я ни задавал этот вопрос, все почему-то сравнивают данный предмет с чем-то большим. Ни один человек еще не сказал: «Это соединение кальция и магния». Понимаете? Никто не хочет признаваться в том, что такая незначительная штучка может полностью изменить их жизнь, превратив ее в сущий ад.

Райм скептически посмотрел на доктора, но спокойный седовласый медик привык иметь дело с подобными пациентами, и поэтому добродушно заметил:

— Даже не пробуйте меня расстраивать.

Затем он поднес костяной диск поближе к лицу Райма:

— Вы считаете, что это несправедливо: вот такая маленькая штуковина приносит вам столько горя! Забудьте об этом. *Просто забудьте.*Я хочу, чтобы вы помнили о том, что было раньше, до несчастного случая. Все хорошее и плохое в вашей жизни. И радость, и печаль... И вы сможете испытать их теперь. — Лицо доктора застыло. — Потому что сейчас, если говорить честно, я вижу перед собой человека, который полностью сдался.

Тейлор оставил позвонок на прикроватном столике. Поначалу Райм посчитал, что он просто забыл его там. Но затем понял, что тут все было тонко рассчитано. В последние месяцы, когда Райм мучительно рассуждал, стоит ли ему убивать себя или нет, он частенько посматривал на этот костяной диск. Он стал как бы символом теории Тейлора, которая провозглашала свет жизни. Но мало-помалу оптимизм Райма иссяк. Слова доктора, какую бы ценность они ни имели, не смогли заставить Линкольна преодолеть бремя боли и изнеможения, которые тот испытывал изо дня в день.

Райм перевел взгляд от позвонка на Амелию Сакс.

— Я хочу, чтобы ты снова вспомнила место преступления, — заявил он.

— Я рассказала все, что увидела там.

— Мне сейчас нужно не это. Я хочу знать, что ты там чувствовала.

Райму вспомнились бесчисленные места преступлений, где ему пришлось побывать. Иногда в такие минуты происходили чудеса. Он просто осматривал помещение, и неожиданно ему в голову приходили

самые разнообразные мысли, касающиеся подозреваемого. Он и сам не смог бы объяснить, отчего это случается. Специалисты, занимающиеся поведением человека, говорили бы в таких случаях о составлении психологического портрета преступника. Но криминалисты занимаются этим вот уже несколько столетий. Ходи там, где ходил он, найди то, что оставил он, думай так, как думает он, и тогда, покидая место преступления, ты будешь иметь готовый портрет.

— Расскажи мне, — настаивал Райм, — что ты тогда чувствовала?

— Мне было неуютно и жарко. — Она пожала плечами. — Что я чувствовала? Наверное, напряжение. Не знаю. Вы уж меня простите...

Если бы Райм мог двигаться, он сейчас соскочил бы с кровати, схватил бы ее за плечи и хорошенько встряхнул, крича при этом: «Ты же прекрасно понимаешь, о чем я сейчас говорю! Я знаю это! Почему ты отказываешься работать со мной?! Почему ты упорно игнорируешь меня?!»

И в этот момент он кое-что понял... Что она побывала там, в душном сыром подвале. Что она видела изуродованное мертвое тело Ти-Джей. Ей пришлось нюхать пропитанный зловещим запахом воздух. Он увидел, как все это подействовало на Сакс. Поэтому ее ногти и обкусаны до крови. Поэтому она и ведет себя искусственно вежливо. Амелия не хотела думать о том страшном подвале и теперь ненавидела Райма за то, что он напомнил ей об одной ужасной вещи. Часть ее самой так и осталась навсегда в той котельной.

— Итак, ты снова идешь по комнате, — настаивал Линкольн.

— Не думаю, что это как-то могло бы помочь.

— Попробуй, — повторил Райм, сдерживая свою раздраженность. Он даже попытался улыбнуться. — Скажи мне, о чем ты там думала.

Она вдруг замерла:

— Это... просто мысли. Впечатления, которые всегда возникают у всех людей.

— Но ведь там была именно ты, а не «все люди». Расскажи нам.

— Это было так страшно. Или еще что-то... — проговорила Амелия и тут же мысленно отругала себя за непрофессиональное «что-то».

— Я почувствовала...

— Что кто-то наблюдает за тобой? — подсказал Райм.

— Да, — удивленно кивнула Сакс. — Именно наблюдает. Сколько раз Линкольну приходилось испытывать это чувство! Он ощущал его и тогда, три с половиной года назад, когда, склонившись над разложившимся трупом полицейского, брал для анализа волокна с его формы. Он был просто уверен, что кто-то находится совсем рядом. Но там не оказалось никого. Была просто дубовая балка, которая выбрала именно тот момент, чтобы обрушиться на Линкольна Райма, сокрушая его четвертый позвонок своим невероятным весом.

— О чем еще ты тогда думала, Амелия?

Она больше не сопротивлялась. Губы ее расслабились, глаза бесцельно бродили по наполовину свернутому плакату с изображением «Ночных ястребов» — одиноких и счастливых оттого, что никто их не беспокоит.

— Ну, я помню, что тогда еще сказала себе: «Это очень старое здание». Оно напоминает фильмы, где показывают фабрики начала века или что-то в этом духе. А еще...

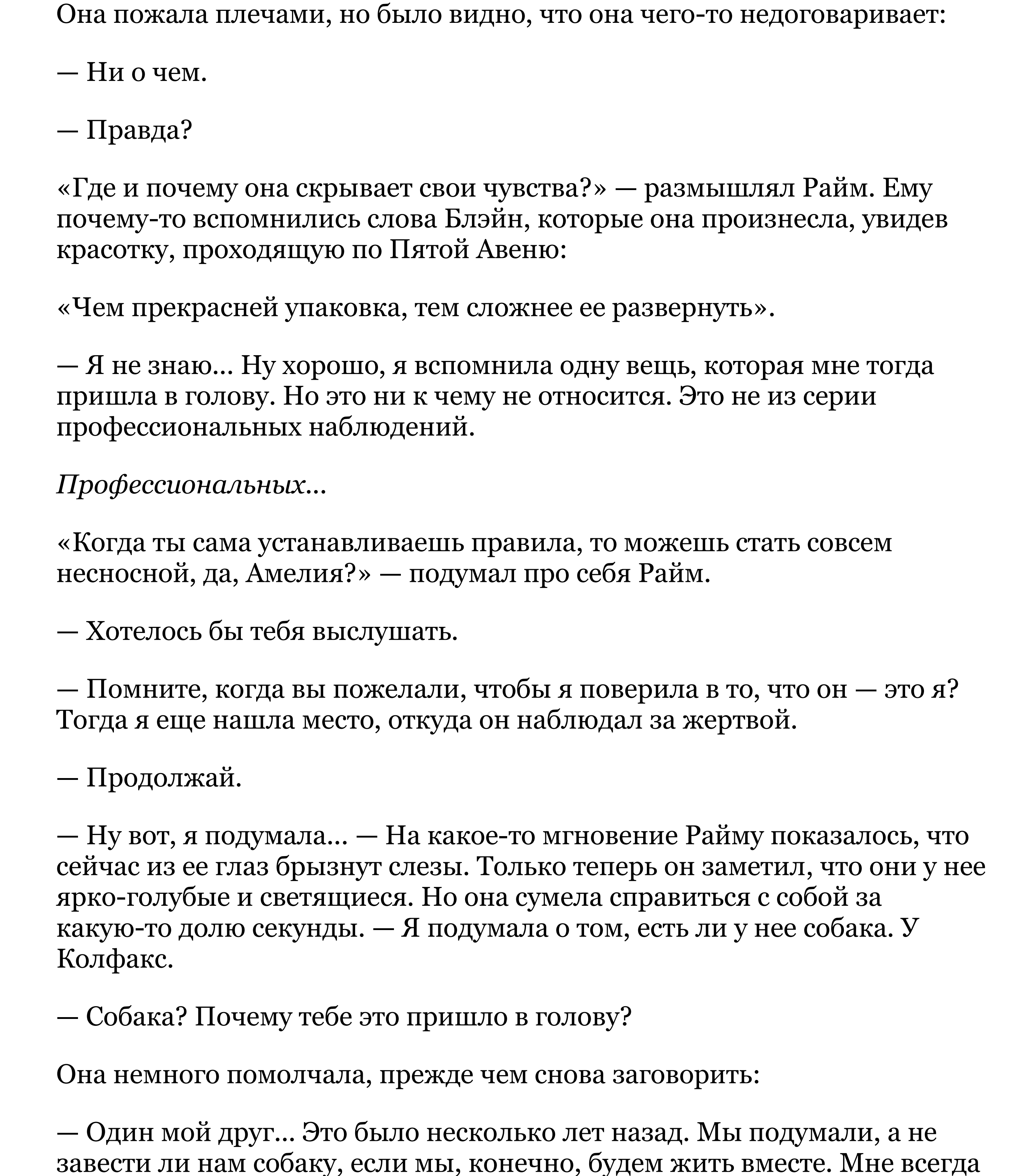
— Подожди-ка! — перебил ее Райм. — Давай подумаем над этим. Старинное здание...

Его взгляд остановился на карте Рандела. Ведь он уже заострял свое внимание на том, что преступнику нравятся исторические районы Нью-Йорка. Здание, в котором погибла Ти-Джей Колфакс, тоже принадлежало к старинным. И тоннель рядом с железной дорогой, где впервые был обнаружен труп. Железная дорога в Нью-Йорке обычно проходит по поверхности земли. В тех местах случалось так много несчастных случаев, что 11-я улица зарекомендовала себя как Улица смерти. Только из-за этого впоследствии были выстроены тоннели, по которым частично проходил путь поездов.

— И Перл-стрит, — бурчал себе под нос Райм, — считалась одной из главных магистралей в старом Нью-Йорке. Почему его так интересует все старинное? — обратился он к Селитто. — Скажи-ка, а Терри Добинс еще работает?

— Психолог? Да. Мы в прошлом году вместе расследовали одно дело. Между прочим, он интересовался твоей персоной. Говорил, что звонил тебе пару раз, но только ты...

— Да-да, я помню, — оборвал его Райм. — Пусть приходит. Мне нужно, чтобы он высказал свое мнение по поводу нашего подозреваемого. Ну, Амелия, о чем еще ты тогда подумала?



Она пожала плечами, но было видно, что она чего-то недоговаривает:

— Ни о чем.

— Правда?

«Где и почему она скрывает свои чувства?» — размышлял Райм. Ему почему-то вспомнились слова Блэйн, которые она произнесла, увидев красотку, проходящую по Пятой Авеню:

«Чем прекрасней упаковка, тем сложнее ее развернуть».

— Я не знаю... Ну хорошо, я вспомнила одну вещь, которая мне тогда пришла в голову. Но это ни к чему не относится. Это не из серии профессиональных наблюдений.

Профессиональных...

«Когда ты сама устанавливаешь правила, то можешь стать совсем несносной, да, Амелия?» — подумал про себя Райм.

— Хотелось бы тебя выслушать.

— Помните, когда вы пожелали, чтобы я поверила в то, что он — это я? Тогда я еще нашла место, откуда он наблюдал за жертвой.

— Продолжай.

— Ну вот, я подумала... — На какое-то мгновение Райму показалось, что сейчас из ее глаз брызнут слезы. Только теперь он заметил, что они у нее ярко-голубые и светящиеся. Но она сумела справиться с собой за какую-то долю секунды. — Я подумала о том, есть ли у нее собака. У Колфакс.

— Собака? Почему тебе это пришло в голову?

Она немного помолчала, прежде чем снова заговорить:

— Один мой друг... Это было несколько лет назад. Мы подумали, а не завести ли нам собаку, если мы, конечно, будем жить вместе. Мне всегда хотелось иметь собаку. Колли. Они такие забавные! И моему приятелю тоже импонировали колли. Даже когда мы еще не были знакомы.

— Собака... — Сердце Райма колотилось, как настойчивое насекомое, старающееся пробиться в комнату через сетчатую преграду на окне. — И что же?

— Я подумала, что эта женщина...

— Ти-Джей, — снова подсказал Райм.

— Ти-Джей, — подхватила Амелия, — так вот, я подумала, как это печально, если у нее дома было какое-нибудь любимое домашнее животное, которое ее ждет, а хозяйка уже никогда не вернется и не будет с ним играть... Я тогда не подумала ни о ее муже, ни о друзьях. Я думала только о домашних животных.

— Но почему? Собаки, домашние животные. Почему?

— Сама не знаю.

В комнате повисла тишина.

Наконец, Сакс снова подала голос:

— Наверное, когда я увидела ее там, прикованную и связанную... И еще я думала о том, как он стоит рядом и наблюдает. Там, в углу, между бочками. Это напоминало, как будто он смотрит на животное в загоне.

Райм перевел взгляд на экран компьютера, подключенный к хроматографу.

Животные...

Азот...

— Вот дерьмо! — внезапно выпалил он.

Все головы разом повернулись в его сторону.

— Дерьмо! — повторил Райм, пялясь на экран.

— Ну, конечно же! — оживился Купер, нервно поправляя пряди волос. — Весь этот азот. Это же навоз! И, надо сказать, очень старый навоз.

И тут перед мысленным взором Линкольна, как это бывало и раньше, возник четкий зрительный образ. На сей раз это было стадо барашков.

— Линкольн, с тобой все в порядке? — заволновался Селитто.

Ягненок, медленно прохаживающийся по улице. Как будто он смотрит на животное...

—Том, — Лон повернулся к помощнику. — С ним все в порядке?

...в загоне.

Райм почти видел этого беззаботного барашка с колокольчиком на шее, а за ним еще с десяток таких же невинных ягнят.

— Линкольн, — обратился Том к Райму, — вы вспотели. Вам плохо?

— Ш-ш-ш! — зашипел на него тот, призывая к полной тишине.

Он почувствовал, как струйка пота скатывается по его лицу. Внезапное вдохновение и сердечный приступ имеют похожие симптомы. Думай, думай...

Кости, дерево и навоз...

— Есть! — прошептал он. — Иудейский агнец, ведущий стадо на бойню.

— Скотный двор! — громко объявил он всем остальным. — Жертва находится на скотном дворе.

Глава тринадцатая

— Но на Манхэттене нет никаких скотных дворов!

— Прошлое, Лон, — напомнил Райм. — Мы говорим о минувшем времени, которое так увлекает нашего подозреваемого. При воспоминании о старине у он развивает бурную деятельность. Значит, нам надо сейчас выяснять, где такие дворы находились раньше. И чем они древнее, тем лучше.

Работая над своей книгой, Райм наткнулся на один интересный случай. Некто Оуни Мэдден, нью-йоркский гангстер, обвинялся в убийстве. Он якобы застрелил своего конкурента-бутлегера рядом с его домом в районе Адовой Кухни. Однако Мэддена не осудили, во всяком случае именно за это преступление. На суде он своим мелодичным приятным голосом с явным британским акцентом начал читать присутствующим лекцию о сущности предательства.

«Все это дело было сфабриковано моими конкурентами и соперниками, которые наговорили про меня всяческую неправду, очернив, таким образом, мое доброе имя, — заявил он. — Ваша честь, вы знаете, кого они мне напоминают? В районе, где я живу, в Адовой Кухне, когда-то проходили стада овец со скотных дворов на бойню. Они шли по 42-й улице. И вы знаете, кто их вел туда? Не собака, не человек. Один из их же племени. Иудейский агнец с колокольчиком на шее. Он доводил все стадо до нужного места, а сам при этом останавливался. Остальные же

послушно шли дальше. Так вот, я и есть невинный барашек, а свидетели, выступавшие против меня, — настоящие Иуды».

— Позвони в библиотеку, Бэнкс, — продолжал Райм. — У них должен быть консультант-историк.

Молодой детектив сразу же вынул свой сотовый телефон и набрал нужный номер. Во время разговора его голос звучал достаточно тихо. После того, как он объяснил, что ему требуется, Джерри замолчал и уставился на карту города.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Райм.

— Сейчас его найдут... — Тут он замолчал, услышав, по всей видимости, голос историка, и еще раз повторил свою просьбу. Через пару секунд он радостно закивал и, обращаясь к присутствующим в комнате, объявил: — Таких мест два... нет, три.

— Кто это? — рявкнул Райм. — С кем ты разговариваешь?

— С куратором городских архивов... Он говорит, что на Манхэттене было три основных места, где располагались скотные дворы. Одно из них на западе, в районе 16-ой улицы... Другое находилось в Гарлеме в 30-х или 40-х годах. И на востоке, в нижней части города, известное еще со времен революции.

— Нам нужны адреса, Бэнкс! Точные адреса.

Молчание.

— Он не уверен, что знает их.

— Что ему стоит посмотреть? Пусть взглянет! Скажи ему.

— Он вас слышит, сэр, — ответил Бэнкс. — Он спрашивает, где искать эти адреса? Где посмотреть? Тогда еще не было Желтых Страниц. Сейчас он нашел их в старой...

— Демографической карте коммерческих районов, — проворчал Райм. — Там нет названий улиц, я знаю. Ну, тогда, пусть представит себе современную карту.

— Именно этим он сейчас и занимается.

— Тогда пусть ускорит этот процесс.

Бэнкс молча слушал все, что ему говорили в трубку, и кивал.

— Ну, что там, что, что?!

— В районе 16-й и 10-й улиц, — отозвался молодой детектив. Через пару секунд он добавил: — На Лексингтон возле реки Гарлем... А третье... там, где расположена ферма Деленси. Это рядом с Деленси-стрит?

— Ну, разумеется. От Маленькой Италии до Восточной реки. Но это громадная территория. Целые мили. Нельзя ли как-нибудь более конкретно определить эти места?

— Возле Кэтрин-стрит. У Лафайета... Но он не уверен.

— Возле здания суда, — подсказал Селитто и обратился к Бэнксу. — Пусть ребята Хауманна начинают действовать. Разделите их на три группы, надо обыскать все три района.

Молодой детектив выполнил и это поручение, а потом поднял глаза:

— Теперь что?

— Будем ждать, — коротко ответил Райм.

— Как же я ненавижу ожидание! — застонал Селитто.

— Можно мне позвонить? — спросила Сакс у Райма. Тот кивнул в сторону аппарата, стоявшего у кровати, но она еще колебалась:

— Скажите, а там у вас телефон есть? — И она указала в сторону коридора.

Линкольн снова кивнул.

Она вышла из спальни идеальной походкой фотомодели, гордо подняв голову. Райму было видно ее отражение в зеркале, висевшем в коридоре. Стройная и серьезная, сейчас она набирала драгоценное сочетание цифр. «Кому она звонит? — ревниво думал Райм. — Приятелю? Мужу? В центр по уходу за детьми? Почему она так долго мялась, прежде чем рассказать о своем дружке и их общей мечте купить колли? Здесь что-то скрывается». Теперь Райм в этом не сомневался.

Но, кому бы она ни звонила, нужного ей человека на месте не оказалось. Линкольн заметил, как глаза женщины превратились в темно-синие кристаллы, когда она тщетно ждала ответа. Она взглянула в зеркало и увидела, что за ней наблюдают. Амелия положила трубку на рычаг и немедленно вернулась в комнату.

Минут пять в спальне стояла тишина. У Райма отсутствовал внутренний механизм, который борется с лишним давлением. Когда он еще мог двигаться, то в моменты волнения, не переставая, ходил по комнате взад-вперед, сводя с ума своих коллег. Сейчас он судорожно изучал карту Рандела, перебегая глазами от улицы к улице. Сакс запустила пальцы под свою фирменную фуражку и начала скрести голову ногтями. И только невидимый Мел Купер, невозмутимый, как хирург во время операции, продолжал заниматься вещественными доказательствами.

Внезапно телефон Селитто издал громкий дребезжащий звук. Все, кроме, разумеется. Линкольна, буквально подскочили. Лон ответил на звонок. Его лицо осветилось:

— Есть! — коротко отрапортовал он. Выяснилось, что офицеры одного из отрядов Хауманна, прочесывающие подвалы между 11-й и 16-й улицами, услышали женский крик о помощи. Пока что они не могут точно сказать, откуда раздаются вопли, но уже почти вплотную подошли к нужной двери.

— Ну что ж, надевай кроссовки, готовься к старту, — приказал Райм Амелии.

Он увидел, как вытянулось ее лицо. Она укоризненно посмотрела на телефон, словно сейчас должен был раздаться запоздалый звонок от губернатора, просящего за нее. Затем она взглянула на Селитто, изучавшего тактическую полицейскую карту западного района города.

— Амелия, мы уже потеряли одного человека, — напомнил Райм. — Это очень печально, и мы не можем позволить себе потерять следующего.

— Если бы вы видели ее, — прошептала она. — Если бы вы только видели, что он с ней сотворил...

— Я видывал и не такое, — ровным голосом ответил Линкольн. Его глаза светились безжалостным огнем. Было в них и что-то вызывающее. — Я знаю, что случилось с Ти-Джей и легко могу себе это представить. Я видел трупы, которые пролежали в запертых багажниках на жаре в течение месяца. Я знаю, что может сделать фунт взрывчатки С4 с руками, ногами и лицами людей. Мне приходилось работать на пожарищах. Ты помнишь, когда сгорел социальный клуб «Счастливая Земля»? Тогда погибло более восьмидесяти человек. Мы фотографировали лица жертв, вернее, то, что от них осталось, «Поляроидом», чтобы родственники могли узнать своих близких. Потому что никто на свете не смог бы пройти между рядами обгоревших трупов и остаться в своем уме. Кроме нас. Просто потому, что у нас не было выбора. — Он глубоко вздохнул, борясь с болью, пронзающей

мышцы шеи. — Послушай, Амелия, если уж ты решила посвятить себя такому делу... Отдать ему всю свою жизнь... *тебе придется научиться забывать об умерших.*

Постепенно все присутствующие в комнате перестали заниматься своими делами и теперь внимательно смотрели на эту пару.

Амелия молчала. Никаких шутливых отговорок. Никаких вежливых кивков. Она на какой-то момент попыталась сделать так, чтобы ее взгляд стал непроницаемым, но это ей не удалось. Она неистовствовала, она была разъярена на него, и это просвечивало и в ее взгляде, и в мимике лица, и в каждом жесте. Сакс отбросила назад прядь непослушных огненных волос и схватила со стола наушники. Уже возле лестницы она задержалась и одарила Райма испепеляющим взглядом, словно напоминая ему, что нет на свете ничего более холодного, чем ледяная улыбка красавицы.

Райм невольно подумал о том, что он уже с нетерпением ждет ее возвращения.

......

— Что у тебя есть? Какие-то вещи, история или фотографии? Шкура сидел в баре в восточной части Манхэттена на Третьей авеню. Для города этот бар был примерно тем же, чем вереницы магазинов для жителей пригорода. В этот сомнительный кабак скоро должны были набиться современные яппи. Но пока что он оставался убежищем для местной бедноты, поедающей подозрительного качества рыбу с таким же неубедительным салатом.

Худощавый мужчина с кожей цвета черного дерева, сегодня вырядился в белоснежную рубашку и ярко-зеленый костюм. Он подался вперед, к Шкуре:

— Так что у тебя имеется? Новости, секретные коды, письма? Может быть, наркотики? Хоть что-то есть?

— Ну ты даешь! Ха!

— То, что ты говоришь «ха», вовсе не означает, что ты смеешься, — поучительно сказал Фред Деллрей. По-настоящему его фамилия звучала д'Эллре, но это было несколько поколений назад. Фред, довольно высокий мужчина, редко улыбался, несмотря на свою бесконечную добродушную трепотню. Деллрей считался одним из лучших специальных агентов в манхэттенском филиале ФБР.

— Я и не думал смеяться.

— Так что ты имеешь? — Деллрей схватился за кончик сигареты, торчащей у него за левым ухом.

— На все требуется время, приятель, — Шкура, небольшой человечек, почесал давно не мытую голову.

— Но у тебя нет времени. Время — штука драгоценная, оно летит очень быстро, и вот его-то у тебя как раз и нет.

Деллрей сунул руку под столик, на котором кроме двух чашек кофе ничего не было, и сжал бедро своего собеседника так, что тот завизжал от боли.

Полгода назад этого тощего костлявого паренька схватили в тот момент, когда он пытался продать две винтовки М-16 парочке крайне правых психопатов. Впоследствии оказалось, что они тоже являются секретными агентами.

Разумеется, федералам был нужен не сам Шкура, это грязное существо с обезумевшим взглядом. Им нужны были поставщики оружия. Но команда агентов, которым было поручено это дело, так никого и не разыскала, поэтому Шкуру передали под надзор Деллрея, который считался Номером Один по делам со всякого рода доносчикам и осведомителям. Правда, до сих пор от Шкуры никакого толка не было. Он представлял собой жалкое, вызывающее раздражение творение природы и не мог добыть для Деллрея ни новостей, ни секретных кодов, ни даже наркотиков.

— По-моему, мы договорились, что я буду платить тебе, неважно сколько, лишь в том случае, если ты мне выдашь действительно что-то очень красивое. Разве не так?

— Ребята, у меня для вас вот прямо сейчас ничегошеньки нет. Я повторяю: сейчас.

— Врешь, наверное, — засомневался Фред. — Я же нутром чую, что у тебя припасено что-то стоящее.

Снаружи, шипя воздушными тормозами, остановился автобус. Из открывшейся двери повалила куча пакистанцев.

— Ох уж эта поганая конференция! — Шкура сплюнул. — На кой черт они все сюда притащились? В этом городе и без них не продохнуть. Терпеть не могу иностранщину.

— Поганая конференция? — взвился Деллрей. — Ах ты, Дерьмо вонючее! Ты что-то имеешь против мира на всей земле?

— Ничего.

— Ну, а теперь порадуй меня чем-нибудь.

— Да я ничего и не знаю.

— Да как ты со мной разговариваешь? — прогремел Фред, зловеще улыбнувшись. — Может быть, ты забыл, что имеешь дело с Хамелеоном? Я могу улыбаться и быть добрым, а ведь могу нахмуриться и поиграть с тобой в «сжималки».

— Нет-нет, приятель, что ты, не надо! — заскулил Шкура. — Это так больно!

Бармен настороженно посмотрел на них, но Деллрей наградил его таким взглядом, что тот моментально отвернулся и продолжил свое вечное занятие, протирку стаканов.

— Ну, хорошо, кое-что я знаю. Но мне нужно помочь. Мне нужно...

— Пора начать «сжималки».

— Да пошел ты куда подальше, приятель!

— Какой у нас интересный диалог получается, — фыркнул Деллрей. — Ты похож на персонаж из дрянного фильма, когда в конце встречаются два героя, хороший и плохой. Ну, например, Сталлоне и еще кто-то. И все, что они могут сказать друг другу, так это: «Да пошел ты» — «Нет, это ты пошел!» — «А я говорю: пошел ты!» Короче, ты собираешься рассказать мне что-то полезное или нет? Кажется, мы уже об этом договорились.

И он молча уставился на Шкуру, пока тот не сдался.

— Ну, хорошо. Вот, что мне стало известно. Приятель, я ведь тебе доверяю. Я...

— Да-да, само собой. Ну, что там у тебя?

— Я тут разговаривал с Джеки, ты ведь знаешь Джеки?

— Я знаю Джеки.

— И он мне рассказал.

— Что именно?

— Он говорил мне, что то, что надо привозить или увозить на этой неделе, не стоит делать через аэропорт.

— Что привозить и увозить? Опять винтовки?

— Я же тебе говорю, приятель, лично у меня больше ничего нет. Я просто передаю то, что Джеки…

— Рассказал тебе.

— Вот именно. В общих чертах. Понимаешь? — Он уставился на Деллрея своими огромными карими глазами. — Разве ж я тебе буду врать?

— Никогда не теряй чувства собственного достоинства, — нравоучительно произнес агент, и с нарочитой торжественностью ткнул Шкуру пальцем в грудь. — Теперь по поводу аэропорта. Какого именно? Ла Гуардиа или Кеннеди?

— Я не знаю. Я просто услышал, что там кто-то на этой неделе будет. Кто-то очень опасный. — Имя, фамилия?

— Не знаю.

— А где Джеки?

— Понятия не имею. В Южной Африке, наверное. Или в Либерии.

— Что это все значит? — Деллрей снова многозначительно сжал кончик сигареты.

— Я думаю, что на этой неделе все притихнут, и никаких поставок не предвидится.

— Это ты так считаешь. — Шкура заранее съежился, но сейчас Деллрей и не думал о том, чтобы еще немного помучить беднягу. В голове его зазвенела тревога: Джеки, брокер по продаже оружия, о котором Бюро знало уже больше года, вероятно, получил информацию от одного из своих клиентов, солдата в Африке и Центральной Европе, а может, и от американца, о каком-то террористе, действующем в аэропортах. В другое время Деллрей наверняка бы и задумываться над этим не стал, связав сведения Шкуры с похищением из аэропорта. Этим занимается нью-йоркская полиция. Но теперь, в свете последних событий относительно бомбы, заложенной в здании ЮНЕСКО в Лондоне, все менялось.

— Тебе еще что-нибудь говорили?

— Нет, приятель. Больше ничего. Послушай, я проголодался. Может быть, что-нибудь закажем?

— Помни, что я тебе говорил насчет достоинства, — Деллрей поднялся. — И перестань стонать. Мне нужно срочно позвонить.

……

Микроавтобус мчался к остановке на 16-й улице. Сакс сгребла в охапку чемоданчик, фонарь специального освещения и свой двенадцативольтовик.

— Вы успели ее спасти? — выкрикнула она в микрофон, связавшись с офицером полиции. — С ней все в порядке?

Поначалу ей никто не отвечал. Потом она услышала чьи-то отчаянные крики.

— Что там у вас происходит? — забормотала Амелия и рванулась вперед к выбитой полицией двери. Деревянные ворота открывались в проезд, ведущий под землю, вырытый под заброшенным кирпичным зданием. — Она все еще там?!

— Да.

— Почему? — только и смогла выговорить потрясенная Амелия Сакс.

— Нам пока что не ведено заходить внутрь.

— Что это значит? Она же кричит и зовет на помощь! Разве вы не слышите?

— Они нам приказали дождаться вашего прибытия, — спокойно ответил полицейский.

Они…Нет, конечно, не все *они,*а только один Линкольн Райм. Вот ведь сукин сын!

— Мы должны были найти ее, мы и нашли, — продолжал обороняться офицер. — А вы должны зайти внутрь. Амелия включила наушники:

— Райм! — выкрикнула она. — Райм, вы меня слышите?

Тишина… Ах ты, трус несчастный!

Забыть о мертвых...Сукин сын! Еще спускаясь через две ступеньки по лестнице в его доме несколько минут назад, она чувствовала, что захлебывается от ярости. Сейчас ей показалось, что гнев возрос почти до предела.

Она повернулась и увидела медэксперта, скромно стоящего возле полицейского автобуса.

— Вы пойдете со мной, — коротко приказала Амелия. Он шагнул вперед, собираясь что-то сказать, но, увидев, как Сакс достает свой пистолет, замер на месте.

— Но мне туда нельзя, — запротестовал несчастный медик. — Я не могу там показываться, пока зона не будет в полной безопасности.

— Быстрее! Пошевеливайся! — Она резко повернулась, и медик никак не ожидал увидеть направленное на него дуло пистолета. Он скорчил гримасу и, покачав головой, поспешил за Амелией.

Из подземелья до них донесся страшный крик: — А-а-а-а! Помогите!!! — за которым последовал громкий плач.

О Господи! Сакс бросилась вперед, к смутно вырисовывающимся воротам. Внутри ее ждала темнота.

В голове зазвучало настойчивое: «Ты — это он, Амелия. О чем ты сейчас думаешь?»

«Пошел вон!» — мысленно отогнала она голос Райма.

Но Линкольн не собирался отступать.

«Ты убийца и похититель людей, Амелия. Куда бы ты сейчас пошла, что стала бы делать?»

Перестань! Я собираюсь спасти ее. И пошли к черту все места преступлений на свете!

— *Meine Gott!*Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!

«Вперед, — приказала себе Сакс. — Бегом! Его здесь нет. Ты в безопасности. Помоги ей, быстрее...»

Она ускорила шаг, потом побежала. Ремень начал позвякивать, когда она перешла на быстрый бег. Но через двадцать футов тоннель разветвлялся, и Сакс в недоумении остановилась. Какой путь выбрать?

— Черт! — ругнулась она, поставила чемодан на землю и раскрыла его. Потом взглянула на медика: — Послушай, как тебя зовут?

— Тэд Уолш, — робко ответил молодой человек. — Вы мне можете сказать, что тут происходит? — Он начал неуверенно вглядываться в темноту впереди.

— О-о-о! Bitte, helfen Sie mir!

—Прикрой меня, — прошептала Сакс.

— Прикрыть? Минуточку, но я не умею. Как это делается?

— Возьми пистолет, понятно?

— От чего я должен вас прикрывать? Сунув ему в руку автоматический пистолет, она опустилась на колени:

— Он снят с предохранителя. Так что будь осторожен. Амелия достала резиновые полосы и ловко обмотала ими свою обувь. Потом отобрала у Тэда свой пистолет и велела последовать ее примеру, протянув ему еще две резиновые полосы. Дрожащими руками он обмотал свои ботинки.

— Я вот думаю...

— Тихо. Он может быть еще здесь.

— Подождите минутку, мэм, — зашептал медик. — Моя работа этого не предусматривает.

— Моя тоже. Держи фонарь.

— Но если он здесь, то, скорее всего, он начнет стрелять в источник света. То есть, я хотел сказать, что лично я поступил бы именно так.

— Тогда держи его повыше над головой. Или над моим плечом. Я пойду вперед. Если кого-то и застрелят, то это буду я.

— А мне тогда что делать? — Голос у Тэда звучал, как у трусливого подростка.

— Я бы на твоем месте бежала отсюда без оглядки, — проворочала Сакс. — Иди за мной. И не трясись, держи фонарь крепче.

Ухватив чемодан в левую руку, с пистолетом наготове, она внимательно смотрела себе под ноги, входя в темноту. Вот и здесь появились

знакомые следы метлы, так же, как и на предыдущем месте преступления.

— *Bitte nicht, bitte nicht, bitte...* -послышался короткий вскрик, затем все стихло.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — шептал Тэд.

— Ш-ш-ш-ш! — зашипела на него Амелия.

Они передвигались крайне медленно. Сакс подула на пальцы, сжимавшие пистолет, чтобы хоть немного просушить выступивший пот. Она внимательно обводила взглядом каждый столб, возникавший у них на пути. Иногда луч фонаря вырывал из мрака старое оборудование, какую-то ветхую мебель. И никаких следов обуви.

Конечно, их и не должно было оказаться. Он достаточно умен, чтобы позаботиться об этом.

«Но мы тоже не простачки», — снова прозвучал в голове голос Линкольна, и ей опять пришлось послать его подальше. Теперь спешить нельзя. Амелия замедлила шаг. Еще пять футов. Остановка. Снова вперед. И стараться не обращать внимания на крики девушки. Амелию снова охватило странное чувство, будто за ней кто-то наблюдает, будто невидимый взгляд сопровождает каждое ее движение. Бронежилет не остановит пулю. Половина бандитов сейчас использовала «Черный Коготь». И если выстрел направлен в ногу или руку, пуля убьет вас наверняка. Только гораздо болезненней. Ник когда-то рассказывал ей, что такие пули могли полностью разорвать человеческое тело. Один из его партнеров, получив сразу два таких «подарочка», умер буквально у него на руках. *Вверху и сзади...*

Вспомнив о Нике, ей представилось, как однажды, лежа на его крепкой груди и рассматривая его красивое итальянское лицо на своей подушке, она слушала, как он объяснял ей правила поведения при спасении заложников: "Если внутри есть кто-то, кто хочет напасть на тебя, он обязательно будет действовать сверху и сзади... "

— Черт! — Она пригнулась, резко повернулась вокруг себя и направила свой «Глок» к потолку, готовясь выпустить весь магазин.

— Что? — зашептал Тэд, прижимаясь к полу. — Что там? Но ее встретила лишь пустота.

— Ничего, — глубоко вздохнув, ответила Амелия и выпрямилась.

— Больше так не делайте.

Впереди раздавалось какое-то бульканье.

— Господи! — снова запищал Тэд. — Как я ненавижу такие звуки!

«Это не мужчина, а девчонка какая-то, — думала Сакс. — Это я знаю наверняка, потому что он говорит именно то, что сейчас сказала бы я сама».

Внезапно она остановилась:

— Посвети вон туда. Вперед.

— Господи Всемогущий!..

Наконец-то Сакс стал ясен смысл тех волосков, которые она нашла в котельной. Вспомнились ей и те взгляды, которыми обменялись Райм и Селитто. Уже тогда Линкольн понял, что задумал преступник. Он знал, что происходит с девушкой, и все равно приказал полицейским ждать приезда Амелии. Волна ненависти снова прокатилась в ее душе.

Впереди них в луже крови каталась полная девушка. Потом она приподняла голову, заметив свет фонаря, и тут же потеряла сознание. В этот же момент огромная черная крыса, по размерам соперничающая с кошкой, вскарабкалась ей на живот и подбежала к горлу. Зверек ощерился, приготовившись выхватить из шеи лакомый кусочек плоти. Сакс хладнокровно подняла «Глок», подставив левую ладонь для упора, и хорошенько прицелилась.

Стрельба сродни дыханию...

Вдох, выдох. Теперь нажимаю...

Впервые за время своего дежурства Сакс решила стрелять. Четыре раза подряд. Крыса, застывшая на груди девушки, разлетелась в клочья. Амелия убила еще одну на полу и ту, которая в панике бросилась в сторону самой Сакс и медэксперта. Другие моментально исчезли, быстрее, чем вода, попавшая на песок.

— Господи! — залепетал Тэд. — Ведь вы могли попасть в девушку!

— С тридцати футов? — Сакс презрительно фыркнула. — Вряд ли.

В ту же секунду ожило радио, и Хауманн поинтересовался, уж не угодили ли они под обстрел.

— Нет, — коротко доложила Сакс. — Это я стреляла по крысам.

— Вас понял.

Она забрала фонарь и, направив его луч пониже, шагнула вперед.

— Все в порядке, мисс, — обратилась она к Монелл. — С вами все будет хорошо.

Глаза несчастной приоткрылись и она, покачивая головой из стороны в сторону, снова забормотала:

— *Bitte, bitte*...

Девушка была очень бледна и теперь не сводила своих голубых глаз с Сакс, словно боялась, что видение исчезнет:

— *Bitte, bitte,*пожалуйста...

Потом ее голос зазвучал громче, переходя в вопль отчаяния. Когда Тэд начал прикладывать бинты к ее ранам, она затряслась от боли.

Сакс прижала к себе ее окровавленную голову и тихо прошептала:

— Все будет хорошо, милая, все будет хорошо...

Глава четырнадцатая

Окна конторы, расположенной на огромной высоте над Манхэттеном, выходили на Джерси. Вся окружающая атмосфера была пропитана дерьмом, и может быть поэтому на ее фоне закат сегодня показался особенно красивым.

— Мы должны это сделать.

— Мы не можем.

— Должны! — повторил Фред Деллрей и отхлебнул глоток кофе, еще более гадкого, чем тот, которым он угощал Шкуру незадолго до этого момента. — Забираем у них дело. Ничего, как-нибудь переживут.

— Это полицейское расследование, — покачал головой ответственный помощник специального агента ФБР. Он был щепетильным человеком и, кроме всего прочего, никогда не мог работать тайным агентом. Как только его встречали на улице, кто-нибудь обязательно громко произносил: «Смотри-ка, а вон идет агент ФБР!»

— Этим не полиция должна заниматься. Это очень серьезное дело! — настаивал Фред.

— У нас и без того отобрали восемьдесят человек для работы на конференции.

— И то, о чем я говорю, тоже связано непосредственно с этой конференцией, — завелся Деллрей. — Я просто уверен.

— Значит, мы обязаны предупредить отдел безопасности ООН. И пусть все... Ну, только не надо на меня так смотреть!

— Отдела безопасности ООН? Безопасности? Послушай, ты когда-нибудь слышал о существовании суперидиотов?.. Билли, неужели ты так ничего и не понял? Вспомни сегодняшнее утро. Рука, высовывающаяся из земли, и палец, ободранный до кости? Там действовал очень опасный человек.

— Полиция держит нас в курсе всех событий, — заметил помощник. — Мы всегда можем помочь им, предоставив психологов для консультации.

— О Господе Иисусе! Он им психологов будет подавать! Мы должны поймать этого проклятого потрошителя. Билли. Поймать, а не консультировать кого-то по поводу его безумных выходок.

— Повтори мне то, что тебе сказал твой информатор. Деллрей сразу понял, что скала дала трещинку. Теперь самое главное — не дать этой трещине срастись, а действовать быстро и четко: рассказать о Шкуре и Джеки, которые сейчас ошиваются то ли в Йоханнесбурге, то ли в Монровии. Незаконные торговцы оружием на этой неделе будут вести себя тихо, потому что в аэропорту Нью-Йорка работать на этой неделе опасно.

— Это они *его*боятся, — подытожил Деллрей. — Именно *его*. -Но полиция уже составила команду, и они вовсю занимаются этим делом.

— Все должна взять на себя группа по борьбе с терроризмом. А я им звонил сегодня. Они и понятия не имели, о чем я их спрашивал. Для полиции это выглядит так: «мертвые туристы ухудшают общественные отношения». Мне очень нужно перехватить у полиции это дело, Билли. — И Фред Деллрей произнес слово, которое ни разу не употреблял за восемь лет службы тайным агентом. — Пожалуйста.

— А какие у нас есть для этого аргументы?

— Вот этот дурацкий вопрос только и остается, — Деллрей выставил вперед указательный палец, словно учитель, готовящийся отчитать нерадивого ученика. — Давай посмотрим. У нас есть наш новехонький симпатичный указ о борьбе с терроризмом. Но ведь тебе этого

недостаточно, тебе подавай юридические доказательства. Хорошо. Если мы внимательно рассмотрим это похищение, то увидим, что преступник использует такси. Значит, здесь должна быть замешана торговля между штатами...

— Ты, похоже, меня не слушаешь, Деллрей. Я могу наизусть прочитать тебе кодекс США, разбуди меня среди ночи. Мне надо знать, что мы скажем людям, когда будем забирать у них дело. И еще: я не хочу, чтобы кто-то от этого пострадал. Ты не забывай, что когда мы поймаем этого преступника, мы все же будем продолжать сотрудничать с полицией. И я не хочу, чтобы наш шеф оказался с их шефом на ножах. Я знаю, что это дело поручено Лону Селитто, а он отличный парень.

— Лейтенант! — выкрикнул Деллрей. Он выдернул из-за уха сигарету и некоторое время подержал ее у себя под носом.

— А Джим Поллинг у них ответственный.

Деллрей отпрянул, изобразив на лице ужас:

— Поллинг? Маленький Адольф? Тот самый, что любит орать: «Вы имеете право молчать, потому что сейчас я вам все равно врежу по башке!», да? Поллинг? Неужели?

Помощник ничего не стал отвечать, а только заметил:

— Селитто настоящий полицейский, он трудится без выходных. Мне пару раз приходилось работать бок о бок с ним.

— Этот преступник хватает людей, где ему вздумается, и полиция считает, что так будет продолжаться и дальше.

— Что ты имеешь в виду?

— Сейчас в городе находятся сенаторы, конгрессмены, главы государств. Мне кажется, что первые жертвы этого негодяя были, так сказать, лишь генеральной репетицией.

— Так ты беседовал с психологами и ничего мне об этом не сказал?

— Я это просто учуял, — Деллрей многозначительно дотронулся до своего тонкого носа.

Ответственный помощник глубоко вздохнул, раздувая свои гладко выбритые щеки. — Так кто же твой надежный источник информации?

Деллрей боялся назвать Шкуру, потому что этот тип никак не подходил под определение «надежного». Правда, большинство «стукачей» даже назывались «скелами», сокращенно от слова «скелет». Они все, как на подбор, были костлявыми и отвратительными пронырами. Эта характеристика как нельзя лучше подходила и для Шкуры.

— Да, тут, действительно, можно было бы засомневаться, — признался Деллрей, — но Джеки, который ему все рассказал, парень серьезный.

— Я знаю, Фред, что тебе очень хочется забрать это дело. Я все понимаю, — сочувственно произнес ответственный помощник. Он действительно догадывался, что стоит за просьбой Фреда.

Еще мальчишкой, живя в Бруклине, Деллрей мечтал стать полицейским. Ему даже было неважно, чем конкретно заниматься, лишь бы все двадцать четыре часа в сутки быть настоящим копом. Правда, почти сразу после того, как он поступил работать в ФБР, до него дошло, что его истинное призвание — это амплуа тайного агента.

Работая вместе со своим верным другом и ангелом-хранителем Тоби Долиттлом, Деллрей отправил на скамью подсудимых столько преступников, что их совокупный приговор перемахнул за тысячу лет лишения свободы.

— Теперь, Тоби, — объявил он как-то своему напарнику, — нас с тобой называют «Командой тысячелетия».

Залог успехов Деллрея как нельзя лучше отражала его кличка — «Хамелеон». Перед тем как через двадцать четыре часа выслушивать восторги почитателей его таланта, он с равным успехом мог прикинуться сумасшедшим из гарлемской психушки или высокопоставленным чиновником с Гаити, приглашенным на обед в консульство Панамы. Его нисколько не стесняла красная лента сановника, а любой акцент он мог скопировать безупречно. Их тандем не раз привлекали на помощь службы, занимающиеся борьбой с незаконным распространением оружия и наркотиков, а также департамент полиции. В конце концов, именно наркотики и оружие стали основным направлением их деятельности, хотя имелись и другие, второстепенные задачи, как, например, борьба с контрабандой и похищением товаров.

Парадокс работы тайного агента заключается в том, что чем лучше он проявляет себя, тем раньше выходит на пенсию. Земля слухом полнится, и наиболее серьезные преступники становятся все более хитрыми и изворотливыми. Со временем Долиттл и Деллрей отошли от непосредственно оперативной работы и занимались теперь надзором за другими тайными агентами и информаторами. И хотя это было не

самым любимым занятием Деллрея, все же ему приходилось работать на улицах города гораздо чаще, чем другим специальным агентам ФБР.

Так и шли дни, пока два года назад в одно апрельское утро не наступил роковой момент. Деллрей собирался выезжать в аэропорт «Ла Гуардиа», почти опаздывал к самолету, как вдруг раздался телефонный звонок. Звонил заместитель директора ФБР из Вашингтона. Сама эта организация представляет собой настоящий апофеоз иерархии, и Деллрей не мог даже вообразить себе, почему звонит такое высокопоставленное лицо. Наконец он услышал, как заместитель директора мрачным тоном поведал ему о последних новостях. Долиттл и помощник прокурора из Манхэттена занимались организацией некоего собрания, на которое как раз и торопился сам Деллрей. Утром их еще видели на первом этаже здания ФБР в Оклахома-Сити, а ближе к вечеру обнаружили мертвыми.

Их трупы были отправлены в Нью-Йорк на следующее утро.

В тот же день Деллрей написал заявление с просьбой перевести его в антитеррористический отдел.

Сам Фред Деллрей считал взрывы преступлениями из преступлений. Втайне от коллег он с удовольствием штудировал книги по политике и философии. Он искренне считал, что жадность для американца не порок. Тем более, что в той или иной форме она была движущей силой, управляющей всеми, от Уолл-стрит до Капитолийского Холма. Но если люди, ослепленные наживой, преступали закон, Деллрей с удовольствием преследовал их, не испытывая при этом личной неприязни. Но убивать противников по вере или детей, в вере еще не определившихся, он считал ударом кинжала в спину нации. Сидя после похорон Тоби в своей скромной двухкомнатной квартире в Бруклине, Фред пришел к решению, что ему следует заниматься именно такими преступлениями.

Но, к сожалению, его слава «Хамелеона» катилась далеко впереди него. Бывший лучший оперативный агент Бюро, теперь он оказался буквально незаменимым в плане работы с осведомителями, лучшим на всем Восточном побережье, поэтому начальство и думать не хотело о его переводе в другое, более спокойное подразделение ФБР. Деллрей стал маленькой легендой, именно благодаря ему ФБР могло похвастаться многими недавними победами. Поэтому, хотя и с сожалением, но руководство вынуждено было отвергнуть его настойчивые просьбы и требования о переводе.

Помощник агента прекрасно знал эту историю, поэтому сейчас он со вздохом произнес:

— Как бы мне хотелось помочь тебе, Фред. Но ты уж прости... Однако эти слова подсказали Деллрею, что скала продолжает рушиться. Поэтому Хамелеон прибег к своему коронному номеру и уставился в глаза начальника. Сейчас он пожалел, что в свое время избавился от фальшивого золотого зуба. Уличный парень Деллрей был человек очень серьезный, и взгляда его побаивались во всей округе. В нем сквозило недвусмысленное напоминание: я сделал кое-что для тебя, теперь пришла твоя очередь.

Наконец, ответственный помощник сломался и льстиво пролепетал:

— Дело в том, что нам нужно кое-что...

— Кое-что?

— Хоть какая-то зацепка, а у нас ее нет.

Другими словами, требовалась причина, из-за которой он отобрал бы это дело у нью-йоркской полиции.

Политика, политика... Чтоб ее!..

Деллрей опустил голову, но его темно-карие глаза при этом ни на миллиметр не сдвинулись, продолжая сверлить Билли:

— Послушай, Билли, ведь он срезал плоть с пальца того парня, а потом закопал его живым.

Две твердых руки федерального агента, с переплетенными пальцами сейчас служили подставкой для его решительного волевого подбородка.

— Вот о чем я подумал, — продолжал помощник. — В полиции заместителем комиссара служит некий Экерт. Ты его знаешь? Это мой хороший приятель.

......

Девушка лежала на носилках. Она закрыла глаза, но находилась в сознании. Она сильно ослабла из-за потери крови и была бледна. Сейчас ей вводили внутривенно глюкозу, чтобы восстановить количество жидкости в организме. Монелл уже могла говорить связно и была на удивление спокойна, если принимать во внимание все то, что с ней произошло.

Сакс вернулась к воротам и теперь стояла молча, уставившись в темноту тоннеля. Она включила рацию и соединилась с Раймом. На этот раз он ответил:

— Как выглядит место преступления? — как бы между прочим, спросил он.

— Мы ее спасли, — коротко бросила Амелия. — Если вас это интересует.

— Прекрасно. Как она себя чувствует?

— Не слишком хорошо.

— Но она жива.

— Едва.

— Ты расстроилась из-за крыс, да, Амелия?

Женщина молчала.

— И еще из-за того, что я не позволил людям Боу сразу же спасти ее? Амелия, ты меня слышишь?

— Да.

— Существует пять факторов, которые осложняют работу на месте преступления и, так сказать, «загрязняют» его. — Амелия отметила, что в его голосе снова зазвучали тихие нотки змея-искусителя. — Это погода, родственники жертвы, сам подозреваемый и охотники за сувенирами. Но последний — самый ужасный. Ты не догадываешься, кто бы это мог быть?

— Говорите.

— Это другие полицейские. Если бы я разрешил им ворваться туда, они уничтожили бы все имеющиеся там следы. А ты теперь знаешь, как надо вести себя на месте преступления. И я не сомневаюсь, что ты сумела все сохранить там в целости.

Сакс не могла промолчать:

— Боюсь, что эта девушка уже никогда не будет такой, как прежде. Крысы бегали по всему ее телу.

— Могу себе представить. Такова уж их природа. *Их природа…*

— Но пять или десять минут не могли существенно изменить положение. Она… Щелк! Амелия отключила рацию и зашагала к Уолшу.

— Мне нужно с ней поговорить, — заявила Сакс. — Она не слишком ослабла для этого?

— Нет, мы сделали ей только местную анестезию, чтобы зашить раны и укусы. Правда, через полчаса ей уже потребуется димедрол.

Сакс улыбнулась и наклонилась над Монелл:

— Привет, как дела?

Несмотря на свою полноту, девушка оказалась довольно симпатичной. Она молча кивнула в ответ, показывая, что понимает вопросы и может отвечать.

— Можно, я спрошу тебя кое о чем?

— Да, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы его поймали. В этот момент к месту преступления подъехал Селитто и быстрым шагом направился к пострадавшей девушке. Он улыбнулся, но Монелл смотрела на него отсутствующим взглядом. Лон предъявил ей свой значок, к которому она тоже не проявила интереса, потом представился лично.

— С вами все в порядке, мисс? Девушка неопределенно пожала плечами. Изнывая от жары и обливаясь потом, Селитто кивком отозвал Сакс в сторону:

— Поллинг здесь не появлялся?

— Нет, я его не видела. Может быть, он у Линкольна?

— Нет, я только что туда звонил. Его срочно вызвали в Сити-Холл.

— Что-нибудь случилось?

— Ерунда какая-то. Наши передачи всегда шли в закодированном режиме. Но эти чертовы репортеры! Кто-то из них, видимо, раздобыл расшифровывающее устройство, или... Я уж не знаю, что и подумать... Они откуда-то узнали, что мы не сразу бросились спасать ее, — он кивнул в сторону носилок.

— Ну, знаете! — возмутилась Сакс. — Это Райм приказал полицейским ждать моего приезда. Детектив поморщился:

— Надеюсь, *такой*записи у них нет. Нам нужно, чтобы Поллинг сам убедился, что операция прошла успешно. — Он снова кивнул на девушку. — Ты ее уже опросила?

— Нет, только собиралась. — С некоторым сожалением Сакс включила рацию и услышала встревоженный голос Райма:

— ...меня? Слышишь? Эта чертова штуковина, по-моему, не...

— Я здесь, — холодно произнесла Амелия.

— Что там у вас стряслось?

— Кто-то, по-видимому, вмешался. Я нахожусь рядом с жертвой.

Девушка удивленно заморгала, и Сакс, улыбнувшись, пояснила:

— Нет, я не разговариваю сама с собой. — Она указала на микрофон. — У меня связь со штабом полиции. Как тебя зовут?

— Монелл. Монелл Гергер. — Она оглядела покусанную руку, немного сдвинула бинт и начала исследовать раны.

— Быстро опроси ее, — инструктировал Райм. — А затем приступай к осмотру места преступления.

Закрыв микрофон рукой. Сакс прошептала Селитто:

— С этим человеком просто невозможно работать, сэр.

— А вы попробуйте не принимать все так близко к сердцу. Отнеситесь к нему с юмором, развеселите его.

— Амелия! — зарычал Райм, — Ответь мне!

— Мы сейчас ее опрашиваем, это понятно? — так же злобно рявкнула Сакс.

— Ты не могла бы нам рассказать, как все это произошло? — начал Селитто.

Монелл заговорила. Это был довольно бессвязный, путаный рассказ о том, как девушка пошла в подвал своего дома, где находилась прачечная. В восточной части Виллидж. Как раз там он прятался, поджидая ее.

— В каком именно доме ты живешь? — поинтересовался Лон.

— "Дойче Хаус". Там в основном обитают немцы: эмигранты и студенты.

— Ну, и что же случилось потом? — продолжал Селитто. Сейчас Амелия поняла, что хотя этот огромный детектив с виду казался куда грубее и

раздражительнее Райма, в действительности он был гораздо более сострадательным и понимающим человеком.

— Он бросил меня в багажник своей машины и привез сюда.

— А тебе удалось его разглядеть?

Девушка закрыла глаза. Амелия повторила вопрос, и Монелл отрицательно помотала головой. Очевидно, как и предполагал Райм, преступник был в своей лыжной маске темно-синего цвета.

— Ив перчатках.

— Опиши их.

Они были темными, но точного оттенка она тоже припомнить не смогла.

— Что-нибудь необычное было в этом человеке? В твоем похитителе?

— Нет, но он был белый, это я могу точно сказать.

— Ты не запомнила номера такси? — поинтересовался Селитто.

— *Was?*[13] —незаметно для себя девушка перешла на свой родной язык.

Сакс даже подпрыгнула на месте, когда из рации прогремел перевод Райма:

— *Das Nummernschild!*

«Откуда он столько всего знает?» — еще раз удивилась Амелия. Она повторила это слово девушке, но та отрицательно помотала головой, а потом, прищурившись, спросила:

— А что вы имеете в виду, говоря про такси?

— А разве его машина была не такси?

— *Nein.*Самая обычная легковая машина.

— Вы слышите. Линкольн?

— Да. У нашего мальчика есть еще и другие колеса. И если он уложил ее в багажник, значит, это не пикап и не фургон.

Сакс снова повторила слова Райма девушке, и та согласно кивнула:

— Да, самый простой седан.

— Ты ничего не помнишь о цвете автомобиля, марке или, возможно, даже годе выпуска?

— Светлая. Может быть, серебристая или серая. Или… есть еще такой цвет, светло-коричневый.

— Бежевый?

Она снова кивнула.

— Может быть, и бежевый, — перевела Амелия для Райма.

— Скажи, пожалуйста, в багажнике что-нибудь лежало? Может быть, какие-нибудь инструменты, тряпки, чемоданы? — спросил Селитто.

Но Монелл ответила, что багажник оказался совершенно пустым.

Тогда заговорил Райм:

— А чем там пахло? В багажнике?

Сакс повторила вопрос.

— Не знаю.

— Может быть, маслом или бензином?

— Нет. Там пахло… чистотой.

— Ну, значит, это новая машина, — отреагировал Райм. Монелл неожиданно расплакалась. Затем начала отчаянно мотать головой. Сакс взяла ее за руку, и девушка вскоре справилась с нахлынувшими чувствами:

— Мы ехали очень долго. Мне показалось, что очень долго.

— Ты все говоришь правильно, милая, — поддержала ее Сакс.

— Скажи ей, чтобы она разделась, — перебил их голос Райма.

— Что?

— Сними с нее одежду.

— Я не стану этого делать.

— Пусть врачи выдадут ей халат. Нам нужна ее одежда, Амелия.

— Я не могу, — зашептала Сакс. — Она плачет. — Пожалуйста, — встревожился Райм, — это очень важно. Селитто кивком велел Амелии выполнять приказ, и та, поджав губы, тихо объяснила Монелл, что от нее требуется. К ее удивлению, девушка сразу же согласилась. Оказалось, ей самой хотелось побыстрее избавиться от окровавленной одежды. Чтобы не смущать их, Селитто отошел в сторонку и начал о чем-то совещаться с Хауманном. Монелл с удовольствием облачилась в халат, предложенный ей врачом, а один из полицейских в штатском накрыл ее плечи своей спортивной курткой. Сакс уложила джинсы и рубашку в пакеты.

— Одежда у меня, — передала она Райму.

— Теперь девушка должна пройти вместе с тобой на место преступления, — продолжал Линкольн.

— Что?!

— Только убедись в том, что она будет находиться позади тебя, чтобы не нарушить целостность вещественных доказательств.

Сакс посмотрела на сгорбившуюся жалкую фигуру, устроившуюся на носилках между двумя полицейскими автобусами.

— Она не в форме и не сможет идти. Он сильно порезал ее. До самых костей. Для того чтобы крысы учуяли кровь и поскорее разделались с ней.

— Но она может передвигаться?

— Вероятно. Но вы представляете себе, что ей пришлось пережить?

— Она может точно сказать, как они шли туда. Она может показать, где именно он стоял.

— Ее сейчас должны отправить на пункт первой помощи. Девушка потеряла слишком много крови.

Райм помолчал, а потом заговорил более дружелюбно:

— Попроси ее об этом.

Однако его веселость была наигранной, и Сакс почувствовала его волнение. Она знала, что Линкольн был не из тех, кто балует людей. Ему не надо было этого делать. Он всегда поступал так, как считал нужным.

— Ну, хотя бы один раз по «решетке», — настаивал Райм. «Да пошел ты куда подальше, Линкольн Райм!» — подумала Амелия.

— Это...

— Очень важно, я все понимаю.

Наступила тишина. Сакс посмотрела на Монелл, а потом услышала голос, свой собственный голос, который произнес:

— Я возвращаюсь туда за вещественными доказательствами. Ты пойдешь со мной?

Девушка так умоляюще посмотрела на Амелию, что у той сжалось сердце. На глазах Монелл выступили слезы:

— Нет, нет! Я не пойду больше туда. *Bitte nicht, oh, bitte nicht*...Сакс кивнула и ободряюще пожала руку девушки. Она объяснила ситуацию, стараясь оставаться хладнокровной, но, к ее удивлению, Райм так же спокойно ответил ей:

— Хорошо, Амелия. Пусть отлежится. Ты просто спроси ее, что случилось потом, когда они приехали сюда.

Девушка рассказала, как ей удалось ударить похитителя головой и отбежать в сторону.

— Я здорово врезала ему, — с некоторым удовольствием повторила Монелл. — И у него с руки слетела перчатка. Он этого не ожидал, растерялся, а потом принялся душить меня. Он...

— Рукой без перчатки? — встрепенулся Райм.

Сакс повторила вопрос, и Монелл утвердительно кивнула:

— Да.

— Великолепно, значит, есть отпечатки! — закричал Райм так громко, что микрофон исказил его голос. — Когда это случилось? Сколько времени прошло с тех пор?

Монелл подумала и сказала, что, наверное, не менее полутора часов.

— Вот черт! — забормотал Райм. — Отпечатки остаются на теле в течение часа, максимум, полутора часов. Ты можешь снять их с кожи, Амелия?

— Никогда раньше этого не делала.

— Теперь придется. Только надо действовать быстро. Там, в чемодане, есть коробочка с надписью «Кромекот». Вынь оттуда одну карточку.

Внутри коробки, о которой говорил Райм, Амелия обнаружила стопку глянцевых прямоугольников размером пять на семь дюймов, напоминавших по виду фотобумагу.

— Достала. Что теперь? Надо посыпать порошком ее шею?

— Нет. Прижми карточку глянцевой стороной туда, где, как считает девушка, могли остаться отпечатки его пальцев. Подержи бумагу секунды три.

Пока Амелия выполняла эту несложную процедуру, Монелл мужественно смотрела в небо. Потом, следуя инструкциям Райма, Сакс посыпала порошком карточку, используя пушистую щеточку.

— Ну, что у тебя там? — нетерпеливо спросил Линкольн.

— Ничего хорошего. Проявились контуры пальца, но рисунка на них не видно. Мне теперь выкинуть этот образец?

— Никогда ничего не выбрасывай из того, что добыто на месте преступления, Амелия, — продолжал Райм свою лекцию. — Принесешь его мне. Я в любом случае хочу взглянуть на него лично.

— Кажется, я забыла кое-что вам сообщить, — заговорила Монелл. — Он меня трогал.

— Ты хочешь сказать, он приставал к тебе? — как можно спокойнее спросила Сакс. — Изнасиловал?

— Нет-нет, не в смысле секса. Он трогал меня за плечо, за лицо, потом за ухом. И локоть. Он сжимал все эти места. Я не знаю, зачем он это делал.

— Вы слышите, Линкольн? Он ее ощупывал. Правда, непохоже, чтобы он получал от этого сексуальное удовлетворение.

— Да...

— И еще... И еще я вам забыла сказать, — вспомнила вдруг девушка, — что он говорил по-немецки. Не очень хорошо, так, как будто он учил этот язык в школе. И называл меня Ханна.

— Как называл? — не расслышал Райм.

— Ханна, — повторила Амелия в микрофон. — А почему именно так? — обратилась она к Монелл.

— Я не знаю, но он повторил это несколько раз. Мне показалось, что ему даже нравится повторять это имя.

— Вы слышите, Линкольн?

— Да. А теперь надо осмотреть место преступления. Время идет.

Сакс выпрямилась, и Монелл неожиданно схватила ее за руку.

— Мисс Сакс… Вы немка? Амелия улыбнулась:

— Это было очень давно. Два поколения назад. Монелл понимающе кивнула и прижала ладонь Амелии к своей щеке:

— Благодарю вас, мисс Сакс. Спасибо. *Danke schon.*

Глава пятнадцатая

Три одновременно вспыхнувших галогеновых фонаря озарили мрачный туннель потусторонним белым сиянием.

Оставшись одна на месте преступления. Сакс неторопливо оглядела пол. Что-то здесь успело измениться. Но что?

Она достала пистолет и пригнулась.

— Он здесь, — зашептала Амелия, спрятавшись за ближайший столб.

— Что? — переспросил Райм.

— Он вернулся. Тут валялось несколько мертвых крыс. Сейчас они исчезли.

До нее донесся смех Линкольна.

— Что тут сметного?

— Нет, Амелия, он не вернулся. А тела забрали их приятели.

— Что еще за приятели?

— Однажды я расследовал дело в Гарлеме. Там был обнаружен расчлененный и наполовину разложившийся труп. И много костей оказалось спрятано вокруг туловища по кругу. Череп отыскался в старой бочке из-под масла, пальцы ног лежали под кучей старых листьев… Весь город тогда с ума сходил от ужаса и негодования. Пресса подняла шумиху, утверждая, что в Гарлеме завелись сатанисты, причем

действующие, как серийные убийцы. Догадайся, кто оказался преступником?

— Понятия не имею, — с напускным безразличием в голосе произнесла Амелия.

— Сама жертва. Это было просто самоубийство. А уж с трупом разделались еноты, крысы и белки. Разобрали его на «трофеи». Никто не знает, почему они так любят подобные сувениры... Эй, ты где?

— На съезде с пандуса.

— Что ты видишь?

— Широкий тоннель. Два боковых, поуже. Плоский потолок, поддерживается деревянными столбами, они все в щербинах. Пол старый, бетонный, покрыт грязью.

— А навоз?

— Похоже, что это он и есть. В центре, впереди меня находится тот самый столб, к которому была привязана девушка.

— Окна?

— Нет. И дверей тоже. — Она осмотрела широкий тоннель, пол, исчезающий в черной дали и кончающийся где-то за много миль отсюда. В душе ее холодком пробежала безнадежность. — Очень уж большое пространство! — пожаловалась Сакс. — Слишком долго придется его обыскивать.

— Амелия, расслабься.

— Да я здесь никогда ничего не найду!

— Я знаю, задача тебе кажется почти невыполнимой. Но ты вспомни, что существует всего три вида вещественных доказательств, в которых мы заинтересованы: предметы, части тела и то, что ему принадлежит, а также впечатления. Вот и все. Если рассматривать миссию с этой точки зрения, она становится не столь устрашающей.

«Легко тебе говорить!» — с досадой подумала Амелия.

— А место преступления не такое уж и большое, как тебе кажется. Ты сосредоточься только на тех участках, где они могли находиться. Иди к столбу.

Сакс пошла вперед, глядя себе под ноги.

Свет от полицейских фонарей был достаточно ярким, но он создавал массу теней, и от этого казалось, что здесь появилось множество укрытий, где мог бы прятаться похититель людей. Мороз пробежал у Сакс по спине. «Оставайся со мной, никуда не уходи, — мысленно обратилась она к Линкольну. — Мне страшно, это верно, и я хочу услышать что-нибудь от тебя. Хотя бы твое дыхание, что ли».

Она остановилась, осветила возле себя пол.

— Везде тщательно подметено? — поинтересовался Райм.

— Да, как и раньше.

Бронежилет натирал ей грудь, несмотря на то, что сегодня она надела спортивный бюстгальтер и майку. Кроме того, здесь было невыносимо жарко, ничуть не лучше, чем там, наверху. Кожа зудела, и ей хотелось засунуть руку под бронежилет и долго, с наслаждением чесаться.

— Я нахожусь возле столба.

— Собери вакуумным фильтром всю грязь с пола.

Сакс нехотя включила аппарат. Ее раздражал шум его мотора, потому что он заглушал все звуки, которые могли возникнуть здесь в любую секунду: приближающиеся шаги, щелчок взводимого курка, лязг ножа, вытаскиваемого из ножен... Она невольно оглянулась, потом еще раз. Однажды она даже чуть не выронила фильтр, дернувшись за оружием, но вовремя спохватилась.

Сейчас она смотрела на то самое место, где еще недавно лежала Монелл. *Я — это он. Я тащу ее сюда. Я спотыкаюсь...*

Монелл могла лягаться и бодать его головой только в одном направлении — в сторону, противоположную пандусу. Однако преступник не упал, как говорила девушка. Значит, он удержался на ногах. Сакс прошла пару ярдов в глубь тоннеля.

— Ура! — закричала она.

— Что там? Быстрее, рассказывай!

— След ноги. Он пропустил один участок, забыл его подмести.

— Это не ее следы?

— Нет, у нее на ногах кроссовки. А здесь подошвы гладкие. Как у парадных ботинок. Два великолепных отпечатка. Теперь мы легко узнаем, какой размер обуви он носит.

— Нет, по следам мы этого не определим. Подошва может быть и больше, и меньше ступни. И, тем не менее, эти отпечатки нам кое-что расскажут. Там, в чемодане, есть электростатический принтер. Это небольшой ящичек с прикрепленной к нему указкой. Рядом лежат ацетатные листы. Отдели от такого листа кальку, положи ацетат на отпечаток и пройдись по нему указкой.

Амелия нашла аппарат и довольно быстро получила два изображения следов ног, которые сразу же уложила в конверт.

Затем она вернулась к столбу:

— Тут еще валяется несколько соломинок из метлы.

— Откуда?

— Простите, — быстро поправилась Сакс. — Пока что не известно, откуда они. Немного соломы, и я ее тоже забираю с собой.

Она быстро справилась с соломинками, ловко подхватив их карандашами. «Эй ты, приятель, — мысленно обратилась она к Линкольну, — знаешь, как я отпраздную окончание работы на местах преступлений? Я отправлюсь в китайский ресторан!»

Свет полицейских фонарей не доходил до того места в тоннеле, куда удалось отбежать Монелл. Сакс чуть задержалась на границе «дня и ночи», потом решительно шагнула в темноту. Луч фонарика освещал ей дорогу.

— Поговори со мной, Амелия.

— Здесь ничего нет. Тут он успел все подмести. Господи, он ни о чем не забывает!

— Что ты сейчас видишь?

— Просто пыль и следы метлы.

Я хватаю ее, валю на пол. Я взбешен. Я в ярости. Я пытаюсь задушить ее.

Сакс уставилась в пол.

— Тут кое-что есть — отпечатки его колен! Когда он начал душить ее, то, очевидно, ему пришлось встать на колени, и он пропустил этот участок, когда подметал.

— Сделай электростатическую копию.

Она повиновалась, на этот раз быстрее справившись с задачей. Амелия уже вкладывала лист в конверт, когда что-то снова привлекло ее внимание. Еще одна отметина на пыльном полу.

Что это?

— Линкольн... Я смотрю сейчас на то место, где... похоже, что как раз сюда упала его перчатка, когда они боролись...

Она включила свой фонарь специального освещения и не поверила собственным глазам.

— Отпечаток. Здесь остался отпечаток пальца! — Что? — с недоверием переспросил Райм. — Это не девушка его случайно оставила?

— Нет, это невозможно. Я вижу место, где она лежала. Ее пуки все время были в наручниках. Это как раз там, где он поднимал свою перчатку. Наверное, он подумал, что подмел это место. Я вижу великолепный, четкий отпечаток пальца!

— Ну что ж, тогда сделай снимок этого мерзавца в натуральную величину! Надеюсь, ты помнишь эту процедуру?

Ей понадобилось немного времени, и со второго раза получился идеальный снимок. Сейчас Амелия чувствовала себя так, будто только что нашла на улице стодолларовую купюру.

— Собери пыль с этого места в вакуумный фильтр и возвращайся к столбу. Пора пройтись по месту преступления «решеткой», — инструктировал Райм.

Она начала медленно исследовать пол. Взад-вперед. Не более одного фута за один шаг.

— Не забывай поглядывать наверх, — напомнил Линкольн. — Я однажды поймал подозреваемого по одному волоску, который завис на потолке. Он зарядил патрон 357 в пистолет калибра 38, отдачей один волосок с его руки оторвало, и он прилип на заплесневелом потолке.

— Я посматриваю. Потолок здесь черепичный. И очень грязный. Тут ничего и не спрячешь. Ни выступов, ни карнизов, ни дверных проемов.

— А где же «ключевые» предметы?

— Ничего нет.

Взад-вперед. Прошло уже пять минут. Потом шесть, семь...

— Может быть, на этот раз он решил ничего не оставлять? — предположила Сакс. — И Монелл — его последняя жертва?

— Нет, — с уверенностью произнес Райм.

И вот за одним из столбов она, наконец, что-то увидела.

— Тут в углу что-то есть... Да, это они.

— Перед тем, как забрать их, не забудь сделать снимок. Амелия сфотографировала предметы, потом осторожно, с помощью карандашей, приподняла кусок белой ткани:

— Женские трусики, — доложила она. — Мокрые.

— Сперма?

— Не знаю, — проговорила Сакс, приготовившись к тому, что сейчас Райм заставит ее понюхать их. Но приказ последовал другой:

— Освети их на предмет наличия протеина. Он должен флуоресцировать.

Она включила свой фонарик, но ткань не засветилась:

— Нет, значит, не сперма.

— Уложи их в пакет, в полиэтиленовый. Что там еще? — нетерпеливо спросил Райм.

— Листок. Длинный, тонкий, с заостренным кончиком. Лист был сорван давным-давно, и он уже успел высохнуть и побурел.

Амелия услышала, как обреченно вздохнул Линкольн:

— На Манхэттене имеется около восьми тысяч видов лиственных растений. Твоя находка вряд ли нам чем-нибудь поможет. А что под листом?

Почему он решил, что там есть еще что-то?

Но там действительно лежал обрывок газеты. С одной стороны осталась чистая бумага, на другой была изображена схема лунных фаз.

— Луна? — удивился Райм. — Отпечатков нет? Опрыскай бумагу нингидрином и просканируй своим фонарем. Однако бумага оказалась чистой, без отпечатков.

— Это все. Наступила тишина.

— На чем находились предметы?

— Не знаю.

— Как это? Должна знать!

— Ну, на земле! — вспылила Амелия. — На грязи, в конце концов.

— Точно на такой же, как и остальная грязь?

— Да, — фыркнула Амелия, а потом тщательно изучила почву, и тут заметила, что она была другой. Что за черт! — Нет, не совсем так. Она тут почему-то другого цвета.

«Неужели он всегда прав?» — удивилась она.

— Положи ее в пакет. — Пока она собирала грязь, он снова обратился к ней: — Амелия?

— Да?

— Его здесь нет, — убедительно произнес Райм.

— Думаю, вы правы.

— Я услышал в твоем голосе тревогу.

— Все прекрасно, — быстро ответила Амелия. — Теперь я нюхаю воздух. — Я чувствую запах крови, плесени и сырости. И снова лосьон.

— Тот же самый?

— Да.

— Откуда идет этот запах?

Втягивая в себя воздух. Сакс обошла, как и в первый раз, вокруг столба, потом оказалась у другого, точно такого же.

— Вот здесь. В этом месте запах самый сильный.

— Где «здесь», Амелия? Ты не только мои ноги, ты еще и мои глаза. Помни об этом!

— Возле одного из деревянных столбов, поддерживающих потолок. Он такой же, как и тот, к которому была привязана девушка. Только в пятнадцати футах от первого.

— Значит, он мог прислоняться к нему. Как насчет отпечатков?

— Их нет, но запах очень сильный.

— Возьми образец древесины в том месте, где ты лучше всего почувствовала аромат лосьона. В чемодане ты найдешь специальный инструмент. Он черного цвета. Это портативная дрель. Возьми насадку для получения образцов — она полая — и установи ее в патрон. Там есть такая штучка, которая называется...

— У меня дома имеется дрель, — оборвала его пространные инструкции Амелия.

— Даже так?

Она высверлила кусок древесины из столба, потом стерла со лба пот.

— Образец упаковать в полиэтиленовый пакет? — поинтересовалась она и получила положительный ответ. Только сейчас Амелия почувствовала слабость. Она опустила голову и глубоко вздохнула. Здесь было слишком душно и жарко.

— Что-нибудь еще? — зазвенел голос Райма.

— Больше ничего не вижу.

— Я горжусь тобой, Амелия. Возвращайся назад вместе со своими сокровищами.

Глава шестнадцатая

— Осторожней! — рявкнул Райм.

— Я опытный специалист.

— Оно новое или старое?

— Ш-ш-ш! — зашипел Том.

— О, Господи! Я спрашиваю, лезвие у тебя новое или не очень?

— Не дышите… Вот, так-то лучше. Будете гладенький, как попка у младенца.

Процедура не касалась судебной экспертизы. Она была чисто косметической.

Том брил Райма первый раз за неделю. Кроме того, он уговорил хозяина вымыть голову и даже успел аккуратно причесать его.

За полчаса до этого Райм отослал Купера в соседнюю комнату, и Том спустил ему мочу с помощью катетера. После того как все было сделано. Том посмотрел на него и поморщился:

— Выглядите вы дерьмово. Вы-то сами это осознаете?

— Мне плевать. Почему я должен об этом думать? И тут он мгновенно понял, что сказал полную чушь.

— Как насчет того, чтобы побриться? — предложил молодой человек.

— У нас на это нет времени.

На самом деле сейчас Райм подумал о том, что если в следующий раз доктор Бергер увидит его таким ухоженным и опрятным, он вряд ли согласится на дальнейшее «сотрудничество». Растрепанный и грязный пациент — это всегда личность подавленная и потерявшая всякую надежду.

— И неплохо бы умыться.

— Нет.

— Но теперь к нам приходят люди. Линкольн. Наконец, Райм сломался, и как бы нехотя пробурчал:

— Ну, ладно.

— А что вы скажете относительно того, чтобы вылезти, наконец, из этой надоевшей пижамы?

— Нормальная пижама, по-моему…

Но и это также означало полное согласие.

Теперь, умытый и побритый, одетый в джинсы и белую рубашку, Райм пытался проигнорировать зеркало, которое Том держал перед ним.

— Убери его подальше.

— Я вижу значительное улучшение. Линкольн Райм насмешливо поморщился:

— Пожалуй, пока они не вернулись, я немного прогуляюсь, — объявил он и опустил голову на подушку. Мел Купер удивленно посмотрел на него.

— Мысленно, — пояснил Том.

— В мыслях?

— Да, я легко могу представить себе такую прогулку, — продолжал Райм.

— Вот здорово! — заинтересовался Мел.

— Я могу пройтись по любому району, и никакие хулиганы на меня не нападут. Могу взобраться на высочайшую гору и при этом не устать. Или поглазеть на витрины магазинов Пятой авеню. Правда, то, что я вижу, вовсе не обязательно находится там, где я это представляю. Ну и что? Ведь то же самое происходит и со звездами.

— Не понимаю, — признался Купер.

— Звездному свету, который мы видим сейчас, уже исполнились тысячи миллионов лет. К тому времени, когда свет звезды достигает Земли, она сама успевает переместиться. И звезды находятся совсем не там, где, как нам кажется, мы их видим. — Райм вздохнул, почувствовав, что успел притомиться. — А некоторые из них уже погасли и перестали существовать, — добавил он и закрыл глаза.

……

— Он делает нашу задачу все труднее.

— Это только так кажется, — ответил Райм Лону Селитто. Селитто, Бэнкс и Сакс только что вернулись с бывшего скотного двора.

— Трусики, луна и растение, — бодро произнес Джерри, но лицо у него сразу вытянулось от безнадежности. — Это, конечно, не карта автомобильных дорог.

— Есть еще и грязь, — заметил Райм, который всегда возлагал большие надежды на анализы почвы.

— У тебя имеются хоть какие-то мысли по поводу того, что все это может означать? — начал Селитто.

— Пока нет, — признался Райм.

— А где Поллинг? — продолжал Селитто. — Я не могу до него добраться.

— Я его больше не видел, — сообщил Линкольн.

В этот момент в дверном проеме возникла чья-то фигура.

— Пока я дышу и существую, я буду приходить сюда, — раздался мягкий баритон незнакомца.

Райм приветливо кивнул долговязому мужчине. Пришедший выглядел несколько мрачновато, но это впечатление сразу исчезло, когда его лошадиная физиономия расплылась в мягкой, добродушной улыбке. Это всегда происходило в самый неожиданный и неподходящий момент. Терри Добинс был душой и сердцем отдела по психологическим поведенческим отклонениям нью-йоркской полиции. Вместе с коллегами из ФБР он обучался в Куантико и к этому времени уже имел ученые степени по судебной экспертизе и психологии.

Терри обожал оперу и футбол. Когда три с половиной года назад Райм очнулся в больничной палате, рядом с его кроватью восседал Добинс, слушающий через наушники плеера «Аиду». Потом он три часа спорил с врачами Линкольна на консилиуме, что было его первым из его многочисленных выступлений, следовавших в данном собрании одно за другим.

— Я что-то запамятовал, — начал он, — как в умных книгах называются люди, которые обещают перезвонить, но никогда не выполняют сказанного?

— Ладно, Терри, анализировать мое поведение будешь потом. Ты, надеюсь, уже слышал о нашем подозреваемом?

— Немного, — коротко ответил Добинс и принялся изучать Райма. Хотя он и не был врачом, но неплохо разбирался в физиологии. — Ты нормально себя чувствуешь. Линкольн? По-моему, ты немного ослаб.

— Я сегодня чуточку переработал сверх нормы, — признался Райм. — И не прочь вздремнуть. Ты же знаешь, какой я ленивый сукин сын.

— Это верно. Ведь именно ты позвонил мне в три часа ночи по какому-то вопросу о своем подозреваемом, а потом долго удивлялся, почему я валяюсь в постели. Так что у вас произошло? Тебе, я полагаю, нужен психологический портрет?

— Все, что ты нам расскажешь, мы с удовольствием примем к сведению.

Селитто вкратце ввел Добинса в курс дела. Райм помнил еще со времен совместной работы, что Терри никогда ничего не записывал, а умудрялся держать всю информацию в голове, которую до сих пор украшала пышная темно-рыжая шевелюра.

Психолог расхаживал по комнате, изредка бросая взгляд на таблицу, висящую на стене, и слушал монотонную речь Лона.

Затем он поднял вверх указательный палец, останавливая говорившего:

— Жертвы, жертвы... Их всех находили под землей. Одного — закопанным, другую — в подвале и третью, наконец, — в тоннеле скотного двора.

— Именно так, — подтвердил Райм.

— Продолжай.

Селитто принялся рассказывать о том, как удалось спасти Монелл Гергер.

— Хорошо, прекрасно, — рассеяно отвечал Добинс. Затем неожиданно остановился посреди комнаты и снова уткнулся в таблицу. Он расставил ноги, упер ладони в бедра и принялся заново изучать скудные данные о подозреваемом номер 823. — Расскажи-ка мне поподробней о своих догадках насчет его любви к старине. Линкольн.

— Я пока не знаю, что это может означать. До сих пор все вещицы, которые он нам подбрасывал, так или иначе были связаны с историческими районами Нью-Йорка. Строительные материалы начала века, скотные дворы, паровая система отопления...

Добинс шагнул вперед и постучал пальцем по тому месту, где в таблице значилось имя «Ханна»:

— Расскажи мне вот про это. Кто такая Ханна?

— Амелия, — попросил Райм. — Помоги нам.

Она объяснила Добинсу, что преступник несколько раз по непонятным причинам назвал Монелл Ханной:

— Она еще добавила, что ему было приятно произносить это имя. Кроме того, он пытался заговорить с ней на немецком.

— К тому же, ему пришлось изрядно рисковать, когда он похищал ее, верно? — заметил Терри. — Такси, аэропорт — тогда все для него

оборачивалось вполне безопасно. Но прятаться в прачечной и поджидать… Видимо, у него была какая-то причина похитить именно женщину-немку.

Добинс в задумчивости принялся накручивать одну из своих длинных темно-рыжих прядей на палец. Потом он плюхнулся на расшатанный стул и вытянул ноги.

— Хорошо, давайте попробуем разобраться. Подземелье… это ключ к разгадке. Я догадываюсь, что преступнику есть, что скрывать, из чего делаю вывод, что он склонен к истерии.

— Но он не ведет себя, словно истерик. Наоборот, он предельно спокоен и последователен: рассчитывает каждую мелочь.

— Это совсем не та истерия. Здесь мы имеем дело с расстройством ментального уровня. Часто это бывает вызвано сильной душевной травмой, пережитой раньше, которая в дальнейшем накладывает отпечаток на все поведение больного. Мы сталкиваемся со своего рода защитной реакцией организма. На физическом уровне она выражается в тошноте, головных болях и тому подобном. Изменения в мозговой деятельности принимают параноидальный характер. Душевная травма видоизменяется, превращаясь в истерическую амнезию, фуговые состояния, а то и в расщепление личности.

— Словом, Джекил и Хайд, — прямолинейно заявил Купер.

— Ну, лично я далек от того, чтобы считать его расщепленной личностью, — продолжал Добинс. — Такой диагноз устанавливается крайне редко. Известные случаи расщепления, как правило, зафиксированы у молодых людей с низким интеллектуальным коэффициентом, чего нельзя сказать о вашем подозреваемом. — Он кивнул в сторону таблицы. — Преступник хитер и изворотлив. Высокоорганизованный злоумышленник. — Добинс на секунду взглянул в окно. — Это интересно, Линкольн. Думаю, твой подозреваемый превращается в другую личность только когда ему необходимо то есть, когда он собирается убить, что очень важно.

— Почему?

— Тут есть две причины. Во-первых, нам становится кое-что понятно относительно его главной личности. Или в детстве, или в процессе учебы и работы, он воспитывался на принципах помощи людям, а не на причинении им вреда. Он может быть священником, советником, политиком или просто социальным служащим. А во-вторых, преступник

ставит перед собой определенную задачу, поняв которую, вы и выйдете на него.

— Какого типа задачу?

— Может быть, он уже давно хотел убивать, но только не мог действовать, пока не нашел для себя подходящей модели. Возможно, преступник почерпнул ее из фильма или книги. Или же такой моделью стала судьба реального, знакомого ему человека. Имеется некий образ, с которым он себя отождествляет. Пример, следуя которому, он считает убийство вполне приемлемым действием. А далее я затрудняюсь добавить что-либо.

— А ты попробуй, — подзадоривал его Райм.

— Его тяга к истории наталкивает на мысль, что его примером для подражания является какая-то знаменитая личность из прошлого.

— Реальная?

— Этого я утверждать не могу. Может быть, и выдуманная. Кем бы ни была эта Ханна, она наверняка являлась действующим лицом той же истории. И немецкий язык тоже имеет значение. Возможно, тут прослеживается связь с американцами немецкого происхождения.

— У тебя есть какие-нибудь предположения относительно того, что его подталкивает к подобным действиям?

— Фрейд заявил бы, — а что еще он мог бы предположить? — что тут имеет место сексуальный конфликт, развившийся на базе эдипова комплекса. Сейчас считается, что любая моральная травма может послужить катализатором неуправляемого процесса. И это вовсе не обязательно будет одноразовое событие. Здесь может присутствовать и самонедостаточность, и целая серия неудач в личной жизни и профессиональной деятельности. Трудно сказать. — Глаза Терри засветились, когда он вновь взглянул на таблицу. — Я очень надеюсь. Линкольн, что вы схватите его живым. Мне страшно хотелось бы побеседовать с ним пару часиков.

— Том, ты все это записываешь? — осведомился Райм.

— Да.

— Еще один вопрос, — начал Линкольн.

— И я бы сказал, весьма важный вопрос, — ухмыльнулся Терри. — Почему он оставляет вам «ключевые» предметы? Я угадал?

— Да. Так почему же?

— Ну, если подумать о том, что он уже совершил... Он таким образом разговаривает с вами. И не бормочет нечто несвязное, как Сын Сэма или Зодиак. Он не шизофреник. Преступник общается с тобой на понятном тебе языке. И это — язык судебной экспертизы. Почему? — Добинс снова принялся расхаживать по комнате, изредка посматривая на таблицу. — У меня создается впечатление, что преступник как бы хочет разделить свою вину с кем-то еще. Понимаешь, ему трудно убивать. А если появляются сообщники, то уже легче. Если вы не спасаете жертву вовремя, то вина частично ложится и на вас.

— Вот это здорово, — заметил Райм. — Значит, он так и будет подкидывать нам ключи к разгадке собственных шарад, да таких, с которыми возможно справиться. Если загадка окажется чересчур сложной, он не сможет разделить с кем-либо бремя вины.

— Это верно, — согласился Добинс, и улыбка исчезла с его лица. — Но, к сожалению, существует еще и другой фактор...

— Его активность возрастает, — закончил за него Селитто.

— Вот именно, — подтвердил Терри.

— Неужели он сможет действовать еще быстрее? — недоумевал Бэнкс. — И так происшествия следуют с интервалом в три часа.

— Я думаю, он найдет способ, — сказал психолог. — Скорее всего, преступник перейдет на коллективные цели. — Глаза Терри неожиданно сузились. — Ты в порядке. Линкольн?

На лбу криминалиста выступили бисеринки пота, и время от времени он прикрывал глаза:

— Я просто устал. Слишком много переживаний для старого калеки.

— И последнее. Обычно в серийных убийствах встречается определенный стереотип жертвы. Здесь же мы видим различия как возрастные, так и по половому признаку и социальному положению. Правда, все они белокожие, но он и охотится-то в районе, где преобладают белые. Из того, чем мы на данный момент располагаем, нельзя сделать заключение, почему он выбрал именно тех людей. Если у тебя это получится, ты пойдешь на шаг впереди него.

— Спасибо, Терри, — поблагодарил приятеля Райм. — Побудь еще немного с нами.

— Конечно, Линкольн, если тебе это доставит удовольствие.

— А теперь давайте займемся вещественными доказательствами, которые мы раздобыли на скотном дворе, — распорядился Райм. — Что у нас там? Трусики?

Мел Купер разбирал пакеты, которые привезла Сакс. Он нашел тот, в котором лежали женские трусы, и объявил:

— Фирма «Катрина Фэшнз Д'Амор лайн». Стопроцентный хлопок, эластичная резинка. Ткань изготовлена в США. Скроены и сшиты на Тайване.

— И вы все это можете сказать, только взглянув на них? — поразилась Сакс.

— Нет, я читаю то, что написано на этикетке, — пояснил Мел.

— Понятно. Полицейские рассмеялись.

— Он хочет сказать, что следующей жертвой будет женщина? — высказала предположение Сакс.

— Возможно, — отозвался Райм. Купер вскрыл пакет:

— Понятия не имею, что это за жидкость. Придется поработать с хроматографом.

Райм попросил Тома показать ему обрывок газеты с лунными фазами, и принялся изучать его. Такой предмет считается идеальным для индивидуализации, если при этом была газета, от которой этот клочок оторвали. Однако проблема заключалась в том, что газеты у них не было. И Райм не думал, что они когда-нибудь найдут ее. Скорее всего, преступник уничтожил эту газету после того, как оторвал нужный фрагмент. Правда, Линкольн предпочитал об этом не думать. Ему больше нравилось представлять себе, что газета где-то лежит и ждет их. Он всегда рисовал себе радужные перспективы: кусочек краски и автомобиль, от которого он откололся. Это мог быть обрезанный ноготь и палец, к которому этот ноготь можно приложить, пуля, найденная в теле жертвы, и ствол, из которого она вылетела. Такие источники обладали чуть ли не собственной личностью в глазах Райма. Они несли в себе следы властности и жестокости.

Или таинственности.

Лунные фазы...

Райм посоветовался с Добинсом, не означает ли этот обрывок цикличность в дальнейших поступках подозреваемого.

— Нет. Главная фаза давно прошла, а новолуние ожидается через четыре дня.

— Значит, луна обозначает что-то другое.

— Если он вообще имел в виду луну, — вмешалась Сакс. «Она гордится собой, и по праву», — отметил про себя Райм.

— Хорошая мысль, Амелия. Может быть, он имеет в виду круги. Или типографскую краску. Или бумагу. Или геометрию. Или планетарий...

Райм перехватил устремленный на него странный взгляд женщины. Возможно, до нее только что дошло, что он причесан, переодет и гладко выбрит.

«Интересно, какое у нее сейчас настроение? — подумал он. — Все еще продолжает сердиться на меня или уже остыла?» Линкольн не мог этого определить. Сейчас все мысли Амелии были заняты таинственным подозреваемым номер 823.

Из коридора раздался писк сработавшего факса. Том направился туда и вскоре вернулся с двумя листами бумаги.

— От Эммы Роллинс, — объявил он и показал их Райму. — Результаты по магазинам Манхэттена. За последние два дня в одиннадцати из них телячьи ноги были проданы клиентам, которые покупали менее пяти наименований товаров. — Том начал вписывать в таблицу адреса и обратился к Линкольну: — Названия магазинов указывать?

— Обязательно. Они нам понадобятся позже. Том внес все данные в таблицу.

— Это несколько сужает район поисков, — заявила Сакс. — Все-таки не весь город.

— Спокойствие, — предупредил ее сам невыдержанный по натуре Райм.

Мел Купер корпел над соломинками, собранными Амелией. Потом отложил их, заметив:

— Ничего особенного тут нет.

— Они свежие? — с надеждой в голосе спросил Линкольн, подумав, что если это так, метла могла быть куплена в одном из магазинов вместе с телятиной.

— Я думал над этим, — словно прочтя его мысли, отозвался Мел. — Нашим уже полгода, если не больше. — Затем он принялся трясти одежду Монелл над расстеленным листом бумаги.

— Ну, тут-то есть кое-какие частицы.

— Хватит для анализа на плотность?

— Боюсь, что нет. Буквально пылинки и, скорее всего, с места преступления.

Купер разглядывал то, что ему удалось вытряхнуть и смести щеткой с окровавленной одежды девушки:

— Кирпичная пыль. Почему ее так много?

— Это из-за того, что я стреляла по крысам. А там кругом кирпичные стены, — призналась Сакс.

— Ты стреляла? На месте преступления? — Лицо Райма перекосило.

— Да, ну и что? — ощетинилась Амелия. — Они ползали по всему телу жертвы.

Линкольн рассердился, но решил не заострять на этом внимания, а лишь добавил:

— Ну, теперь мы можем ожидать загрязнения образцов чем угодно: свинцом, мышьяком, серебром или окисью углерода.

— А вот… еще один крохотный кусочек красноватой кожи. От перчатки. И… Какие-то волокна. Но уже другие, не как прежде.

Криминалисты любят работать с волокнами. Сейчас Купер обнаружил крошечный пучок серых волокон, едва видимых невооруженным глазом.

— Великолепно, — прокомментировал Райм. — Что-нибудь еще?

— Вот фотографии места преступления и отпечатков, — подключилась Сакс. — Один снят с шеи Монелл, другой — на том месте, где преступник поднимал перчатку. — Она поднесла их ближе к глазам Райма.

— Хорошо, — похвалил ее Линкольн, внимательно изучив снимки.

На лице Амелии появилось выражение легкого триумфа. Лихорадка случайного выигрыша, являющаяся обратной стороной ненависти к себе за собственное дилетантство.

Райм все еще изучал поляроидные фотографии, когда на лестнице послышались шаги Поллинга. Он вошел в комнату и, не скрывая удивленного выражения при виде ухоженного Райма, направился к Селитто:

— Я только что с места преступления. Вам удалось спасти жертву. Отличная работа, парни. — Сказав это, он посмотрел на Сакс, как бы подчеркивая, что его похвала относится и к ней. — Однако этот выродок похитил еще одну жертву?

— Или собирается это сделать, — пробормотал Райм, разглядывая отпечатки.

— Мы как раз сейчас работаем над «ключевыми» предметами, — пояснил Бэнкс.

— Джим, я пытался с тобой связаться, — обратился Селитто к Поллингу. — Даже звонил в кабинет мэра.

— Я был у шефа. Выпрашивал буквально на коленях подбросить еще людей для поиска. Удалось выклянчить пятьдесят человек, занятых на охране конференции ООН.

— Капитан, нам надо поговорить. Появилась проблема. На последнем месте преступления произошло нечто...

В комнате, неизвестно откуда, раздался громовой голос:

— Проблема? У кого здесь появились проблемы? У нас нет никаких проблем. Ва-а-а-ще!

Райм перевел глаза на появившегося в дверях высокого худого мужчину. Он был черен, как начищенный сапог, в смешном зеленом костюме и сияющих, как зеркала, ботинках. Сердце Линкольна упало:

— Деллрей!

— А, Линкольн Райм. Персональные «Железные ребра» Нью-Йорка. И Лон тут? Да еще и Поллинг? Как делишки, паря?

За спиной Деллрея виднелись фигуры нескольких мужчин и одной женщины. Райм в одну секунду понял, зачем сюда заявились федеральные агенты. Деллрей внимательно изучил собравшихся в

комнате офицеров полиции, при этом его взгляд, наткнувшись на Амелию Сакс, просветлел.

— Что тебе нужно? — поинтересовался Поллинг.

— А вы еще не догадались, джентльмены? Ваша лавочка прикрыта. Именно так, сэр. Все. Приехали.

Предпод №823

Внешность

Место жительства

Транспортные средства

Прочее

Носит старые перчатки, лайковые, красноватого оттенка

Лосьон после бритья: чтобы скрыть другой запах?

Лыжная маска? Темно-синяя?

Перчатки. Темные

Возможно, имеет безопасный дом

Бродвей и 96-я, «Андерсон фудз», Гринвич и Банк, «Шопрайт»

2-я авеню, 72-я — 73-я, «Гросери Уорлд» Бэттери Парк Сити, «Торговый центр Джей и Джи»

2-я авеню, № 1709, «Андерсон Фудз»

34-я и Лексингтон, «Фуд Уэрхаус»

8-я авеню и 24-я, «Шопрайт»

Хьюстон и Лафайет, «Шопрайт»

6-я авеню и Хьюстон, «Торговый центр Джей и Джи»

Гринвич и Франклин, «Гросери Уорлд»

Современная модель, седан

Светло-серый, серебристый, бежевый

Знаком с методами криминалистики

Возможно, ранее судим

Знаком с анализом отпечатков пальцев

Пистолет «Кольт» 32 калибра

Связывает жертвы, используя необычные узлы

Любит все старинное

Одну жертву Называл «Ханна»

Знает основы немецкого языка

Глава семнадцатая

Один из нас.

Деллрей ходил вокруг Райма, искоса на него поглядывая. Многие вели себя подобным образом. Паралич был своего рода клубом, вступив в который, ты превращался в мишень для сожалений и острот, недвусмысленных кивков и перемигиваний. Мол, ты был одним из нас, а теперь превратился в посмешище.

Линкольн Райм давно понял, что такое отношение к нему быстро его утомляет.

— Ты посмотри-ка, — заявил Деллрей, тыча пальцем в «Клинитрон». — Прямо съемочная площадка «Стар Трек». Командор Райкер, грузите свою задницу в «шаттл».

— Выметайся, Деллрей, — оборвал его Поллинг. — Этим делом занимаемся мы.

— И как же поживает наш: пациент, доктор Крашер?

Капитан шагнул было вперед, но фэбээровец смотрел на него сверху вниз, точно голенастый тощий петух.

— Деллрей, ты меня слышал? Пошел вон!

— Нет, паря, я бы тоже не отказался приобрести такую хреновину. Лежишь себе, не отрывая задницы, и играешь. А если серьезно, Райм, то как ты? Столько лет не виделись!

— Они стучались в дверь? — обратился Линкольн к Тому.

— Нет, не стучались.

— А поскольку вы не стучались, попрошу вас выйти.

— А у нас имеется приказ! — пробурчал Деллрей, вытаскивая из нагрудного кармана бумагу.

Ноготь указательного пальца Сакс теребил заусеницу на большом, и тот вот-вот должен был закровоточить.

Деллрей снова обвел взглядом комнату. Устроенная здесь импровизированная лаборатория поразила его воображение, но он старательно не подавал виду:

— Короче, ты уж извини, но нам придется забрать это дело.

За двадцать лет службы в полиции Райм не мог припомнить ни одного случая, когда дело переходило в ведение Бюро столь некорректным способом.

— Да пошел ты к такой-то матери, Деллрей! — возмутился Селитто. — С какой стати мы должны тебе его передавать?

Агент ФБР повернулся к нему лоснящейся черной физиономией и посмотрел Лону в глаза:

— Передавать? А мне позвонил кто-нибудь или предупредил? Вот ты, например, мне звонил?

— Нет.

— Тогда кто же бросал десятицентовик?

— Ну… — Селитто с удивлением посмотрел на Поллинга, который тут же вмешался:

— Мы дадим вам необходимые разъяснения. Это все, что мы можем для вас сделать.

— Разъяснения? Как это все оказалось здесь? Может быть, приехало экспрессом? Или службой «доставка на дом»? Какой толк от разъяснений, если операция идет полным ходом?

— Мы не видели необходимости ставить вас в известность.

— Мы?! — рявкнул Деллрей. Он напоминал хирурга, которому, наконец-то, удалось обнаружить крошечную опухоль.

— Ну, хорошо, лично я не видел! — тем же тоном ответил Поллинг. — Я объяснил мэру, что это операция местного значения и мы полностью владеем ситуацией. Так что проваливай.

— И ты надеешься обстряпать все дельце так, чтоб о нем уже трубили в завтрашних утренних новостях? Райм даже вздрогнул от крика Поллинга:

— А это не твое собачье дело, о чем мы думаем! Расследование наше!

До Линкольна доходили слухи о невероятной вспыльчивости капитана, но воочию он наблюдал это впервые.

— А вот и нетушки! Расследование теперь — на-а-а-ше! — пропел Деллрей, вихляющей походкой прогуливаясь вокруг стола, на котором располагалось все оборудование Купера.

— Не делай этого, Фред, — вмешался Райм. — Мы почти достали этого парня. Давай работать вместе, но не забирай дела к себе. Это не тот преступник, с которыми ты привык иметь дело.

Деллрей ехидно ухмыльнулся:

— Ну что ж, давайте посмотрим, какие у нас имеются новости по этому вонючему делу. Экспертизой занимается гражданское лицо. — Он снова с завистью посмотрел на кровать Райма. — Осмотр места преступления поручают патрульному. Полицейские таскаются по магазинам, закупая продукты.

— Так приходится поступать при работе с вещественными доказательствами, Фредерик, — резко напомнил ему Райм. — Это стандартная процедура.

Деллрей, казалось, выглядел разочарованным:

— А что скажут налогоплательщики? И потом, ваша работа с одной из жертв напоминает кадры из фильма «Техасская резня бензопилой»...

Но как он узнал об этом? Все участвовавшие в операции клялись, что о расчленении трупа никто не проговорится.

— Еще более интересное я услышал про мальчиков Хауманна, — продолжал он. — Они обнаружили похищенную, но совсем не торопились спасать ее. А Пятый канал имеет «Большое Ухо», так что

минут пять записи криков жертвы у них уже есть. — Он посмотрел на Селитто и криво усмехнулся. — Лон, приятель, это не та проблема, о которой ты упоминал?

«А ведь мы уже продвинулись так далеко, — с грустью размышлял Райм. — Начали чувствовать преступника, понимать его язык. Можно сказать, почти видели его». С огромным удивлением Линкольн вдруг обнаружил, что вновь погрузился в свое любимое дело. После этих долгих мучительных лет… И теперь кто-то собирается отобрать у него все это. В его душе закипала злость.

— Возьми дело, — как можно спокойней произнес Райм. — Но не отрезай нас от расследования. Не надо, Фред.

— Да вы уже потеряли двоих людей, — напомнил Деллрей.

— Только одного, — поправил Селитто, наблюдая за разбушевавшимся Поллингом. — Относительно первого мы ничего не смогли бы предпринять. Он был как бы визитной карточкой преступника.

Добинс, скрестив руки на груди, молча наблюдал за происходящим. Но Джерри Банкс не выдержал:

— Мы уже поняли стиль подозреваемого и больше не собираемся терять ни одной жертвы!

— Потеряете, если и дальше полиция будет преспокойно слушать, как человек теряет голос, призывая на помощь.

— Это было мое… — начал было Селитто, но Райм его опередил:

— Мое решение, — твердо произнес Линкольн. — Мое. — Но ты гражданское лицо, поэтому твое решение не играет здесь никакой роли. Это могло быть твоим *предложением*или *рекомендацией,*но уж никак не решением.

Деллрей снова переключил свое внимание на Сакс. Не сводя с нее глаз, он обратился к Райму:

— Это ты не позволил Перетти осмотреть место преступления? Вот это уже интересно, Линкольн. Как же ты мог так поступить?

— Я в этих делах разбираюсь гораздо лучше него, — ответил тот.

— Перетти уже больше не бойскаут. Ошибаетесь, сэр. Между прочим, мы с ним недавно имели интереснейшую беседу с Экертом.

С Экертом? Заместителем комиссара? А он-то каким образом оказался здесь замешан?

Одного взгляда на Сакс, прячущую свои голубые глаза и опустившую голову, пытаясь скрыться за растрепанными рыжими космами, ему было достаточно. Теперь становилось ясно, при чем тут Экерт.

Райм осуждающе посмотрел на нее и обратился к Деллрею:

— Что ты сказал?.. Перетти? Кстати, не он ли это возобновил движение транспорта в том месте, где стоял преступник, наблюдая за своей жертвой? Не он ли ушел с места преступления, прежде чем мы успели собрать хоть какие-то вещественные доказательства? Это моя Сакс сумела все предвидеть и перекрыть движение. Моя Сакс поступила правильно, а Вине Перетти, да и все остальные, совершили непростительную ошибку. Да, все было именно так.

В это время Амелия с грустью посматривала на свой палец и, заметив обычную картину, молча достала из кармана салфетку и обвязала кровоточащую ранку.

— Ты должен был сразу же поставить нас в известность, — заявил Деллрей.

— Убирайся прочь! — вскипел Поллинг. Что-то сверкнуло в его глазах, и он сразу же повысил голос: — Вали отсюда к чертям собачьим!

Даже хладнокровный Деллрей вздрогнул и попятился, заметив, как у капитана изо рта вылетали капельки слюны.

Райм нахмурился. У него все еще оставалась слабая надежда, что они смогут хоть как-то удержать расследование у себя, хотя бы частично, если бы не этот приступ бешенства Поллинга:

— Джим... — начал было он, но капитан его уже не слышал.

— Вон! — взвизгнул Поллинг. — Ни хрена вы от нас не получите! — Напугав всех присутствующих, он вдруг дернулся вперед, ухватил агента за зеленые лацканы и с грохотом приложил о стену. В наступившей тишине Деллрей кончиками пальцев отпихнул капитана, достал сотовый телефон и протянул его Поллингу:

— Я думаю, самое время позвонить мэру или шефу Уилсону. Поллинг отпрянул, стараясь теперь держаться подальше от долговязого агента:

— Ну что ж, — прорычал он, — тебе так не терпелось получить это дело, так ты его и получил, чтоб тебя... — Капитан молча прошел к лестнице и спустился вниз. Потом послышался громкий удар входной двери.

— О Господи, Фред, — снова заговорил Селитто, — почему ты не хочешь работать вместе с нами? Мы бы уж точно схватили этого подонка.

— Здесь разговор идет о террористах, — пояснил Деллрей, словно пытаясь найти разумную причину своему поведению. — А вы не приучены работать под таким углом.

— Какие террористы? — удивился Райм.

— В городе полным ходом идет конференция ООН. Один из моих осведомителей доложил мне, что какая-то ерундовина затевается в аэропорту. Там, где преступник подхватил свои первые две жертвы.

— Ну, я не стал бы его причислять к разряду террористов, — подал голос Добинс. — Все, что он делает, имеет психологические мотивы. Идеология тут не замешана.

— Ну, лично мы в Куантико считаем по-другому. Мы, разумеется, уважаем и вашу теорию, но придерживаемся своей.

Райм окончательно сдался. Усталость брала свое. Теперь он жалел о том, что утром сразу не отказал Селитто и его молодому приятелю. Тогда бы он не познакомился с Амелией Сакс, и ему не пришлось бы переодеваться в эту дурацкую накрахмаленную белую рубашку, которая натирала ему шею, и из-за которой он сейчас чувствовал себя пустым местом.

Райм с трудом осознал, что сейчас Фред обращается к нему, и стал прислушиваться.

— Прости, я, кажется, что-то пропустил, — извинился он, приподняв бровь.

— Я хочу спросить: а что же, политика *не может*стать мотивом для преступлений?

— Вот мотивы меня как раз и не интересуют, — вздохнул Райм. — Я занимаюсь вещественными доказательствами. Деллрей еще раз оглядел стол с приборами.

— Итак, дело мы забираем. Теперь, я надеюсь, все понятно?

— А нам как теперь действовать? — уже без всякой надежды в голосе поинтересовался Селитто.

— Вы можете в качестве прикрытия оставить нам своих бойцов. Или не оставляйте, это уж ваше дело. А теперь мы у вас заберем вещественные доказательства, если вы не возражаете. Бэнкс колебался.

— Отдай им все, что у нас есть, — приказал Селитто. Молодой полицейский собрал пакеты и конверты с предметами, найденными на последнем месте преступления, и сунул их в один большой мешок. Деллрей с готовностью протянул руки. Бэнкс взглянул на его тонкие пальцы и швырнул мешок на стол а потом отошел в дальний угол комнаты, туда, где находились остальные полицейские. Линкольн Райм представлял сейчас как бы демилитаризованную зону между копами и федералами, а Амелия Сакс стояла, сосредоточившись, возле кровати, словно не зная, чью сторону принять.

— Офицер Сакс? — обратился к ней Деллрей.

Все еще глядя на Райма, она ответила, чуть помедлив:

— Да?

— Комиссар Экерт пожелал, чтобы вы присоединились к нам и рассказали нашим сотрудникам все, что вам известно, о местах преступлений. Он еще что-то добавил относительно вашего нового назначения. В понедельник вы приступаете к своим обязанностям.

Она кивнула.

Деллрей повернулся к Райму и заговорил уже более искренне:

— Не беспокойся. Линкольн. Мы его схватим. Первое, что ты услышишь, от нас, будет весть о том, что его голова торчит на колу у городских ворот.

Он подал знак своим людям, которые забрали мешок с вещественными доказательствами, и направился к лестнице. Уже из коридора Деллрей позвал Сакс:

— Офицер, вы идете с нами?

Она стояла, сжав кулаки, как школьница, сожалевшая о том, что пришла на вечеринку.

— Сейчас.

Деллрей зашагал вниз по ступенькам.

— Ублюдки! — выругался Бэнкс, швыряя свой блокнот на стол. — Нет, вы видели?

Сакс стояла, не шевелясь, и только покачивалась на каблуках.

— Тебе лучше пойти с ними, Амелия, — сказал Райм. — Карета уже ждет.

— Линкольн... — Она подошла к кровати.

— Все в порядке, — перебил ее криминалист. — Ты поступила так, как должна была поступить.

— Я никогда еще не занималась осмотром мест преступлений, — вдруг выпалила Сакс. — И никогда не собиралась этого делать.

— Тебе больше и не придется там бывать. Вот все и устроилось, не так ли?

Она направилась к двери, потом резко обернулась:

— А вам ведь наплевать на все в этом мире, кроме своих вещественных доказательств. Что, я не права?

Селитто и Бэнкс пошевелились, но она не обратила на них внимания.

— Послушай, Том, ты не мог бы проводить Амелию до выхода?

— Для вас это не более, чем интересная игра, — продолжала бушевать Сакс. — Вот, например, Монелл...

— Кто?

— Видите?! — ее глаза торжествующе засверкали. — Вы даже не запомнили, как ее зовут. Монелл Гергер, та девушка в тоннеле... Она же для вас была не более, чем часть загадки. По ее телу ползали крысы, а вы это объяснили очень просто: «Такова их природа». Природа? Девушка уже никогда не будет такой, как прежде, а вас интересовали в тот момент только вещественные доказательства!

— На живых жертвах, — начал монотонную лекцию Райм, — раны от укусов грызунов лишь поверхностные. Как только первый зверек напал на нее, ей все равно необходимо было сделать вакцинацию от бешенства. Так что еще несколько укусов ничего уже не меняли.

— А может быть, мы поинтересуемся *ее*мнением на этот счет? — улыбка Амелии стала зловещей, совсем как у сиделок и фельдшеров, которые ненавидят калек. Именно с таким выражением лица они обычно прохаживаются по палатам в реабилитационных центрах. Ну что ж, раз

его не устраивала вежливая Амелия, пусть полюбуется на Амелию разъяренную...

— Скажите мне честно, Райм, почему вы захотели, чтобы именно я работала с вами?

— Том, мне кажется, что Амелия Сакс начинает злоупотреблять моим гостеприимством. Ты не мог бы...

— Линкольн, — попытался угомонить хозяина помощник.

— Том! — отрезал Райм, — мне кажется, я тебя кое о чем попросил.

— Да потому что я ни черта не понимаю в вашей работе! — выпалила Сакс. — Вот почему! Вам не нужен был настоящий специалист, потому что в этом случае вы становились ненужным. А я... меня ведь можно посылать и туда, и сюда. Я буду послушно исполнять ваши приказы и при этом все молча терпеть и ни на что не жаловаться.

— Ну вот, начинается! Просто какой-то бунт на корабле, — простонал Райм и закатил глаза к потолку. — Мятеж восставших матросов.

— А я и не вхожу в состав ваших подчиненных. И никогда не стремилась к этому.

— Мне это тоже ни к чему. Так уж получилось. И вот мы теперь в постели. По крайней мере, я. — Райм знал, что сейчас его улыбка смотрится гораздо, гораздо холодней, чем Сакс могла бы себе это представить.

— Да вы просто испорченное отродье, Райм.

— Эй, офицер, вам, по-моему, пора отсюда сваливать! — взбесился Селитто.

— Да, вы не можете теперь самостоятельно осматривать места преступлений, — продолжала Сакс, словно не слыша ничего вокруг, — и я вам в этом искренне сочувствую. Но вы ведете расследование так, чтобы побаловать собственное эго, а на это я пойти уже не могу. К черту все! — Она схватила свою фуражку и пулей вылетела из комнаты.

Райм ожидал, что снизу до него донесется страшный удар двери или даже звон бьющегося стекла, но он услышал только едва уловимый щелчок, а потом все стихло.

Джерри Бэнкс взял со стола свой блокнот и принялся изучать его. Даже более внимательно, чем сейчас это было необходимо.

— Прости, Линкольн, я… — начал было Селитто, но Райм его остановил:

— Ничего страшного, — заявил он и зевнул нарочито широко, тщетно надеясь, что это хоть как-то успокоит его израненное сердце. — Абсолютно ничего.

Полицейские стояли в тишине возле наполовину опустевшего стола, не зная, что делать. Неловкое молчание нарушил Мел:

— Ну, давайте собираться, что ли.

Он поставил на стол футляр от микроскопа и начал отвинчивать от аппарата окуляр. Он делал это неторопливо, как любящий свой инструмент музыкант, бережно разбирающий саксофон.

— Послушай, Том, — обратился Райм к помощнику. — Солнце уже село. Ты знаешь, о чем мне это говорит? Бар-то уже давно открыт!

……

Огромный зал, в котором размещался оперативный пункт ФБР, оставил в душе Сакс неизгладимое впечатление. Воспоминания о спальне Райма поблекли и испарились.

Оперативный пункт занимал половину этажа всего здания. Здесь трудились три дюжины агентов, а по количеству компьютеров и электронных панелей помещение напоминало съемочную площадку фильма, поставленного по мотивам произведений Тома Клэнси. Все агенты внешне походили на адвокатов или, в крайнем случае, служащих процветающего банка. Белоснежные рубашки, строгие галстуки. На ум сразу приходили слова «свежий» и «хрустящий». Амелия Сакс невыгодно выделялась среди них в своей синей форме, перепачканной крысиной кровью, пылью и навозом, оставленным скотом, который был забит сто лет тому назад.

Она уже не тряслась, переживая свой небольшой взрыв ярости. Хотя в голове ее все еще вертелись десятки фраз, которые она хотела высказать Линкольну, но не успела, сейчас Амелия старалась сосредоточиться на том, что происходило вокруг.

Высокий агент в безупречном сером костюме совещался с Деллреем. Они стояли в стороне и что-то обсуждали: два серьезных, респектабельных человека. Сакс подумала, что это, наверное, и есть ответственный секретный агент манхэттенского филиала ФБР Томас Перкинс, хотя и не была в этом стопроцентно уверена. Патрульный офицер сталкивается с сотрудниками ФБР не чаще, чем работник химчистки или страховой

агент. Мужчина казался чрезвычайно строгим, видимо, он вообще не умел улыбаться. Деллрей что-то рассказывал ему, и тот, согласно кивая головой, время от времени посматривал на огромную карту Манхэттена, прикрепленную к стене. После того как беседа закончилась, он подошел к столу, заваленному всевозможными папками, оглядел присутствующих и заговорил:

— Мне хотелось бы на некоторое время отвлечь вас от дел. Попрошу внимания... Я только что вел телефонные переговоры с директором и генеральным прокурором. Вам всем хорошо известен подозреваемый, который совершил похищение людей из аэропорта Кеннеди. Преступление это несколько необычное. Похищение, которое не сопровождается сексуальным насилием, в очень редких случаях может свидетельствовать о серийном аспекте. Другими словами, подобное преступление — первое в таком роде, которое нам предстоит расследовать. В свете возможной связи его с конференцией ООН, проводимой на этой неделе, мы постоянно координируем наши действия со штабом в Куантико и кабинетом Генерального секретаря. Все меры, которые требуется предпринимать в данном расследовании, рекомендовано оставить на уровне профилактических и упреждающих. Это дело получает приоритет на высшем уровне.

Ответственный агент посмотрел на Деллрея, который и взял слово:

— Расследование было нам передано нью-йоркской полицией, но, тем не менее, они будут предоставлять нам помощь в виде поддержки личным составом. Сейчас перед вами выступит офицер, работавший на местах преступлений, и вкратце введет вас в курс дела. — Теперь перед аудиторией оказался совершенно другой Деллрей. Ни намека на хамство или панибратство.

— Вы обменялись расписками, когда забирали вещественные доказательства? — спросил Перкинс у Сакс. — Успели произвести опись?

— У нас и не было никакой описи, — призналась Амелия. — Мы работали только над тем, чтобы побыстрее спасти жертв.

Это обстоятельство весьма обеспокоило ответственного агента. В судах бывали случаи, когда абсолютно обвинительные дела разваливались только из-за неправильно оформленных и предоставленных вещественных доказательств. Это был самый главный пункт, за который цеплялись адвокаты преступников.

— Позаботьтесь о том, чтобы прежде чем вы уйдете отсюда все было тщательно задокументировано.

— Да, сэр.

«Как же посмотрел на меня Райм, когда понял, что это именно я нажаловалась Экерту, и в результате расследование у полиции отобрали, — размышляла Амелия. — Какой у него был взгляд!»

Моя Сакс смогла все предвидеть, моя Сакс поступила правильно…

Она снова начала теребить заусеницу на уже окровавленном пальце. «Прекрати!» — мысленно приказала она себе, продолжая терзать свою плоть. Боль сейчас даже доставляла ей удовольствие. Вот именно этого врачи никогда не могли понять.

— Агент Деллрей, — обратился к Фреду Перкинс. — Не могли бы вы объяснить всем остальным наш подход к данному расследованию?

Деллрей перевел взгляд с Перкинса на других сотрудников, и продолжал:

— В настоящий момент группы агентов контролируют возможные места нахождения террористических ячеек, а также определяют пути, по которым мы сможем добраться до жилища подозреваемого. К работе подключены *все*тайные агенты и *все*осведомители. Это значит, что мы ставим под угрозу выполнение некоторых операций, однако мы считаем, что такой риск оправдан.

Основной упор мы должны сделать на немедленное реагирование. Поэтому необходимо разделиться на группы по шесть человек, которые могут начать действовать в любой момент и в любом направлении. Вам будет оказано содействие со стороны штурмовых подразделений и спецотрядов по освобождению заложников.

— Сэр, — подала голос Сакс.

Перкинс нахмурился. Очевидно, здесь было не принято прерывать брифинг.

— В чем дело, офицер?

— Я просто хочу спросить вас, что будет с жертвой?

— С кем? С той немкой? Вы считаете, что ее необходимо еще раз опросить?

— Нет, сэр. Я имела в виду *следующую*жертву.

— Разумеется, — тут же нашелся Перкинс, — мы будем иметь в виду возможность захвата следующей жертвы.

— Он ее уже захватил, — не отступала Сакс.

— Правда? — Ответственный агент взглянул на Деллрея, но тот лишь неопределенно пожал плечами. — А откуда это вам известно? — поинтересовался он у Сакс.

— Я точно не могу сказать, сэр. Но он оставил на месте преступления «ключевые» предметы. Он бы не стал этого делать, если бы не намеревался совершить следующее убийство. Поэтому я и прихожу к выводу, что он либо уже похитил жертву, либо вот-вот сделает это.

— Мы примем это к сведению, офицер, — продолжал ответственный агент. — Мы мобилизуем все наши силы для того, чтобы этого не произошло.

— Наверное, все-таки будет более правильно сосредоточить наши усилия на поимке самого преступника, — вставил Деллрей.

— Детектив Сакс… — начал было Перкинс, но Амелия его перебила:

— Я не детектив, сэр. Я приписана к патрульной службе.

— Ну да, — Перкинс разглядывал стопки папок на столе. — Я думаю, будет неплохо, если вы введете в курс дела остальных наших сотрудников.

Тридцать агентов ждали ее выступления. Среди них и две женщины.

— Просто расскажите им то, что видели сами, — подсказал Деллрей, зажимая незажженную сигарету в своих лошадиных зубах.

Она поведала им то, как проводила осмотры мест преступлений и закончила выводами, к которым пришли Райм и Терри Добинс относительно личности подозреваемого. Большинство агентов были взволнованы необычным поведением преступника.

— Как игра в шарады, — пробормотал кто-то в зале. Один агент спросил, не несли ли «ключевые» предметы некой политической смысловой нагрузки, которую они могли бы расшифровать.

— Нет, сэр, мы считаем, что преступник никоим образом не относится к террористам, — упрямо повторила Сакс.

Перкинс счел необходимым самому обратиться к Амелии:

— Позвольте мне узнать, офицер, считаете ли вы этого преступника умным человеком?

— Даже очень умным, сэр.

— А не может ли он вести двойную игру?

— Что вы имеете в виду?

— Вы... то есть нью-йоркская полиция, полагаете, что мы имеем дело только с обыкновенным психопатом. Если быть точнее, с уголовным преступником. Но не исключено, что он именно этого и добивается, а на самом деле скрывает свою истинную цель.

— Например?

— Возьмите хотя бы эти «ключевые» предметы. Не могут ли они быть использованы просто как отвлекающий маневр?

— Нет, сэр, они явно подсказывают направление, в котором следует искать жертву, — заявила Сакс. — Мы их и находили по ним.

— Это понятно, — быстро отреагировал Томас Перкинс. — Но, поступая таким образом, он может одновременно уводить нас от своих истинных целей, верно?

— Наверное, это возможно. — Сакс даже не задумывалась раньше над такой постановкой вопроса.

— А шеф полиции Уилсон из-за этого похитителя продолжает оттягивать людей, занятых на обеспечении безопасности конференции ООН. Этот подозреваемый отвлекает на себя всеобщее внимание, развязывая тем самым себе руки для выполнения какой-то основной миссии.

Сакс подумала, что нечто подобное уже приходило ей в голову, когда она видела сегодня отряды полицейских, обшаривающих ту же Перл-стрит:

— Так он нацеливается на ООН?

— Мы так думаем, — кивнул Деллрей. — Те же люди, что стоят за неудачной попыткой взрыва здания ЮНЕСКО в Лондоне, могут попробовать взять реванш здесь.

Из этого следовало, что Райм с самого начала пошел по ложному пути. Что ж, данное обстоятельство снимало с ее души некоторую часть вины перед ним.

— Ну, а теперь, офицер, — обратился к Амелии Перкинс, — займитесь составлением описи вещественных доказательств.

Деллрей дал девушке специальный инвентарный лист, который она, пункт за пунктом, должна была заполнить. Пока она рассматривала его, вокруг кипела бурная деятельность: агенты звонили по телефонам, общались между собой, вели какие-то записи. Оторвавшись от листа. Сакс заметила:

— На последнем месте преступления мне удалось сфотографировать отпечаток пальца преступника.

Произнеся эти слова, она вдруг осознала, что в комнате повисла мертвая тишина. Она подняла голову и увидела, что глаза всех присутствующих устремлены на нее. Словно все вокруг впали в состояние шока, если, конечно, агенты ФБР могли испытывать столь глубокие чувства.

Она беспомощно взглянула на Деллрея.

— Вы обнаружили отпечаток? — переспросил он, склонив голову набок.

— Ну, да. Когда он боролся с последней жертвой, у него слетела перчатка. Поднимая ее, он оставил довольно четкий отпечаток пальца.

— Где он? — встрепенулся Деллрей.

— Господи! — воскликнул один из агентов. — Что же вы сразу не сказали?

— Ну, я...

По залу пробежал шепот.

Трясущимися пальцами Сакс принялась перебирать конверты и пакеты. Найдя нужный, она вручила фотоснимок Деллрею. Он осмотрел его и передал человеку, который, как сообразила Амелия, как раз и являлся специалистом по отпечаткам пальцев.

— Отлично, — сказал тот. — Определенно, это класс "А". Сакс знала, что отпечатки подразделяются на классы от "А" до "С". Последняя категория идентификации не подлежала. Но какое бы удовлетворение не испытывала она сама от своей способности собирать вещественные доказательства, ее гордость была растоптана их коллективным ужасом оттого, что она упустила сразу такую важную деталь.

Потом события стали разворачиваться лавинообразно. Деллрей передал снимок одному из агентов, и тот рысью помчался туда, где стояло

сложное компьютерное оборудование. Он поместил снимок в прибор, называемый «Опти-скан». Другой агент включил компьютер и принялся набирать какие-то команды. Деллрей тем временем схватился за телефонную трубку. Нетерпеливо постукивая ногой и опустив голову, он ждал, когда на его звонок ответят.

— Джинни, это Деллрей, — наконец, заговорил он. — Пускай это станет потом огромной головной болью, но я закрываю все работы по помощи северо-восточному региону, отдавая приоритет новой операции… Перкинс находится здесь, и он уже дал свое согласие. Если этого мало, я лично свяжусь с Вашингтоном… Это касается ООН.

Сакс знала, что компьютерный банк отпечатков пальцев, принадлежащий ФБР, использовался полицией всей страны. Именно к нему и собирался обратиться сейчас Деллрей.

— Просканировано, — доложил агент у компьютера. — Пересылаем.

— Сколько времени это займет?

— Десять-пятнадцать минут.

Деллрей нетерпеливо сплетал и расплетал пальцы:

— Ну, давай же, ну, пожалуйста…

Вокруг Сакс закрутился целый вихрь активности. До нее доносились обрывки разговоров, где упоминались оружие, вертолеты, наземный транспорт, антитеррористические мероприятия и тому подобное. Беспрерывно раздавались телефонные звонки, стучали клавиши компьютерных клавиатур, клацало проверяемое оружие, разворачивались городские карты.

Перкинс постоянно висел на телефоне, беседуя то ли со спецподразделениями по борьбе с терроризмом, то ли с директором, то ли с мэром. А может быть, и с самим президентом.

— А я и не знала, что этот отпечаток так важен, — призналась Сакс Деллрею.

— Такие вещи всегда важны, особенно, если имеется обширный банк данных. Раньше отпечатки снимали больше для показухи. А вот теперь и общественность, и пресса, да и сами жертвы будут знать, *на что*мы способны.

— Да вы шутите.

— Нет, ничуть. Взять хотя бы Нью-Йорк. Чтобы найти подозреваемого по отпечаткам вручную, потребуется лет пятьдесят. А компьютерная система поиска потратит на это лишь пятнадцать минут. Когда-то вероятность идентификации составляла не более двух процентов, а сейчас возросла до двадцати и более. Кстати, снимок просто бесценный! Кстати, Райм знает об этом?

— Конечно.

— И он не уцепился за него, как только увидел? Да, этот Линкольн допустил роковую ошибку.

— Послушайте, офицер, — обратился к Сакс Перкинс, прикрывая трубку ладонью, — поскорее заканчивайте опись вещественных доказательств. Их надо отправить в лабораторию. Пусть ими занимаются специалисты.

Тут Амелия вдруг вспомнила, что федералы, работающие в этой лаборатории, не раз обращались за помощью именно к Райму.

— Хорошо, я все сделаю.

— Мэллори, Кемпл, перенесите вещдоки в кабинет и снабдите нашу гостью учетными карточками. У вас есть ручка, офицер?

— Да.

Сакс последовала за агентами в небольшой кабинет, нервно щелкая по дороге кнопкой шариковой ручки. Она уселась за стол и, когда агенты принесли ей стопку карточек, раскрыла мешок с собранными уликами.

За ее спиной раздался голос, и, обернувшись, Амелия увидела Деллрея, чрезвычайно оживленного и довольного. Когда они ехали сюда в машине, кто-то, обращаясь к нему, назвал его «Хамелеоном», и теперь Сакс начала понимать, насколько агент соответствовал своей кличке.

Пританцовывая на месте, он игриво обратился к ней:

— Мы называем нашего Перкинса Большой Циклоп. Но не потому, что он смахивает на монстра, как вы могли подумать, а от слова «эн-циклоп-едия». К тому же он всегда, когда надо, лучше других знает, как следует держать вожжи. А в сложившейся ситуации это просто необходимо. — Деллрей с вожделением втянул ноздрями воздух, проведя под носом сигаретой, словно то была Бог весть какая дорогая сигара. — Кстати, офицер, а вы знаете, что вы слишком умны и привлекательны, чтобы заниматься подобной работой?

— Что вы имеете в виду?

— На кой вам сдались все эти преступления? Вам это не нужно. — Его блестящая черная физиономия с лукавыми морщинками в уголках глаз, впервые за все это время показалась Сакс вполне искренней. — Вам следует заниматься общественной деятельностью, чтобы всегда быть на виду. А на этой службе, вечно копаясь в грязи, вы и сами в нее постепенно превращаетесь.

……

Одной из последних жертв безумного насилия Джеймса Шнейдера стал молодой человек по фамилии Ортега. Он появился на Манхэттене, приехав из Мехико. Политическая обстановка на его родине (предсказываемый бунт популистов, рвущихся к власти, случился раньше, чем его ожидали) делала любой бизнес по крайней мере затруднительным. Тем не менее, предприимчивый делец прожил в городе всего неделю, и тут же таинственно исчез. Выяснилось, что в последний раз его видели в таверне в западном районе, и власти сразу заподозрили, что он стал очередной жертвой Шнейдера. Грустно, но вскоре выяснилось, что это действительно так.

Собиратель костей вот уже пятнадцать минут колесил по улицам вокруг Нью-йоркского университета. На прилегающей территории было много народу, но в основном детишки, скейтбордисты и бездельничающие во время каникул студенты. Здесь было одновременно празднично и дико. Певцы, жонглеры, акробаты… Собирателю костей внезапно вспомнились музеи, популярные в начале девятнадцатого века. Собственно, это были не музеи в современном понимании этого слова, а скорее сборище палаток, балаганов и павильонов, предлагавших всевозможные шоу, демонстрируя всяческих уродцев, фокусников и тому подобное. Тут же продавался товар на любой вкус, начиная с эротических французских открыток, кончая щепками от креста, на котором был распят Иисус.

Несколько раз собиратель костей притормаживал, но услугами его такси никто так и не воспользовался: либо из-за нежелания, либо из-за нехватки денег.

Шнейдер привязал каменные блоки к ногам сеньора Ортеги и сбросил его под пирс на реке Гудзон, чтобы грязная вода и рыбы могли уничтожить его тело до самых костей. Труп был обнаружен через две недели, и мы так и не знаем, была ли жива несчастная жертва в тот момент, когда ее кидали в воду. Хотя есть все основания полагать, что все происходило именно так. Шнейдер жестоко укоротил веревку таким образом, чтобы лицо сеньора Ортеги находилось лишь в нескольких дюймах от поверхности воды. Без сомнения, несчастный изо всех сил пытался добраться до нее и до последнего момента

созерцал близкую, но недостижимую границу, отделявшую его от вольного воздуха.

На глаза собирателю костей попался болезненного вида молодой человек, стоявший у поворота. «Возможно, у тебя и СПИД, — подумал убийца, — но кости-то здоровы. К тому же, вон как они рельефно выступают под кожей. Твои кости вечны...» Однако юноше такси тоже не понадобилось, и собиратель костей еще долго с вожделением поглядывал на худощавое тело в зеркало заднего обзора.

Собиратель костей так увлекся, что едва успел объехать пожилого мужчину, неожиданно оказавшегося прямо перед машиной и отчаянно голосовавшего длинной тощей рукой. Человек отпрыгнул в сторону, а такси резко затормозило рядом с ним.

Мужчина открыл заднюю дверь и нагнулся:

— Смотреть надо, куда едешь, — бросил он, но это прозвучало скорее как нравоучение, а не как злобное порицание.

— Простите, — с самым сокрушенным видом извинился убийца.

Пожилой мужчина еще некоторое время колебался, но, поскольку других такси на улице не было, сел наконец в машину.

Дверца захлопнулась.

«Старый и худой, — пронеслось в голове преступника. — Кожа, небось, будет слезать с костей, как шелковый чулок».

— Итак, куда прикажете? — обратился он к пассажиру.

— В восточную часть.

— Понял, — сказал водитель и, натянув на лицо лыжную маску, крутанул руль и погнал машину на запад.

Часть третья

Дочь копа

Переворот, переворот, переворот!

Таков принцип Нью-Йорка... Даже кости наших предков не остаются здесь в покое более четверти века. Новое поколение людей с усердием уничтожает останки своих предшественников.

Из дневника Филипа Хоуна, мэра Нью-Йорка, 1845 г.

Глава восемнадцатая

Суббота, 10 часов 15 минут вечера — воскресенье, 5 часов 30 минут утра.

— Плесни-ка мне еще, Лон.

Райм пил через соломинку, Селитто предпочитал отхлебывать прямо из стакана. Оба решили сегодня ничем не разбавлять крепкие напитки. Детектив развалился на старом плетеном стуле, и Райму через некоторое время начало казаться, что тот очень похож на Питера Лорре из «Касабланки».

Терри Добинс ушел, но перед этим успел выдать несколько психологических предположений о патологической самовлюбленности некоторых федеральных агентов. Джерри Бэнкс покинул их вскоре после визита Деллрея, а Мел Купер продолжал кропотливо разбирать и упаковывать свое драгоценное оборудование.

— Великолепный напиток, — отметил Селитто, отпив еще глоток «скотча». — Господи, я себе не могу позволить такую роскошь. Сколько же ему лет?

— Именно этому, как я полагаю, двадцать. Детектив с уважением посмотрел на золотисто-коричневую жидкость:

— Да, женщина в таком возрасте тоже считается вполне созревшей и способна доставить настоящее удовольствие.

— Скажи мне лучше вот что, Лон. Я насчет Поллинга. Что означает этот его приступ ярости?

— Наш маленький Джимми? — Селитто рассмеялся. — У него сейчас неприятности. Ведь это он первым посоветовал вывести Перетти из расследования и ничего не доложил в ФБР. Он сам поставил себя в такое трудное положение. И потом, ведь это он настоял, чтобы тебя подключили к ведению дела. В общем, шумиха стояла порядочная. И не конкретно относительно тебя. Просто участие гражданского лица в таком ответственном расследовании вообще трудно себе представить.

— Так, значит, это Поллинг просил за меня, а я почему-то считал, что шеф.

— Да, но первым ему эту идею подсказал именно Поллинг. Он сразу тебя вспомнил, как только просочились новости о том, что на месте

преступления найдены не совсем обычные вещественные доказательства.

— И Джим захотел, чтобы я стал консультантом?

«Как странно, — подумал Райм, — ведь мы с ним не виделись и не поддерживали никаких отношений вот уже несколько лет». С того самого рокового дня, когда Райм получил травму. Но как раз тогда дело вел Поллинг, и именно он поймал Дэна Шепарда.

— Ты, похоже, удивлен, — заметил Селитто.

— Еще бы. Мы никогда не питали особо теплых чувств друг к другу. По крайней мере, раньше.

— А в чем дело?

— Я в свое время послал на него жалобу, — признался Райм. — Это было лет шесть, а может, и все семь назад, когда Джим еще ходил в звании лейтенанта. Я застал его как-то с подозреваемым, которого он допрашивал прямо на месте преступления. Я взорвался. Еще бы! Он ведь портил своим присутствием все следы. Разумеется, мне пришлось доложить об этом. И уже позднее, когда случилось так, что он стрелял в невооруженного подозреваемого, ему и это дельце припомнили.

— Ну, я думаю, такие мелочи уже давно забыты и прощены. Это я могу сказать наверняка. Знаешь, как он старался, чтобы тебя подключили к расследованию!

— Лон, ты не мог бы сделать одолжение и набрать мне один номер?

— С удовольствием.

— Нет, — возразил вездесущий Том и мгновенно отобрал у детектива телефон. — Пусть он привыкает набирать сам.

— У меня нет на это времени, — закапризничал Райм. — Я так и не понял, как функционирует эта штуковина. — Он указал движением глаз в сторону хитроумного приспособления с джойстиком.

— Но вы даже и не пытались научиться. А это большая разница. Кому вы хотите позвонить?

— Бергеру.

— Нет, не надо, — попытался отговорить хозяина Том. — Уже поздно.

— Спасибо за напоминание, но в последнее время я только и делаю, что смотрю на часы, — холодно ответил Райм. — Позвони ему. Он остановился в отеле «Плаза».

— Нет.

— Я прошу тебя позвонить.

— Вот, пожалуйста. — Том положил листок с записанным номером на дальний конец стола, но Райм все же ухитрился прочитать его. Бог, конечно, отнял многие способности Линкольна Райма, но сохранил ему остроту зрения двадцатилетнего юноши. При помощи джойстика, переводя рычажок на различные цифры щекой, он набрал нужный номер. Все оказалось не так сложно, как он предполагал, но теперь Райм нарочно сделал процесс довольно длительным, и еще умудрился надоесть присутствующим своим нытьем. Том рассердился, но ничего не сказал и, гордо подняв голову, удалился на первый этаж.

Бергера в номере не оказалось, и Райму пришлось оставить сбою затею. Теперь он бесился оттого, что ему никак нельзя было со злостью швырнуть трубку на рычаг.

— У тебя какие-то проблемы? — встрепенулся Селитто.

— Нет, — прорычал Линкольн.

«Куда он исчез? — раздражительно думал Райм. — Уж в такое время мог бы и посидеть в гостинице». Сейчас Райма охватило давно забытое чувство ревности. Как же так? Его личный доктор смерти отправился помогать умирать кому-то другому!

Неожиданно Селитто рассмеялся. Райм посмотрел на приятеля. Тот заедал виски шоколадом, откусывая прямо от плитки. Он совсем забыл, что Лон придерживался диеты, когда они работали вместе, и питался исключительно полуфабрикатами.

— Я вот что хотел рассказать, — немного успокоившись, начал он. — У нас работал такой Бенни Понцо, помнишь?

— А как же, в отделе борьбы с организованной преступностью. Только это было, кажется, двенадцать лет назад.

— Да.

Райму нравилось занятие Бенни. Преступники там всегда профессионалы, а места преступлений особенно будоражили кровь.

Кроме того, сами жертвы очень редко оказывались невинными овечками.

— Вы о ком говорите? — подал голос Мел Купер.

— Вспомнили одного боевого товарища, — откликнулся Селитто. — Помнишь, когда он требовал бутерброд, ну, хотя бы с конфеткой?

Райм кивнул и тоже засмеялся.

— Что же это за история такая веселая? — заинтересовался Купер.

— Ну, хорошо, — начал Селитто. — Представь: мы с Раймом и еще двумя парнями работали в центральных кассах по продаже железнодорожных и авиабилетов. А Бенни, этакий здоровяк, вдруг уселся на скамейку, скорчился и начал ощупывать свой живот. Неожиданно он застонал: «Я голоден. Я так голоден! Мне сейчас хотя бы бутербродик с конфетой». Мы переглянулись, и я спросил: «А что это такое?». Он посмотрел на меня так, будто я с луны свалился, и заявил: «Ты что, вообще ничего не понимаешь? Берется шоколадка „Херши“, кладется между двумя батонами хлеба и съедается. Только и всего!»

Все снова рассмеялись. Селитто протянул шоколад Куперу, но тот замотал головой, потом Райму. Линкольн вдруг почувствовал непреодолимое желание откусить хотя бы немножко. Вот уже год, как он не притрагивался к шоколаду. Он старался избегать подобных продуктов: сахара, пирожных, конфет. Эта еда доставляла ему немало проблем. Такие мелочи, над которыми никогда не задумывается здоровый человек, для инвалида становятся тяжким бременем и здорово изматывают. Ну, хорошо, допустим, вы не в состоянии нырять с аквалангом или покорять вершины Альп. Ну и что из этого? Многие не могут себе это позволить. Но зато все чистят зубы. Ходят к дантистам, ставят пломбы, ездят на электричках домой. А когда никто не смотрит, то любой человек может запросто выковырять пальцем застрявший в зубах орешек.

Любой, но только не Линкольн Райм.

Он тоже отрицательно замотал головой и надолго приник к своей соломинке. Его глаза снова скользнули на экран компьютера. Он вспомнил, что начал писать прощальное письмо Блэйн, когда этим утром Селитто и Бэнкс ворвались сюда, в спальню, и нарушили его покой. Кроме того, ему надо было написать еще несколько писем.

Одно из них он уже долгое время откладывал в долгий ящик. Оно адресовалось Питеру Тейлору, специалисту по травмам позвоночника.

Большей частью они с ним разговаривали не о нынешнем состоянии здоровья Райма, а о смерти. Доктор был ярым противником эвтаназии. Сейчас Райм почувствовал, что просто обязан написать ему объяснительное письмо с изложением всех причин, по которым он все же решил достичь своей цели и совершить самоубийство.

А как насчет Амелии Сакс?

Дочь Копа тоже, разумеется, получит записку. Так решил Райм.

Калеки обладают благородным сердцем, калеки добры, калеки имеют железную волю...

Да ничем они не обладают. Просто они умеют прощать.

Дорогая Амелия! Моя дорогая Амелия! Дорогой офицер Сакс!

Ввиду того, что я в течение некоторого времени имел удовольствие работать с вами вместе, хочу воспользоваться случаем и поставить вас в известность о следующем. Хотя я и считаю вас предательницей и Иудой, я вас прощаю. Более того, я желаю вам всего наилучшего в вашей будущей карьере. Пусть вам сопутствует успех в нелегком деле целования репортерских задниц...

......

— А что ты знаешь о Сакс, Лон?

— По-моему, все, кроме того, что у нее, оказывается, взбалмошный и несносный характер. Вот это мне было неведомо.

— Она замужем?

— Нет. Правда, у нее такое личико и фигурка, что, конечно, можно было бы представить, что в таком возрасте ей уже давно пора обзавестись семьей. Какой-нибудь симпатичный парень уже приметил бы ее. Но она даже ни с кем не встречается. Мы только слышали, что несколько лет назад у нее был то ли приятель, то ли жених, но она никогда об этом не распространяется. — Он заговорил тише. — Ходят слухи, что она лесбиянка. Но я утверждать ничего не буду. Что касается моей личной жизни, то я «снимаю» себе женщину вечером в субботу в прачечной самообслуживания. Между прочим, очень оригинальное место и никогда не подводит. Так что я не жалуюсь.

Тебе придется научиться забывать мертвых...

Райм вспомнил выражение ее лица в тот момент, когда он произнес эту фразу. Что бы это могло значить? Потом он рассердился на себя за то, что слишком уж много времени думает об этой женщине. И снова занялся соломинкой.

Зазвенел звонок у входной двери. Райм и Селитто одновременно повернули головы в сторону лестницы. Вскоре раздался топот ног, и в спальне возник высокий молодой человек в брюках для верховой езды и синем шлеме, работавший, как было видно из его внешнего вида, в элитном отряде нью-йоркской конной полиции. Он протянул Селитто здоровенный конверт и сразу же удалился.

Детектив вскрыл сверток:

— Посмотри-ка, что нам принесли.

С этими словами он высыпал содержимое на стол. Три или четыре дюжины пластиковых пакетов с этикетками для вещественных доказательств равномерно рассыпались по поверхности. Райм посмотрел на них с отвращением. Каждый пакет содержал кусочек целлофана с упаковки от телятины, за которыми Линкольн посылал по магазинам сотрудников полиции.

К конверту прилагалась записка от Хауманна:

«Кому: Линкольну Райму, Лону Селитто. От кого: Боу Хауманн, ОНРВС».

— А это еще что за сокращение? — удивился Купер. В полиции приняты бесконечные аббревиатуры даже для слов, казалось бы, вполне обычных. Например, СМП — средство мобильного патрулирования, то есть автомобиль, ИВУ — импровизированное взрывное устройство, то есть бомба. Однако ОНРВС раньше не попадалось на глаза ни Райму, ни Селитто. Они только дружно пожали плечами.

Селитто продолжал читать, и вдруг рассмеялся:

— Отдел Немедленного Реагирования по Вопросам Супермаркетов. Относительно телячьих ножек. Поиски, проведенные на территории города, выявили сорок шесть субъектов, которые были задержаны и нейтрализованы с минимальной затратой сил. Им были зачитаны их права, после чего они были направлены на кухню к матери офицера Джанкарло. После завершения допроса половина подозреваемых будет переправлена в ваше распоряжение. Разогревать в духовке при температуре 350 градусов в течение тридцати минут... "

Райм расхохотался и потянул через соломинку виски, смакуя вкус напитка. Этого аромата хорошего скотча ему будет не хватать. (Хотя в мире бесчувственного сна как может чего-то не хватать? Это как с вещественными доказательствами: уберите преступление, и все эти предметы перестанут что-либо значить. Вы остаетесь в вечности, а там царит безопасность.)

Купер поднял несколько образцов целлофана:

— Сорок шесть вариантов. Из каждого выбранного магазина. Райм взглянул на стол. Шансы для идентификации упаковки были велики. Индивидуализировать пакет, может быть, и не удастся. Крошечная частица случайно прилипшего кусочка упаковки вряд ли полностью совпадет с этими образцами. Но, тем не мене, так как фирменные магазины закупают один и тот же целлофан для своей продукции, изучив их, можно будет сузить географию поиска жилища подозреваемого. Может быть, стоит позвонить в лабораторию ФБР и пояснить им, что...

Нет-нет, не стоит. Ведь теперь этим делом занимаются они.

— Сложи их и отправь нашим братьям-федералам, — скомандовал Райм Куперу.

Линкольн решил выключить компьютер, но его иногда непослушный палец попал по соседней с нужной кнопке, и тут же визгом отозвались динамики, которые случайно оказались теперь в режиме функционирования.

— Вот дерьмо! — выругался Линкольн. — Терпеть не могу эту аппаратуру!

Обеспокоенный внезапным приступом злобы Райма, Селитто взглянул на стакан виски и заметил:

— Что за ерунда, Линк? Такой превосходный скотч должен был сделать из тебя добряка.

— Могу вас обрадовать, — кисло усмехнулся Том. — Сейчас он как раз и находится в великолепном расположении духа.

......

Он остановил машину возле огромной водосточной трубы.

Выйдя из такси, он почувствовал знакомое зловоние воды, илистой и зеленоватой. Они находились возле тупика, ведущего к концу сточной

трубы, пролегающей от западного шоссе к реке Гудзон. Здесь было пустынно, и никто их не видел.

Собиратель костей подошел к задней части машины, наслаждаясь видом захваченного пленника. Такое же удовольствие он испытывал, разглядывая девушку, прикованную к паровой трубе. И торчащую из-под земли извивающуюся руку, возле железнодорожной насыпи сегодняшним утром.

Преступник уставился в испуганные глаза жертвы. Он был гораздо более худым, чем казалась на первый взгляд. И намного старше предыдущих. Всклокоченные седые волосы торчали в разные стороны.

Стар в плоти, но молод в кости…

Мужчина при его приближении весь сжался, оборонительно выставив перед собой худые руки.

Открыв дверь, собиратель костей уперся стволом пистолета в его тощую грудь.

— Пожалуйста, — прошептал пленник дрожащим голосом, — денег у меня немного, но я отдам их все. Мы можем найти ближайший банкомат, и я…

— Выходи.

— Пожалуйста, не причиняйте мне вреда.

Собиратель костей мотнул головой, приказывая выйти. Хилый старик затравленно оглянулся и выбрался из такси. Он стоял возле машины, облокотясь на нее и умоляюще сложив руки перед грудью. Несмотря на жаркую погоду, его всего трясло.

— Зачем вы это делаете?

Преступник отступил назад, вытаскивая из кармана наручники. Из-за толстых перчаток, движения его пальцев были неловкими. Пока он возился с ними, ему показалось, что его глаза заметили мачты нескольких мелких судов, снующих по Гудзону. Здесь их было куда меньше, чем в восточной части, где постоянно мельтешило множество парусников и яхт, идущих из Монтгомери к северным причалам. Приглядевшись, мужчина понял, что ошибся. Перед ним была не яхта, а небольшой катер, на палубе которого балдела компания яппи.

Когда он шагнул вперед, держа наготове наручники, похищенный схватил его за рубашку:

— Пожалуйста... Я ехал в больницу. Поэтому я вас и остановил. У меня боли в груди.

— Заткнись.

Неожиданно старик протянул свои покрытые некротическими пятнами руки и вцепился похитителю в горло, все сильнее и сильнее сжимая пальцы. Резкая боль обожгла шею преступника в тех местах, куда впились желтые ногти жертвы. Взбешенный собиратель костей, вырвавшись, грубо сковал похищенного наручниками.

Залепив ему рот куском липкой ленты, он потащил старика по набережной к тому месту, где заканчивался трубопровод диаметром в четыре фута. Тут он остановился и еще раз оглядел свою жертву.

«Тебя будет легко разобрать на косточки», — подумал убийца.

Кость... Как приятно трогать ее... слышать этот звук...

Он взял кисть старика, словно взвешивая ее, и глаза похищенного наполнились ужасом, а губы затряслись. Собиратель костей принялся с наслаждением поглаживать пальцы жертвы, тщательно ощупывая фаланги. (Ему ужасно хотелось избавить от перчаток, но он не осмелился этого сделать.) Затем он приложил ладонь старика к своему уху.

— Что вы собираетесь...

Убийца обхватил его мизинец и принялся отгибать его. Он продолжал это до тех пор, пока до его слуха не донесся звонкий щелчок сломавшейся хрупкой кости. По лицу преступника разлилось удовлетворение. Старик сдавленно закричал и повалился на землю, потеряв сознание.

Приведя его в чувство, убийца вновь поставил жертву на ноги и потащил вперед, к трубе.

Вскоре они оказались под полусгнившим причалом. Место выглядело зловещим и отвратительным из-за обилия разложившихся трупов утонувших животных, дохлой рыбы и массы гниющих водорослей. Целый вал такой же морской травы медленно поднимался и опускался на волнах, издавая причмокивающие, словно похотливые губы жирного сластолюбца, звуки. Несмотря на жару, царившую во всем городе, здесь было сыро и холодно, как в марте.

Сеньор Ортега...

Собиратель костей затащил свою жертву в воду и приковал к одной из свай причала, до отказа защелкнув браслеты наручников. Посеревшее лицо пленника оказалось в трех футах над поверхностью воды. Аккуратно ступая по скользким камням, убийца добрался до жерла трубы. Здесь он остановился и обернулся, чтобы наблюдать, наблюдать, наблюдать...Ему было наплевать, что полиция умудрилась все-таки найти предыдущие жертвы. И Ханну, и ту женщину из аэропорта. Этого старика они не обнаружат вовремя. Да и вообще вряд ли они его найдут. Поэтому через месяц-другой он наведается сюда, чтобы посмотреть, как река и рыбы обойдутся с телом.

Выбравшись на гравийную насыпь, собиратель костей стянул с лица шапочку и оставил неподалеку от машины несколько предметов, которые указывали бы на следующее место преступления. Злясь на полицейских, в этот раз он спрятал оставленное более тщательно. В этот раз среди предметов оказался сюрприз, который собиратель костей давно хотел подложить копам. Потом он вернулся в машину.

Задувал легкий бриз, приносящий с реки кисловатый затхлый запах. Слышался шелест травы и отдаленный гул городского транспорта.

Шипящее шуршание шин по асфальту напоминало звук наждачной шкурки, полирующей кость.

Преступник, выехав на набережную, остановил такси и, открыв дверь, прислушался к отдаленному шуму, глядя, склонив голову, на мириады огоньков зданий, напоминавших вытянутую ветвь отдаленной галактики. Мимо него по дорожке трусцой пробежала женщина, едва не наткнувшись на его машину.

Худощавая брюнетка, в пурпурных шортах и такой же майке, увернувшись от столкновения с капотом, остановилась, вытирая со лба пот. Женщина находилась в прекрасной форме: стройное, поджарое тело, тренированные мышцы, но красотой она похвастаться не могла. У нее было невыразительное лицо с крючковатым носом и широким ртом, а кожа покрыта какими-то пятнами.

Но зато под кожей...

— Здесь нельзя... здесь нельзя парковаться! Это дорожка специально для бега...

Женщина не успела договорить, и в глазах ее появилось выражение страха, когда она перевела взгляд с лица водителя на лежащую рядом с ним маску с прорезями для глаз.

Бегунья поняла, кто он такой. Вытянув шею, она вымученно улыбнулась, отчего под кожей резко обозначились ключицы.

Она чуть напрягла правую ногу, готовая сорваться с места, но собиратель костей опередил ее. Выскочив из машины, он выпрямился и, не давая женщине опомниться, ударил ее. Та было вскрикнула, но его локоть вонзился ей в висок. Раздался звук, словно кто-то защелкнул ремень безопасности, и женщина повалилась на землю.

Собиратель костей, растерявшись, опустился перед ней на колени и осторожно приподнял ее голову, застонав при этом:

— Нет, нет...

Он проклинал себя за то, что удар оказался чересчур силен и мог повредить самому ценному. Ведь за этим неприятным лицом мог скрываться восхитительный череп.

......

Амелия Сакс расправилась с очередной карточкой и решила немного передохнуть. Она отыскала в коридоре торговый автомат, в котором приобрела пластиковый стаканчик отвратительного черного кофе. Затем она вернулась в кабинет без окон и тоскливо принялась оглядывать собранные ею вещественные доказательства. Ей сразу вспомнились все невзгоды и кошмары, которые пришлось перенести, собирая эти драгоценные предметы. Постоянная боль в суставах, вид похороненного заживо человека с торчащей из могилы окровавленной рукой, затем свисающий с трубы труп Ти-Джей Колфакс. До сегодняшнего дня само понятие «вещественное доказательство» практически ничего для нее не значило. Это скучные лекции весенними днями в академии. Это постоянные математические расчеты, какие-то графики и диаграммы. Короче говоря, наука. Для Амелии это было равносильно страданиям.

Нет, с самого начала Сакс собиралась стать окружным полицейским. Иметь свой участок, обходить его, бороться с местными наркоманами и знать каждого пьянчужку. Распространять уважение к закону. Одним словом, работать так, как ее отец. Или насильно заставлять соблюдать все правила и предписания, как это делал Ник Карелли, ветеран с пятилетним стажем, всегда улыбающийся и будто спрашивавший прохожих: «У вас проблемы, ребята?»

Именно так она и представляла себе свою будущую работу. Взгляд Амелии упал на высохший буроватый лист, обнаруженный в тоннеле скотного двора. Один из «ключевых» предметов, который им оставил подозреваемый номер 823. И еще трусы. Ей почему-то вспомнилось, что

фэбэровцы перехватили все это прежде, чем Купер закончил анализ на... как же называется эта хитрая машина? Хроматограф, кажется. Интересно все же, чем пропитана ткань?

Но все эти размышления неизменно приводили ее к Линкольну Райму, а вот о нем-то как раз ей сейчас меньше всего хотелось думать.

Она вздохнула и продолжила свое скучное занятие. На каждой карточке имелись графы, куда должны были вписываться фамилии должностных лиц, отвечающих за сохранность данного предмета, начиная от его находки и до суда. Сакс несколько раз приходилось перевозить вещдоки, и ее фамилия уже фигурировала в таких карточках. Но впервые запись А. Сакс 5885 появилась в самой верхней строчке этой графы.

Она снова приподняла со стола пакет с листом.

Наверняка он тоже трогал его. *Он.*Человек, который убил Ти-Джей Колфакс. Который держал пухлую руку Монелл Гергер и резал ее до самой кости. И теперь он искал новую жертву, прямо сейчас. Если, конечно, уже не нашел.

Тот негодяй, похоронивший заживо мужчину, молящего его о пощаде. Он так и не смилостивился над своей жертвой.

Амелия вспомнила Принцип Локара. Люди, входящие в контакт, обязательно при этом должны чем-то обменяться. В большинстве случаев они, наверное, и сами этого не знают.

Может быть, и на этот лист попало что-то от подозреваемого номер 823? Что это: клетка кожи или капля пота? Эта мысль почему-то напугала ее. Амелия почувствовала непонятное возбуждение, как будто убийца находился где-то рядом, чуть ли не в этой душной комнате рядом с ней.

И снова карточки.

Минут десять она вносила записи и уже заканчивала оформлять последнюю, как дверь сзади нее неожиданно распахнулась. Амелия вздрогнула и резко повернулась.

В кабинет шагнул Деллрей. Сейчас он был без пиджака, в помятой, но накрахмаленной рубашке. Его пальцы нервно хватались за сигарету, спрятанную за ухом.

— Я буквально на минуточку, офицер. Сейчас все решится, и я подумал, что вам будет интересно узнать результаты.

Сакс последовала за ним по короткому коридору, чуть-чуть позади, не поспевая за этим долговязым джентльменом.

— Сейчас мы получим ответ из банка данных, — пояснил Фред.

В оперативном пункте стоял шум. Агенты поснимали пиджаки и копошились над своими столами. Сейчас у каждого из них было видно оружие: в основном пистолеты-пулеметы «Сиг-Соер» калибра 10 миллиметров и автоматические винтовки «Смит-Вессон» калибра 0,45. С полдюжины сотрудников толпились возле компьютера, соединенного со сканнером.

Хотя Сакс не понравилось, в какой жестокой и несправедливой форме дело было отобрано у полиции и передано ФБР, она не могла не признать, что Деллрей был отличным агентом. Даже несмотря на свой заносчивый характер и нарочито развязный стиль поведения. К нему подходили за советами и молодые, и опытные сотрудники. Он всех внимательно выслушивал и каждому старался всячески помочь. Иногда Деллрей срывался с места, подбегал к телефону и, хватая трубку, то нахваливал невидимого собеседника, то, напротив, разносил его в пух и прах, но каждый раз добивался того, из-за чего звонил. Время от времени он осматривал гудящую комнату и вдруг громовым голосом произносил:

— Ну что, ребята, прищучим мы этого хмыря? А как же!

И во всех взглядах, обращенных на него, читалось: «Уж если кто и поймает эту скотину, то непременно ты, Деллрей».

— Внимание, идет ответ! — сообщил агент у компьютера.

— Мне нужны свободные линии в Нью-Йорке, Джерси, Коннектикуте. Оповестите все службы, связанные с нами, когда мы получим подтверждение идентификации.

Агенты, к которым относились эти распоряжения, принялись набирать номера на телефонах.

Наконец, на экране компьютера засветилось изображение.

Амелия не поверила своим глазам, когда увидела, что в этот момент Деллрей скрестил свои липкие потные пальцы на удачу.

В комнате повисла напряженная тишина.

— Есть! Нашли! — радостно сообщил агент.

— Все. Теперь никаких подозреваемых нет, — пропел Деллрей, склоняясь у экрана. — Слушайте меня внимательно, ребятишки. У нас есть имя и фамилия. Итак, Виктор Пьетрс. Родился здесь, в 1948 году. Родители из Белграда. Значит, прослеживается связь с Сербией. А отпечатки хранились в архиве из-за его преступного прошлого. Наркотики, уличные нападения, одно со смертельным исходом. Два раза был осужден. И вот еще, слушайте: состоит на учете у психиатра. Три раза проходил лечение в психиатрических клиниках в Беллвью и Манхэттенской. Три года находится на свободе. Живет в районе Вашингтон Хайте. Кто у нас занимается телефонными компаниями?

Несколько агентов подняли вверх руки.

— Начинайте работу.

Потянулись бесконечные пять минут.

— Здесь нет. В телефонной книге Нью-Йорка его нет.

— В Джерси тоже нет, — выкрикнул другой агент.

— Ответ отрицательный. Коннектикут.

— Черт! — выругался Деллрей. — Поменяйте буквы местами. Попробуйте вариации фамилии. Да, и не забудьте глянуть, нет ли его в числе тех абонентов, которых отключили от сети за неуплату в последние годы.

В течение нескольких минут голоса в комнате то затихали, то снова начинали неустанно гудеть, как волны во время прилива.

Деллрей нервно расхаживал взад-вперед, и Сакс начинала догадываться, почему он такой костлявый.

Неожиданно в зале прогремел победный крик:

— Нашел!

Все лица повернулись на этот радостный вопль. — Его обнаружила транспортная служба Нью-Йорка. Сейчас они пересылают мне ответ... Он работает таксистом. Имеет лицензию.

— Меня это даже не удивляет, — пробормотал Деллрей. — Почему я сразу об этом не подумал? Ну, и где же находится его гнездышко?

— Это в Морнингсайд Хайтс. В одном квартале от реки. — Агент быстро записал домашний адрес Виктора и вручил его Деллрею. — Я знаю эту

местность. Там пустынно. А по улицам толпы наркоманов разгуливают. Жуткий райончик.

Другой агент ввел адрес в свой компьютер, и тот уже через несколько секунд выдал информацию:

— Частная собственность банка. Кстати, известного. Дом сдается в аренду. Значит, он снимает этот особняк.

— Что-нибудь нужно еще узнать? — поинтересовался какой-то агент. — Я на линии с Куантико.

— Не надо, у нас нет времени, — объявил Деллрей. — Нам нужен оперативный отряд. Будем брать его.

— А что же будет со следующей жертвой? — спросила Сакс.

— С какой еще жертвой?

— Ну, он наверняка уже кого-то схватил. Он знает, что у нас есть «ключевые» предметы, а уже прошло достаточно времени. И жертва сейчас должна находиться там, где он ее спрятал.

— Сегодня не было никаких сведений о пропавших людях, — отмахнулся Деллрей. — А если он кого-то и схватил, то, скорее всего, держит в своем доме.

— Не думаю.

— Почему нет?

— Тогда на жертве останется очень много следов, ведущих непосредственно к нему, — быстро ответила Амелия. — К тому же Линкольн говорил, что у него достаточно безопасное жилище.

— Ну, тогда поступим вот как. Мы его сейчас схватим и сразу спросим, куда он дел жертву.

— Да, уж в этом деле мы профессионалы, — подхватил какой-то агент.

— Ну что ж, двинулись, — позвал остальных Деллрей. — Ребята, давайте поблагодарим офицера Амелию Сакс. Это она обнаружила тот самый отпечаток и сделала с него снимок.

Девушка покраснела, почувствовала это и внутренне проклинала себя за такую реакцию. Но ничего поделать не могла. Амелия уставилась вниз, рассматривая какие-то странные полоски на своих туфлях.

Прищурившись, она поняла, что до сих пор не сняла резиновые ленты, которые остались на обуви еще с места преступления.

Когда она снова подняла глаза, то увидела перед собой целый отряд серьезных федеральных агентов, навешивающих на себя оружие и торопящихся к выходу. Проходя мимо нее, каждый из них бросал на нее взгляд. «Именно так, — подумала она, — наверное, лесорубы смотрят на бревна».

Глава девятнадцатая

В 1911 году на наш прекрасный город обрушилось несчастье, неслыханное по своим, маситабам.

25 марта сотни прилежных молодых женщин усердно трудились на швейной фабрике, которых так много в стране и которые славятся своей потогонной системой. Предприятие располагалось в деловой части города, а точнее в Гринвич-Виллидж.

Владельцы компании настолько увлеклись получением прибыли, что совершенно забыли о насущных потребностях работниц — молодых девушек, которые трудились и жили даже хуже, чем рабы. Хозяева считали, что швеям и закройщицам не обязательно посещать туалетную комнату в течение дня, поэтому цеха запирались снаружи на замки.

Собиратель костей возвращался к себе домой. Попавшуюся по дороге полицейскую машину он вниманием не удостоил, да и копы, сидевшие в ней, не узнали бы его в человеке, смотревшем перед собой прямо и уверенно.

В тот день, о котором мы упомянули, на фабрике вспыхнул пожар. Он начался на восьмом этаже, и пламя вскоре охватило все здание. Работницы, конечно, пытались спастись, но ввиду того, что двери, как обычно, были заперты, сделать этого им не удалось. Многие погибли прямо на рабочих местах, а некоторые, не выдержав натиска огня, выбрасывались из окон со стофутовой высоты и разбивались о булыжную мостовую.

Число погибших при пожаре на фабрике «Трайангл Шертуэйст» достигло 146 человек. Однако полиция оказалась в тупике, когда при расследовании выяснилось, что среди жертв не найдено тело некоей Эстер Вайнрауб. Между тем очевидцы утверждали, что она была в числе тех, кто выпрыгнул из охваченного пламенем, восьмого этажа здания. Никто из девушек, чьему примеру она последовала, в живыхпри падении не остался. Неужели свершилось чудо, и она

выжила? Когда все тела погибших разложили на улице, чтобы родственники смогли провести опознание своих близких, мисс Вайнрауб среди трупов не оказалось.

Затем в округе начали распространяться слухи о каком-то упыре. Мол, кто-то видел, как некто неизвестный увозил от места пожара на тележке какой-то большой мешок. Полицейских настолько взбесила мысль о том, что таинственный человек похитил тело жертвы, с целью надругаться над ним, что они начали крупномасштабные поиски.

Через несколько недель их героические усилия были вознаграждены.. Двое жителей Гринвич-Виллидж сообщили, что видели человека, скрывшегося с места пожара и несшего на плече что-то похожее на свернутый ковер. Полицейские продолжили поиски в указанном направлении и, оказавшись в западном районе, приступили к опросу местных обывателей. Вскоре выяснилось, что интересующий их мужчина по описанию оказался похожим на Джеймса Шнейдера, который пока оставался на свободе.

Круг поисков сузился до ветхого особняка, стоящего в одном из глухих переулков Адовой Кухни, недалеко от скотных дворов на 60-й улице. Когда полицейские проникли в переулок, их встретила отвратительная вонь…

Теперь он проезжал мимо того места, где когда-то высился корпус швейной фабрики. Возможно, собиратель костей очутился здесь подсознательно. Здание было давно снесено, и сейчас участок, который оно когда-то занимало, отошел к территории университета. *Тогда и сейчас…*Собиратель костей не удивился бы, если бы сейчас вокруг него начали падать охваченные дымом и искрами, молодые девушки, своими белыми блузками напоминающие снежинки.

Когда представители закона ворвались в логово Шнейдера, их ожидало такое зрелище, что даже у самых мужественных людей кровь застыла в жилах. Тело несчастной Эстер Вайнрауб (вернее, то, что от него осталось) они обнаружили в подвале. Над ним склонился сам Шнейдер и, довершая работу огня, очищал кости девушки от плоти методами столь ужасными, что мы не беремся их здесь приводить.

Тщательный обыск всего помещения обнаружил потайную комнату рядом с подвалом, доверху забитую человеческими костями, полностью очищенными и отполированными.

Под кроватью Шнейдера один из полицейских нашел дневник, в котором этот монстр запечатлел всю историю сотворенного им зла. «Кость, — писал Шнейдер, — это основа человеческого существа. Она не изменяется, не лжет, не уступает. Как только бренная оболочка именуемая плотью исчезает вместе со всеми недостатками, присущими низшим расам и слабому полу, все мы становимся благородной костью. Кости не лгут. Они бессмертны».

Далее безумные записи маньяка повествовали о его бесчеловечных экспериментах. Он рассказывал в них о том, как искал наиболее эффективные способы очистки костей от покрывавшей их плоти. Шнейдер пробовал и варить тела, и сжигать их, подвергать воздействию щелочи, оставлять их животным или погружать в воду на продолжительное время.

Но самым любимым его методом оказался тот, который являлся и самым жестоким. «Я пришел к выводу, — писал Шнейдер, — что лучше всего зарыть человека заживо в жирную плодородную почву и предоставить матери-природе самой позаботиться об этой кропотливой работе. Этот метод требует длительного времени, но имеет то преимущество, что наличие характерного запаха сведено до минимума, поэтому и не вызывает никаких подозрений. Я предпочитаю пользоваться им, когда жертва жива, хотя не могу с уверенностью объяснить, почему это предпочтительнее».

В потайной комнате Шнейдера было обнаружено три тела умерщвленных таким способом людей, о чем свидетельствовали их растопыренные пальцы и искаженные гримасами лица. Именно в таких позах находились люди, когда последняя лопата с землей опускалась на их несчастные головы.

Именно эти жуткие подробности и дали основание журналистам окрестить Шнейдера именем, которое долго будоражило умы: «Собиратель костей».

Он ехал дальше, иногда возвращаясь мыслями к запертой в багажнике женщине, Эстер Вайнрауб. Он думал о ее ключицах и локтях, сравнивая их с крыльями птицы. Такси мчалось по городу, и пару раз убийца чуть не проехал на красный свет. Он не мог ждать, нетерпение гнало его вперед.

— Я не устал! — рявкнул Райм.

— Устали вы или нет, но отдохнуть все равно необходимо.

— Нет, лучше налей мне еще виски.

Черные футляры и чемоданы выстроились вдоль стены. Теперь надо было посылать за полицейскими из двадцатого участка, чтобы те доставили их назад в лабораторию следственного управления. Мел Купер спускался по лестнице с самым ценным тузом — микроскопом. Лон Селитто продолжал неподвижно сидеть на плетеном стуле, но теперь он больше помалкивал. Он постепенно приходил к выводу, что пьяный Линкольн вовсе не становился добряком, обожающим всех на свете, как это обычно происходит в подобных случаях.

— Я уверен, что у вас поднялось давление, — не отставал от хозяина Том. — Вам лучше сейчас передохнуть.

— Мне необходимо еще выпить.

«Будь ты проклята, Амелия Сакс!» — в сердцах произнес про себя Райм, и сам удивился, зачем он это сделал.

— Надо отказаться. Выпивка никогда вам не помогала. «Вот я и отказываюсь, — так же молча проговорил Линкольн. — От всего на свете. Но только в понедельник. И никакие долгосрочные программы из двенадцати ступеней мне не нужны. Достаточно одного-единственного, но верного шага».

— Ну-ка, наливай, да поскорее! — снова начал заводиться он. Правда, немного подумав, он и сам понял, что следующий стакан будет лишним.

— Нет.

— Немедленно! Я требую! — бушевал Райм.

— Ни за что.

— Лон, может быть, тогда ты мне нальешь?

— Я...

— Он больше ничего не получит, — уверенно произнес Том. — Когда он напивается до такого состояния, он становится невыносимым, но мы с этим мириться не должны.

— Ты что же, опять решил играть в неповиновение? Да я же могу уволить тебя в любую минуту!

— Валяйте.

— А это уже классифицируется как жестокое обращение с инвалидом. Лон, сейчас же арестуй его.

— Линкольн, — попытался Селитто утихомирить товарища.

— Арестовать его!

Детектив даже отшатнулся, услышав, с какой злобой были произнесены последние слова.

— Послушай, парень, тебе, кажется, пора немного охладиться, — заявил Селитто.

— О Боже! — вздохнул Райм и принялся стонать во весь голос.

— Что тут происходит? — не выдержал Селитто. Том не отвечал, а только искоса поглядывал на Линкольна.

— Моя бедная печень! — лицо Райма неожиданно осветилось зловещей ухмылкой. — Наверное, я уже допился до цирроза. Том резко обернулся:

— Я не собираюсь все это выслушивать. Этого никому не вытерпеть. Хватит!

— Нет, не хватит...

И тут снизу, с первого этажа, раздался взбудораженный женский голос:

— У нас очень мало времени!

Через несколько секунд в комнату вбежала Амелия, и добавила:

— Практически, у нас его вообще нет.

Она удивленно оглядела опустевшие столы. Райм почувствовал, как по его подбородку стекает слюна. Он рассердился на себя за то, что проявил такую слабость и Амелия это увидела. Потому что она поняла, что он — калека и никчемный человек — переоделся в чистую белую рубашку ради нее. И еще из-за того, что сейчас ему как никогда хотелось остаться в одиночестве, чтобы навсегда погрузиться в неподвижность и покой. Туда, где он будет королем. И не на день, а на века.

Слюна продолжала стекать, и он изо всех сил попытался повернуть измученную шею, чтобы хоть как-то стереть ее. В этот момент к нему подскочил Том с салфеткой и ловким движением привел лицо хозяина в порядок.

— Добро пожаловать, офицер Сакс, — добродушно поприветствовал он Амелию. — Я вижу в вашем визите проявление зрелости и пример победы здравого смысла. А это в наши дни большая редкость.

Сейчас Амелия была без фуражки, с расстегнутым воротником рубашки. Локоны ее растрепались, и Райм почему-то подумал, что именно *эти*волосы никто никогда не удосуживался индивидуализировать под микроскопом.

— Меня Мел впустил, — пояснила она, кивая в сторону лестницы.

— По-моему, тебе давно пора быть в кровати. Сакс. Том постучал пальцами по плечу Райма, что должно было означать: «Угомонитесь, пожалуйста».

— Я только что из ФБР, — пояснила она, обращаясь к Селитто.

— Ну, и как же там расходуются доллары налогоплательщиков?

— Они его схватили.

— Что?! — вскрикнул от удивления Селитто. — Просто вот так: взяли и схватили? О Господи всемогущий! Начальство уже в курсе?

— Перкинс звонил мэру. Преступник оказался таксистом. Он родился здесь, в Нью-Йорке, но родители у него сербы. Поэтому ФБР считает, что он хочет свести счеты с ООН или что-то в этом роде. Кстати, у него имеется желтый билет. Да, и проблемы с психикой. Деллрей вместе с оперативным отрядом уже на пути к его дому.

— Как же им это удалось? — заинтересовался Райм. — Могу поспорить, что все решил отпечаток пальца.

Амелия кивнула.

— Я подозревал, что они сразу на него набросятся. Скажи-ка мне лучше, насколько они озабочены поисками новой жертвы?

— В достаточной мере, — спокойно произнесла Сакс. — Но еще больше им хочется поймать подозреваемого.

— Ну, такова *их*природа. Подожди-ка, я попробую сам догадаться. Они, скорее всего, считают, что вышибут из него местонахождение жертвы сразу же, как только его возьмут?

— Совершенно верно.

— На это может потребоваться определенное время, — вздохнул Райм. Чтобы понять это, вовсе не требуется консультация доктора Добинса или звонок к другому профессиональному психологу. Итак, Амелия, что-то дрогнуло в твоем сердце? Почему ты все же решила вернуться?

— Потому что вне зависимости от того, схватит его сейчас Деллрей или нет, времени осталось очень мало. Чтобы спасти жертву, я имела в виду.

— Да, но мы разобрали все оборудование, разве ты не знала? Закрыли нашу, так сказать, лавочку. — Райм вглядывался в темный экран компьютера, пытаясь поймать свое отражение и определить, не слишком ли у него разлохмачены волосы.

— Так вы уже сдались?

— Офицер, — начал Селитто, — если бы мы даже хотели что-либо предпринять, это оказалось бы невозможным. Дело в том, что у нас отобраны все вещественные доказательства, а это было единственное звено...

— Они у меня.

— Что?

— Все. Они внизу, в машине.

Детектив выглянул в окно.

— Те самые, с последнего места преступления, — продолжала Сакс. — И с предыдущих тоже.

— Они у тебя? — выдохнул Райм. — Но как это получилось?

Но Селитто тут же расхохотался:

— Да она их просто выкрала. Линкольн! Ну и дела!

— Деллрею они все равно не нужны, — попыталась оправдаться Сакс. — Разве что для суда. Они схватят подозреваемого, а мы спасем жертву. По-моему, план превосходный, как вы считаете?

— Но Мел Купер только что уехал.

— Нет, он внизу. Я попросила его подождать. — Сакс скрестила руки на груди и посмотрела на часы. Начало двенадцатого. — У нас очень мало времени, — повторила она.

Райм тоже перевел взгляд на стрелки часов. Господи, как же он устал! Том был прав: его хозяину давно уже не приходилось так долго бодрствовать. Но сейчас Линкольн поражался сам себе. Нет, он был просто шокирован: несмотря на то, что в последние часы он успел

испытать и ярость, и смущение, и разочарование, они не оставили в его душе горького осадка, как все эти три с половиной года.

— Да поможет нам Господь! — выпалил Райм и засмеялся. — Том! Нам потребуется черный кофе. И притом достаточно крепкий. Сакс, надо срочно отправить в лабораторию все образцы целлофана вместе с кусочком, который мы извлекли из телятины. Отчет нам будет нужен в течение часа. Они должны ответить на вопрос: в каком из фирменных магазинов наш подозреваемый покупал мясо. Да, Лон, срочно вызывай сюда свою маленькую тень. Ту самую, которую назвали в честь игрока в бейсбол.

Вереница черных фургонов на полной скорости продвигалась по боковым улицам и проездам.

Путь к дому подозреваемого был выбран не самый короткий, но Деллрей знал, что делает. При проведении антитеррористических операций никогда не использовались центральные магистрали города, поскольку они, как правило, постоянно контролировались соучастниками преступников. Деллрей, находившийся на заднем сидении первого фургона, нервно поправил кобуру, пристегнутую поверх бронежилета. До места назначения оставалось ехать не более десяти минут.

Пока они мчались вперед, Деллрей осматривал старые, покосившиеся здания и замусоренные пустыри. В последний раз ему приходилось навещать этот безрадостный район, когда он действовал под именем Питера Хэйла Томаса из Квинс. Он купил 137 фунтов кокаина у какого-то маленького тщедушного пуэрториканца, который, в свою очередь, в самый последний момент решил ограбить своего покупателя. Продавец забрал у Деллрея деньги, а потом наставил ему ствол пистолета в пах с такой же легкостью, как будто зашел в магазин купить овощей. Щелк! Осечка. Тоби Долиттл и группа полицейских, осуществлявших прикрытие, тут же взяли и маленького негодяя, и всех его прихлебателей, прежде чем пуэрториканец успел что-то сообразить.

Деллрей еще долго переживал тот случай. Ведь его чуть не убили из-за того, что продавец полностью доверился Фреду, приняв его за настоящего наркодилера.

— До пункта назначения три минуты, — сообщил водитель. В этот момент мысли Деллрея почему-то вернулись к Линкольну Райму. Теперь он сам жалел о том, что вел себя грубо и чересчур вызывающе, когда забирал у него дело. Правда, выбора у него не оставалось. Селитто был настоящим бульдогом, а Поллинг — просто психом, хотя Деллрею удалось справиться с обоими. Сейчас он испытывал неловкость только в отношении Линкольна. Этот парень остер, как лезвие бритвы (в конце

концов, это ведь его команда обнаружила тот самый отпечаток, пусть даже они и не сразу бросились проверять его). В былые времена, еще до проклятой катастрофы, Райма никто не мог ни в чем обогнать, если, конечно, он сам того не хотел. И одурачить его тоже не представлялось возможным.

Теперь все это в прошлом. Странные и грустные вещи иногда случаются с такими замечательными людьми. Ты можешь внезапно умереть, в то же время оставаясь в живых и продолжая существовать. И вот теперь Деллрей заявился в его комнату, — более того, в *спальню,* -и ударил по самому больному. Причем удар получился гораздо более жестоким, чем требовалось. Может быть, стоит позвонить ему. Ведь... — Приехали! — объявил водитель, и все мысли о Линкольне Райме мигом вылетели у Деллрея из головы.

Фургоны въехали в переулок, где обитал Пьетрс. На всех других улицах по соседству повсюду можно было увидеть вспотевших местных жителей с бутылками прохладного пива. Несчастные бездельники маялись от жары и высыпали на улицу в надежде получить порцию свежего воздуха. Там же, где остановилась кавалькада Деллрея, было тихо и пустынно.

Две дюжины агентов вышли из фургонов. Все они были одеты в черные костюмы, с оружием, снабженным фонарями и лазерными прицелами. Двое бродяг, оказавшихся неподалеку, с удивлением уставились на непонятное явление, а потом один из них торопливо засунул свою бутылку пива под рубашку.

Деллрей взглянул на окна дома, где, по их расчетам, жил Пьетрс. В одном из них светился желтоватый огонек.

Водитель отвел первый фургон на тенистую парковочную площадку и прошептал Деллрею, постучав себя по наушнику:

— На связи Перкинс. Директор все уже знает. Теперь они хотят выяснить, кто руководит операцией.

— Я! — рявкнул Хамелеон и повернулся к своему отряду. — Вести наблюдение с той стороны улицы и из переулков. Снайперам разместиться там, там и там. Все должны были быть на местах еще пять минут назад. Вопросы есть?

......

Они шли вниз по скрипучим старым ступеням. Он обхватил женщину за талию и осторожно вел ее в подвал, все еще переживая из-за того страшного удара, который нанес ей по голове. Добравшись до конца

лестницы, он грубо пихнул жертву вперед, так, что она повалилась на грязный пол, и принялся молча рассматривать свою добычу. Эстер...

Она смотрела на него безнадежным, но умоляющим взглядом, однако собиратель костей не замечал этого. Сейчас он видел только ее тело. Он нагнулся и стал снимать с нее одежду: эластичный спортивный костюм пурпурного цвета. Трудно было представить себе, что женщина может выйти на улицу в такое время суток и, учитывая ее возраст, чуть ли не в одном — простите! — нижнем белье. Он даже не думал о том, что Эстер Вайнрауб могла оказаться проституткой. Нет, это была приличная работящая девушка, которая шила рубашки на фабрике и при этом трудилась почти бесплатно.

Собиратель костей с удовольствием осмотрел выступающие ключицы. Если бы на его месте оказался другой мужчина, он непременно начал бы восхищаться упругой грудью и темными сосками. Но преступника такие мелочи не волновали. Сейчас он любовался рукояткой грудины и великолепными ребрами, расходящимися из нее и напоминающими лапы паука.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — испуганно произнесла женщина. Она еще не до конца пришла в себя после перенесенного удара по голове.

Собиратель костей еще раз внимательно осмотрел ее. Однако та, что находилась сейчас перед ним, совсем не походила на юную швею, страдающую потерей аппетита. У этой женщины был некрасивый широкий нос, очень толстые губы и кожа цвета грязного песка. Правда, под этими недостатками он уже видел совершенство ее костей.

Он нежно погладил ее по виску. Нет, он не мог проломить этот череп, этого не должно было случиться, ну, пожалуйста...

Женщина закашлялась, и в носу у нее засвербело: слишком отвратительный запах стоял в подвале, хотя сам преступник этого давно уже не замечал.

— Не бейте меня больше, — залепетала женщина, склонив голову набок. — Пожалуйста, не бейте.

Убийца достал из кармана нож и, нагнувшись, разрезал ее трусы. Теперь она осталась совсем нагая.

— Вам нужно это? — задыхаясь от страха, спросила женщина. — Ну, хорошо, вы можете меня трахнуть. Я согласна.

Наслаждаться плотью?.. Какая нелепость!

Он поднял ее на ноги, и женщина, в панике оттолкнув убийцу, бросилась, спотыкаясь и пошатываясь, к двери, которую заметила еще раньше в конце подвала. Но она бежала туда не слишком уверенно, видимо, понимая, что ей не скрыться от преступника. Она расплакалась и протянула руку к двери.

Собиратель костей наблюдал за ней, словно загипнотизированный ее жалкой попыткой совершить побег.

Та самая дверь, где, как считала пленница, должен был располагаться выход, на самом деле когда-то вела в угольный склад. Теперь же она открывалась в узкий тоннель, соединявший дом собирателя костей с соседним заброшенным и ныне пустующим зданием.

Наконец, Эстер удалось-таки добраться до заветной двери. Она открыла ее и устремилась внутрь.

Не прошло и минуты, как до слуха преступника донесся жалобный вопль женщины. Потом он услышал ее крик:

— О Господи, нет, нет, нет!

Она рыдала и говорила еще какие-то слова, но разобрать их казалось невозможно.

Затем женщина вернулась. На этот раз она передвигалась торопливо, вытирая руки об обнаженное тело с таким видом, словно ей пришлось дотрагиваться до чего-то омерзительного, а теперь хотелось стряхнуть с себя эти ощущения.

Иди же ко мне, Эстер.

Она опять споткнулась обо что-то и громко расплакалась.

Иди ко мне.

Она буквально ворвалась в его терпеливо ожидающие объятия, которые тут же сомкнулись у нее на спине. Он крепко сжал женщину, как страстный любовник, ощущая ее кости под своими пальцами, а потом поволок несчастную жертву к страшному черному тоннелю.

Глава двадцатая

Фазы луны, лист, мокрые трусы и образцы грязи. Команда была в полном сборе в спальне Райма. Кроме Поллинга и Хауманна. Здесь

сыграла верность службе. Никто из присутствующих не хотел ввергать капитанов в неприятности, поскольку то, чем сейчас предстояло заниматься в доме у Райма, не было санкционировано начальством.

— Ты успел проверить жидкость в спектрографе. Мел?

— Надо повторить анализ. Они отняли у меня эти трусы прежде, чем машина выдала результат.

Он снова взял капельку жидкости и поместил ее в хроматограф. Пока аппарат работал, Сакс внимательно следила за кривой, которую выписывало на экране это сложнейшее устройство. Совсем как графики на бирже. Райм заметил, что Сакс подошла совсем вплотную к кровати, словно ей теперь хотелось побыть поближе к нему. Она заговорила тихим голосом:

— Я была...

— Да?

— Я была чересчур грубой. В общем, повела себя неправильно. Ну, раньше... У меня характер очень вспыльчивый. Даже не знаю, в кого я уродилась такая несдержанная. Но это правда.

— Нет, ты поступила правильно.

Наконец они посмотрели друг другу в глаза открыто. Райм вспомнил о тех временах, когда они с Блэйн частенько вели серьезные разговоры. И во время таких бесед они сосредотачивали взгляд на каком-нибудь нейтральном предмете: на одной из фарфоровых фигурок лошадей, которых она коллекционировала, на книге, на полупустой бутылке «Мерло» или «Шардоне».

— У меня свои методы работы на месте преступления, — пояснил Райм. — Ив этом я не похож на большинство криминалистов. Мне нужен был человек, ничего не понимающий в этом деле. И одновременно такой, кто мог бы самостоятельно принимать решения и делать выводы.

Такие противоречивые качества мы обычно ищем в несуществующем и вечно ускользающем любовнике. Нам требуется, чтобы человек одновременно совмещал в себе и ранимость, и силу, причем в равном соотношении.

— Когда я разговаривала с комиссаром Экертом, — объяснила Сакс, — мне хотелось только выяснить все относительно моего перевода на новую службу. И более ничего. Мне и в голову не пришло, что о нашем

разговоре могут узнать федералы и, что еще хуже, забрать у нас уже начатое дело.

— Я знаю.

— И все равно я не сдержалась и наговорила кучу гадостей. Простите.

— Не надо отступаться от своих слов. Сакс. Мне нужен человек, который мог бы сказать мне, что я настоящая сволочь, когда я веду себя соответственно. Том, например, говорит мне все это, не стесняясь. Вот за это я его еще больше люблю.

— Не надо сентиментальничать по поводу моей личности, — тут же отозвался Том из противоположного угла комнаты.

— Ведь больше никто так спокойно не пошлет меня ко всем чертям, — продолжал Райм. — Все предпочитают ходить передо мной на цыпочках, а я это ненавижу.

— Мне кажется, что в последнее время здесь бывало не слишком много людей, чтобы кто-то из них мог выразить свое мнение относительно вас, — осторожно заметил Том.

— Пожалуй, ты прав, — после некоторого замешательства признался Линкольн.

На экране хроматографа-спектрометра волнистые линии замерли, обозначив одну из безграничных подписей самой природы. Мел Купер бодро застучал кнопками клавиатуры и громко зачитал результаты анализа:

— Вода, дизельное топливо, фосфат, натрий, следы минералов... Понятия не имею, что это такое.

Райм задумался: «Что же хотел сказать подозреваемый? Может быть, он имел в виду сами трусы? Или все же жидкость...»

— Пойдем дальше, — вслух сказал он. — Посмотрим, что нам даст грязь.

Сакс принесла нужный пакет. В нем содержался розоватый песок, в котором проглядывались кусочки глины и мелкие камешки.

— Это так называемая «бычья печень», — объяснил Райм. — Смесь песка и камней. Ее полно по всему Манхэттену в деловой части. Силикат натрия там нашли?

Купер посмотрел на экран.

— Да, и довольно много.

— Значит, нам надо искать место, расположенное не далее пятидесяти ярдов от кромки воды. — Райм даже засмеялся, взглянув на изумленное лицо Сакс. — Здесь нет никакого волшебства, Амелия. Это самое обычное задание, и я с ним успешно справился. Подрядчики частенько смешивают силикат натрия с «бычьей печенью» для стабилизации почвы, когда роют фундамент в местах, расположенных рядом с водой. Значит, там мы и будем искать. Теперь поглядим на лист.

Она послушно подала ему пакет.

— Ума не приложу, что же это за растение, — признался Райм. — Не думаю, что я его вообще когда-нибудь встречал. Во всяком случае, в Манхэттене.

— У меня есть список сайтов, посвященных растениеводству, — сообщил Купер, не отрывая взгляда от экрана компьютера. — Попробуем поискать там.

Райм в свое время долго путешествовал по Интернету. Но позже произошло то же, что и с книгами, фильмами и репродукциями. Интерес ко всему внешнему миру начал постепенно угасать. Очевидно, потому, что более виртуальным стал его собственный внутренний мир. И всемирная сеть обратилась, в конце концов, для Линкольна в пустынное и грустное место.

На экране у Купера вспыхивали всевозможные графики и таблицы, пока он забирался глубже и глубже в сеть.

— Мне надо загрузить несколько файлов, — пояснил он. — На это уйдет минут десять, а может, и все двадцать.

— Ну, хорошо, — смирился Райм. — Что у нас с остальными предметами? Я имею в виду другие, не «ключевые». Они тоже могут нам рассказать кое-что интересное. Доставай наше тайное оружие. Мел.

— Что это еще такое?

— Следы преступления, разумеется. Почва, грязь, пыль, волоски и прочие мелочи.

......

Специальный агент Фред Деллрей тщательно разработал всю операцию, в которой должны были принять участие десять человек. Двум командам предстояло проникнуть в дом, остальные обеспечивали прикрытие и

контроль. Агенты в бронежилетах, изнывая от жары, неподвижно замерли в кустах. В безопасном месте, расположившись на противоположной стороне улицы, подчиненные Фреда уже начали просматривать комнаты ветхого пустынного дома при помощи инфракрасных видеокамер.

Три снайпера с заряженными и тщательно проверенными «ремингтонами» залегли на трех крышах. Их помощники, вооружившись биноклями, размещались позади стрелков, словно лакеи в старинных экипажах.

Деллрей, одетый в фэбээровскую куртку и джинсы вместо привычного ярко-зеленого наряда, внимательно вслушивался в голоса своих людей, звучащие в наушниках:

— Наблюдение передает командиру. Инфракрасные камеры наведены на подвал. Там, внизу, кто-то перемещается.

— На что этот «кто-то» похож? — поинтересовался Деллрей.

— Не видно. Окна слишком грязные.

— Можно распознать по контурам, один там человек или двое? Не исключено, что он успел захватить жертву. — Деллрей чувствовал, что офицер Сакс была права: преступник уже успел кого-то поймать.

— Нет, невозможно. Мы видим только тепло и движение. Деллрей послал агентов осмотреть боковые стороны здания, и теперь они докладывали своему начальнику о результатах:

— На первом и втором этажах никого нет. Гараж заперт.

— Снайперы, слушаю вас! — приказал Деллрей.

— Стрелок номер один командиру. Прикрываю входную дверь.

Остальные должны были позаботиться о коридоре и зале на первом этаже. Они тоже были наготове.

Деллрей вынул свой автоматический пистолет.

— Ну, хорошо, бумага у нас есть, — произнес он, имея в виду ордер. Значит, стучаться не придется. — Вперед! Команда один и два, развернуться!

Первая группа с помощью тарана высадила входную дверь. Вторая предпочла более цивилизованный метод и, разбив окно у черного хода и

отодвинув засов, проникла внутрь. Деллрей вбежал последним, сразу же после офицера из команды номер один, в это старинное и заброшенное здание. Здесь повсюду носился ошеломляющий запах гниющей плоти. Даже Деллрею, которому частенько приходилось посещать места преступлений, стало не по себе, и ему пришлось несколько раз сглотнуть, чтобы подавить позывы к рвоте.

Вторая команда заняла первый этаж, и после беглого осмотра поднялась на второй, в спальню. Первая в это время спускалась по деревянным ступеням в подвал, громко стуча подошвами по старому, подгнившему дереву.

Деллрей поспешил за ними следом и сразу же услышал, как где-то внизу, чуть ли не под ним, хлопнула невидимая дверь. Одновременно с этим звуком раздался крик:

— Не двигаться! ФБР! Ни с места! Всем стоять! Но когда он сделал несколько шагов вперед, он услышал, как тот же агент в ужасе воскликнул:

— Что за черт? О Господи всемогущий!

— Вот дерьмо! — подхватил другой. — Да, это мерзко.

— Тут просто засранцы какие-то обитают, — сплюнул Деллрей, задыхаясь от омерзительного запаха.

На полу подвала лежал труп мужчины. Возле тела образовалась лужа густой черной жижи. Горло было перерезано. Его мертвые глаза, казалось, смотрели в потолок, но само тело чуть подрагивало. Оно немного раздувалось, потом вновь опадало. Деллрея передернуло: за годы службы в Бюро он так и не сумел привыкнуть к виду полусгнивших трупов, пожираемых изнутри червями и всевозможными насекомыми. По количеству этих паразитов можно было предположить, что мужчина лежит здесь уже по крайней мере трое суток.

— Но почему инфракрасный свет показал нам, что тут кто-то движется? — удивился один из агентов.

Деллрей указал ему на следы укусов крыс и мышей на распухшей ноге трупа:

— Этих тварей тут должно быть полным-полно. Мы, очевидно, ворвались прямо в обеденный перерыв и помешали им спокойно трапезничать.

— Так что же здесь произошло? Значит, кто-то из жертв все же нашел его и прикончил?

— Да о чем ты говоришь?! — рассердился Деллрей.

— Разве это не он?

— Нет, не *он!* -взорвался Деллрей, уставившись на труп. Один из агентов нахмурился:

— Нет, Фред, ты ошибаешься. Это Пьетрс. Мы же фотографии видели.

— Разумеется, это Пьетрс. Но подозреваемый и он — совершенно разные люди. Неужели это так трудно понять?

— Как это? Что это все значит?

Но Деллрей уже давно обо всем догадался:

— Вот ведь сукин сын! — только и смог вымолвить он. В эту секунду заверещал телефон Фреда, и тот даже вздрогнул от неожиданности. С минуту он молча слушал чей-то возбужденный голос, потом заговорил сам:

— Что? Что она сделала? Только этого мне не хватало!.. Нет, черт возьми! Мы не арестовали этого поганца. Нет!

Он со злостью ткнул пальцем в кнопку «Выкл» и указал на двух агентов:

— Ты и ты. Пойдете со мной.

— Что там случилось, Деллрей?

— Нанесем небольшой визит вежливости. Но кое-что нам делать там не придется. Что же это? — Агенты непонимающе переглянулись и нахмурились. Но Деллрей сам же и ответил: — Мы не собираемся при этом быть особенно вежливыми.

……

Мел Купер вытряхнул содержимое конвертов на чистые листы бумаги и внимательно осмотрел мелкие частицы земли и грязи через лупу:

— Здесь много кирпичной пыли. И какие-то кусочки камня. По-моему, это мрамор.

Затем он взял образец, чтобы исследовать его уже под микроскопом.

— Да, это мрамор, — подтвердил он. — Розовый.

— В тоннеле скотного двора было что-нибудь из мрамора? Там, где ты обнаружила девушку-немку?

— Нет, — ответила Сакс.

Купер предположил, что мрамор, наверное, имелся в доме, где жила Монелл, и таким образом он попал в тоннель.

— Нет, я знаю квартал, где находится ее дом. Это самое обычное здание, каких много в той части Гринвич-Виллидж. Самый дорогой камень, который там можно встретить, это полированный гранит. Может быть, я подчеркиваю, *может быть,*этот кусочек из дома, где живет сам подозреваемый. Что-нибудь интересное в этом мраморе еще есть?

— Следы резца, — доложил Купер, склонившись над микроскопом.

— Прекрасно. Четкие следы?

— Нет. Есть зазубрины.

— Значит, это очень старая паровая камнерезка.

— Да, похоже на то.

— Пиши, Том, — проинструктировал Райм, кивая на таблицу. — В его безопасном доме имеется мрамор. И притом очень старый.

— Но почему нам так важен его дом? — удивился Бэнкс, то и дело нетерпеливо поглядывая на часы. — Федералы, наверное, уже по нему расхаживают.

— Никакая информация лишней не бывает, Бэнкс. Помни об этом. Ну, что там у нас еще имеется?

— Еще кусочек от перчатки. Та самая красноватая кожа. А это что? — обратился Мел к Сакс, протягивая ей пластиковый пакет с какой-то деревяшкой.

— Образец лосьона после бритья. Это то самое место, где он прикасался к столбу.

— Может быть, стоит сделать «обонятельный портрет» этого лосьона? — предложил Купер.

— Сначала я хочу его сам понюхать, — нетерпеливо произнес Райм.

Сакс поднесла к нему пакет с небольшим деревянным диском. Она открыла его, и Линкольн втянул в себя воздух.

— Сухой. Такой не пропустишь. Том, запиши еще то, что каш подозреваемый пользуется обычным одеколоном.

— А вот и еще один волосок, — объявил Купер и приготовился исследовать его в сравнительном микроскопе. — Очень похож на тот, который мы нашли в прошлый раз. Не исключено, что у них и источник один и тот же. Черт возьми, Линкольн, так оно и есть. Волос коричневый.

— Он сам выпал или его отрезали?

— Отрезали.

— Хорошо, значит, мы кое-что знаем и о цвете волос подозреваемого, — просветлел Райм.

Том написал слово «каштановые», но Селитто тут же замахал на него руками:

— Нет, не то!

— Что?

— Только не каштановый, — пояснил Райм.

— А я подумал...

— Нет, как раз наоборот, — улыбнулся Линкольн. — Волосы у него могут быть желтоватые, песочного цвета, черные, рыжие...

— Это старый фокус, — вступил в разговор Селитто. — Преступник идет за парикмахерскую, набирает у них в мусоре волосы, какие ему нужны, и всякий раз подбрасывает по одному, а то и несколько на место преступления.

— Понятно, — задумчиво произнес Бэнкс, и было видно, что эта информация теперь навсегда осядет в его памяти.

— Ну, хорошо, теперь волокна, — торопил приятелей Райм. Купер принялся исследовать их в поляризующем микроскопе. Наведя резкость, он тут же сообщил:

— Двойное лучепреломление 053.

— Нейлон! — буркнул Райм. — На что хоть это похоже. Мел?

— Очень жесткие. Переплетены крестообразно. Цвет светло-серый.

— Наверное, ковер.

— Похоже. Сейчас я уточню по нашей базе данных. — Уже через минуту он оторвался от экрана компьютера и громко произнес: — «Хампстед Текстайл». Образец номер 118-Б.

Райм разочарованно выдохнул.

— В чем дело? — удивилась Сакс и непонимающе посмотрела на Линкольна, словно требуя объяснений.

— Это самая распространенная марка ткани, которой обивают салоны автомобилей. Вот уже пятнадцать лет. Поэтому разыскать машину по этим данным будет невозможно... Мел, а что-нибудь еще нам эти волокна говорят? Попробуй посмотреть их в электронный сканирующий микроскоп.

Мел прильнул к окуляру. На экране появилось голубовато-зеленое свечение. Тонкий волосок теперь больше походил на морской канат.

— А вот тут есть кое-что интересное. Кристаллы. Да их тут полно! Сейчас для того, чтобы освежить ткань, используют двуокись титана. Может быть, это как раз тот случай.

— Проверь. Нам это очень важно знать.

— Тут очень мало волокон. Линкольн. Придется задействовать весь образец.

— Значит, задействуй и сожги его со спокойной душой.

Селитто предостерегающе поднял вверх указательный палец:

— Позаимствовать у федералов вещественные доказательства на некоторое время — это одно, а вот уничтожить их?.. Не знаю, как нам поступить. Линкольн. Если дело дойдет до суда...

— У нас нет другого выхода.

— Боже мой! — вздохнул опечаленный Бэнкс. Наконец, Селитто согласно кивнул, и Мел приступил к исследованию волокон. Машина угрожающе зашипела. Через пару секунд на экране высветилась информация в виде таблицы:

— Ну вот, это молекула полимера. Нейлон. Но тут есть и еще кое-что необычное. Хлор. Это какое-то моющее средство.

— Помните, — встрепенулся Райм, — немка тогда еще говорила, что в машине пахло «чистотой»? Теперь остается выяснить, чем же именно пользуется наш подозреваемый для поддержания идеальной чистоты в салоне своего автомобиля.

Купер нашел нужный файл с огромной базой данных о всевозможных детергентах:

— Такой очиститель изготавливает «Пфайзер Кемикалз». А продается это средство под названием «Тайди-Клин» компанией «Баер Автомотив Продактс» в Тетерборо.

— Великолепно! — обрадовался Райм. — Я знаю эту фирму. — Они продают свой товар в основном компаниям, которые сдают машины напрокат. Значит, у нашего подозреваемого не личный автомобиль, а арендованный.

— Неужели у него хватило бы ума заявиться на место преступления на арендованной машине? — изумился Бэнкс.

— Она угнана, — произнес Райм таким тоном, будто Джерри поинтересовался у него, сколько будет дважды два. — И номера, разумеется, на этом автомобиле тоже фальшивые. Кстати, Эмма еще нас не бросила?

— Нет, но она, наверное, уже давным-давно дома.

— Разбудите ее. Пусть начинает обзванивать все фирмы, которые предлагают аренду легковушек. Это «Хертц», «Айвис», «Нэйшнл», «Баджет», ну, и так далее. Пусть ей дадут полную информацию обо всех недавно угнанных машинах.

— Вот и все, — выдохнул Селитто, словно ощущая в воздухе запах сгоревших во время опыта вещественных доказательств, принадлежащих ФБР.

— Что у нас с отпечатками обуви?

Райм взглянул на электростатические снимки.

— Подошвы сношены не совсем обычно. Видите, внешняя сторона у основания пальцев истерта больше?

— Значит, у него на ноге пальцы расположены внутрь, — высказал свою мысль Том.

— Возможно, но для такой ноги требуется обувь со специальным каблуком, — уточнил Райм. — Я думаю, что он очень любит читать.

— Читать?

— Ну-ка, сядь на стул, — попросил Линкольн Амелию. — И наклонись над столом так, будто ты сейчас читаешь книгу.

Она выполнила его просьбу.

— Ну?

— А теперь делай вид, что переворачиваешь страницы. Амелия проделала имитирующее движение несколько раз.

— Дальше. Ты читаешь «Войну и мир».

Невидимые страницы продолжали переворачиваться. Амелия опустила голову пониже. Через несколько секунд она непроизвольно скрестила лодыжки. Теперь с полом соприкасалась только верхняя внешняя сторона ее подошв.

Райм тут же обратил внимание на этот момент:

— И это необходимо вписать в таблицу, — обратился он к Тому. — Только с вопросительным знаком. Теперь давайте посмотрим отпечатки пальцев.

Сакс тут же предупредила Линкольна, что единственный хороший снимок все еще оставался у федералов.

Но его интересовал как раз не он, а тот, другой, который с помощью Кромекота Сакс сняла с кожи немки.

— Он не сканируется, — с сожалением констатировал Купер. — Я бы ему даже класс "С" не присвоил. И если бы меня попросили расшифровать его, я бы даже и не брался за такое бесперспективное задание.

— Ну, в данном случае я не требую проводить идентификацию. Меня интересует вот эта линия. — На самом деле, в центре подушечки одного из пальцев был виден четкий полумесяц.

— Что это? — удивилась Сакс.

— Наверное, шрам, — пожал плечами Купер. — Причем от очень старого пореза. Рана была глубокая. Похоже, что он пропорол палец до самой кости.

Райму вспомнились всевозможные отметины, которые он в течение многих лет имел возможность наблюдать у подозреваемых. В те относительно давние времена, когда работа криминалиста сводилась не только к перелистыванию страниц и набору команд на компьютере, было легче определить, чем занимается человек, посмотрев на его руки. По ним можно было сказать, что женщина с деформированными подушечками пальцев — машинистка. Здесь запросто угадывались следы уколов от швейных и сапожных игл, шрамы, оставленные лекалом закройщика и въевшиеся чернильные пятна на ладонях стенографистки или бухгалтера. Сюда относились и порезы от бумаги на руках типографских рабочих, а уж о расположении мозолей от ручного труда говорить можно было особенно долго...

Но подобный шрам, который они увидели сейчас, не говорил буквально ни о чем.

По крайней мере, в данный момент. Пока они не знали, с кем имеют дело, не говоря уже о наличии самого подозреваемого.

— Ну, что у нас еще есть? Отпечаток, оставленный коленом. Замечательно. Давайте подумаем, что же он носит. Держи снимок повыше. Сакс. Еще выше! Мешковатые брюки. Вот здесь осталась видна складка, значит, материал натуральный. По такой погоде это, скорее всего, хлопок. Ни в коем случае не шерсть. Ну, и в шелковых штанах мужчины сейчас не часто прогуливаются по улицам.

— Ткань легкая, не джинсовая, — подсказал Купер.

— Спортивная одежда, — подытожил Райм. — Добавь-ка это в нашу табличку, — обратился он к Тому.

Купер вернулся к экрану компьютера и набрал еще какую-то команду:

— А вот с листом нам пока не везет, — огорчился он. — Не подходит ни к одному образцу, которые есть в «Смитсониане».

Райм уложил голову на подушку. Интересно, сколько времени у них еще имеется в распоряжении? Час? Два?

Луна. Грязь. Непонятная жидкость...

Он посмотрел на Амелию, которая сейчас стояла одна в сторонке, о чем-то раздумывая. Она опустила голову, и ее длинные волосы

полностью, как шторы, закрыли лицо. По всему было видно, что она решает какую-то серьезную проблему. Сколько раз сам Линкольн стоял вот так же неподвижно, чтобы...

— Газета! — вдруг выкрикнула она, поднимая голову. — Где газета? — Ее глаза безумно обшаривали столы. — Где сегодняшняя газета?!

— Что случилось. Сакс? — заволновался Райм. Джерри Бэнкс протянул ей «Нью-Йорк Таймс». Она выхватила ее у него из рук и начала судорожно перелистывать.

— Эта жидкость... которой пропитали трусы, — обратилась она к Райму. — Не может быть просто морской водой?

— Морской водой?

Купер вернулся к таблице, которую начертил спектрограф:

— Ну, конечно же! Вода, хлорид натрия плюс всевозможные минералы. И нефть, и фосфаты. Это самая обыкновенная загрязненная вода из моря!

Она встретилась взглядом с Раймом, и они проговорили одновременно:

— Прилив!

Амелия отыскала страницу с прогнозом погоды и картой. Здесь же имелась и схема лунных фаз, такая же, как и в найденном обрывке. Сразу под ней находилась таблица с указанием времени приливов и отливов.

— Прилив начинается. Наивысшей точки он достигнет через сорок минут.

Райм поморщился. Никогда он еще не был так зол на себя:

— Он намеревается утопить свою жертву. А спрятал он ее где-то под пирсом в деловой части города. — Он безнадежно взглянул на карту Манхэттена, где на много миль тянулась береговая линия. — Сакс, тебе снова пора становиться водителем-гонщиком. Вы с Бэнксом поедете вдвоем в западном направлении. Лон, ты займешься востоком. А ты. Мел, в конце концов, определи мне этот проклятый лист!

......

Случайная волна окатила его поникшую голову.

Уильям Эверетт открыл глаза и фыркнул, когда вода попала ему в нос. Она казалась ледяной, и его больное сердце работало с перебоями, как будто пытаясь перекачать побольше теплой крови, чтобы согреть организм.

Он опять чуть не потерял сознание, совсем как в тот раз, когда этот ужасный тип сломал ему палец. Потом он снова пришел в себя, и его мысли обратились почему-то к покойной жене. Уильям вспомнила их совместные путешествия: они побывали в Гизе, Гватемале, Непале, Тегеране (как раз за неделю перед тем, как там было захвачено посольство).

Один раз, вылетая из Пекина самолетом китайских авиалиний, они едва не погибли, когда у лайнера отказал один из двигателей. Жена Уильяма Эвелин наклонилась, обхватив голову руками, и ей на глаза попался журнал, в одной из статей которого рассказывалось, что очень вредно пить горячий чай сразу же после обильной еды. Потом, сидя в сингапурском баре, они до слез хохотали, вспоминая этот случай.

Эверетт вдруг представил себе холодные глаза похитителя, его желтые зубы и руки в толстых перчатках.

Теперь, в этой холодной плещущейся могиле он чувствовал боль, которая прокатывалась по его руке, доходя почти что до челюсти.

Что это: сломанный палец дает о себе знать или признаки надвигающегося сердечного приступа?

А может быть, и то, и другое вместе.

Эверетт закрыл глаза и подождал, пока боль немного стихнет. Затем он огляделся и понял, что прикован прямо под гниющим пирсом. Деревянный выступ кренился в сторону пенящейся воды, до него оставалось каких-то шесть дюймов. В узкую щель были видны огоньки. Это светились фонари на лодках и окна в домах Джерси. Уровень воды доходил ему до шеи. И хотя настил пирса располагался в нескольких футах над его головой, наручники не позволяли ему перемещаться вверх по столбу.

Боль стрелой пронзила его руку, и Эверетт, взвыв, опустил голову в накатившуюся волну и тут же потерял сознание. Однако он тут же закашлялся, поперхнувшись соленой водой, и на этот раз пришел в себя достаточно быстро.

Затем появившаяся луна словно подтянула к себе морскую поверхность и с неожиданным всплеском импровизированная камера, в которой

очутился Эверетт, оказалась отрезанной от реки. Вокруг потемнело. Теперь Уильям мог только слышать звуки стонущих волн и собственный тихий плач.

Он понимал, что он уже мертв, так как у него не было надежды удержать голову над уровнем все прибывающей воды. Старик закрыл глаза и прижался щекой к скользкой черной свае.

Глава двадцать первая

— Быстрее в деловую часть города! — раздавался бодрящий голос Райма в радио.

Амелия вдавила педаль газа. Микроавтобус мчался по Западному хайвэю, и красные огоньки обгоняемых машин проносились мимо. Будучи холодной, как лед. Сакс продолжала разгонять машину, и на спидометре стрелка показывала уже восемьдесят миль.

— Вау! — с восхищением выкрикнул Джерри Бэнкс. Номера улиц стремительно менялись в сторону уменьшения. Двадцать третья, двадцатая... В районе Четырнадцатой микроавтобус, подпрыгивая на выбоинах, вылетел к свалке. Когда они проносились через Виллидж, из боковой улицы им наперерез выскочил белый пикап. Вместо того, чтобы притормозить, Амелия продолжала давить на газ, а сидящий рядом Бэнкс беззвучно ругался. Их микроавтобус вырулил на середину улицы, а водитель встретившегося пикапа отчаянно засигналил и, видимо, изо всех сил вдавил акселератор, потому что его машина прыгнула вперед со скоростью лезвия выкидного ножа.

— У-упс! — Амелия свернула в переулок и обратилась к Райму: — Вы, что-то сказали? Повторите, а то я не расслышала. В наушниках зазвучал его металлический голос:

— Деловая часть города. Больше я пока ничего сказать не могу. С листом тоже никакой ясности.

— Приближаемся к Бэттери-Парку.

— У нас осталось двадцать пять минут до полного прилива, — напомнил Бэнкс.

Возможно, команда Деллрея уже выбила из убийцы данные о местонахождении новой жертвы. Они могли запросто затащить мистера № 823 в темный переулок, прихватив с собой мешок яблок. Ник когда-то рассказывал ей, что это очень действенный способ заставить разговориться любого подонка. Просто берется мешок твердых фруктов,

которым колотят преступника до достижения нужного результата. Это очень болезненно, а следов при этом не остается никаких. Когда Амелия была маленькой, она и подумать не могла, что полицейские способны на такое. Теперь ей стало известно много подробностей их работы.

Бэнкс тихонько тронул ее за плечо:

— Вон там, посмотри. Видишь, старые пирсы. Грязные причалы, гнилое дерево. Неприятное место. Амелия затормозила, и полицейские, выбравшись из машины, побежали к воде.

— Райм, вы с нами?

— Поговори со мной, Сакс! Ты меня слышишь?

— Вижу пирс к северу от Парка.

— Я только что связывался с Лоном. Он тоже добрался до места, но ничего ценного пока не обнаружил.

— По-моему, все наши попытки просто безнадежны, — расстроилась Амелия. — Только сейчас я вижу с дюжину причалов, а там еще ходить и ходить... А кроме того есть пирсы для пожарных судов, для паромов... Нужна помощь, и существенная.

— У нас больше нет помощников. Сакс. Они теперь работают с ФБР.

Двадцать минут до высшей точки прилива.

Она смотрела на береговую линию, сжавшись, словно полностью растерялась, оказавшись в такой безвыходной ситуации. Положив руку на пистолет, она рванулась к реке с такой скоростью, что Джерри Бэнкс едва успевал за ней.

— Найди мне хоть что-нибудь про этот лист. Мел! — требовал Райм. — Ну, какой-нибудь намек, догадку. И ускорь, пожалуйста, этот процесс.

Ерзая на стуле, Купер то приникал глазом к окуляру микроскопа, то пялился на экран компьютера.

В Манхэттене, как выяснилось, обнаружено восемь тысяч разновидностей лиственных растений.

— Компьютер, к сожалению, не поймет твоего запроса «хоть что-нибудь», — сокрушался Мел.

— Давай попробуем заново. Лист старый, — терпеливо произнес Райм. — Насколько он стар?

Купер снова осмотрел находку:

— Он весь высох, просто превратился в какую-то мумию. Лет сто этому листочку исполнилось, может, чуть меньше.

— А какие растения вымерли за последние сто лет?

— В такой экосистеме, как Манхэттен, растения не могут окончательно исчезнуть. Они всегда появятся опять.

Что-то пришло на память Райму, что-то слабо знакомое. Он и любил, и ненавидел это чувство, когда вот-вот должна была родиться гениальная мысль. Ее можно было схватить, как пролетающую мимо зазевавшуюся муху, либо она окончательно растворялась, оставляя горечь разочарования и боль утраченного вдохновения.

Шестнадцать минут.

Что же это за мысль? Он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться...

Пирс. Жертва находится под пирсом.

Ну, и что из этого? Думай!

Пирс... корабли... разгрузка... груз.

Груз... товары!

Он быстро открыл глаза:

— Мел, а это не может быть урожай?

— Черт, я-то искал в основном по диким культурам! — И он принялся стучать по клавиатуре. Райму даже показалось, что чересчур долго.

— Ну?

— Подожди еще секундочку. Вот двоичные коды. — Он быстро все просканировал. — Люцерна, ячмень, свекла, кукуруза, овес, табак...

— Табак? Попробуй его.

Купер два раза щелкнул «мышью», и на экране медленно развернулась цветная картинка.

— Вот он! Есть!

— "Всемирный торговый центр", — объявил Райм. — Оттуда к северу тянулись табачные плантации. Том, принеси-ка книгу, которую я использовал для своих исследований о 50-х годах восемнадцатого века. Мне нужна оттуда карта. И еще современную карту, по которой Хауманн искал строительные участки с асбестом. Приклей их на стенку рядом друг с другом.

Помощник без труда отыскал все, что требовалось, и теперь обе карты находились на стене возле кровати Райма. Старая карта была выполнена достаточно грубо, с примитивной графикой, и изображала северную часть нового города со всеми плантациями. На реке, которая в те времена называлась еще не Гудзон, а просто Западная, имелись три торговых пристани. Райм взглянул на современную карту. Никаких плантаций и садов здесь уже, конечно, не было. Исчезли и старые причалы, но остался один заброшенный, как раз в том месте, где раньше и производилась погрузка табака.

Райм вытянул шею, стараясь самостоятельно прочитать название улицы, ближайшей к этому месту. Он уже хотел крикнуть Тому, чтобы тот поднес ему карту к лицу, но в этот момент внизу раздался какой-то грохот и послышался удар в дверь. Зазвенели стекла.

Том рванулся по лестнице вниз.

— Мне нужно срочно его видеть! — раздался чей-то напряженный голос.

— Секундочку, он... — начал было помощник, но его перебили.

— Никаких «секундочек» и «минуточек». А сейчас, чтоб его... Ясно?!

— Мел, — возбужденно зашептал Райм, — срочно зарой куда-нибудь вещдоки и выключай аппаратуру!

— Но как же...

— Делай, что я говорю!

С этими словами Райм мотнул, что есть сил, головой, чтобы избавиться от наушников. Они упали рядом с кроватью. А по лестнице уже грохотали тяжелые ботинки.

Том со своей стороны сделал все возможное, чтобы задержать непрошеных гостей, но ими оказались три федеральных агента, двое из которых были вооружены и недвусмысленно держали пистолеты наготове. Они попросту оттеснили Тома к стенке, а сами прошли мимо.

Мелу, слава Богу, сноровки было не занимать. За пять секунд он разобрал свой микроскоп и теперь делал вид, что заканчивает укладывать последнюю деталь сложнейшей аппаратуры. Пакеты с вещественными доказательствами были переложены под стол и забросаны бесчисленными географическими журналами.

— А, это снова ты, Деллрей, — «удивился» Райм. — Ты, говорят, нашел нашего подозреваемого?

— Почему ты нам ничего не сказал?

— Что именно тебя интересовало?

— Что отпечаток пальца — подделка.

— Но ты меня ни о чем не спрашивал.

— Как это — подделка? — теперь настала очередь уже по-настоящему изумиться Куперу.

— Да нет, отпечаток самый настоящий, — поправил Фреда Райм таким тоном, будто все это было очевидно с первого взгляда. — Только он принадлежал вовсе не подозреваемому. Нашему приятелю нужно было раздобыть такси, для того чтобы схватить первые две жертвы. Поэтому он встретился с... как его звали?

— Виктор Пьетрс, — сквозь зубы процедил Деллрей и вкратце рассказал биографию таксиста.

— Неплохо задумано, — с истинным восхищением проговорил Райм. — Итак, он находит серба, который уже имеет за спиной преступный стаж да еще психические проблемы. Интересно, сколько времени ему пришлось потратить, чтобы отыскать такого великолепного кандидата? Как бы то ни было, 823 убивает мистера Пьетрса и завладевает его машиной. К тому же отрезает у него палец. Он хранит его на тот случай, если мы подберемся к его персоне достаточно близко. Вот тогда он нам его и подсунет, чтобы немного отбросить назад расследование. По-моему, расчет оказался точным, и его план сработал.

Райм нервно взглянул на часы. Оставалось четырнадцать минут.

— Откуда тебе все это известно? — подозрительно спросил Деллрей. Проходя мимо карт, он мельком осмотрел их, но, слава Богу, не заинтересовался.

— На отпечатке были заметны следы дегидрации и сжатия ткани. Так происходит, когда кожа сморщивается. Тело, наверное, было в ужасном

состоянии. Вы, видимо, обнаружили его в подвале. Я угадал? Он очень любит прятать свои жертвы именно в подземельях.

Деллрей не обратил никакого внимания на это выступление, а продолжал ходить по комнате, обнюхивая ее, словно гигантский терьер:

— Где вы прячете наши вещественные доказательства?

— Какие доказательства? Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Послушай, ведь ты же сломал мою дверь! И в прошлый раз вломился сюда без стука. А теперь просто вышиб ее!

— Знаешь, Линкольн, еще полчаса назад я собирался извиниться перед тобой, но...

— Это весьма благородно с твоей стороны, Фред.

— Но теперь мне очень хочется надрать тебе задницу!

Райм взглянул на микрофон с наушником, болтающийся у кровати. Сейчас он представил себе, как там надрывается Сакс, пытаясь понять, что случилось с их аппаратурой.

— Отдай мне вещдоки, Райм. Ты себе даже не представляешь, какую опасную игру ты затеял.

— Том, — неспешно произнес Линкольн. — Агент Деллрей напугал меня, и я уронил свой аудиоплеер с музыкой. Ты не поднимешь мне его? И помоги с наушниками.

Помощник мгновенно сориентировался и вернул передатчик на место, так, чтобы Деллрею не был виден микрофон.

— Спасибо, — благодарно кивнул Райм, а потом неожиданно добавил. — Кстати, я сегодня еще не мылся. Как ты думаешь, может быть, мы сделаем это прямо сейчас?

— Я только ждал вашего слова, у меня давно все готово, — подхватил Том с интонациями прирожденного актера.

— Ну, давай же, откликнись, Райм! Ради Бога! Куда ты пропал?

Внезапно Амелия услышала в наушниках голос Тома. Он звучал неестественно высокопарно и наигранно. Видимо, там у них что-то произошло.

— Между прочим, я приобрел новую губку, — сообщил голос Тома.

— И, кажется, неплохую.

— Райм! — выкрикнула Сакс. — Что у вас там творится?

— Отдал за нее семнадцать долларов! Надеюсь, вам она понравится. Сейчас я вас поверну, и мы займемся обтиранием.

Вдали послышались еще какие-то голоса, но разобрать их было невозможно.

Сакс и Бэнкс трусили по кромке воды, заглядывая с заброшенных причалов в серовато-коричневые воды Гудзона. Амелия жестом приказала Джерри остановиться, согнулась, задыхаясь, и сплюнула в воду.

Из наушников до нее донеслось:

— ...не очень долго. Вам придется извинить нас, джентльмены.

— ...мы подождем, если вы не возражаете. Ничего страшного.

— Я возражаю, — повысил голос Райм. — Могу я в своем собственном доме побыть один?

— Райм, вы меня слышите? — в отчаянии повторяла Сакс. Что за чертовщина?!

— Ни за что. С теми, кто ворует вещественные доказательства, необходимо обращаться со всей строгостью.

Деллрей! Вот в чем дело! Он снова заявился к Линкольну. Ну, дело пропало. Теперь можно считать жертву трупом.

— Мне нужно получить назад вещдоки! — загремел голос Деллрея.

— Все, что вы здесь *получите,*это роскошную панораму, показывающую, как человек с наслаждением обтирается губкой, Деллрей.

Бэнкс хотел что-то сказать, но Амелия замахала на него рукой.

Какие-то слова она вообще не смогла разобрать.

Фэбээровец что-то сердито выкрикнул, а потом снова раздался спокойный голос Райма:

— И ты знаешь, Деллрей, а ведь я когда-то был неплохим пловцом. Купался каждый день.

— У нас осталось меньше десяти минут, — прошептала Сакс. Где-то совсем рядом плескалась вода. Мимо проплыли две лодки.

И опять что-то невнятное раздраженно пробурчал Деллрей.

— Я выходил к Гудзону и начинал плавать. Тогда, конечно, было куда чище. Я имею в виду воду. В наушниках послышались помехи.

— ...старый пирс. Моего любимого уже и в помине нет. Там когда-то прятались Гудзонские Поклонники Презренного Металла. Ты когда-нибудь слышал про такую банду? Это было в самом конце девятнадцатого века. К северу от того места, где сейчас находится Бэттери-Парк. Да ты выглядишь как-то неважно. Может быть, тебя утомил вид моей обвислой задницы? Нет? Вот и прекрасно. Так вот, тот пирс располагался между Северной Трясиной и Палатами. Я, бывало, нырну поглубже, а потом давай кругами возле пирсов...

— Вот где это! — выкрикнула Сакс. Девушка резко обернулась назад. Они уже миновали нужный причал, так как слишком далеко углубились на юг. Отсюда до него было около четверти мили. Амелия увидела и старые деревянные постройки, и трубу водослива, торчащую из насыпи над водой. Сколько у них осталось времени? Его почти нет. Спасти жертву, пожалуй, невозможно.

Амелия сорвала с головы наушники и бегом бросилась к машине. Бэнкс едва поспевал за ней.

— Ты умеешь плавать? — спросила она, не останавливаясь.

— Я? Ну, пару кругов в бассейне Клуба здоровья. Сакс внезапно застыла на месте и уставилась куда-то вдаль, в направлении пустынных улиц.

Вода уже почти доставала ему до носа.

Небольшая волна облизнула лицо старика как раз в тот момент, когда он вдохнул, и грязная соленая вода попала ему в Горло. Он издал хриплый булькающий звук — отвратительная жидкость проникла в легкие, и Уильям мучительно закашлялся. Руки, обнимавшие сваю, разжались, и он на несколько секунд погрузился под воду, а потом снова выпрямился, глотнул воздуха и опять вцепился в мокрое дерево.

Нет! О Господи, не допусти этого...

Он дергал скованными руками, пинал ногами сваю, словно должно было произойти чудо, и его дряблые мышцы сокрушат удерживающие его сталь и дерево.

Отфыркиваясь и отплевываясь, старик замотал головой, стараясь избавиться от попавшей в организм воды. Мышцы напряженной вытянувшейся шеи горели огнем, доставляя ему не меньшую боль, чем сломанный палец.

На какой-то момент он получил передышку, но вскоре следующая волна, выше предыдущих, вновь накрыла его с головой.

И он не выдержал.

Уильям не мог больше сопротивляться. Не лучше ли сдаться и присоединиться к Эвелин? Остается только мысленно попрощаться с миром...

Он отпустил сваю, и его тело погрузилось в воду, которая несла мусор и обрывки водорослей.

Но он тут же дернулся в ужасе, выныривая на поверхность. Нет, нет...

Он здесь! Похититель вернулся!

Эверетт судорожно забился, глотая воду и пытаясь укрыться от приближающегося к нему мужчину. Тот светил ему прямо в глаза фонарем, и в руке у него поблескивало лезвие ножа.

Нет, нет...

Ему мало было утопить старика, он вернулся, чтобы прирезать его. Не отдавая себе отчета, Эверетт принялся лягаться. Внезапно голова пловца исчезла под водой, и уже через секунду старик почувствовал, как наручники щелкнули, и его руки оказались свободны.

Уильям сразу позабыл о тихом прощании с бытием и рванулся на поверхность, отчаянно срывая с лица липкую ленту. Задыхаясь и отплевываясь, он жадно хватал кисловатый сырой воздух. Волна ударила его головой о дубовую сваю пирса, но он только рассмеялся:

— О Господи! Господи!

Рядом возникла еще одна голова в маске, и в свете фонаря Эверетт различил полицейскую эмблему на мокром костюме. То, что он вначале принял за нож, оказалось мощными кусачками для металла. Один из спасителей сунул ему в рот горьковатую резину загубника, и старик с наслаждением вдохнул благословенный кислород.

Ныряльщик обхватил его рукой, и они поплыли к берегу.

— Дышите глубже, через минуту мы будем на суше. Закрыв глаза, Эверетт дышал так, что, казалось, старческие легкие не выдержат такой нагрузки. Им снова пришлось погрузиться в темную воду, освещенную желтым лучом полицейского фонаря и, преодолев последнюю преграду, они вынырнули на поверхность. Старик умудрился выскользнуть из объятий ныряльщика, и волны отбросили их друг от друга. Но после всего пережитого Эверетта уже ничто не могло смутить. И проплыть немного по ночному Гудзону представлялось не более серьезной проблемой, чем опрокинуть рюмку.

……

Она и не собиралась брать такси: автобус, отходящий от аэропорта, ее вполне устраивал.

Но Пэмми плохо выспалась (они обе были на ногах с пяти утра) и вела себя очень беспокойно. Девочке давно пора было лежать в кроватке с подоткнутым одеялом и бутылочкой любимого кокосового молока. Кроме того, самой Кэрол не терпелось добраться до Манхэттена. В свои сорок один год она оставалась типичной среднезападной провинциалкой, не уезжавшей из родных мест дальше Огайо, и страстно жалеющей увидеть, наконец, Большой Центр.

Кэрол забрала свой багаж, и они направились к выходу. Вещи она проверила еще тогда, когда покидала гостеприимный дом Кейт и Эдди.

Пэмми, плюшевый, мишка, кошелек, одеяло, чемоданчик и желтый рюкзак.

Все учтено и ничто не забыто.

Друзья предостерегали Кэрол относительно обстановки в большом городе:

— Тебя либо затопчут в толпе, либо облапошат. Там полно мошенников и карманников.

— И не вздумай играть на улице в «три листика», — по-матерински наставляла ее Кейт.

— Я не играю в карты, — рассмеялась Кэрол. — Так с какой стати мне браться за них на улицах Манхэттена?

Но она, конечно, оценила их заботу о ней. В конце концов, она была обыкновенной вдовой с трехлетним ребенком на руках, да к тому же отправлялась в самый крутой город на земле, чтобы участвовать в

конференции ООН. А там столько людей, столько иностранцев, сколько ей не приходилось видеть за всю свою жизнь.

Кэрол отыскала телефонную будку и позвонила в гостиницу, чтобы удостовериться, что номер для нее забронирован.

Дежурный менеджер подтвердил, что комната ожидает их прибытия, и Кэрол обещала приехать минут через сорок.

Они прошли через автоматические двери, и у них тут же перехватило дыхание от обрушившегося на них тяжелого раскаленного воздуха. Кэрол остановилась и огляделась. Одной рукой она крепко обхватила Пэмми, в другую взяла старый чемодан. Тяжелый желтый рюкзак висел у нее за плечами.

Подумав, Кэрол все-таки встала в очередь пассажиров, ожидавших такси.

В глаза ей бросился плакат, украшавший противоположную сторону шоссе. «Добро пожаловать делегатам конференции ООН!» — провозглашал он. Рисунок был отвратительный, но когда Кэрол внимательнее пригляделась к нему, лицо одного из мужчин, изображенных на плакате, напомнило ей о Ронни.

После его смерти два года назад некоторое время все вокруг напоминало ей о муже. Проезжая мимо ресторанов «Макдональдс», она вспоминала, что Ронни обожал «биг маки». Актеры в кинофильмах, даже не имевшие с ним никакого сходства, то поворачивали голову так же, как он, то так же искоса поглядывали на собеседника. Стоило ей увидеть рекламу газонокосилок, как ей тут же представлялся Ронни, ухаживающий за крохотной лужайкой перед их домом.

Эти воспоминания неизменно заканчивались слезами, успокоительными таблетками, и тогда Кэрол неделями валялась в постели, отказываясь от всех предложений Кейт погостить у нее денек. Или недельку. Иди даже месяц.

Однако больше слез не будет. Она приехала сюда, чтобы начать новую жизнь. Все горести и печали остались в прошлом.

Очередь на такси медленно двигалась. Взбив свои русые волосы и отбросив их с влажных от пота плеч, Кэрол подвинула вперед Пэмми и лежащие на асфальте вещи. Она озиралась вокруг, стараясь составить первое впечатление о Манхэттене, но отсюда ничего не было видно, кроме хвостов самолетов и огромной толпы народа. Из люков

поднимались клубы пара, напоминавшие очертаниями призраков, и таяли в черном мглистом небе.

«Ну, ничего, — успокаивала себя Кэрол, — вскоре я увижу этот город». Она надеялась, что Пэмми уже достаточно взрослая, чтобы оценить красоту Нью-Йорка.

— Как тебе понравилось наше путешествие, дорогая?

— Я люблю путешествовать. А еще мне хочется молока. Дай, пожалуйста.

Пожалуйста...Это что-то новенькое. Трехлетний ребенок начинал разбираться, когда и какую кнопочку следует нажимать. Кэрол рассмеялась:

— Скоро получишь.

Наконец, такси подъехало и за ними. Багажник открылся, и Кэрол, сунув туда вещи, захлопнула крышку. Они с дочерью забрались на заднее сиденье и закрыли дверцу.

Пэмми, плюшевый мишка, кошелек...

— Куда? — коротко бросил водитель, и Кэрол назвала ему отель «Мидтаун Резиденс», громко прокричав слова сквозь отделяющую их от таксиста плексигласовую перегородку.

Такси тронулось, вливаясь в поток транспорта, а Кэрол устроилась поудобнее, усадив Пэмми к себе на колени.

— Мы будем проезжать мимо здания ООН? — поинтересовалась она, но таксист, казалось, весь был поглощен дорогой, и не ответил на ее вопрос.

— Я приехала на конференцию, — пояснила Кэрол. — На конференцию ООН.

Ответа не последовало.

«Возможно, у него трудности с английским», — подумала женщина. Кейт предупреждала ее, что все таксисты в этом городе иностранцы. «Они отбирают работу у американцев, — ворчал Эдди. — Я, приехав в чужую страну, не стал бы с этого начинать».

Кэрол почти не видела водителя сквозь потертый плексиглас. «Наверное, ему не хочется поддерживать беседу», — подумала она и махнула на него рукой.

Они выехали на другую магистраль, и перед Кэрол открылась ступенчатая панорама города, напоминающая хрустальную мозаику, которую они с дочерью иногда складывали. Нагромождение золотистых, серебряных и голубоватых зданий в центре острова и такое же, чуть поменьше, слева от него. Это было самое грандиозное зрелище, которое Кэрол видела когда-либо в своей жизни. Сейчас остров казался ей гигантским кораблем.

— Посмотри, Пэмми, вот куда мы едем. Ну как, правда, красиво?

Но уже через несколько секунд прекрасный вид исчез, потому что водитель неожиданно свернул в самом конце спуска, и теперь они ехали по каким-то унылым безлюдным улицам мимо темных кирпичных зданий.

— Это дорога в город? — наклонившись вперед, поинтересовалась Кэрол.

И снова ей никто не ответил. Тогда она постучала в перегородку:

— Вы уверены, что мы едем правильно? Ответьте мне. *Ответьте!*

— Мамочка, что случилось? — заволновалась девочка и тут же расплакалась.

— Куда вы нас везете? — не на шутку встревожилась Кэрол. Но водитель продолжал спокойно вести машину, останавливаясь на красный свет, не превышая дозволенной скорости. И перед тем как затормозить у парковочной площадки позади заброшенной фабрики, он не забыл включить поворотник, чтобы предупредить о маневре едущие вслед за ним автомобили.

— О нет... нет!

Шофер надел лыжную шапочку и выбрался из такси. Подойдя к задней дверце, он хотел было сразу открыть ее, но замешкался, и вместо этого пригнулся, а потом осторожно постучал по стеклу. Потом еще, и еще раз. Так привлекают внимание ящериц в террариуме. Он долго стоял неподвижно, рассматривая мать и дочь, прежде чем, наконец, распахнул дверцу машины.

Глава двадцать вторая

— Как же тебе это удалось. Сакс?

Она стояла у самой кромки грязной зловонной воды и говорила в микрофон:

— Я заметила станцию пожарных судов, когда мы проезжали мимо Бэттери-Парка. Там находились и ныряльщики, а уже через три минуты мы достигли пирса. Вы бы видели, с какой скоростью движется их лодка! Надо будет как-нибудь самой проехаться на такой же.

Райм вкратце рассказал ей всю историю с таксистом и отрезанным пальцем.

— Вот сукин сын! — она даже с отвращением щелкнула языком. — Этот хорек перехитрил всех нас.

— Ну, не так уж и всех, — скромно заметил Райм.

— Значит, Деллрей в курсе событий и знает, что это я похитила вещдоки. Он меня, наверное, уже разыскивает?

— Он сказал, что едет назад в свой офис. Наверное, будет думать, кого из нас двоих арестовать первым. Как выглядит место преступления. Сакс?

— Отвратительно. Он парковался на гравийной площадке.

— Значит, никаких отпечатков нет.

— Даже хуже. Прилив уже покрыл все то пространство, где он останавливался, и это место сейчас находится под водой.

— Черт! — пробормотал Райм. — Ни следов, ни отпечатков, ничего. А как себя чувствует жертва?

— Не слишком хорошо. Он ведь бросил старика на произвол судьбы, а перед этим сломал ему палец. Бедняге придется побыть в больнице денька два, как минимум. — Он сейчас может нам что-нибудь рассказать? Сакс подошла к Бэнксу, который в это время как раз опрашивал Уильяма Эверетта.

— Это мужчина небольшого роста, — как бы между прочим, заметил старик, оглядывая шину, которую врач накладывал на его руку. — И он не слишком сильный, не накачанный, почти без мышц. Но все равно он оказался проворнее меня. Когда я его схватил, он запросто отвел мои руки в сторону.

— Вы можете описать его внешность?

Эверетт вспомнил темную одежду и лыжную шапочку с прорезями, натянутую на лицо. Больше ничего.

— Да, вот что я хотел вам рассказать, — Эверетт приподнял забинтованную руку. — Это очень злобный и опасный тип. Когда я схватил его, я ни о чем не думал, а просто паниковал. Так он после этого буквально взбесился и сломал мне палец.

— Хотел отомстить, да? — высказал предположение Бэнкс.

— Может быть. Но странность его заключается не в этом.

— Нет?

— Самое удивительное, что он при этом прислушивался.

Молодой детектив перестал писать и посмотрел на Сакс.

— Он держал мою руку у своего уха и выгибал палец до тех пор, пока тот не сломался. Создалось впечатление, что он ожидал этого звука хрустнувшей кости. И он ему очень понравился.

— Райм, вы слышите?

— Да, и Том уже вносит это в нашу таблицу. Правда, я пока не могу сказать, что подобный поступок может означать. Надо подумать. Как у вас обстоят дела с «ключевыми» предметами, которые нам оставил преступник? Уже нашли что-нибудь?

— Пока нет.

— Ищи, Сакс. Да, и не забудь забрать у жертвы...

— Одежду? Я уже попросила его об этом. Я... Райм, с вами все в порядке? — До ее слуха донесся сильный кашель.

В ту же секунду связь прервалась, но уже через некоторое время снова послышался голос Райма.

— Райм, как у вас дела? Все в порядке?

— Нормально, — быстро ответил он. — Приступай к работе. Ищи «решеткой».

Она послушно принялась за поиски, освещая себе путь при помощи полицейского фонаря. Это занятие оказалось довольно утомительным. *Он*был здесь. Он ходил по гравию всего в нескольких футах. Но что бы он ни оставил им, намеренно или нет, сейчас находилось под водой. Она медленно продвигалась взад-вперед.

— Ничего не могу обнаружить. Видимо, вода смыла все вещдоки.

— Нет, он слишком умен, чтобы забыть про прилив. Они должны находиться где-то на сухом месте.

— А у меня вдруг возникла мысль, — неожиданно заявила Сакс. — Приезжайте-ка сюда сами.

— Что?

— И вместе осмотрим место преступления. В наушнике воцарилась тишина.

— Райм, вы меня слышите?

— Ты ко мне обращаешься? — спросил он.

— Хоть вы и похожи на Де Ниро, но играть так, как он, все равно не сможете. Помните ту сцену из «Таксиста»?

Но Райм не засмеялся.

— Там, кажется, звучит фраза: «Ты на меня смотришь?», а не «Ты ко мне обращаешься?», если мне не изменяет память. Но она спокойно повторила:

— Приезжайте, и будем работать вместе.

— Сейчас. Вот только крылья расправлю... Или еще лучше: я себя туда спроецирую. Слыхала о телепатии?

— Хватит шутить. Я говорю серьезно.

— Я...

— Вы нам очень нужны здесь. Без вас я не смогу ничего обнаружить.

— Но все, что он оставил, сейчас рядом с вами. Нужно только получше поискать.

— Я дважды обошла все вокруг.

— Значит, периметр поиска оказался недостаточным. Добавь несколько футов в каждую сторону и продолжай. Этот 823-й свою миссию еще не завершил, так что предметы должны быть на месте.

— Вы не уходите от темы! Приезжайте и помогайте.

— Как?! Как ты себе это представляешь?

— У меня был знакомый, которому тоже здорово досталось, — начала Амелия. — Так вот он...

— Ты имеешь в виду, что он тоже инвалид? — уточнил Райм.

— У него был помощник, — продолжала она, — который каждое утро усаживал его в кресло, и тот сам отправлялся, куда угодно. И в кино, и...

— Эти инвалидные кресла... — В голосе Линкольна звучала пустота. — Они для меня не подходят. Сакс замолчала.

— Вся проблема заключается в характере полученного мной увечья. Использовать такие кресла для меня попросту опасно. Может случиться так... — Он выдержал паузу, — ...что мне станет еще хуже.

— Простите, я не знала...

— Конечно, не знала, — после некоторого замешательства добавил Райм.

О Господи, как же неловко все получилось...

Но Райм, казалось, и не обратил внимания на ее неудачную просьбу. Голос его продолжал оставаться таким же ровным и лишенным эмоций:

— Послушай, тебе обязательно надо продолжать поиски. Наш подозреваемый каждый раз оставляет нам какие-то сюрпризы. Но все его загадки пока что нам по зубам... Вот что мне пришло в голову. Ведь он у нас человек подземелья, верно? Может быть, он закопал свои предметы?

Она огляделась.

Кажется, вон там... Невдалеке виднелся холмик земли, покрытый листьями. Но смотрелся он как-то неубедительно и слишком уж искусственно.

Сакс наклонилась над ним, опустив голову, и принялась карандашами расчищать листья.

Потом она чуть повернула лицо влево и увидела, что на нее нацелилась раскрытая пасть с обнаженными зубами...

— О Господи! — выкрикнула перепуганная девушка. Она попятилась, споткнулась и, падая, успела выхватить пистолет. Нет...

— Что там стряслось?! — забеспокоился Райм. — С тобой все в порядке?

Сакс прицелилась, стараясь сдержать дрожь в руках. К ней уже подбегал Джерри Бэнкс со своим «Глоком» наготове. Внезапно он остановился, как вкопанный, и они вдвоем уставились на то, что так перепугало Амелию.

— Вот это да, — прошептал Джерри.

— Это змея, — объяснила Сакс и тут же поправила сама себя. — Вернее, скелет змеи. Гремучей. Черт! — Девушка торопливо сунула пистолет в кобуру. — Она прикреплена к доске, как учебное пособие.

— Змея? Это интересно. — По голосу становилось ясно, что Райм заинтригован.

— Да уж, куда интереснее! — пробормотала Сакс, постепенно приходя в себя. Она надела резиновые перчатки и не спеша взяла скелет в руки. — «Метаморфоза».

— Что?

— С обратной стороны доски есть этикетка. Это название магазина, где был приобретен данный шедевр. И адрес: «Бродвей, дом 604».

— Надо сказать братьям Харди, чтобы они заглянули туда. Что там еще? Рассказывай.

Предметы лежали в отдельном пакете. С тревожно бьющимся сердцем она протянула руку и вытащила пакет из земли.

— Спички.

— Отлично. Не исключено, что на этот раз он задумал поджог. Что написано на пачке?

— Ничего. Но тут виден какой-то мазок. Похоже на вазелин, но только что-то липкое.

— Хорошо, Сакс, не забывай всякий раз понюхать вещественное доказательство, особенно, когда ты не совсем уверена, что это такое. И постарайся быть точнее в описаниях.

Она поднесла спички к носу:

— Фу!

— Ну, это уж совсем расплывчато.

— Сера, что ли?

— Может быть, тут включены нитраты. Это взрывчатая штуковина. Товекс. Цвет голубоватый?

— Нет, ближе к молочному.

— Даже если это взрывчатка, то вторичная. Такое вещество должно быть достаточно стабильным. Что-нибудь еще?

— Кусок бумаги. На нем что-то есть.

— Что там. Сакс? Его фамилия, адрес — домашний или электронной почты?

— Кажется, это вырезка из журнала. Здесь маленькая черно-белая фотография. На ней часть здания, только не понять, какого именно. А внизу стоит дата: 20 мая 1906 года.

— Двадцатое число пятого месяца шестого года. Может быть, это какая-то шифровка. Или на самом деле адрес. Придется подумать. Что-нибудь еще?

— Нет. Это все. Райм вздохнул:

— Хорошо. Возвращайся, Сакс. Сколько сейчас времени? О Господи, уже почти час ночи. Я тысячу лет не бодрствовал так допоздна. Приезжай скорее, и тогда посмотрим повнимательнее, что мы имеем.

......

За всю историю существования города Нижняя Восточная сторона Манхэттена изменилась меньше всего.

Конечно, многочисленные поля, придававшие этому району пасторальный колорит, давно исчезли. Зато остались старинные дома, многочисленные особняки. Некоторые из них принадлежали столпам прежних правительств. Дер Колек — большое пресноводное озеро, сохранившее свое голландское название, сначала превратилось в обмелевший грязный пруд, а потом и вовсе исчезло. Впрочем, когда-то оно вполне оправдывало данное ему имя, поскольку туда вливались трубы канализационных коллекторов.

Знаменитая местность Файв Пойнтс считалась самым опасным районом на планете, где только в одном жилом квартале в начале девятнадцатого

века каждой год происходило двести, а то и триста убийств. За что он и получил название Врата Ада.

Сохранились и тысячи других старинных зданий, выстроенных как в колониальном, так и в других стилях. Залы для собраний, в стиле барокко соседствовали с официальными, выдержанными в египетском духе сооружениями, воздвигнутыми по приказу заворовавшегося конгрессмена Фернандо Вуда. Многие из них ныне заброшены: фасады облупились и заросли сорняками, мраморные полы растрескались. Правда, в некоторых из них еще теплилась жизнь. Там, на проклятой земле Таммани Холл, когда-то кишевшей ручными тележками и работными домами, где процветала потогонная система, где светились огни бурлеска Минского, где властвовала знаменитая Иудейская Гоморра — еврейская мафия, кое-что сохранилось и до наших дней.

Именно туда и направлял свое такси, в котором находились худая женщина и маленькая девочка, собиратель костей.

Осознав, что констебли напали на его след, Джеймс Шнейдер снова начал искать убежища. Ему было необходимо зарыться, как гаду, кем он и являлся. Шнейдер прятался (по словам очевидцев) в многочисленных подвалах и погребах жилых домов, которых много в нашем славном городе. И там он оставался некоторое время, не проявляя себя никоим образом.

По дороге домой собиратель костей видел вокруг себя не Манхэттен 1990-х годов с его закусочными, магазинами для взрослых и пустынными бутиками, а мир собственной мечты: там мужчины носили котелки, а женщины — кринолины, кружева и пышные манжеты. Улицы, запруженные фиакрами и кабриолетами, соседствовали с узкими переулками, заваленными мусором, и воздух, пропитанный восхитительным ароматом, отравлял запах метана и нечистот.

Однако его желание начать заново собирать свою коллекцию костей было настолько жгучим, что, преодолев страх, он решился покинуть свое убежище и вновь устроить засаду на кого-нибудь из мирных жителей. На этот раз его жертвой стал молодой человек, приехавший в город для поступления в университет.

Сейчас машина проезжала по знаменитому Восемнадцатому кварталу, где в старых обветшалых домах числом едва с тысячу проживало по меньшей мере пятьдесят тысяч человек. Люди, вспоминая девятнадцатый век, представляют его в черно-белых, серых тонах, словно старую фотографию. На самом деле это не так. Манхэттен прошлого был цвета камня. А если учесть многочисленные удушливые

дымы заводов, тусклое освещение и добавить к этому дороговизну краски, то весь город представлял собой серо-желтый монолит.

Шнейдер тихонько подкрался к парню и уже собрался нанести ему удар, как вдруг Фортуна, наконец-то, отвернулась от него. Поблизости оказались два констебля. Они моментально узнали Шнейдера и бросились в погоню за ним. Убийца быстро бежал по чуду инженерной мысли — Большому Манхэттенскому мосту, строительство которого было закончено в 1909 году, за два года до описываемых событий. Посредине пролета Шнейдер остановился. Навстречу ему, со стороны. Бруклина, двигалось еще трое полицейских, привлеченных поднятой свистками их коллег с Манхэттена тревогой.

Шнейдер, безоружный, взобрался на парапет моста, и вскоре был со всех сторон окружен блюстителями закона. Он с бешенством маньяка выкрикивал несвязные обвинения в адрес полиции, разрушившей всю его жизнь. Речь его постепенно становилась окончательно безумной, и когда констебли шагнули к нему, он бросился с моста в воду.

Через неделю лоцманский буксир обнаружил его тело на острове Велфер, неподалеку от Врат Ада. От трупа убийцы осталось очень немного. Крабы и черепахи усердно потрудились над плотью, и Шнейдер превратился в груду очищенных костей, которые он так боготворил всю свою жизнь.

Собиратель костей свернул на пустынную улочку Ист Ван Бреворт и остановил машину перед одним из домов. Выйдя из такси, он проверил состояние двух тонких нитей, которые он натянул перед дверью, чтобы сразу было видно, не посещал ли кто-нибудь дом в его отсутствие. Неожиданно какое-то движение сзади испугало убийцу. Он обернулся и увидел перед собой ощерившиеся морды бродячих собак. Издавая рычание, они таращили на него желтые глаза и скалили коричневые зубы. Их тела были покрыты шрамами и лишаями. Его рука потянулась было к пистолету, но вся свора неожиданно сорвалась с места и устремилась в переулок, преследуя промелькнувшую там крысу или кошку. Окрестности огласились суматошным лаем.

На горячих пыльных тротуарах не было ни души. Собиратель костей распахнул ворота и загнал такси в гараж, поставив его рядом с «Таурусом».

После смерти Шнейдера полиция тщательно собрала и исследовала все принадлежащее ему имущество. Согласно записям в его дневнике, он убил восемь ни в чем неповинных граждан этого города. Не

останавливался он и перед осквернением могил. Если принимать его слова на веру, он несколько раз тревожил покой усопших на разных кладбищах. Никто из его жертв не смог оказать убийце достойного сопротивления, так как все они были обыкновенными законопослушными обывателям. Тем не менее, Шнейдер не испытывал ни малейшего чувства вины за содеянное. Казалось, он был ослеплен сумасшедшей иллюзией того, что несет своим жертвам избавление и благо.

Собиратель костей остановился, чтобы передохнуть, и вытер мокрый от пота подбородок. Под маской кожа на лице немилосердно чесалась. Он извлек из багажника мать и дочь и повел их через гараж. Женщина оказалась достаточно сильной и сопротивлялась, но, в конце концов, ему удалось заковать в наручники их обеих.

— Скотина! — взвыла Кэрол. — Не смей прикасаться к моей дочери! Дотронешься до нее, и я тебя своими руками задушу!

Он обхватил ее за грудь и ловким движением заклеил ей рот липкой лентой. Потом то же самое проделал и с девочкой.

«Плоть увядает, она слаба, — писал злодей своей безжалостной, но твердой рукой. — Кость — самая сильная составная человека. Я ставлю перед собой благородные цели, и мне непонятно, как кто-то может это оспаривать. Я был добр к ним всем, и теперь они стали бессмертными. Я освободил их. Я разодрал их до костей».

Он втащил женщину и девочку в подвал, затем толкнул Кэрол так, что она свалилась на пол, и Пэмми тут же подбежала к ней и уткнулась матери в грудь. Обеих он привязал к стене веревкой, пропустив ее через наручники. После этого убийца осмотрел, все ли в порядке в его подвале, и поднялся вверх по лестнице.

Собиратель костей забрал желтый рюкзак с заднего сиденья и чемодан из багажника, а затем прошел внутрь дома. Сначала он просто хотел швырнуть вещи в угол, но потом передумал, так как ему захотелось узнать кое-что о своих новых пленниках. Преступник устроился под одной из настенных фресок, изображавшей мясника с ножом в одной руке и куском окровавленной говядины — в другой.

Сначала он осмотрел багажную бирку на чемодане. Кэрол Ганц. Его несколько удивило написание фамилии, жертвы. «Странно, обычно такие окончания пишутся через „то,“, а тут только одна буква», — размышлял похититель. В чемодане не оказалось ничего, кроме одежды. Он принялся рыться в рюкзаке. Тут обнаружились деньги — четыре или

пять тысяч долларов, которые он, осмотрев, вновь убрал в рюкзак, застегнув «молнию» на его кармане.

Кроме того, здесь обнаружились детские игрушки, набор акварели и пластилин. С ними соседствовали дорогой «Дискман», с десяток компактов и часы с радиоприемником «Сони».

Там же находился и альбом с фотографиями. В основном они запечатлевали саму Кэрол и ее дочь. На многих снимках лицо женщины выглядело мрачным, и лишь кое-где — более счастливым. Похититель не нашел ни одной фотографии мужа Кэрол, хотя на ее пальце он успел заметить обручальное кольцо. Зато там были и другие лица: какая-то полная женщина в старомодном платье, какие носят хрестоматийные бабули, и лысеющий мужчина во фланелевой рубашке.

Довольно долгое время собиратель костей изучал портрет девочки.

Судьба, постигшая восьмилетнюю бедняжку Мэгги О'Коннор, была особенно печальной. Ей, как считала полиция, просто фатально не повезло, когда она попалась на глаза Шнейдеру, пытавшемуся избавиться от тела очередной жертвы.

Девочка вышла из дому, чтобы раздобыть конский волос, которого здесь было в избытке благодаря множеству павших лошадей. Обычно их трупы сваливали на пустырях этого бедного района. Адовой Кухни, где и жила Мэгги. Дети сплетали из конского волоса браслеты и кольца — единственные украшения, которые они могли себе позволить.

Кожа и кости, кожа и кости.

Он поставил фотографию девочки на камин, рядом с небольшой кучкой костей, которые он обрабатывал сегодня утром. Некоторые из них преступник похитил в магазине, там же, откуда унес и скелет змеи.

Предполагается, что Шнейдер встретил девочку неподалеку от своего жилища и она поневоле стала свидетельницей того, как он жестоко расправился со своей жертвой. И теперь мы можем только догадываться, каким же способом он избавился от самой девочки, и как это происходило: быстро и безболезненно или долго и мучительно. Но в отличие от других останков, которые рано или поздно все же обнаруживались, труп кудрявой Мэгги О'Коннор так и не был никогда найден.

Собиратель костей спустился в подвал.

Здесь он сорвал ленту со рта женщины, и та, сразу набрав полные легкие воздуха, с яростью оглядела его:

— Что вам надо? — выдохнула она. — *Что?!*

Хотя она не была такой же худой, как Эстер, но зато, слава Богу, ничуть не походила и на Ханну Голдшмидт. Теперь ему стала видна почти вся ее душа, заключенная, по его мнению, в костях. Узкая нижняя челюсть, ключицы, а сквозь тонкую голубую юбку проглядывалась безымянная кость, а где-то там дальше находились подвздошная, седалищная и лобковая. «Илиум, исхиум, пубис», — вспомнил он их латинские названия. Эти звукосочетания походили на имена древних богов.

Девочка в ужасе прижалась к матери и сжалась в комочек. Собиратель костей вытянул руку и осторожно положил ее малютке на голову. Черепа представляют собой не единую кость, они состоят из восьми основных частей и завершаются теменем, которое напоминает треугольник астрокупола. Затем он дотронулся до затылочной кости и теменной. И, наконец, тихонько потрогал две свои любимые косточки, очень чувствительные, расположенные вокруг глазниц, клиновидную и решетчатую.

— Прекратите! — в бешенстве закричала Кэрол. — Уберите от нее подальше свои руки!

— Ш-ш-ш! — успокоил он женщину, приложив к губам палец в перчатке, и снова посмотрел на девочку, которая еще теснее прижалась к матери.

— Мэгги О'Коннор, — проворковал убийца, вглядываясь в детское личико. — Малютка Мэгги.

Женщина молчала, бросая на похитителя горящие взгляды.

— Ты попала в плохое место и в плохое время, дитя мое. Что ты успела заметить? *Молода в кости.*

—О чем вы говорите? — прошептала Кэрол, и он сразу перевел взгляд на нее.

Собирателю костей всегда хотелось узнать что-нибудь о матери Мэгги О'Коннор.

— Где твой муж?

— Он умер, — резко произнесла Кэрол. Затем она посмотрела на девочку и добавила уже более мягко: — Его убили два года назад. Послушайте,

отпустите мою дочь. Она никому про вас ничего не расскажет. Вы… вы слушаете меня? Что вы делаете?

Он схватил ладони Кэрол, чуть приподнял их и принялся нежно поглаживать запястья, а затем фаланги мизинцев. Тонкие, хрупкие кости. Внезапно он крепко сжал ее пальцы.

— Не надо! Я этого не люблю! — в панике взвизгнула Кэрол. — Пожалуйста, не надо!

Внезапно собиратель костей потерял над собой контроль, и это ему совсем не понравилось. Если он хочет достичь успеха и прийти к своей цели, то надо сражаться с нарастающей жаждой и безумием, которые отбрасывали его дальше и дальше в прошлое, смешивая понятия минувшего и настоящего.

Прежде и теперь…

Ему придется применить все свое умение и искусство, чтобы завершить задуманное.

И все же… все же…

Она была так стройна и так напряжена. Он закрыл глаза, представляя себе, как лезвие ножа скребет по ее большой берцовой кости. Этот звук напоминал ему пение старинной скрипки.

Убийца часто задышал, по лицу катились струйки пота.

Когда он немного пришел в себя и открыл глаза, то обнаружил, что пялится на сандалии Кэрол. Похититель тут же вспомнил, что в его коллекции как раз не хватает костей стопы в хорошем состоянии. В последние месяцы ему доставались образцы, полученные из тел бедняков… ну а те, разумеется, страдали то рахитом, то остеопорозом, и пальцы ног, как правило, у них были искривлены под воздействием неудобной обуви.

— Я могу предложить тебе сделку, — неожиданно услышал преступник свой собственный голос.

Кэрол посмотрела на свою дочь, жмущуюся к ней и дрожащую от страха.

— А сделка такая. Я отпущу вас, если ты мне кое-что разрешишь с собой сделать.

— И что же это? — прошептала Кэрол.

— Я хочу снять с тебя кожу.

Она часто заморгала, не в силах выдавить ни слова.

— Ты мне позволишь сделать это? Не всю кожу, конечно. Только с ноги. С одной стопы. Если да, то потом я отпущу вас.

— Что?..

— И я сниму с нее всю плоть. До самой кости. Она посмотрела на него в ужасе и молча сглотнула. «Ну, что ей стоит согласиться? — подумал он. — Она такая худая. Такая угловатая. Почти одни кости и есть». И все же он чувствовал, что Кэрол — совершенно другая, вовсе не похожая на все остальные его жертвы.

Он отложил пистолет подальше, достал из кармана нож и щелчком раскрыл лезвие.

Кэрол не шевелилась, ее глаза снова скользнули на дочь. Потом опять на него.

— И вы нас отпустите?

Он кивнул:

— Да, вы же не видели моего лица и не знаете, где находится мой дом.

Наступила тяжелая, мучительная пауза. Она оглядывала подвал, о чем-то размышляя. Потом с ее губ слетело какое-то невнятное слово: «Рон» или «Роб», как показалось собирателю костей.

Наконец, придя к какому-то решению, она смело взглянула ему в глаза и, вытянув вперед ноги, предложила сразу обе стопы. Он аккуратно снял с правой туфельку, схватился за пальцы ноги и принялся с наслаждением растирать их.

Кэрол прислонилась к стене, при этом сухожилия у ее шеи тут же изящно натянулись. Она крепко зажмурилась, а убийца начал поглаживать кожу ее стопы острым лезвием ножа.

Он крепко сжимал рукоятку, и женщина, вздохнув, еле слышно взвизгнула.

— Я согласна. Давайте! — шепнула она и прижала голову девочки к своей груди.

Теперь собиратель костей представил себе Кэрол в одежде викторианской эпохи, в кринолине с черными кружевами. Он увидел, как они трое сидят в зале «Делмонико» или неспешно прогуливаются по Пятой авеню. Маленькая Мэгги в кружевном платьице, похожем на пену, палочкой гонит перед собой обруч, пока они неторопливой походкой направляются к мосту.

Тогда и теперь...

Он остановил лезвие возле ее пятки.

— Мамочка! — вдруг в страхе выкрикнула девочка.

Что-то перевернулось в нем в этот момент. Он был ошеломлен тем, что собирался только что сделать. Убийца с отвращением думал о своем поступке.

Нет! Он никогда не позволит себе этого! Только не в отношении ее. Эстер или Ханна, да. А здесь совсем другое дело. Или какая-нибудь следующая жертва. Но только не она!

Он печально покачал головой и дотронулся до скулы Кэрол тыльной стороной ладони. Затем снова приклеил ленту ей на рот, разрезал веревку, связывающую ее ноги, и пробормотал:

— Пошли.

Она пыталась отчаянно сопротивляться, и тогда он зажал ей ноздри и не отпускал руки, пока женщина не потеряла сознание. После этого он перекинул ее неподвижное тело через плечо и поднялся вверх по ступенькам, на забыв прихватить и мешок, лежавший неподалеку. Он шел очень осторожно, боясь оступиться и уронить драгоценную ношу. Собиратель костей остановился только один раз, чтобы оглянуться и посмотреть на юную кудрявую Мэгги О'Коннор, сидящую на грязном полу и провожающую его горестным взглядом.

Глава двадцать третья

Он арестовал их обоих прямо перед домом Райма. Его действия были быстры, как у змеи, чей скелет сейчас держал в руках Джерри Бэнкс с такой осторожностью, будто это был дорогой сувенир из Санта Фе.

Деллрей и двое агентов неожиданно возникли у них на дороге, вынырнув из переулка. Фред самым обыденным тоном протянул:

— А у меня для вас есть новости, дорогуша. Вы арестованы за кражу вещественных доказательств, которые находились под охраной правительства США.

Линкольн Райм ошибался. Деллрей не поехал к себе в офис. Он все это время болтался по окрестностям, дожидаясь возвращения Сакс и Бэнкса.

Джерри только и успел, что закатить глаза к небу:

— Да охладись ты, Деллрей. Мы же спасли жертву.

— Ах, какие же вы теперь герои, сынок! Если бы вы этого не сделали, мы бы вам еще и убийство приклеили.

— Но мы же его спасли! — выкрикнула Сакс. — А вы — нет.

— Спасибо вам за это яркое и выразительное резюме, офицер. И попрошу ваши руки.

— Что это за хреновина?

— Наденьте наручники на эту молодую даму, — с искусственным вздохом проговорил Деллрей, обращаясь к здоровенному агенту, стоявшему неподалеку от него.

— На месте преступления мы обнаружили другие ключевые предметы, агент Деллрей. Он успел схватить еще одну жертву. И теперь я не знаю, сколько у нас осталось времени, чтобы найти ее и спасти.

— Да, и не забудь захватить за компанию вот этого молодого человека, — кивнул Деллрей в сторону Бэнкса, который затравленно оглядывался. Теперь за него взялась женщина-агент ФБР, которую ему тут же захотелось хорошенько обо что-нибудь приложить.

Видимо, весь вид Джерри выдавал это его желание, потому что Деллрей испуганно воскликнул:

— Нет-нет, ты не посмеешь!

Бэнкс нехотя протянул вперед обе руки. Сакс, взбешенная поведением Фреда, все же выдавила ледяную улыбку:

— Ну, как проехались до Морнингсайд Хайтс? — язвительно поинтересовалась она.

— Что бы там ни было, а он все-таки прирезал того таксиста. Теперь наши ребята из лаборатории обыскивают весь дом. Они облепили его со

всех сторон, не хуже, чем мухи кучу дерьма, — с гордостью произнес Деллрей.

— Тогда представляю, что там найдут такие работнички, — покачала головой Амелия. — Между прочим, подозреваемый разбирается во всех деталях криминалистики и соображает куда лучше, чем все вы вместе взятые.

— Увезите ее, — приказал Деллрей, кивнув на Сакс, которая поморщилась, когда наручники защелкнулись на ее запястьях.

— А ведь мы могли бы спасти следующую жертву, если только ты сейчас…

— Знаете что, офицер Сакс? Вы все же кое-что имеете. Догадайтесь, что же? Итак, вы имеете право хранить молчание. Вы имеете…

— Хватит, — раздался резкий голос позади них. Сакс оглянулась и увидела, как к ним по тротуару не спеша приближается Джим Поллинг. Штаны и рубашка на нем были настолько помяты, что, казалось, он в них и спал, не раздеваясь. Хотя по измученному бледному лицу легко можно было понять, что капитан уже давно не ложился в постель. На щеках его уже проступила щетина, волосы растрепались и торчали во все стороны.

Деллрей отчаянно заморгал, но напугал его не вид полицейского, а тощая фигура прокурора южного района, семенящего вслед за Поллингом. Завершал эту процессию сам ответственный агент Перкинс.

— Все в порядке, агент Деллрей. Отпустите их, — приказал прокурор.

Модулированным баритоном профессионального диск-жокея Хамелеон затянул:

— Она украла вещественные доказательства, сэр. Она…

— Я просто отправила некоторые материалы на судебную экспертизу, — оправдывалась Сакс.

— Послушайте… — пытался что-то вставить Деллрей, но Поллинг прервал его:

— Нет уж, давайте поговорим спокойно. — Сейчас он сосредоточился и вел себя мирно. — Мы никого здесь слушать не собираемся. — Он повернулся к Сакс. — И никаких шуточек с вашей стороны!

— Нет, сэр. Простите, сэр.

Прокурор вновь обратился к Деллрею:

— Фред, ты принял мудрое решение...

— Все поначалу шло прекрасно, — погрустнел Хамелеон.

— ...Но теперь мы меняем ход расследования, — продолжал прокурор.

— Этот вопрос обсуждался с директором и отделом психологов, — подхватил Перкинс. — Все согласились, что детективы Райм и Селитто идут по верному направлению.

— Но мой информатор ясно предупредил меня, что в аэропорту случится нечто серьезное. И этим должны заниматься мы, а не полиция.

— Что бы он там ни замышлял, — резко подытожил прокурор, — факты налицо. Жертву спасла команда Райма, а не вы.

Длинные пальцы Деллрея сжались в кулак, но он тут же снова распрямил их:

— Я, конечно, очень ценю такой факт, сэр, но...

— Агент Деллрей, это решение окончательное, и обсуждению оно не подлежит.

Черное блестящее лицо Хамелеона, такое энергичное и значительное в здании ФБР, когда он отдавал распоряжения своим подчиненным, сейчас стало удрученным и растерянным. На какое-то время образ хиппаря бесследно исчез:

— Да, сэр.

— Последний заложник наверняка бы погиб, если бы не вмешательство детектива Сакс, — напомнил прокурор.

— Офицера Сакс, — поправила его Амелия. — Но основная заслуга здесь принадлежит Линкольну Райму. Я была всего лишь его наблюдателем, если можно так выразиться.

— Словом, дело возвращается к вам, — пояснил прокурор, — а антитеррористическая группа ФБР продолжает заниматься своими непосредственными задачами. Правда, часть людей мы у них заберем. Если ФБР будет располагать какими-либо данными, оно передаст их детективам Селитто к Райму. Деллрей, вам надлежит оказывать им всяческое содействие и помощь.

— Да, сэр.

— Хорошо. Вы не хотите снять наручники с офицеров? Деллрей невозмутимо освободил руки Сакс и Бэнкса от наручников и спрягал «браслеты» в карман. Потом он направился к большому фургону, припаркованному неподалеку. Когда Амелия подняла мешок с собранными ею предметами, она увидела, что на границе освещенного фонарем пятачка одиноко стоит Деллрей, поглаживая засунутую за ухо сигарету. На секунду она ощутила что-то похожее на сочувствие этому фэбээровцу, а потом повернулась и поспешила вслед за Бэнксом с его скелетом змеи в руках. Она поднималась по лестнице вприпрыжку, перескакивая сразу через две ступеньки.

— Я уже все продумал и расставил по местам. Ну, почти все. Сакс едва успела войти в комнату Райма, как услышала это многообещающее заявление. По всему было видно, что Линкольн доволен собой.

— Все, кроме гремучей змеи и мазка этой липкой дряни. Амелия передала мешок Мелу Куперу. Комната опять приобрела вид лаборатории, и на столах заново разместились всевозможные склянки и мензурки. Конечно, спальне Райма было далеко до исследовательского центра ФБР, но, как ни странно, Сакс чувствовала здесь себя куда уютней, почти как дома.

— Ну, рассказывайте, — попросила она.

— Завтра воскресенье, — начал Линкольн. — То есть, прошу прощения, воскресенье уже сегодня. Итак, он задумал сжечь церковь.

— Откуда вам это известно?

— Посмотрите на дату.

— Ту самую, что указана на клочке бумаги? И что же она означает?

— Вам когда-нибудь приходилось слышать об анархистах?

— Это русские в полушубках, которые носятся повсюду с бомбами, по виду напоминающими шары для боулинга? — подал голос Бэнкс.

— Теперь мне ясно, кто тут любит детские книжки с картинками, — сухо прокомментировал Райм. — Джерри, вас, наверное, в газетах интересуют только комиксы. Анархизм — это старое общественное движение, призывающее к уничтожению правительства. Был один такой анархист, Энрнко Малатеста, так вот, его лозунг звучал так: «Пропаганда поступками». В интерпретации это означало убийства и нанесение увечий. Один из его последователей, американец Юджин Локуорти, жил

когда-то в Нью-Йорке. Однажды воскресным утром он запер все двери церкви в Верхнем восточном районе при помощи импровизированных засовов сразу же после начала службы и поджег ее. При пожаре погибло восемнадцать прихожан.

— И это случилось 20 мая 1906 года? — осведомилась Сакс.

— Именно.

— Ну, я даже не спрашиваю, как вы все это припомнили.

Райм неопределенно хмыкнул.

— Это очевидно. Ведь наш подозреваемый, как вы все помните, очень любит историю. Он подкидывает нам спички, что ясно говорит о его намерении совершить поджог. Я воскресил в памяти все знаменитые истории с пожарами; на швейной фабрике, в Хрустальном дворце, на катере «Генерал Слокам»... Потом проверил их по датам. И тогда выяснилось, что двадцатого мая горела Первая методистская церковь.

— Но где будет находиться наша церковь? Там же? — удивилась Сакс.

— Сомневаюсь, — поджал губы Селитто. — На том месте сейчас многоэтажные дома стоят. К тому же, 823-ему не нравятся новостройки. На всякий случай я послал туда двоих наблюдателей, но он, конечно, имел в виду церковь.

— Более того, — добавил Райм, — мы считаем, что он дождется начала службы.

— Но почему?

— Во-первых, именно так поступил Локуорти, — поучительно начал Селитто. — И потом, не забывайте, о чем нас предупредил Терри Добинс: ставки повышаются. Ему уже требуются многочисленные жертвы.

— Ну, в таком случае, у нас есть хоть немного времени до начала службы.

Райм уставился в потолок:

— Итак, сколько церквей находится в Манхэттене?

— Сотни.

— Спасибо, Бэнкс, но вопрос был риторический. Я намекал на то, что нам пора продолжить заниматься вещественными доказательствами и немного сузить географию этой пока неизвестной церкви.

В этот момент на лестнице раздались чьи-то шаги. Через несколько секунд в комнату вошли близнецы Харди.

— Мы только что столкнулись на улице с Фредом Деллреем.

— Но он не проявил особой радости.

— И добродушия.

— Ух ты, посмотри-ка сюда. — Саул (наверное, это был он, поскольку Райм уже успел забыть, у кого из близнецов веснушчатое лицо) кивнул на скелет змеи. — Мы за один вечер их навидались столько, что, пожалуй, на всю жизнь хватит.

— Змей? — поинтересовался Райм.

— Мы заходили в «Метаморфозу». Это...

— ...жуткое местечко. Мы встречались с владельцем магазина. Кошмарный парень, как, кстати, легко догадаться.

— Такая длиннющая борода. Туда надо среди бела дня ходить, а не вечером, — продолжал Беддинг.

— Там продаются чучела летучих мышей, а еще разные высушенные насекомые. Вы не поверите, но некоторые паразиты, например, жуки, достигают в длину...

— ...пяти дюймов.

— И такие твари там тоже в избытке. — Саул снова кивнул на скелет.

— А еще скорпионы. Ух, сколько их там!

— Да, но месяц назад к ним кто-то пробрался — и ...догадайтесь, что оттуда мог утащить вор? Скелет гремучей змеи.

— Хозяин подавал заявление в полицию?

— Да.

— Но общая стоимость пропавшего товара составила всего около ста долларов, поэтому кражу решили все-таки не оформлять. Ну, вы понимаете, как это делается.

— Да, но ты им дальше расскажи. Саул кивнул:

— Змея — это не все, что было похищено. Тот, кто вломился в магазин, спер еще и пару дюжин костей.

— Человеческих? — встрепенулся Райм.

— Именно. И вот это показалось хозяину особенно забавным. Дело в том, что некоторые из его насекомых...

— Даже не по пять, а по целых восемь дюймов в длину. Есть и такие...

— ...которые стоят по триста, а то и по четыреста долларов за штуку. А преступник не нашел ничего лучше, как уволочь скелет змеи да набор человеческих костей.

— Это были какие-то особенные кости? — продолжал расспрашивать братьев Райм.

— В основном мелочь. Россыпь. Ну, как в моделях Уитмана.

— Это владелец магазина так сказал.

— Там косточки от ладони и стопы. И ребро в придачу, может, два.

— Этого уже сам хозяин точно не мог сказать.

— Кто-нибудь из специалистов осматривал место происшествия?

— Из-за пропажи костей? Нет, конечно.

На этом разговор иссяк, и братья Харди отправились выполнять очередное задание.

Райма не оставляла в покое мысль о змее. Может быть, она как-то указывала на место расположения церкви? Каким образом она увязывалась с пожаром в Первой методистской церкви? Когда-то, возможно, змеи и водились на территории Манхэттена, но потом, с урбанизацией местности, земля была полностью очищена от гремучих гадов. Может быть, преступник имел в виду какое-нибудь выражение, куда входят слова «змея» или «погремушка»? Внезапно Райма осенило:

— Ребята, а ведь эта змея предназначается нам.

— Как это? — Бэнкс нервно засмеялся.

— Это символ пощечины.

— Кому?

— Всем, кто пытается отыскать этого преступника. По-моему, скелет змеи нужно рассматривать именно так. Своего рода насмешка.

— Ну, мне почему-то не очень смешно, — заметила Сакс.

— Но выражение лица у тебя сейчас забавное, — вынужден был признаться Бэнкс, после чего усмехнулся сам.

— Тем не менее, я считаю, что мы оказались умнее и проворнее, чем он предполагал поначалу, и это его бесит. Том, запиши это в нашу табличку. Сейчас он смеется над нами, поэтому и прислал эту змею.

Затрещал телефон Селитто, и он поспешно поднял трубку:

— Эмма, дорогая, я тебя внимательно слушаю. Что у тебя есть? — Он радостно закивал, одновременно делая какие-то пометки в своем блокноте, а потом обратился ко всем присутствующим: — Угоны автомобилей. Сведения по фирмам, предоставляющим машины в аренду. В Бронксе пропали два автомобиля «Авис», и еще один в Мидтауне. Но они нам не подходят по цвету. Красный, зеленый и белый. У «Нэшнл» все в порядке, никто ничего не трогал. У «Хертца» пропало четыре машины. Три в Манхэттене: одна из восточного района, одна из Мидтауна и еще одна из Верхнего западного района. Там тоже две зеленые и одна — возможно, наша, — бледно-коричневая. Из Уайт Плэйнз был угнан серебристый «Форд». Мне кажется, что как раз это он и есть.

— Согласен, — поддержал коллегу Райм. — Я тоже присоединяюсь к этому мнению. Итак, Уайт Плэйнз.

— Почему вы в этом так уверены? — удивилась Сакс. — Монелл с одинаковой вероятностью считала машину как бежевой, так и серебристой.

— Потому что наш парень живет в этом городе, — пояснил Райм, — и уж если он задумал угнать машину, то, разумеется, заберет ее из местности наиболее удаленной от своего дома. Значит, говоришь, «Форд»?

Селитто о чем-то еще спросил Эмму, потом снова оторвался от трубки:

— "Таурус". Модель этого года. Темно-серый салон. Ну, номера, я полагаю, нас не интересуют. Райм согласно кивнул:

— Первым делом он, конечно, поменял номера. Поблагодари Эмму от всех нас и пожелай ей спокойной ночи. Только предупреди, чтобы она далеко от телефона не уходила.

— У меня кое-что вырисовывается, — раздался голос Купера.

— Что там?

— Насчет этой мази. Состав понятен, теперь я ищу название этого препарата. — Он уставился на экран. — Вот, давайте посмотрим. Ближе всего эта ерунда похожа на средство «Завитки прочь». Это распрямитель волос, которым обычно пользуется чернокожее население.

— Ну что ж, политически это название не совсем корректно, но нам поможет. Значит, надо ориентироваться на Гарлем, как вы считаете? Следовательно, число церквей становится вполне конкретным. А если точнее... — Бэнкс пролистал три религиозные газеты, и уже через несколько секунд доложил. — Всего их двадцать две.

— В какой из них раньше начинается служба?

— В трех церквях начало в восемь. В шести — в девять утра. Одна начинает в половине десятого, а остальные — в десять или одиннадцать.

— Он, разумеется, выбрал ту, где служба ранняя. Да он и без того предоставил нам несколько часов на поиски.

— Значит, пора Хауманну снова собирать своих ребят.

— А может быть, подключить сюда Деллрея? — вспомнила Сакс одинокого и никому уже не нужного агента, стоящего возле уличного фонаря.

— А почему именно его? — пробормотал Селитто.

— Почему бы и нет? Ему, кажется, не меньше нашего хочется взять этого подонка.

— Да и Перкинс обещал, что он будет нам помогать, — напомнил Бэнкс.

— Вы действительно хотите, чтобы он присоединился к нам? — нахмурился Селитто. Сакс уверенно кивнула:

— Конечно.

— Ну, ладно, — согласился Райм. — Пусть выступит со своим отрядом. По одной команде на каждую церковь. Все входы должны быть под контролем. Но только делать это надо осторожно. Ни в коем случае нельзя его спугнуть. Может быть, мы застанем его как раз на месте преступления.

Снова задребезжал телефон Селитто. Он молча выслушал говорившего, потом закрыл глаза и прошептал:

— Господи!

— О нет, только не это, — забормотал Райм. Детектив вытер вспотевшее лицо и кивнул:

— В центральную поступил звонок по линии 911. Менеджер гостиницы «Мидтаун Резиденс» сообщал, что из аэропорта «Ла Гуардиа» с ним связалась женщина, забронировавшая номер на себя и ребенка. Она обещала взять такси и прибыть через сорок минут, однако до сих пор так и не появилась. Помня из сообщений в «Новостях» о похищениях людей, менеджер решил на всякий случай позвонить. Имя женщины Кэрол Ганц. Она из Чикаго.

— Черт! — проворчал Бэнкс. — Теперь еще и ребенок. Чувствую, придется убрать с улиц все такси до тех пор, пока мы не прищемим эту задницу.

Райм снова почувствовал, как на него наваливается усталость. Голова гудела. Ему вспомнился случай, когда он работал на месте преступления после взрыва на заводе боеприпасов. Из какого-то взрывного устройства просочился нитроглицерин и пропитал кресло, которое пришлось осматривать Райму. Тогда он прочувствовал, какие жуткие головные боли вызывают пары нитроглицерина.

В этот момент на экране компьютера замигал какой-то значок.

— Электронная почта! — объявил Купер и тут же принялся читать сообщение: — Образцы целлофана изучены и подвергнуты анализам. Тот кусочек, что был найден на Перл-стрит, скорее всего, подходит к упаковке, используемой магазинами «Шопрайт».

— Отлично, — обрадовался Райм, кивая в сторону таблицы. — Надо убрать оттуда все ненужные магазины, сохранив только «Шопрайт». Итак, какая местность остается у нас под подозрением?

Он наблюдал, как Том вычеркивает лишние названия, не трогая четыре адреса:

Бродвей и 82-я Гринвич и Банк 8-ая авеню и 24-я Хьюстон и Лафайет.

— Значит, остаются: Верхняя западная и Нижняя восточная стороны, а также Западная часть Виллидж и Челси.

— Но он мог отправиться за покупками куда угодно.

— Конечно, Сакс. Он мог приобрести телятину и в Уайт Плэйнс, откуда угнал машину. Или в Кливленде, куда ездил навестить близких. Но иногда прослеживается следующая тенденция: чувствуя себя в полной безопасности, преступник, как правило, становится невнимателен к мелочам. Бывает, что по лени или от глупости они швыряют еще дымящееся оружие в мусорный бак перед собственным домом или около любимой забегаловки. Более смекалистые топят его в ведре шпаклевки или подбрасывают где-нибудь в районе Врат Ада. Гениальные же преступники не ленятся добраться до перерабатывающего завода и расплавить оружие в печи при температуре в пять тысяч градусов. Не спорю, наш подозреваемый умен, но все же похож на остальных преступников, которых знала мировая история. У него есть пределы сообразительности. К тому же он, видимо, считает, что у нас нет ни времени, ни намерений выискивать его жилище, поскольку он дает нам «ключевые» предметы. Но вот тут-то он и ошибается. Мы поймаем его именно в доме. Теперь посмотрим, не удастся ли нам подобраться к его логову поближе. Мел, ты нашел в одежде последней жертвы что-либо интересное?

Но волны прилива, конечно, уничтожили все возможные следы.

— Ты говорила, что имела место схватка между преступником и Эвереттом?

— Ну, не совсем схватка, — поправила Сакс. — Потерпевший просто ухватил его за рубашку.

Райм прищелкнул языком:

— Наверное, я уже начинаю уставать. Если бы я соображал лучше, то попросил бы тебя взять соскобы из-под ногтей этого Эверетта. Даже если он находился под водой, в этих местах...

— Вот, пожалуйста. — Амелия демонстративно подняла два маленьких полиэтиленовых пакетика.

— Так ты это сделала?

Она кивнула.

— Но почему их два?

Приподняв пакетики по очереди. Сакс пояснила:

— Левая рука, правая рука.

Мел Купер рассмеялся:

— Даже ты бы никогда до этого не додумался. Линкольн. А ведь идея сама по себе замечательная.

— Дифференциация рук... — промычал Райм. — Ну, возможно, это и принесет какую-нибудь незначительную пользу в судебной экспертизе.

— Вот как! — И Купер опять разразился смехом. — На самом деле Линкольн считает эту идею великолепной, но не подает виду, так как она пришла в голову не ему, — «перевел» Мел и тут же принялся изучать содержимое соскобов. — Опять кирпичная пыль.

— Никаких кирпичей поблизости не было, — заявила Сакс.

— И к этим крошечным кусочкам что-то пристало. Пока я не могу сказать, что именно.

— А не могла эта пыль остаться еще со скотного двора? — высказал предположение Бэнкс. — Помнится, там кирпичей было полно, верно?

— Нет, той кирпичной пылью мы обязаны вот кому. — Райм кивнул в сторону Сакс. — И подозреваемый тут не при чем, так как Амелия открыла пальбу уже после того, как он исчез. — Он нахмурился и вытянул шею вперед. — Мел, мне бы хотелось самому взглянуть на эту пыль под микроскопом. Технически это возможно?

Посмотрев на компьютер Линкольна, Купер кивнул:

— Можно попробовать. Должно получиться. Мел соединил проводом микроскоп со своим компьютером, а потом, пошарив в чемодане, извлек оттуда интерфейс и соединил оба компьютера, свой и Райма, в единую систему. Через пять минут восхищенный Линкольн уже разглядывал на своем мониторе то, чем Мел любовался через окуляр микроскопа.

Глаза криминалиста шарили по изображению неимоверно увеличенных кусочков. Внезапно он рассмеялся:

— Да он перехитрил самого себя! Видите эти белые частицы, прилипшие к кирпичу?

— И что же это такое? — заинтересовался Селитто.

— Похоже на клей, — высказал предположение Купер.

— Именно так. Это остатки состава, который наносят на роллер для чистки шерсти домашних животных. Опытные преступники обрабатывают такими роллерами свою одежду, чтобы избавиться от малейших следов. Но тут произошла осечка. Поэтому можно с

уверенностью сказать, что найденная пыль принадлежит дому убийцы. Когда Эверетт схватил его за рубашку, пыль перекочевала к нему под ногти.

— А этот кирпич нам о чем-нибудь говорит? — спросила Амелия.

— Он очень старый и дорогой. Дешевые сорта более пористые из-за добавления различных наполнителей. Отсюда следует, что здание, из которого оно сложено, либо государственное, либо выстроено очень состоятельным человеком. В любом случае, этому дому лет сто, а то и больше.

— Ага, вот оно, — заговорил Купер. — Тут еще одна частица кожи от перчаток. Если они будут с такой скоростью распадаться на кусочки и дальше, скоро мы будем иметь дело уже с отпечатками пальцев.

Экран монитора Райма осветился, и тот в свою очередь принялся осматривать находку.

— А вот это уже забавно, — вновь подал голос Купер.

— Да, она отличается по цвету от прежних. Клочок этот черный. Проверь-ка его на микроспектрофотометре.

После непродолжительного анализа Мел выдал результат:

— Это кожа. Но краситель совсем другой. Может, на перчатке было пятно?

Райм напряг зрение, вглядываясь в клочок кожи на своем экране. И тут он понял, что с ним происходит нечто неприятное. У него начались проблемы.

— Эй, с вами все в порядке? — заволновалась Сакс. Райм не ответил. Мышцы шеи и челюсть начали сильно трястись. Чувство, близкое к панике, зародилось где-то внутри и теперь двигалось по позвоночнику к голове. Затем, словно щелкнул невидимый термостат, озноб прошел, и Линкольн начал обильно потеть. Крупные капли выступили на лбу и щеках, а все тело покрылось испариной.

— Том! — прошептал Райм. — Том, мне кажется, начинается.

Он буквально захлебнулся воздухом, когда сильнейший приступ головной боли прорезал лицо и растекся по стенкам черепа. Райм крепко стиснул зубы, и чуть покачивал головой, в надежде, что это еще не агония. Однако это не помогало. Свет в комнате, как ему казалось, начал

мерцать. Боль была настолько сильной, что от нее хотелось убежать, умчаться прочь даже на ногах, навек утративших подвижность.

— Линкольн! — закричал Селитто.

— Его лицо! — ужаснулась Амелия. — Посмотрите, оно ярко-красное!

В то же время руки Райма побелели и цветом напоминали слоновую кость. Все его тело ниже злосчастного четвертого позвонка бледнело на глазах. Вся кровь Линкольна, словно стремясь поскорее попасть туда, где она была нужнее всего, потоком хлынула в мозг, норовя разорвать тонкие стенки сосудов.

Приступ усиливался, и Райм, как сквозь пелену, видел, как Том, наклонившись над ним, отбросил в сторону одеяло. Он заметил, как с сузившимися в тревоге сияющими голубыми глазами Сакс шагнула вперед. Последнее, что зафиксировало его угасающее сознание, был сокол. Птица, встревоженная поднявшейся в комнате суматохой, распахнула свои мощные крылья и, сорвавшись с карниза, воспарила над пустынными улицами города.

Глава двадцать четвертая

Когда Райм потерял сознание, первым подбежал к телефону Селитто.

— Звоните 911 и вызывайте врачей, — инструктировал его Том. — Затем по скоростному набору: под первым номером у нас значится Пит Тейлор. Пусть срочно приезжает сюда, это наш специалист по позвоночникам.

Селитто позвонил по обоим номерам.

— Мне нужна помощь! — продолжал кричать Том. — Кто-нибудь, подойдите скорее!

Ближе всех оказалась Амелия. Она молча кивнула и подскочила к Райму. Помощник обхватил бесчувственное тело под мышки и повыше пристроил его на подушках. Он расстегнул на груди Линкольна рубашку и принялся массировать бледное тело, сказав остальным:

— Пока можете выйти.

После короткой паузы Селитто, Бэнкс и Купер покинули комнату, прикрыв за собой дверь.

В руках Тома появился бежевый футляр с множеством переключателей и шкал. Из него торчал провод, заканчивающийся небольшим диском, который помощник и приложил к груди хозяина.

— Грудобрюшной стимулятор, — пояснил Том. — Это поможет ему дышать. — Сказав это, он включил аппарат.

Затем он затянул манжет тонометра на алебастрово-белой руке Райма. Сакс невольно обратила внимание на то, что несмотря на свои сорок с небольшим лет. Линкольн обладал совершенно гладкой кожей, которой позавидовал бы и юноша.

— Почему у него так покраснело лицо? Еще немного, и оно, кажется, лопнет.

— Так и будет когда-нибудь, — с грустью в голосе заметил Том, доставая из-под стола набор для оказания первой помощи и продолжая измерять давление. — Дисрефлексия, ничего не поделаешь... Если учесть все сегодняшнее напряжение. И моральное, и физическое. Он не привык к такому образу жизни.

— Да, он несколько раз повторял, что очень устал.

— Я знаю. Да и я как-то упустил это из виду. Ш-ш-ш! Теперь мне надо послушать. — Он вставил в уши рога стетоскопа и принялся стравливать воздух из манжета тонометра, поглядывая на часы. Ничего не объясняя, он только произнес: — Черт!

«Господи Всемогущий! — подумала Сакс. — Еще немного, и Райма хватит удар».

Том указал ей на черную сумку:

— Найдите там нифедипин. И приготовьте шприц. Пока Амелия выполняла его указания, Том, сорвав пластиковую оболочку с нового катетера и смазав его наконечник вазелином, ввел его в мочеиспускательный канал Райма.

— Это тоже одна из проблем, — пояснил он. — Давление в мочевом пузыре и кишечнике способны спровоцировать подобный приступ. А он сегодня выпил порядочно жидкости.

Сакс распечатала шприц и взглянула на Тома:

— Я не знаю, какая нужна игла.

— Остальное предоставьте мне. Лучше помогите здесь. Надев резиновые перчатки, Амелия взяла в левую руку бледный и вялый пенис Райма. Давно уже она не прикасалась к мужской плоти, и сейчас удивилась, насколько та может быть мягкой и нежной на ощупь.

Том профессионально сделал хозяину инъекцию:

— Ну, давай. Линкольн...

Вдали на улице послышалось завывание сирены скорой помощи.

— Они уже почти что здесь, — сказал он, выглядывая в окно. — Но если он не придет в сознание, врачи тоже вряд ли чем-нибудь смогут помочь.

— Через сколько времени подействует лекарство?

Том взглянул на бесчувственное тело:

— Уже должно было подействовать. Но повысить дозу тоже нельзя, так как это может привести к шоку. — Нагнувшись, он приподнял пальцем веко Райма. Зрачок не реагировал. — Плохо. — Он снова принялся измерять давление.

— Он же может умереть, — встревожилась Сакс.

— Ну, это не проблема.

— Что? — изумилась девушка.

— Он как раз не против уйти из жизни. — Том посмотрел на Сакс так, словно недоумевал, почему такая простая мысль не пришла ей в голову. — Ему не хочется стать еще более беспомощным, чем сейчас. — Том приготовил еще одну инъекцию. — Возможно, у него уже был один. Удар, я имею в виду. И вот это его пугает.

Помощник сделал второй укол.

Звук сирены на улице нарастал. Одновременно раздались сигналы других автомобилей. Прочие машины не спешили уступать дорогу карете скорой помощи, что всегда злило Амелию.

— Теперь можете вытащить катетер.

Она осторожно извлекла трубку и посмотрела на Тома:

— А теперь надо... — И девушка указала на пластиковый мешок мочеприемника.

— А это уже моя обязанность, — улыбнулся Том. Прошло несколько минут, но скорая помощь, казалось, не продвинулась к дому ни на ярд. Потом на улице невнятный голос, усиленный мегафоном, что-то проорал, и звук сирены начал стремительно приближаться.

Внезапно Райм пошевелился. Его голова дернулась сначала в одну сторону, потом в другую, и откинулась на подушке. Багровый цвет лица постепенно начал уступать место нормальному.

— Линкольн, вы меня слышите?

— Том... — простонал Райм.

Его тело сотрясал озноб, и помощник поспешил укрыть хозяина простыней.

Сакс поглаживала ладонью спутанные волосы Линкольна, а потом, взяв салфетку, вытерла его мокрое от пота лицо.

На лестнице раздались шаги, и в комнату ввалились два здоровенных медика с шипящими рациями, торчащими из нагрудных карманов халатов. Они быстро измерили давление и проверили работу стимулятора. Через пару секунд вслед за ними появился и доктор Питер Тейлор.

— Питер, — обратился к нему Том. — У нас дисрефлексия.

— Давление?

— Сейчас снижается, но было очень плохо. Доходило до ста пятидесяти.

Доктор поморщился.

Том представил Тейлора сотрудникам скорой помощи, и те, удовлетворенные присутствием знающего специалиста, позволили тому пройти к кровати больного.

— Доктор, — слабым голосом произнес Райм.

— Ну-ка, посмотрим эти глазки, — Тейлор посветил медицинским фонариком в зрачки Райма. Сакс попыталась определить состояние Линкольна по реакции доктора. Питер нахмурился, и Амелия забеспокоилась.

— Мне уже не нужен стимулятор, — прошептал Райм.

— Ни вам, ни вашим легким, да? — сухо поинтересовался доктор. — Ну, пусть еще немного поработает. А мы пока посмотрим получше, что же с вами произошло. — Он взглянул на Сакс. — А вам, если не возражаете, лучше подождать внизу.

......

Тейлор наклонился к пациенту, и Райм заметил, что на голове доктора сквозь жидкие волосы заблестели капельки пота.

Ловкими пальцами Питер снова приподнял сначала одно веко Райма, потом другое, изучая его зрачки. Потом быстро собрал свой сфигмоманометр и измерил ему давление. Взгляд его, казалось, был уже где-то далеко, как это случается с врачами, погруженными в свое нелегкое занятие.

— Приближается к норме, — успокаивающим тоном произнес Питер. — Как у нас с мочой?

— Тысяча сто миллилитров, — подсказал Том. Тейлор начал сердиться:

— Опять наплевательское отношение к самому себе? Или очень много выпили за день?

Райм, в свою очередь, тоже не счел нужным оправдываться:

— У нас было очень много дел, доктор. Ну и, конечно, забывал все вовремя сделать.

Только сейчас Тейлор заметил изменения, произошедшие в комнате. Он удивленно осматривал аппаратуру, как будто ее тайком внесли сюда и расставили, пока доктор занимался больным:

— Что все это значит?

— Меня отозвали из отставки. Не дают спокойно пожить на пенсии.

Удивление на лице Тейлора сменилось добродушной улыбкой:

— И давно пора. Я уже сколько месяцев с вами бьюсь, чтобы вы занялись чем-нибудь полезным. Ну, а как обстоят дела с кишечником?

— Уже прошло часов двенадцать, — снова вставил Том. — Или даже четырнадцать.

— Как вы все же беспечны! — упрекнул помощника доктор.

— Его вины в этом нет, — поспешил выручить Тома Райм. — У меня весь день в комнате толпился народ.

— Никакие извинения и оправдания не принимаются, — отрезал доктор. Тейлор был строг и никогда не разговаривал через «переводчиков», обращаясь непосредственно к интересующему его человеку. Он умело

справлялся даже с самыми упорными пациентами и не позволял им садиться себе на шею.

— Ну, тогда мы сейчас позаботимся и об этом. — Он надел хирургические перчатки и начал проделывать довольно непростые манипуляции, чтобы заставить ленивый кишечник сработать. Том приподнял одеяло и подложил одноразовую пеленку.

Когда все было закончено, помощник протер тело хозяина влажными тампонами.

— Итак, я надеюсь, вы отказались от своей бредовой затеи? — неожиданно спросил Тейлор, пристально глядя в глаза Райма.

Бредовой затеи...

Он имел в виду самоубийство. Взглянув на Тома, Райм нехотя ответил:

— Уже некоторое время я об этом не думал.

— Хорошо. — Тейлор снова окинул взглядом аппаратуру на столе. — Вот чем вам стоит заниматься. Может быть, вас снова возьмут на работу.

— Наверное, я не пройду медицинскую комиссию.

— Как голова?

— Ну, если представить себе с десяток кувалд, бьющих по ней, то впечатление будет полным. И с шеей так же. Сегодня два раза были судороги.

Тейлор обошел изголовье кровати и нажал пальцами где-то с обеих сторон позвоночника. Именно там, как полагал Райм, хотя он и не видел этого места, оставались шрамы после операции. Затем доктор принялся массировать Райму шею и плечи, аккуратно надавливая на затвердевшие мышцы. Боль утихла.

Внезапно пальцы Питера замерли, очевидно, там, где находился злосчастный поврежденный позвонок.

Космический корабль, морской скат...

—Когда-нибудь они научатся чинить и это, — проговорил Тейлор. — Когда-нибудь подобная травма станет для врача такой же ерундой, как и сломанная нога. Поверьте мне. Я это предвижу.

......

Через пятнадцать минут Питер Тейлор вышел из дома и присоединился к полицейским, сгрудившимся на тротуаре возле входной двери.

— С ним все в порядке? — взволнованно спросила Амелия.

— Давление нормализовалось, но сейчас ему нужно отдохнуть.

Внезапно доктор, не отличавшийся эффектной внешностью, осознал, что перед ним стоит восхитительной красоты женщина. Он пригладил свои жидкие волосы и восхищенно оглядел ее стройную и гибкую фигуру. Затем он увидел стоявшие неподалеку полицейские маслины и поинтересовался:

— А какое дело он помогает вам расследовать?

Селитто что-то невнятно промычал. Полицейские обычно не любят отвечать на подобные вопросы, если они исходят от гражданских лиц. Но Сакс сразу поняла, что Райм и Питер — близкие друзья, и поэтому охотно пояснила:

— Вы слышали о вчерашнем похищении?

— О таксисте? Да, об этом во всех сводках новостей говорят. Это достойное занятие для Линкольна. Работа — как раз то, что ему нужно. Ему необходимы друзья и цель в жизни.

Дверь открылась, и появился Том:

— Он велел передать вам спасибо, доктор... Ну, он конкретно так не сказал, но имел в виду. Вы же его знаете.

— Том, скажи мне правду, — начал Тейлор, и голос его стал тихим, как у конспиратора. — Он до сих пор планирует начать с ними переговоры?

И когда помощник произнес: «Нет, не планирует». Сакс сразу уловила лживые интонации. Она еще не понимала, о чем идет речь, но какое-то смутное нехорошее предчувствие зародилось у нее на сердце.

Планирует начать с ними переговоры...

Однако Тейлор, похоже, не заметил обмана, а только сказал:

— Я навещу его завтра и посмотрю, как он себя чувствует.

Том ответил, что будет очень рад визиту, и Питер, перекинув свою сумку через плечо, зашагал прочь. Помощник рукой подозвал к себе Селитто:

— Он просит вас зайти на минуточку.

Детектив быстро поднялся по ступенькам и исчез в спальне. Через некоторое время они с Томом снова вышли на улицу. Селитто посмотрел на Сакс и объявил:

— Теперь ты. — И кивком указал на лестницу.

Райм спокойно лежал на кровати, и хотя волосы его были по-прежнему растрепаны, лицо уже не выглядело таким красным, а руки — бледными. В комнате по-больничному пахло лекарствами. Постель была застлана свежим бельем, а самого Райма Том уже успел переодеть. На этот раз он выбрал для него ярко-зеленую пижаму под цвет ядовитого костюма Деллрея.

— Ничего отвратительнее подобной пижамы я еще не видела, -призналась Амелия. — Наверняка это твоя бывшая жена выбрала такую, — фыркнула она, незаметно переходя на «ты» и чувствуя себя уже настоящим другом после всего происшедшего.

— Как ты догадалась? Да, этакий подарок на годовщину свадьбы... Извини, что я тебя напугал... — Он отвернулся, стараясь не смотреть ей в глаза. Неожиданно став робким, он еще больше расстроил Сакс своим поведением. Ей сразу вспомнился отец перед операцией в госпитале. Он так и не очнулся после наркоза.

— Извини? — грозно произнесла она. — Это еще что такое? Чтобы больше я ничего подобного не слышала!

Он оценил ее уверенность и заявил:

— Вы вдвоем прекрасно справитесь.

— Кто это «мы»?

— Ты и Лон. Ну, конечно будет еще и Мел. И Джим Поллинг.

— Не понимаю.

— Я вас покидаю.

— Что-что?

— Моему организму такие перегрузки, вероятно, уже не под силу.

— Но ты этого не сделаешь. — Она взмахнула рукой в сторону таблицы. — Нет, ты только посмотри сюда. Мы уже практически вышли на этого 823-го.

— Тем более, это означает, что я вам больше не нужен. Вам требуется только чуточку везения.

— Везения? Ты вспомни, сколько лет ловили Банди. А Зодиака? А Вервольфа?

— У вас уже достаточно информации. И вся она проверена и надежна. Вы определите направление и схватите его. Сакс. Это будет твоя лебединая песня, прежде чем ты перейдешь в отдел Общественных связей. Я чувствую, что преступник стал чересчур дерзким и самоуверенным. Значит, вы можете поймать его даже у церкви.

— А ты смотришься сейчас прекрасно, — неожиданно сменила тему Сакс, хотя на самом деле он выглядел отвратительно. Райм засмеялся, но улыбка быстро сошла с его лица:

— Я действительно сильно устал. И меня мучают боли. Черт, мне кажется, что у меня болят даже такие места, которые теоретически не могут болеть.

— Знаешь, что? Поступи так, как в этом случае делаю я. Прикорни немного.

Райм хотел, чтобы его смех прозвучал иронично, но из этого ничего не получилось. И это ей тоже не понравилось. Линкольн закашлялся, взглянул на стимулятор и поморщился, словно ему было стыдно оттого, что он зависит от какого-то механизма:

— Сакс... Не думаю, чтобы нам еще когда-либо придется работать вместе... Я просто хотел сказать, что тебя впереди ждет блестящая карьера, если ты, конечно, сделаешь правильный выбор.

— Ну, я думаю, мы еще не раз увидимся после того, как прижмем эту поганую задницу.

— Мне бы тоже этого хотелось. Я рад, что именно ты оказалась вчера первой на железной дороге. Лучшего напарника для осмотра места преступления я не видел.

— Я...

— Линкольн, — вдруг раздался в комнате чей-то голос. Амелия оглянулась и увидела в дверях незнакомого мужчину. Он с интересом осматривал комнату, изучая произошедшие в ней перемены.

— Похоже, здесь кипела работа...

— Заходите, доктор, — пригласил Райм Бергера, и лицо его озарилось улыбкой. Тот шагнул вперед:

— Том мне уже рассказал, что вам вызывали «скорую». Это правда?

— Доктор Уильям Бергер, познакомьтесь. А это Амелия Сакс.

Но Сакс сразу поняла, что она в данный момент просто перестала существовать в мире Линкольна Райма. Все то, что она хотела ему сказать, — а она хотела выговориться, — придется теперь отложить до лучших времен. Она молча вышла из комнаты, и поджидавший ее Том, предварительно плотно закрыв дверь в спальню, проводил девушку до выхода.

Сакс вышла на душную улицу и тут же услышала позади себя голос:

— Простите...

Она обернулась и увидела доктора Тейлора, одиноко стоящего возле дерева. — Можно мне поговорить с вами? Буквально одну минутку.

Они не спеша двинулись по тротуару.

— Да? — Амелия приготовилась слушать. Тейлор остановился, прислонился к стене дома и снова машинально пригладил волосы. Сакс почему-то сразу вспомнилось, как ей удавалось одним словом или взглядом запугивать мужчин и делать из них полных идиотов. В который раз она подумала о том, какой же бессмысленной и бесполезной силой является красота.

— Вы ведь с ним друзья, как я понял, — наконец, начал доктор. — Я хочу сказать, что вы не просто коллеги, а еще и хорошие товарищи.

— Конечно. Именно так.

— Тот человек, который только что прошел к нему. Вы знаете его?

— По-моему, он назвал его Бергер. Он врач.

— Он не сказал, откуда он?

— Нет.

Тейлор поднял голову и посмотрел на окна спальни Райма:

— Вы что-нибудь слышали об Обществе Леты?

— Нет… То есть, погодите-ка… Это группа медиков, пропагандирующих эвтаназию, если не ошибаюсь.

Тейлор кивнул:

— Я знаю в лицо всех врачей Линкольна. И никогда не слышал фамилии Бергер. Я подумал о том, не из этого ли он случайно Общества?

— Что?

Не планирует ли он…

Так вот о чем они там ведут переговоры!

Амелия почувствовала себя невесомой от полученного шока:

— А он когда-нибудь раньше… думал об этом?

— О да! — вздохнул Тейлор, вглядываясь в ночное небо. — О да. — Он прочитал ее фамилию на значке. — Офицер Сакс, я часами беседовал с Раймом, пытаясь отговорить его от этой безумной затеи. Но я работаю с инвалидами вот уже много лет и знаю, насколько они могут быть упрямыми. Может быть, он послушает вас? Всего несколько слов. Я вот тут подумал… Может быть, вы?..

— О Господи, Райм, что же ты… — забормотала Сакс и бросилась по тротуару к дому Линкольна, оставив доктора одного.

Она ворвалась во входную дверь как раз в тот момент, когда Том уже собирался запереть ее. Она оттолкнула помощника и быстро пояснила:

— Забыла свой блокнот.

— Что?

— Сейчас вернусь.

— Туда нельзя, — предупредил Том. — Там врач.

— Я только на секундочку.

Когда Том сообразил, в чем дело, она уже была наверху. Поняв свою промашку, он бросился за ней, перепрыгивая через две ступеньки. Но Амелия оказалась проворнее и сумела влететь в спальню прежде, чем тот очутился на лестничной площадке перед только что захлопнувшейся у него перед носом дверью.

От громкого удара Райм и доктор одновременно вздрогнули. Бергер наклонился вперед, скрестив руки над столом. Амелия повернулась и моментально закрыла дверь на замок. Том принялся отчаянно стучаться. На лице Бергера отобразились недовольство и любопытство.

— Сакс, что это значит? — выпалил Райм.

— Мне надо с тобой поговорить.

— О чем?

— О тебе самом.

— Позже.

— Когда именно, Райм? — саркастически поинтересовалась Амелия. — Завтра? А может, через недельку?

— Я тебя не понимаю.

— Может быть, ты сверишься с расписанием и назначишь мне аудиенцию? Скажем, во вторую среду следующего месяца? Тогда-то ты сможешь со мной поговорить? Ты меня примешь?

— Сакс...

— Мне нужно поговорить. Наедине.

— Нет.

— Ну что ж, раз ты не хочешь по-хорошему, будем принимать меры. — Она шагнула к Бергеру. — Вы арестованы. Вы обвиняетесь в попытке содействия самоубийству. — Сверкнули наручники, и уже через пару секунд они со щелчком закрылись на руках обескураженного доктора.

......

Она поняла, что находится в церкви.

Кэрол Ганц лежала в подвале на полу. Единственный луч света, проникавший сюда, падал на стену, вырывая из мрака старую картину,

изображающую Иисуса, в окружении миниатюр, рассказывающих о его деяниях. В середине помещения сгрудились с полдюжины небольших стульев. Как догадалась Кэрол, они предназначались для учеников воскресной школы.

Она по-прежнему лежала в наручниках и с заклеенным лентой ртом. Кроме того, похититель привязал женщину к трубе, торчащей рядом со стеной, при помощи четырехфутовой веревки.

На столе неподалеку от себя Кэрол увидела большой стеклянный кувшин.

Если бы она дотянулась до него и разбила, то можно было бы попробовать перерезать веревку куском стекла. На первый взгляд казалось, что стол находится вне досягаемости, но женщина все же решила попробовать. Она перекатилась на бок и стала, извиваясь, как червяк, подползать к его ножке.

Это тут же напомнило ей о ребенке. Маленькая, еще грудная Пэмми частенько вот так ползала в кровати между ней и Роном. Кэрол расплакалась, представив себе, что ее малышка сейчас тоже находится в каком-то подвале, причем совсем одна.

Пэмми, плюшевый мишка, кошелек...

На какой-то момент она размякла и совсем потеряла надежду на спасение. Лучше бы она вообще никогда не уезжала из Чикаго!

«Нет, нельзя так даже думать! — мысленно отругала себя женщина. — Перестань себя жалеть! Ты все сделала абсолютно правильно. И сделала это для Рона. Ну, и ради себя, конечно. Он бы гордился тобой». Именно эти слова повторяла ей Кейт, и, в конце концов, Кэрол ей поверила.

Она снова принялась ползти вперед. Еще один фут был преодолен.

В голове ее плыл туман, и от слабости было трудно сосредоточиться. Мысли разбегались в разные стороны.

В горле першило, очень хотелось пить. Пахло сыростью и плесенью.

Она проползла еще немного, затем остановилась передохнуть, не сводя глаз со стола. И снова задача показалась ей невыполнимой. Стоит ли стараться понапрасну?

Интересно, о чем сейчас думает крошка Пэмми? Где она? Что с ней?

«Ах ты, подонок! — проклинала про себя Кэрол незнакомца. — Все равно я тебя найду и убью!»

Она напрягла мышцы, приготовившись ползти дальше, но внезапно потеряла равновесие и опрокинулась на спину, всем весом навалившись на руки. Она задохнулась и тут же поняла, чем это грозит. Нет! Запястья хрустнули, Кэрол сдавленно вскрикнула и потеряла сознание. Когда она пришла в себя, ее сразу же затошнило.

Нет, нет, нет! Если ее сейчас вырвет, то она умрет, ведь ее рот надежно заклеен лентой. Этого нельзя допустить.

Сражайся! Подави в себе эти рвотные позывы. У тебя все получится. Давай же!.. Она негромко рыгнула.

Нет! Управляй же своим организмом!

Тошнота подступала все ближе.

Контролируй дыхание...

И ей удалось справиться с собой. Глубоко дыша через нос, она сосредоточила все свои мысли на Кейт, Эдди и Пэмми, и, кроме того, на желтом рюкзаке, в котором находились все ее сбережения. Она почти видела его перед собой. Там, внутри, заключалась вся ее новая жизнь.

Рон, я не хочу, чтобы все так заканчивалось. Ведь я приехала сюда ради тебя, милый...

Она закрыла глаза, думая только об одном: надо дышать спокойно, ровно и как можно глубже. Уже через минуту ей стало значительно легче, и хотя она продолжала плакать из-за боли в вывихнутом запястье, Кэрол все же решила доползти до стола. И вот позади еще один фут. Два...

Неожиданно она почувствовала глухой несильный удар: ее голова натолкнулась на ножку стола. Она только и смогла, что дотянуться до него. Двигаться дальше не позволяла веревка.

Тогда она принялась мотать головой взад-вперед, стараясь посильнее пихнуть стол. Кэрол слышала, как плещется жидкость в кувшине. Она остановилась и взглянула наверх.

Горлышко кувшина виднелось над краем стола. Кэрол поднатужилась и снова ударила головой по деревянной ножке.

Нет! Слишком далеко находился стол, и ее уловка не удалась. Кувшин чуточку шевельнулся, но остался стоять. Кэрол потянулась вперед, надеясь на чудо, но крепкая веревка не растягивалась.

Проклятье! В отчаянии глядя на кувшин, она только теперь обратила внимание, что в жидкости, наполнявшей его, что-то плавало. Что же это?

Она медленно отползла назад, чтобы получше разглядеть непонятный предмет. В кувшине находилась лампочка. Нет, эта вещица только на первый взгляд напоминала лампочку. Это было что-то вроде самой нити накала и основания, вкрученного в патрон. От него шел проводок, который соединялся с таймером. Такие механизмы обычно используются для включения и выключения света в квартире, когда хозяева уезжают куда-либо отдохнуть. В общем, эта штуковина здорово напоминала...

Бомбу! Только теперь Кэрол учуяла слабый запах бензина.

Нет, нет...

Она попыталась как можно быстрее отползти от стола, не переставая при этом всхлипывать. У стены находился шкаф с полками. Он наверняка сможет послужить ей укрытием при взрыве. Женщина устроилась рядом с ним и подтянула колени к подбородку. Но ею тут же овладела паника, и Кэрол, рассердившись на себя, вытянула ноги вдоль стены. От резкого движения она снова потеряла равновесие, и в ту же секунду с ужасом осознала, что еще раз падает на спину. Не надо! В самый последний момент ей каким-то чудом удалось удержаться в полусидячем положении, и она застыла, боясь пошевелиться. Однако так продолжалось лишь пару секунд, после чего она все же повалилась на спину, всей массой надавив на поврежденное запястье. Острая, невыносимая боль пронзила ее руку, и Кэрол — слава Богу! — опять лишилась чувств.

Глава двадцать пятая

— Райм, что происходит? Вы не должны этого допустить. Бергер заволновался. Райму казалось, что он в свое время навидался всевозможных примеров поведения человека в обстоятельствах подобных тем, которые сложились сейчас в его собственной спальне. Основной проблемой для Бергера являлись не те, кто хотел умереть, а те, кто старался заставить их жить.

Том молотил в дверь, не переставая.

— Том! — крикнул ему Линкольн. — У нас здесь все в порядке. Можешь пока идти. — Затем он обратился к Сакс. — А мы уже, как мне кажется, попрощались. Ты и я. Поэтому не стоит портить мне такой роскошный финал.

— Ты не посмеешь этого сделать.

«Кто же это успел наябедничать? Может быть, Питер Тейлор? — размышлял Райм. — Доктор мог почувствовать, что мы с Томом пытаемся его одурачить».

Райм заметил, как Сакс принялась изучать предметы, появившиеся на столе. Просто дары волхвов какие-то: бренди, таблетки и самый обыкновенный пластиковый пакет. И резиновая полоска, примерно такая же, которую Сакс наматывала себе на туфли. (Сколько же раз он возвращался домой, позабыв снять эти чертовы полоски, и тогда Блэйн в ужасе повторяла: «Какой кошмар! Соседи подумают, что ты не в состоянии купить себе новую пару обуви! Нет, Линкольн, ты меня с ума сведешь!»)

— Сакс, немедленно сними наручники с моего доброго доктора. И в последний раз прошу тебя: выйди отсюда. Она нервно рассмеялась:

— Прости меня, но его поступок в штате Нью-Йорк оценивается как преступление. Между прочим, прокурор может при желании классифицировать его как покушение на убийство.

— Я просто беседовал с пациентом, — вставил Бергер.

— Вот поэтому вы и обвиняетесь только в попытке. Пока что. Мы еще проверим ваши отпечатки пальцев через компьютерную систему. Посмотрим, может быть, против вас еще что-нибудь найдется.

— Линкольн, — уже не на шутку встревожился Бергер. — Как же так? Я не могу...

— Мы сами между собой разберемся, — настаивал Райм. — Сакс, ну, пожалуйста...

Она стояла, чуть расставив ноги, руки на бедрах, прекрасная и неумолимая:

— Вперед! — рявкнула Амелия, посмотрев на доктора.

— Сакс, ты даже не представляешь, насколько для меня это важно.

— Я не позволю тебе убить себя.

— Не позволю?! — разъярился Райм. — Не позволю? А с какой стати я должен спрашивать на это твоего разрешения?

— Мисс... — спокойно начал Бергер, — офицер Сакс, это его личное решение, и оно ничему не противоречит. Линкольн вполне осознает то, что делает. Он понимает больше, чем, пожалуй, все остальные мои пациенты.

— Пациенты? — скривилась Амелия. — Вы, наверное, хотели сказать, жертвы.

— Сакс! — укоризненно взглянул на нее Райм, стараясь, чтобы его голос не прозвучал слишком уж растерянно. — Мне потребовался целый год, чтобы найти человека, готового помочь в таком деле.

— Может быть, потому и так долго, что это неверное решение. Об этом ты никогда не задумывался? И почему именно сейчас? Прямо во время расследования?

— Ну, а если бы у меня начался еще один приступ, переходящий в удар? Я бы вообще потерял всякую способность общаться с внешним миром. Я сохранил бы возможность воспринимать все происходящее, оставаясь при этом полностью неподвижным. Ну, а если мозг у меня продолжал бы работать, тогда вообще никто бы не осмелился нажать за меня на курок. По крайней мере, сейчас я могу отвечать за свои поступки.

— Но почему ты так решил? — не унималась Сакс.

— А почему бы и нет? Ну, скажи, что же тут неверного?

— Ну... — Амелии казалось, что аргументы против самоубийства настолько очевидны, что и не стоит их перечислять. — Потому что...

— Ну-ну, продолжай. Сакс...

— Во-первых, это проявление трусости и слабости.

Райм рассмеялся:

— Ты что же, хочешь начать дискуссию по этому поводу? Неужели? Ну, что ж, по крайней мере, это честно. «Трусость», говоришь ты. Давай вспомним тогда сэра Томаса Брауна:

«Когда жизнь становится ужаснее смерти, только тогда открывается истинная ценность жизни». Смелость перед лицом непреодолимых бедствий и страданий... Классический аргумент в пользу жизни. Только

если все это правда, зачем нужна анестезия перед операциями? Зачем продают аспирин?

Почему болеутоляющие препараты занимают первое место по продаже? Прости меня, но я могу сказать тебе точно, что в боли нет ничего хорошего.

— Но ты не страдаешь от боли.

— А как ты определяешь понятие боли. Сакс? Может быть, отсутствие всяческих чувств и есть боль?

— Но ты можешь приносить огромную пользу. Ты только посмотри на себя: твои знания, твой опыт...

— Это уже так называемый социальный аргумент. Он весьма популярен. — Райм взглянул на погрустневшего врача, но тот молчал. Сейчас Линкольн увидел, что Бергер заинтересованно смотрит на бледный позвонок, лежащий на столе. Он взял его в закованные руки и медленно поглаживал. Райм вспомнил, что этот человек когда-то был ортопедом.

— А кто сказал, что я должен обязательно приносить какую-то пользу обществу? — продолжал он, снова обращаясь к Амелии. — Напрашивается вывод, не могу ли я, наоборот, вносить какой-то отрицательный вклад своими действиями? Ведь я могу и вредить обществу. Как себе самому, так и остальным.

— Ну что ж, такова жизнь.

Райм улыбнулся:

— Но я выбираю смерть, а не жизнь.

Сакс задумалась, пытаясь подобрать нужные слова:

— Это просто... В общем, смерть — это неестественно.

— Разве? Вот Фрейд бы с тобой не согласился. В конце концов, он отказался от принципа получения удовольствия, чувствуя, что должна существовать другая реальность, не имеющая эротического начала и в то же время являющаяся движущей силой. Она и предусматривает логическое завершение всего того, что мы сотворили в жизни. Наше саморазрушение является совершенным и естественным выходом. Все в этом мире умирает — так что может быть естественней смерти? Амелия нервно почесалась.

— Ну, допустим, — согласилась она. — Может быть, жизнь для тебя — это вызов, это миллион проблем, которые остальные люди просто не замечают. Но я почему-то подумала... все то, что я знаю о тебе, наводит на определенную мысль. Ведь ты как раз такой человек, который не отступает перед трудностями и готов им противостоять.

— Трудностями? Давай-ка я кое-что тебе расскажу. В течение целого года я был вынужден прибегать к помощи искусственного вентилятора легких. Ты видишь шрам, оставшийся от трахеотомии? Так вот, при помощи изнурительных дыхательных упражнений и моей чудовищной силы воли мне удалось преодолеть зависимость от этого механизма. В результате мои легкие остались такими же сильными, как у обычного здорового человека. Даже это можно считать подвигом. И на это я потратил восемь месяцев своей жизни. Ты понимаешь, о чем я сейчас говорю? Шесть месяцев для того, чтобы управлять элементарной животной функцией, находящейся на уровне рефлекса. Я уже не говорю о чем-то гениальном, как, например, роспись Сикстинской Капеллы или техника игры на скрипке. Я говорю, черт возьми, об элементарном дыхании.

— Но ты же можешь потом поправиться. В следующем году, может быть, ученые найдут выход и станут лечить такие заболевания.

— Нет. Ни в следующем году, ни через десять лет.

— Откуда тебе это известно? Исследования никогда не прекращаются...

— Ну, разумеется. Тебе, наверное, неведомо, что в этой области я уже и сам понемногу стал специалистом. Пересадка эмбриональной нервной ткани в поврежденные участки для стимулирования восстановления нейронов... — эти слова легко слетали с его красивых губ. — Эффект незначителен. Некоторые врачи предпочитают обрабатывать пораженные зоны всевозможными химическими препаратами, чтобы создать участок, благоприятный для регенерации клеток. Результат также невысок. У низших форм жизни, правда, наблюдается некоторый прогресс, но только не у высокоразвитых организмов. Если бы я был лягушкой, то уже снова мог бы ходить. Вернее, прыгать.

— Значит, все-таки кто-то работает над этой проблемой? — воодушевилась Сакс.

— Да, но ни один из ученых не ожидает прорыва в ближайшие двадцать или даже тридцать лет.

— Ну, если бы результат был ожидаем, — вставила Амелия, — то его бы и не называли «прорывом».

Райм засмеялся. Нет, эта женщина действительно неповторима.

Сакс смахнула с лица вуаль непослушных волос и напомнила Райму:

— Между прочим, твоя профессия касается юриспруденции, а самоубийство — противозаконно.

— А также грех, — отозвался Райм. — Кстати, индейцы из штата Дакота считают, что люди, которые убили сами себя, после смерти должны таскать за собой дерево, на котором повесились, в течение вечности. И что же, это поверье остановило волну самоубийств? Нет. Просто они стали выбирать самые маленькие деревья.

— Ну, тогда вот что. У меня остается только последний аргумент. — Она решительно взялась за цепочку наручников. — Я забираю его. Попробуй теперь что-нибудь сказать мне против.

— Линкольн! — взмолился Бергер, и в его глазах промелькнул страх. Сакс положила руку доктору на плечо и подтолкнула его к двери. — Не надо. Пожалуйста, я прошу вас, не делайте этого, — залепетал он.

Амелия уже открывала дверь, когда Райм внезапно остановил ее:

— Сакс, перед тем, как ты уйдешь, ответь мне на один вопрос. Она остановилась, ухватившись за дверную ручку.

— Только один вопрос. Она оглянулась.

— А тебе никогда не хотелось это сделать? Убить себя? Она отперла дверь с громким щелчком.

— Отвечай!

Сакс стояла к Райму спиной. Не поворачиваясь, она четко произнесла:

— Нет. Никогда.

— Ты счастлива в своей жизни?

— Как и все другие.

— Тебя никогда не одолевала депрессия?

— Этого я не говорила. Я только сказала, что у меня никогда не возникало желания убить себя.

— Ты говорила, что обожаешь водить машину. Обычно люди, любящие сидеть за рулем, редко ограничивают себя в скорости. А ты?

— Иногда.

— Какая у тебя была максимальная скорость?

— Не помню.

— Больше восьмидесяти?

— Да. — Амелия не могла сдержать улыбки.

— Больше сотни?

Она указала большим пальцем вверх.

— Сто десять? Сто двадцать? — удивился он.

— Мой рекорд — 168 миль в час, — призналась, наконец, Амелия.

— Сакс, милая, это действительно впечатляет! Но когда ты ехала на такой скорости, неужели ты тогда не подумала, что, может быть, просто *может быть,*сейчас что-то случится. Ось, или шина, или что-то другое, вероятно, просто что-то скользкое на дороге?

— Нет, все было достаточно безопасно. Я не сумасшедшая.

— *Достаточно*безопасно. Но когда ты летишь на такой скорости, напоминая больше маленький самолет, ты не можешь стопроцентно быть уверена в собственной безопасности. Разве не так? Значит, ты должна признать, что в любую минуту может произойти авария, и ты погибнешь. Верно ведь?

— Ну, возможно, — уступила она.

Бергер, продолжая нервно сжимать закованными руками позвонок, молчал и переводил взгляд с одного спорящего на другого.

— Значит, ты подходила к этой опасной черте? Ну, ты прекрасно понимаешь, о чем я сейчас говорю. Эта линия разделяет *риск*смерти и *уверенность*в том, что ты сейчас погибнешь. Понимаешь, Сакс, если ты будешь постоянно думать о мертвых, то эта граница начинает как бы размываться. И становится проще переступить черту, чтобы присоединиться к ним.

Она опустила голову. Ее лицо оставалось спокойным, а волосы, закрывшие глаза, не позволяли видеть их выражение.

— Надо забывать умерших, — прошептал он, моля про себя, чтобы она оставила Бергера в покое. Он знал, что она уже начала колебаться. — Я, видимо, задел какую-то больную струну? Какая часть тебя самой хочет последовать за мертвыми? Это не крохотная частица. Сакс. Она гораздо больше, чем ты думаешь.

Она сейчас уже не знала, правильно ли поступает, и Райм понял, что почти добился желаемого.

Амелия сердито взглянула на Бергера и схватила его за наручники:

— Пойдемте!

— Я надеюсь, ты меня поняла правильно? — крикнул Райм ей вдогонку.

И снова она в нерешительности остановилась.

— Иногда... происходят странные вещи. Сакс. Случается так, что ты больше не можешь оставаться тем, кем был всегда. Ты не получаешь того, что должен получать. И жизнь меняется. Может быть, лишь немного, а может, и значительно. А иногда наступает момент, когда ты понимаешь, что не стоит больше бороться за то, чтобы изменить непоправимое.

Бергер стоял в дверном проеме, молча наблюдая за ними. В комнате воцарилась тишина. Затем Амелия повернулась и посмотрела на Райма.

— Смерть излечивает одиночество, — продолжал Линкольн. — Она исцеляет напряжение. И чесотку, кстати, тоже. — И точно так же, как раньше она осматривала его ноги, он многозначительно взглянул на ее измученные обгрызенные ногти.

Амелия расстегнула наручники и подошла к окну. Слезы сверкнули на ее щеках в отблесках желтоватого света уличных фонарей.

— Сакс, я очень устал, — искренне признался Райм. — Я даже не могу выразить словами, насколько. Для начала только скажу, что вся моя жизнь состоит из целой горы... непомерных грузов, что ли. Умывание, еда, естественные надобности, телефонные звонки, застегивание рубашек или, скажем, почесывание собственного носа... На это накладывается еще одна гора. Сверху этой горы — третья...

Он замолчал. После долгой паузы, наконец, Амелия произнесла:

— Хорошо, я могу предложить вам сделку.

— Какую же?

Она кивнула в направлении таблицы:

— 823-ий захватил мать с дочкой... Помоги нам спасти их. Только их. Если это удастся, я предоставлю вам час «беседы» друг с другом. — Она строго посмотрела на Бергера. — Если, конечно, он пообещает сразу же после этого уехать из нашего города.

Райм с сомнением покачал головой:

— Сакс, но если со мной случится удар, я в любом случае вряд ли буду полезен...

— Если это произойдет, — спокойно продолжала Сакс, — если даже ты будешь не в состоянии произнести слово, условия сделки сохранятся. Я позабочусь о том, чтобы обещанная встреча у вас все равно состоялась. — Она снова расставила ноги и скрестила руки на груди: теперь это стало любимым образом Амелии Сакс для Линкольна Райма. Он испытал сожаление, что ему не удалось увидеть ее вчера утром у железной дороги в тот момент, когда она, отважный офицер полиции, останавливала поезд. — Пожалуй, это все, что я могу сделать.

Через пару секунд Райм согласно кивнул:

— Хорошо. Договорились. — Он обратился к Бергеру. — Значит, в понедельник?

— Ладно. Я думаю, так будет справедливо. — Доктор с опаской посмотрел на Сакс, словно она могла в любую секунду передумать и снова заковать его в наручники. Он прошел к двери, и только тогда понял, что до сих пор вертит в руках позвонок. Он аккуратно — чуть ли не с почтением — положил его на стол рядом с кроватью Линкольна Райма, и только после этого покинул комнату.

......

— Они даже более счастливы, чем свиньи, отыскавшие прохладную грязную лужу в жаркий день, — фыркнула Сакс, устраиваясь на расшатанном плетеном стуле. Амелия имела в виду реакцию Селитто и Поллинга на ее сообщение о том, что Райм согласился еще целые сутки работать вместе с ними. — Особенно обрадовался Поллинг, — подчеркнула она. — Я думала, что этот коротышка просто задушит меня в своих объятиях. Только не говори ему, с кем я их тут сравнивала. Как ты себя чувствуешь? Ну, сейчас ты выглядишь гораздо лучше. — Она

плеснула себе немного виски, отпила глоток и поставила стакан на стол, рядом с бокалом Райма. — Неплохо.

Том менял простыни на кровати:

— Вы потели так, будто из вас фонтан хлестал.

— Но только от шеи и выше, — заметил Райм. — Я имею в виду пот.

— Неужели?

— Да, — подтвердил Линкольн. — Там, ниже, мой внутренний термостат испорчен навсегда. Так что мне не нужны никакие осевые дезодоранты.

— Какие? — не поняла Амелия.

— Для подмышек, — фыркнул Линкольн. — Мой первый помощник не любил это слово, — пояснил он. — Он всегда говорил: «Я сейчас подниму вас по осевой линии». Еще я помню такое его выражение: «Если сейчас вам захочется извергнуться, Линкольн, то не стесняйтесь». Он упорно называл себя «осуществляющим заботу». Понятия не имею, почему тогда я выбрал именно его. Мы все очень суеверны. Сакс. Мы считаем, что если назовем кого-то другим именем, то что-то изменится. Предпод. Правонарушитель. А тот парень был самой настоящей нянькой-сиделкой, весь по уши и в рвоте, и в моче. Не так ли, Том? Я думаю, что этой профессии нечего стесняться. Она благородна и не хуже других. Достаточно грязная, конечно, и тем не менее...

— А мне нравится убирать всяческую грязь. Наверное, поэтому я и работаю у вас.

— А кем ты себя сам считаешь. Том? Ты помощник или тоже «осуществляющий заботу»?

— Я святой.

— Он специалист по ехидным ответам. И здорово справляется с уколами. Он воскрешал меня из мертвых. И не раз.

Райму вдруг пришло в голову, что Амелия, возможно, видела его обнаженным. Он уставился на таблицу и ледяным голосом спросил:

— Скажи-ка, Сакс, может быть, ты тоже принимала участие в моем возвращении на этот свет? Ты, наверное, здесь играла роль Клары Бартон? — он волновался, ожидая ответа. Как же теперь он будет смотреть ей в глаза?

— Ни в коем случае, — сразу нашелся Том. — Я действовал в полном одиночестве. Я пожалел всю вашу компанию. Их нежные души не вынесли бы вида вашей отвислой задницы.

«Спасибо, Том», — подумал Линкольн и тут же рявкнул:

— А теперь уходи! Нам с Сакс нужно обсудить наше дело.

— Но вам необходимо поспать.

— Разумеется. Но сначала дело. Спокойной ночи. Как только Том ушел. Сакс подлила себе виски и, опустив голову, с наслаждением вдохнула приятный аромат.

— Кто же тебе «накапал» на Бергера? — поинтересовался Райм. — Наверное, Пит?

— Кто?

— Доктор Тейлор, специалист по позвоночникам. Амелия задумалась, стоит ли ей выдавать Тейлора и, наконец, призналась:

— Он очень волнуется за вас.

— Разумеется. И в этом вся проблема. Мне хочется, чтобы его забота не была такой навязчивой. Он знает про Бергера?

— Догадывается.

— Ну, скажи ему, — поморщился Райм, — что Уильям мой старинный приятель. Он... что такое?

Сакс медленно выдыхала воздух, как будто выпускала через сжатые губы сигаретный дым:

— Ты не только хочешь, чтобы я разрешила тебе убить себя, ты еще подталкиваешь меня на то, чтобы я лгала такому человеку! Он ведь тоже заботится о тебе и, наверное, сумел бы со временем отговорить тебя от этого.

— Никогда, — коротко ответил Райм.

— Тогда зачем я буду ему врать? Линкольн рассмеялся:

— Ну, пусть доктор Тейлор побудет в неведении еще пару дней.

— Хорошо, — согласилась она. — Господи, какой же ты сложный человек!

— А почему ты мне ничего не рассказываешь? — вдруг спросил Райм, пристально вглядываясь в глаза Амелии.

— О чем?

— Об умерших. О тех, кого ты до сих пор не можешь позабыть.

— Таких много.

— Как, например?

— Читай газеты.

— Ну, давай, Сакс. Поделись со мной.

Она покачала головой, глядя в свой стакан, и легкая улыбка коснулась ее губ:

— Я думаю, не стоит.

Райм посчитал, что девушка еще не готова для серьезного разговора с человеком, которого знает всего один день. И это показалось ему смешным и парадоксальным. Она узнала о нем все, сидя здесь и возясь с катетерами и пеленками. Тем не менее, Амелия не торопилась раскрываться. Поэтому Райм был немало удивлен, когда она внезапно выпалила:

— Просто... просто... О Господи! — И Сакс внезапно расплакалась. Подняв руки, она случайно опрокинула стакан, и лучшее шотландское виски разлилось по паркету.

Глава двадцать шестая

— Я не могу поверить, что все это тебе рассказываю, — призналась Амелия. Она скинула туфли и поудобнее устроилась на стуле с ногами, подтянув колени к подбородку. Девушка перестала плакать, хотя лицо ее все еще оставалось красным, в тон огненно-рыжим волосам.

— Продолжай, — подбодрил ее Райм.

— О том парне, с которым мы собирались вместе жить?

— Да, вы еще хотели тогда завести колли. Ты про него ничего не рассказывала. Он был твоим другом?

«А может быть, и любовником», — подумал Линкольн.

— Да. Именно «был».

— Я подумал, что ты так переживаешь из-за отца.

— Нет. Папа умер, это правда, но уже три года назад. От рака. Но он знал, что жить ему оставалось недолго. И мы были готовы ко всему, поэтому для нас его смерть не стала неожиданностью. Но Ник...

— Его убили? — сочувственно произнес Райм. Но она не ответила.

— Ник Карелли. Один из нас. Коп. Полицейский. Он работал на улицах города.

Фамилия показалась Райму знакомой, но он ничего не сказал и приготовился слушать дальше.

— Какое-то время мы жили вместе и даже подумывали о том, чтобы пожениться. — Она замолчала, словно приводя в порядок свои мысли и готовясь высказать их все. Так подготавливаются стрелки в тире. — Он был секретным сотрудником, поэтому нам, в общем, приходилось скрывать свои отношения. Ему же нельзя было и словом обмолвиться на улице, что у него подружка служит в полиции. — Она прокашлялась. — Трудно все это объяснять. Мы с ним... В общем, это у нас тоже было. Ну, у меня это было не так уж и часто... Господи, если уж быть до конца откровенной, то до Ника вообще ничего не было. Мы очень привыкли друг к другу. Он знал, что я навсегда останусь полицейским и не поменяю профессию, но проблемы в этом не видел. И я тоже не считала, что его тайная работа как-то может мне помешать. В общем, нам было хорошо вместе. Это такое ощущение, когда ты полностью понимаешь другого человека и абсолютно ему доверяешь. Ты когда-нибудь испытывал такое чувство? Ну, с женой, например?

Райм слабо улыбнулся:

— Бывало. Да. Но только не с Блэйн, не с женой. — Больше он ничего не хотел добавить к своему признанию. — А как вы познакомились? — поинтересовался он.

— На общих лекциях в академии. Ну, когда какой-нибудь слушатель встает из зала и вкратце рассказывает о том, чем занимается их отделение. Ник тогда прочитал небольшую лекцию о тайной работе. Он увидел меня и сразу же назначил мне свидание. В тот день мы встретились в «Родмэнс Нек».

— На стрельбище?

Она кивнула и громко шмыгнула носом:

— После этого мы отправились в гости к его матери в Бруклин, ели спагетти и распили бутылочку «Кьянти». Она несколько раз ущипнула меня и сказала, что я очень худая и мне будет трудно выкармливать детей. Она тогда еще заставила меня съесть два огромных пирога с сыром. Затем мы пошли ко мне, и он остался ночевать. Ничего себе, первое свидание, да? С тех пор мы не расставались. Все должно было закончиться счастливо, Райм. Я чувствовала, что у нас все получится великолепно.

— Так что же все-таки случилось?

— Он оказался... — Она еще отхлебнула виски, чтобы окончательно расхрабриться и выложить все начистоту. — Он был предателем, вот и все, что случилось. Воровал, да еще как! Причем все время, пока мы были вместе.

— Неужели?

— Он был просто психом. Настоящим извращенцем, но я даже не догадывалась об этом. Он вкладывал деньги в разные банки и имел счета по всему городу. Ему удалось скопить около двухсот тысяч долларов.

Некоторое время Линкольн молчал, потом спохватился:

— Прости меня. Сакс, что я заставил тебя говорить. Наверное, он занимался наркотиками?

— Нет, крадеными товарами. В основном, бытовой техникой. Телевизоры и так далее. Потом журналисты в газетах окрестили его «Бруклинским связным».

Райм кивнул:

— Так вот откуда мне знакома эта фамилия! Там, как мне помнится, судили чуть ли не с дюжину парней. И все они оказались полицейскими.

— В основном, да. И несколько человек из Международной Торговой Палаты.

— Так что с ним случилось? С Ником, я имею в виду?

— Ты ведь знаешь, что бывает, когда полицейский предает своих. На суде он говорил, что его заставляли все это делать насильно, но, конечно, врал. У него было сломано три ребра, пара пальцев и разбито лицо. Он

признал себя виновным, но ему все равно влепили приличный срок. За это дают от двадцати до тридцати лет.

— За кражу и скупку краденного? — удивился Райм.

— Пару раз ему самому приходилось работать исполнителем, — вздохнула Амелия. — Одного водителя он ударил рукояткой пистолета, в другого стрелял. Правда, только для того, чтобы напугать. Я-то знаю это точно. Но судья ему не поверил. — Она закрыла глаза и стиснула зубы. — Когда его схватили, начальство отвернулось от него, как будто все вокруг взбесились и только ждали этого момента. Они проверяли буквально все. Мы были достаточно осторожны, и все равно несколько его звонков мне были прослушаны, и меня тоже вызвали на допрос. Но Ник от меня сразу же отказался. То есть, ему пришлось это сделать ради моего же блага. Иначе меня тоже бы упекли. Ты же знаешь, как бывает в таких случаях — под общую гребенку, и никаких разговоров.

— И что же было потом?

— Чтобы окончательно убедить их, что он не имеет ко мне никакого отношения... Ну, он наговорил про меня разных гадостей. — Она сглотнула и уставилась в пол. — На допросе он запросто сказал: «А, эта Сакс, ДК, что ли? Ну, да. Я ее трахнул пару раз, и все. Паршивая девица. Ни на что не годна, поэтому я ее сразу же и бросил». — Амелия склонила голову набок и рукавом вытерла навернувшиеся на глаза слезы. — Ты знаешь, у меня ведь прозвище такое — ДК.

— Лон мне говорил. Сакс нахмурилась:

— А он тебе расшифровал, что это значит?

— Дочь Копа. В честь твоего отца.

Она устало улыбнулась:

— Да, вначале все было именно так. Но закончилось печально. Тогда, на допросе. Ник сказал, что как сексуальная партнерша я просто отвратительна, и меня недаром называют «ДК», то есть «Дырка для Кошек», потому что я, по всей вероятности, лесбиянка. Можешь себе представить, с какой скоростью эта новость распространилась по участку.

— Да, общий показатель нравственности там пока низок. Она вздохнула:

— Я видела его в суде, когда дело подходило к концу. Один раз он взглянул на меня. Я даже не могу описать его глаза. У меня просто сердце разрывалось. Конечно, он делал все, чтобы прикрыть меня. И все же... В общем, ты был прав, когда говорил про одиночество.

— Я вовсе не имел в виду…

— Ничего страшного, — Амелия попыталась улыбнуться. — Я ударила тебя, а ты мне ответил. И был абсолютно прав. Я ненавижу одиночество. Я люблю бывать в гостях, и мне хочется иметь хорошего друга. Но после Ника я потеряла всякий вкус к сексу. — Она нервно хохотнула. — Многие считают, что мне очень повезло с внешностью. И при желании я могла бы охмурить кучу парней, да? Ерунда какая-то. Если ко мне кто-то и начинает приставать, то с единственной целью — переспать. Поэтому я перестала искать друга. Одной, как оказалось, и легче, и лучше. Конечно, мне это не слишком нравится, но так действительно проще.

Наконец, Райм понял, что она испытала, когда впервые увидела его. Ей было легко общаться с ним, потому что она сразу поняла: здесь никакой угрозы не будет. Никаких сексуальных поползновений. Этого человека не придется отпихивать от себя. И может быть, она уловила дух товарищества: они оба были лишены одного и того же.

— А знаешь что, — попытался отшутиться Райм, — теперь нам точно надо быть вместе, чтобы *не заниматься этим*.

Амелия рассмеялась:

— Ну, а теперь ты расскажи мне о своей жене. Сколько лет вы были вместе?

— Всего семь. Шесть лет до несчастного случая и еще один год после.

— И она тебя бросила?

— Нет. Это я решил расстаться. Я не хотел, чтобы она мучилась со мной.

— Что ж, может быть, ты решил правильно.

— В общем, я полностью выкинул ее из своего сердца. Я настоящий негодяй. Ты пока видела меня только с хорошей стороны. — Он помолчал, а потом спросил: — А то, что произошло с Ником… Это имеет какое-нибудь отношение к твоему решению уйти с патрульной службы?

— Нет… Но, в общем, наверное, имеет. Жизнь на улице стала совсем другой. Она испортила Ника. Это уже совсем не то, как было раньше, когда работал мой отец. Тогда все было иначе. Гораздо лучше.

— Ты имеешь в виду, что отец тебе рассказывал все по-другому?

— Ну, возможно, — призналась Амелия. Она начала покачиваться на стуле, разминая ноги. — А что касается артрита, то он у меня есть, но не в такой серьезной форме, как я это представляю.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ну, из того, что мне уже известно, я сумел сделать кое-какие выводы.

— Так вот почему ты так заинтересовался моей персоной? Ты знал, что я притворяюсь?

— Я заинтересовался тобой, потому что ты гораздо лучше, чем думаешь.

Она подозрительно посмотрела на Райма.

— Правда?

— Хочешь, я тебе кое-что расскажу? Я работал экспертом всего один год, когда нам как-то позвонили из отдела по расследованию убийств и сообщили, что в Гринвич Виллидж найден труп молодого человека. Все сержанты в тот день были заняты, и тогда решили, что осмотром места преступления займусь я. Мне тогда было двадцать шесть лет, и этот случай я хорошо запомнил. Я начал выяснять личность убитого, и оказалось, что молодой человек никто иной, как глава городского общества службы здравоохранения. Ну, я, как полагается, сделал массу снимков «Поляроидом». Ты бы видела эти фотографии! Оказывается, он посещал один из клубов сексуальных меньшинств на Вашингтон-стрит. Да, я совсем забыл сказать, что в день убийства он был одет в потрясающую мини-юбку и чулки в сеточку.

— Итак, я охраняю место происшествия. Вдруг неожиданно ко мне несется капитан, перелезая прямо через ограничительную ленту. Теперь я прекрасно понимаю, что он хотел забрать у меня снимки, но тогда я мало что смыслил. Для меня самым главным было — не допустить посторонних на место преступления!

— Это один из основных пунктов, — вспомнила Сакс. Райм засмеялся:

— Совершенно верно. Поэтому я его никуда и не пустил. Пока он орал на меня по другую сторону ограничительной ленты, ко мне хотел приблизиться сам заместитель комиссара. Но и он получил отказ. И вот они стоят с двух сторон и орут на меня так, что я перестаю их слышать, а повторяю, как попугай, одну фразу: «Сюда никто не пройдет, пока не будет проведен полный осмотр». И ты знаешь, кто, в конце концов, туда заявился?

— Неужели мэр?

— Его заместитель.

— И ты его тоже не пустил?

— Разумеется. Я не пустил никого, кроме экспертов. Конечно, потом мне пришлось полгода заниматься какими-то скучными делами. Но зато мы быстро поймали преступника. А одна из тех самых фотографий каким-то образом просочилась к репортерам и красовалась на первой странице одной из центральных газет. Короче говоря, я тогда поступил точно так же, как ты вчера утром, когда перекрыла 11-ю улицу.

— Я почему-то тогда не думала о том, что это может сыграть важную роль. Просто делала свое дело, и все, — пожала плечами Амелия. — А почему ты на меня так странно смотришь?

— Не обманывай сама себя. Сакс. Ты ведь знаешь, где твое настоящее место. На улице. Патруль, преступления, осмотр места происшествия, это уже неважно… Но общественные связи? Ты там сгниешь. Эта работа, конечно, тоже хороша, но не для тебя. Не сдавайся так просто.

— А ты сам почему сдаешься? Зачем пригласил Бергера? — пошла в атаку девушка.

— Ну, тут совсем другой случай.

Она вопросительно посмотрела на него. Так уж и другой? Потом отправилась искать салфетку. Вернувшись, она поинтересовалась:

— А ты за собой никакие трупы не тащишь?

— Это было давно. Теперь они похоронены.

— Расскажи.

— Ну, это не настолько…

— Неправда. Я знаю, что сейчас ты пытаешься меня обмануть. Не стоит. Выкладывай. Я же тебе все рассказала.

Райм почувствовал, как его охватила легкая дрожь. Но это был не начинающийся приступ, а что-то совсем другое. Улыбка исчезла с его губ.

— Ну, давай же, — настаивала Амелия. — Мне очень хочется послушать тебя.

— Ну, хорошо. Несколько лет назад был у нас один случай… — начал он. — В общем, я совершил ошибку. И очень серьезную.

— Ну? — нетерпеливо подгоняла его Сакс, одновременно наливая немного виски в оба стакана.

— Это было страшное бытовое преступление. Одновременно и убийство, и самоубийство. В китайском квартале погибли муж и жена. Он застрелил ее, а потом и себя. У меня было немного времени для осмотра, и я действовал чересчур быстро. И вот тогда я совершил, можно сказать, классическую ошибку. Я уже мысленно представил себе все то, что должен был найти на месте преступления. Еще до того, как приступил к работе. Я обнаружил какие-то нитки от одежды, и сразу подумал, что они принадлежат либо мужу, либо жене. Я нашел пулю, но мне и в голову не пришло сравнить ее с оружием, которое лежало рядом с погибшим. Я даже не удосужился проследить траекторию пули относительно положения пистолета. Короче говоря, я формально провел осмотр, подписал нужные бумаги и вернулся в офис.

— И что же произошло?

— Все то, что я увидел в квартире, было искусно подстроено. На самом деле и мужа, и жену убил вор-взломщик. Мало того, пока я осматривал квартиру, преступник находился там же!

— Что? Но это невозможно!

— Да. Как только я ушел, он вылез из-под кровати и начал стрелять в наших сотрудников. Он убил одного эксперта и серьезно ранил медика. Потом он выбежал на улицу, где тут же началась перестрелка с полицейскими, которые успели услышать тревогу по рации. Преступника удалось ранить, и немного позже он умер. Но он умудрился убить одного полицейского и ранить другого. Кроме того, он расстрелял женщину с детьми, которые по чистой случайности оказались у него на пути. Они выходили из ресторана, расположенного по другую сторону улицы. При этом он схватил одного ребенка и прикрывался им от пуль, как щитом.

— О Господи!

— Главу той семьи звали Колин Стэнтон. Вот как раз он и остался цел и невредим. Он был военным врачом. Позже мне говорили, что он мог бы спасти и свою жену, и обоих детей, если бы действовал сразу и вовремя остановил кровотечение. Но в тот момент с ним что-то произошло, и он, замер на месте, как вкопанный, не в силах пошевельнуться. Наверное,

такую реакцию дала охватившая его паника. Так он и стоял, пока они все трое умирали на его глазах.

— Боже мой! Но, Райм, это же произошло не по твоей вине. Ты...

— Позволь, я закончу. К сожалению, история имеет продолжение.

— Да ты что?

— Муж отправился домой: они жили к северу от Нью-Йорка. У него был самый настоящий нервный срыв, и вскоре его отправили в психиатрическую лечебницу. Там он несколько раз пытался покончить с собой, за ним велось круглосуточное наблюдение. Сначала он хотел перерезать себе вены бумагой — обложкой журнала, затем он украл на кухне стакан и, разбив его, все же успел поранить себя. Вены ему зашили, но продержали в клинике еще примерно с год. Наконец, время подошло, и его выписали. Но примерно через месяц он снова решил покончить с собой. На этот раз при помощи ножа. Попытка оказалась удачной.

Я узнал о его смерти из некролога, который прислали в отдел общественных связей по факсу из Олбани. Потом кто-то из офицеров переправил его мне по электронной почте с припиской: «Думаю, тебя это заинтересует».

Далее началось новое расследование. Меня несколько раз допрашивали, хотели даже обвинить в профессиональной некомпетентности. Но все обошлось. Немного пожурили, а потом все забылось. Я лично думал, что меня вообще выгонят из полиции.

Амелия вздохнула и на несколько секунд закрыла глаза:

— И ты мне хочешь сказать, что не испытываешь никакого чувства вины по этому поводу?

— Уже нет.

— Я тебе не верю.

— Все имеет срок, Сакс. Я свое отстрадал. Я жил вместе с этими трупами. Но потом забыл о них. Если бы я не смог этого сделать, то как бы потом работал?

Она помолчала, видимо, что-то вспоминая, а потом заговорила:

— Когда мне было восемнадцать лет, меня как-то оштрафовали за превышение скорости. У меня спидометр показывал девяносто там, где разрешалось не более сорока.

— И что же?

— Отец сказал, что даст мне деньги на штраф, но я должна буду потом их вернуть. Причем с процентами. И ты знаешь, что он добавил при этом? Он сказал, что непременно бы надрал мне задницу за проезд на красный свет или что-то в этом роде, но что касается скорости... В общем, он меня понял. Отец заметил: «Я знаю, какое это великолепное чувство, родная. Когда ты в движении, тебя трудно поймать». — Амелия повернулась к Райму и продолжала. — Если бы я не умела водить машину, если бы я не могла двигаться, наверное, я тоже поступила бы так. Просто убила бы себя.

— А я повсюду ходил пешком, — подхватил Линкольн. — Я не очень часто садился за руль, да и машины у меня долго не было. Кстати, какая у тебя марка?

— Ну, такую, какую ты мог бы себе позволить, мне, разумеется, не осилить. Обычный «шевроле». «Камаро». Это еще отцовская машина.

— А откуда у тебя инструменты? Помнишь, ты говорила, что неплохо с ними справляешься? Она кивнула:

— Это верно. Да, я дружу даже с гаечными ключами. Помнится, на мое тринадцатилетие мне вручили отличный набор головок с трещоткой. — Она тихо засмеялась. — А моя машина, она была настоящей развалюхой. Ну, типичная американская телега. Все винты в ней ходуном ходили, пока я не приложила руку. Теперь она как скала. А легкая, словно пушинка. Да я на ней любую «бээмвэшку» обгоню!

— И наверняка не раз обгоняла.

— Было как-то... Два раза, — уточнила она.

— Машины для инвалида являются своего рода статусом, — пояснил Райм. — Я вот вспомнил, что когда был еще в реабилитационном центре, мы часто говорили об автомобилях. Все в палатах сидят или лежат, а мы начинаем мечтать о том, кто какую машину хотел бы приобрести. Вершиной всего, конечно, считались инвалидные кресла. На втором месте были машины с ручным управлением. Но мне, конечно, не грозит ни то, ни другое. — Он прищурился, пытаясь освежить память. — Интересно, сколько же лет я не ездил в автомобиле? Уже и забыл эти ощущения.

— А у меня возникла прекрасная идея! — встрепенулась Сакс. — Прежде чем твой приятель, ну, этот доктор Бергер, заявится сюда, позволь, я тебя

покатаю? Или это тоже большая проблема? Ты сидеть-то хоть можешь? Я помню, ты говорил, что инвалидное кресло тебе не подходит...

— Инвалидное — да, действительно, но машина? Наверное, это было бы здорово. — Он рассмеялся. — Сто шестьдесят восемь, говоришь? Миль в час, я имею в виду.

— Ну, то был особый день, — кивнула Сакс, и глаза ее заблестели. — Прекрасная погода, и никакого патруля на дороге.

Затрещал телефон, и Райм сам ответил на звонок. Говорил Лон Селитто:

— Все церкви в Гарлеме под контролем. Во главе операции стоит агент Деллрей. Линкольн, этот человек совершенно преобразился, ты даже не поверишь! Да, еще задействованы тридцать полицейских с рациями и уж не помню сколько охранников от ООН. В общем, все церкви осматриваются, даже если мы какую-нибудь забыли, она уже под наблюдением. Если он не покажется до утра, в семь тридцать мы обязательно проведем повальный обыск. Это на тот случай, если ему все же удастся подкрасться незаметно. Но мне почему-то кажется, что мы его сегодня возьмем, Линк. — Лон говорил чересчур возбужденно и вдохновенно для детектива, занимающегося расследованиями убийств.

— Хорошо, Лон, около восьми я пришлю Амелию на твой командный пункт.

Селитто повесил трубку.

В комнату постучался Том, потом осторожно открыл дверь, словно рассчитывая обнаружить своего хозяина в компрометирующем его положении. Райм не смог сдержать смеха.

— Ну все, отговорки больше не принимаются, — раздраженно заявил помощник. — Всем спать.

Было уже три часа ночи, а Райм совершенно забыл об отдыхе. Он витал в каких-то неведомых далях. Где-то вверху, над собственным телом. На какое-то мгновение ему даже показалось, что у него начинаются галлюцинации.

— Да, кстати, — обратился он к Тому, — офицер Сакс остается у нас ночевать. Достань ей запасное одеяло.

— Что вы сказали? — резко повернулся помощник.

— Одеяло.

— Нет, — заупрямился Том. — А где же заветное слово?

— Какое? «Пожалуйста», что ли? Глаза Тома округлились от волнения:

— С вами все в порядке? Может быть, снова вызвать Питера Тейлора? Или главу пресвитерианцев? Или главного хирурга города?

— Нет, ты только посмотри, как этот сукин сын может издеваться, — усмехнулся Райм. — Он и не подозревает, что висит на волоске от увольнения.

— Когда вас разбудить?

— В половине седьмого, я думаю, будет в самый раз. Когда он ушел, Райм обратился к Амелии:

— Сакс, а как ты относишься к музыке?

— Обожаю.

— Какую?

— В основном старую. А ты? Ты, наверное, должен любить классику.

— Видишь вон тот шкаф?

— Этот?

— Нет-нет, рядом. Направо. Открой-ка его.

Она распахнула дверцы шкафа и ахнула от изумления. Шкаф представлял собой фонотеку, где хранилось не менее тысячи компактных дисков.

— Это как на студии записи.

— А вон там, на полке, стереосистема.

Она провела рукой по черной пыльной аппаратуре.

— Все это стоило дороже, чем мой первый автомобиль, — признался Линкольн. — Но я уже давно ничего не слушал.

— Почему?

Он не стал отвечать на этот вопрос, а вместо этого попросил:

— Давай сейчас что-нибудь послушаем. Хорошо? Выбери на свой вкус.

Уже через несколько секунд из колонок полилась нежная музыка, и старый ансамбль запел песню о любви.

По подсчетам Райма, вот уже более года в этой комнате не звучала музыка. Он мысленно подбирал слова, чтобы объяснить все это Амелии, но у него ничего не получалось.

Сакс убрала с дивана книги и брошюры, с удовольствием улеглась на него и, взяв в руки экземпляр томика «Места преступлений», принялась перелистывать его.

— Подари мне такую книгу, — попросила она.

— Возьми хоть десяток.

— А ты можешь... — внезапно она запнулась.

— Подписать на память? — Он засмеялся, и она присоединилась к нему. — Может быть, я лучше приложу свой палец? Специалисты по почерку никогда не дадут тебе больше 85 процентов гарантии, что надпись сделал именно я. А вот отпечаток моего пальца уже не повторит никто. И любой эксперт по дактилоскопии подтвердит это.

Он наблюдал, как она взахлеб читает первую главу его книги. Но постепенно девушка потупила взор и, наконец, хлопнула обложкой.

— Можно тебя попросить кое о чем? — заискивающе начала Амелия.

— Можно.

— Почитай мне вслух. Какой-нибудь отрывок из своей книги. Когда мы с Ником жили вместе... — Она замолчала.

— И что же?

— Так вот, когда мы жили вместе, он часто мне читал что-нибудь интересное перед сном. Книги, газеты, журналы... Пожалуй, это самое приятное, без чего я сейчас очень скучаю.

— Ну, читаю я ужасно, — признался Райм. — Со стороны может показаться, что я наизусть цитирую отрывки из судебных отчетов. Но зато у меня прекрасная память, и я могу тебе что-нибудь рассказать. Годится?

— Конечно.

Она отвернулась, сняла блузку, потом расстегнула бронежилет и положила его в сторону. Под ним оказалась тоненькая в сеточку майка и спортивного типа бюстгальтер. Потом она снова набросила блузку и легла на кушетку, укрывшись одеялом. Немного поворочавшись, она удобно устроилась и приготовилась слушать, закрыв глаза.

Райм притушил свет при помощи своего рычага управления.

— Места преступлений всегда казались мне какими-то восхитительными. Будоражащими воображение, — начал Райм. — Они напоминают старые склепы. Ты не задумывалась над тем, что нас куда больше интересуют места, где были убиты знаменитости, нежели те, где они рождались? Вот, например, по тысяче человек в день приходят посмотреть на техасское книгохранилище в Далласе. А сколько людей путешествуют для того, чтобы увидеть палату в родильном доме в Бостоне?

Райм утопал головой в своей роскошной подушке. Внезапно он остановился и спросил:

— Тебе это интересно?

— Конечно, — отозвалась Амелия. — Продолжай, пожалуйста. И больше не останавливайся.

— Ты знаешь, что всегда меня очень удивляло. Сакс?

— Расскажи.

— Вот что меня увлекало долгие годы — Голгофа. Прошло две тысячи лет. Вот на каком месте преступления мне хотелось бы поработать. Я знаю, что ты можешь мне сказать в ответ: преступники известны. Но так ли это? Нам ведомо только то, что сказали свидетели. Помнишь, что я люблю повторять: никогда полностью не доверяй свидетелям. Может быть, в Библии написано совсем не то, что происходило на самом деле. Где *доказательства?*Мне нужны гвозди, кровь, пот, копье, уксус. Следы сандалий и отпечатки пальцев.

Райм повернул голову влево и продолжал говорить о всевозможных местах преступлений и вещественных доказательствах, пока дыхание Амелии не стало ровным и поверхностным. При этом некоторые пряди ее волос так же равномерно вздымались и опускались.

Левым указательным пальцем он дотянулся до рычага управления и потушил свет. Через пару минут уснул и сам Линкольн.

……

В небе чуть забрезжил рассвет.

Проснувшись, Кэрол Ганц увидела первые проблески света через зарешеченные окна высоко над головой. Пэмми, крошка… Потом она вспомнила о Роне. И обо всех своих вещах и сбережениях, которые остались в том страшном подвале. Деньги, желтый рюкзак…

Но больше всего, разумеется, она волновалась за Пэмми.

Что-то разбудило ее, прервав краткий и неглубокий сон. Что же это было?

Боль в запястье? Рука распухла и ныла. Но не только это. Она поворочалась и прислушалась.

Где-то наверху трубно завыл орган, послышался целый хор голосов.

Так вот что пробудило ее. Музыка. Значит, эта церковь не заброшена, она действует! И здесь есть люди! Женщина не могла удержаться и рассмеялась. Значит, рано или поздно кто-нибудь придет сюда, и они увидят ее. И тогда…

В этот момент она вспомнила про бомбу.

Кэрол осторожно выглянула из-за шкафа. Бомба по-прежнему находилась на краю стола. Она была груба и примитивна, каким и должно выглядеть смертельное оружие. Совсем не похожая на те изящные изобретения, которые обычно показывают в художественных фильмах. Плохо приделанные провода, старая липкая лента, мутновато-грязный бензин… «А может быть, это фальшивка?» — мелькнула мысль в голове Кэрол. Сейчас, в свете утренней зари, она не казалась уже такой страшной, как ночью.

И снова до ее слуха донеслась музыка. Прямо над головой. Вместе с аккордами она услышала и топот ног. Где-то открылась и закрылась дверь. Какие-то неизвестные люди ходили по деревянному полу. С балок наверху осыпалось немного пыли.

Высокие голоса замерли на середине куплета, затем вновь затянули псалом.

Кэрол принялась стучать ногами по полу, но он был бетонным, а стены кирпичными. Она пыталась кричать, но ее никто бы не услышал, поскольку лента не давала звукам вырываться наружу. А наверху все так же продолжалась репетиция, и торжественная музыка сотрясала подвал.

Через десять минут безуспешных попыток обратить на себя внимание Кэрол в изнеможении повалилась на пол. Ее внимание снова привлекла бомба. Теперь ее освещал солнечный луч, и женщина могла разглядеть таймер.

Кэрол прищурилась. Нет, это была не подделка. Отметка стояла на четверти седьмого утра. Сейчас, если верить стрелкам, была половина шестого.

Забившись за шкаф. Кэрол вновь принялась колотить по его металлическим стенкам. Но слабые звуки тут *же*заглушались и тонули в стройном хоре, репетирующем очередной хорал. Мелодия заполняла все пространство, проникая в самые дальние уголки подвала.

Часть четвертая

До самой кости

Богам не дано только одного: власти переделывать прошлое.

Аристотель

Глава двадцать седьмая

Воскресенье, 5 часов 45 минут утра — понедельник, 7 часов вечера.

Его пробудил какой-то залах. Так случалось нередко. И так же, как частенько бывало по утрам, он не стал сразу открывать глаза. Находясь в полулежачем положении, он сначала попытался отгадать, что же это за аромат.

Может быть, загазованный городской воздух? Роса, испарявшаяся со скользких от разлившегося бензина улиц? Сырая штукатурка? Он попытался вспомнить, какой аромат исходил от Амелии Сакс, но не смог.

Его мысли понеслись дальше. Что же все-таки это такое?

Освежитель? Нет.

Какой-то химический реактив из импровизированной лаборатории Купера?

Нет, его бы он сразу узнал.

Это… Ах, ну, да, конечно… Маркер.

Теперь можно и глаза открыть. Он скользнул взглядом по спящей Амелии, словно для того, чтобы убедиться, что она его не бросила, и остановился на плакате с таблицей. Вот откуда исходит этот едва уловимый запах. Горячий, влажный августовский воздух нагрел строчки, и теперь по комнате носился аромат свеженаписанных слов.

Знаком с методами криминалистики.

Возможно, ранее судим.

Пистолет «Кольт» 32 калибра.

Связывает жертвы, используя необычные узлы.

Любит все старинное.

Одну жертву называл «Ханна».

Знает основы немецкого языка.

Тяготеет к подземельям.

Светящиеся цифры настенных часов показывали 5:45. Глаза Райма вернулись к таблице. Он не мог отчетливо видеть все буквы, они пока что расплывались мутными пятнами, однако света уже было достаточно для того, чтобы различить кое-какие слова.

Раздвоение личности.

Возможно, священник, работник социальной сферы, советник.

Необычно истертая обувь, много читает?

Прислушивался к звуку ломаемой им кости у жертвы.

Оставил змею в насмешку над следователями.

Соколы, обитающие на карнизе, тоже пробуждались. До Райма донеслось хлопанье их крыльев. Глаза Линкольна снова уставились на таблицу. Он вспомнил, как в своем кабинете следственного управления развешивал по стенам десятки карточек, в которые вносил данные о преступниках, находящихся в розыске. Райм представил себе, как расхаживал из угла в угол, рассматривая эти памятки и пытаясь понять, что за люди скрываются за скупыми строчками описаний.

Частицы краски, образцы пыли, сухие листья…

Старое здание, розовый мрамор.

Райм вспомнил об одном хитроумном похитителе драгоценностей, которого они с Лоном ловили десять лет назад. Когда его, наконец, задержали на месте преступления, этот нахал заявил, что расскажет им, куда припрятал остальные ценности, если полицейские похлопочут о его оправдании. Тогда Линкольн ответил: «Да, у нас были определенные трудности с поисками похищенного тобой». «А я и не сомневался», — ответил пройдоха. «Зато теперь, — продолжал Райм, — наши поиски сузились до размеров угольного подвала в одном из домиков колониального стиля на реке Коннектикут, в пяти милях к северу от Лонг-Айленда. Единственное, что осталось определить, так это на каком берегу стоит дом: на восточном или на западном». Когда дело было закончено, все очень любили вспоминать о выражении лица преступника после такого заявления Райма. «Твою мать! Ты там уже побывал!» — такими словами вор отреагировал на сведения о его тайнике.

«Может быть. Сакс, ты и права. Это самое настоящее волшебство», — думал Райм.

Любит все старинное.

— Сакс! — крикнул Райм. — Просыпайся! Девушка зашевелилась и села на диване:

— Что? Что...

Старинное, старинное, старинное...

Предпод №823

Внешность

Место жительства

Транспортные средства

Прочее

Носит темную одежду

Старые перчатки, лайковые, красноватого оттенка

Лосьон после бритья: чтобы скрыть дурной запах?

Лыжная маска? Темно-синяя?

Перчатки темные

Лосьон после бритья — сухой

Цвет волос — не каштановые

Глубокий шрам на указательном пальце

Обычная спортивная одежда

Перчатки выгорели? Испачканы?

Возможно, имеет безопасный дом

Бродвей и 82-я, «Шопрайт»

Гринвич и Банк, «Шопрайт»

8-я авеню и 24-я, «Шопрайт»

Хьюстон и Лафайет, «Шопрайт»

Старое здание, розовый мрамор

Зданию не менее 100 лет, возм. особняк или гос. Учреждение

Стандартное желтое такси

Современная модель, седан

Светло-серый, серебристый, бежевый

Арендованная машина, возможно угнанная

Фирма «Хертц», серебряный «Таурус», модель этого года

Знаком с методами криминалистики

Возможно, ранее судим

Знаком с анализом отпечатков пальцев

Пистолет «Кольт» 32 калибра

Связывает жертвы, используя необычные узлы

Любит все старинное

Одну жертву называл «Ханна»

Знает основы немецкого языка

Раздвоение личности

Возможно, священник, работник социальной сферы

Необычно истертая обувь. Много читает?

Прислушивался к звуку ломаемой кости

Оставил змею в насмешку над следователями

— Я допустил ошибку, — жестко сказал он. — Поэтому у нас возникли проблемы.

Сначала Сакс подумала, что это связано с его здоровьем, и бросилась к сумке с лекарствами.

— Нет, Сакс. Все дело в ключевых предметах. Я неправильно истолковал их значение. — Он тяжело задышал и даже заскрипел зубами от натуги.

Амелия быстро оделась и, машинально почесываясь, обратилась к Райму:

— Что такое. Линкольн? Что случилось?

— Церковь. Она может находиться вовсе и не в Гарлеме. Я допустил ошибку, — повторил он.

Как и в деле, когда была убита семья Колина Стэнтона, в расследование вкралась неточность. В криминалистике немало случаев, когда среди сотни неопровержимых улик одна трактуется неверно, что ведет в результате к тяжелым последствиям.

— Сколько времени? — спросила Амелия.

— Без четверти шесть или около того. Возьми газеты, где есть расписание церковных служб.

Сакс отыскала необходимое и посмотрела на Райма:

— О чем ты сейчас думаешь?

— 823-й одержим стариной, и если ему понадобилась церковь, посещаемая исключительно чернокожими, то это не обязательно

Гарлем. В 1900 году Филип Пэйтон начал кампанию за предоставление афро-американцам прав на владение недвижимостью в Гарлеме. Но в то время существовало еще два района, населенных неграми: там, где сейчас расположен Верховный суд и Сан-Хуан Хилл. Теперь там, конечно, преобладает белое население, но раньше... О Господи, почему я сразу об этом не вспомнил?

— А где находится Сан-Хуан Хилл?

— К северу от Адовой Кухни. На Западной стороне. Этот район назван так в честь всех чернокожих солдат, сражавшихся во времена испано-американской войны.

Амелия быстро просмотрела газету.

— В деловой части... — читала она, — в Бэттери-Парке есть часовня. Там также проводятся службы.

— Нет, это не тот район. Еще дальше на северо-восток.

— Пресвитерианская церковь в китайском квартале.

— Есть баптистские или евангелические?

— Нет, в этом районе нет ничего похожего. А, вот... Господи! О нет! — Ее глаза округлились. Райм сразу все понял:

— Заутреня!

Она кивнула:

— Да, в баптистской церкви. Райм, она начинается в шесть утра. Пересечение 59-й и 11-й авеню.

— Это и есть Сан-Хуан Хилл. Звони им!

Сакс схватила трубку и принялась набирать номер. Она стояла, опустив голову, пощипывая бровь и потряхивая головой:

— Отвечайте, ну, отвечайте же!.. Черт! Там автоответчик. Священник, наверное, уже ушел на репетицию. — Она громко произнесла в трубку: — Вам звонят из полиции Нью-Йорка. У нас есть серьезные основания полагать, что в вашу церковь заложена зажигательная бомба. Эвакуируйте всех присутствующих немедленно. — Она положила трубку на рычаг и быстро обулась.

— Вперед, Сакс. Ты должна быть там. Срочно!

— Я?

— Мы находимся ближе, чем полицейский участок. Ты будешь у церкви через десять минут.

Она бросилась к выходу, на бегу застегивая ремень.

— А я пока позвоню в полицию, — крикнул он вдогонку девушке, которая уже неслась вниз по ступенькам, с развевающимися волосами, напоминающими рыжее облако. — Сакс, если у тебя возникнет потребность почувствовать высокую скорость, не стесняйся!

……

Микроавтобус вырвался на 81-ю улицу и взял курс на запад. На перекрестке у Бродвея Сакс так резко вывернула руль, что машина ударила газетный автомат «Нью-Йорк Пост». «Задняя часть машины слишком тяжела. — Сакс вспомнила о количестве загруженной в микроавтобус аппаратуры. — На скорости свыше пятидесяти крутые виражи недопустимы».

Она поехала вниз по Бродвею, аккуратно притормаживая на перекрестках и следя в зеркала заднего обзора за обстановкой.

Вновь свернув на 9-ю авеню возле Линкольн-Центра, Амелия устремилась дальше на юг. Черт!

Завизжав тормозами, микроавтобус остановился. Дальше движение по улице было перекрыто. Ряды синих козел блокировали проезжую часть, так как вскоре там должна была развернуться ярмарка. Над улицей развевался транспарант с яркой надписью: «Народные промыслы и деликатесы всего мира».

Проклятье! И тут путается ООН! Амелия отогнала машину на полквартала назад, потом вдавила педаль газа и через мгновение снесла ярмарочную преграду микроавтобусом. Оставляя за собой опрокинутые алюминиевые столики и деревянные лотки, Сакс косой прошлась по пустынной территории ярмарки. Еще через два квартала ее машина смяла и южную «баррикаду» и помчалась по 59-й улице. Изредка она даже заезжала на тротуар, хотя и не намеревалась этого делать. В ста ярдах впереди показалась церковь. Взволнованные прихожане уже толпились возле нее, а на ступеньках собрались их дети: девочки в бело-розовых платьицах с оборками и мальчики в черных костюмах и белоснежных рубашках.

Из подвального окна вилась тонкая струйка серого дыма. Амелия вдавила педаль акселератора, и мотор взревел. Она схватила рацию:

— Машина номер два — Центральной! Как меня слышите?

Сакс бросила всего один взгляд на панель «Моторолы», чтобы удостовериться, что рация включена, как в тот же миг прямо в лоб ее микроавтобусу из боковой улочки вылетел «мерседес».

Она мельком увидела за стеклами перекошенные от ужаса лица сидящих внутри людей, а водитель отчаянно нажал на тормоза.

Амелия до отказа вывернула руль влево, умоляя шины микроавтобуса:

— Держитесь, держитесь, держитесь!

Но резина ничего не могла поделать с пропитанным маслом и размягченным жарой асфальтом, к тому же кое-где покрытом утренней росой. Микроавтобус запрыгал, как катер на подводных крыльях.

На скорости пятьдесят миль в час заднее крыло ее машины впечаталось в капот «мерседеса». С грохочущим ударом 560-я модель отлетела от микроавтобуса, оторвав задние двери. В воздухе, раскрываясь на лету, закувыркались черные чемоданы с аппаратурой. Их содержимое рассыпалось по улице. Прихожане бросились прятаться от брызнувших во все стороны осколков стекла и металла.

Из-под рулевой колонки вспух пузырь мешка безопасности, и Сакс прижало к сиденью. Микроавтобус опрокинулся и, задевая припаркованные машины, продолжал некоторое время двигаться вперед, пока не уперся в газетный киоск и не остановился, перевернувшись вверх колесами. Вокруг, словно крошечные парашютики, планировали газеты и конверты для вещественных доказательств.

Повиснув вниз головой, удерживаемая ремнями. Сакс тряхнула волосами, мешавшими видеть, вытерла кровь, сочившуюся из разбитого лба и губы, а потом попыталась освободиться.

Защелки ремней держались крепко. Из разбитого мотора выливались нагретые масло и бензин, попадая на руки Амелии. Она вытащила из кармана нож, открыла его и попросту обрезала ремни. Рухнув вниз, девушка едва не наткнулась на лезвие, и теперь лежала, задыхаясь от бензиновых паров.

«Давай, девочка, вылезай отсюда!» — приказала она себе.

От удара двери заклинило, а через изувеченную заднюю часть выбраться нечего было и думать. Амелия принялась бить ногами по окнам, но стекла не поддавались. Потом, приняв более удобное положение, она изловчилась и изо всех сил пнула в растрескавшееся лобовое стекло. Никакого эффекта, кроме почти растянутой лодыжки!

Пистолет!

Она похлопала себя по бедру и убедилась, что при столкновении оружие вылетело из кобуры и теперь валялось где-то внутри салона. Ощущая на руках и плече горячие капли масла, Сакс отчаянно рылась в груде бумаг и оборудования, устилавшей крышу машины, ставшую теперь днищем.

Наконец, рядом с потолочным плафоном, она заметила свой «Глок». Девушка подхватила его и прицелилась в боковое стекло.

На линии огня случайных зрителей не наблюдалось.

Но тут ее посетило сомнение: не может ли вспышка огня из ствола воспламенить бензиновые пары, переполнявшие салон?

Она вытянула руку, стараясь держать пистолет подальше от пропитанной бензином формы, и немного поколебавшись, нажала на спуск.

Глава двадцать восьмая

Пять выстрелов. Пять пробоин, расположенных в виде звезды. Но и тогда стекло «Дженерал Моторс» не поддалось.

Грохнули еще три выстрела, едва не оглушившие Амелию, в тесном пространстве микроавтобуса. Но, по крайней мере, хоть бензин не взорвался.

Сакс снова принялась бить ногой в стекло, и, наконец, оно не выдержало и брызнуло во все стороны осколками зеленовато-голубого льда. Едва Амелия успела выкатиться из салона, как машина с глухим хлопком взорвалась.

Девушка разделась до рубашки, сорвав с себя пропитанную бензином форму и бронежилет. Бросив все это на асфальт, она положила рядом микрофон с наушником. Вывихнутая лодыжка подворачивалась, но Сакс, не обращая на нее внимания, бросилась к церкви. Оттуда уже выбегали прихожане и участники хора. Весь первый этаж заполнился дымом. Внезапно паркет посредине прохода закоробился, потом вспучился, и из-под него вырвался сноп пламени.

Вслед за паствой появился священник, кашляющий от едкого дыма и вытирающий слезящиеся глаза. Он тащил за собой потерявшую сознание женщину, и Сакс поспешила к нему на помощь. Вдвоем они выволокли ее наружу.

— Где вход в подвал? — обратилась Амелия к священнику. Тот сильно закашлялся и замотал головой.

— Где?! — заорала она, думая только о судьбе Кэрол Ганц и ее маленькой дочке. — Где подвал?!

— Там. Но...

Дверь в подвал находилась по ту сторону огненной стены полыхающего пола.

Сакс едва различила ее сквозь плотную дымовую завесу. Прямо перед ними начала рушиться стена. Горящие балки и стропила падали вниз, поднимая снопы искр. Девушка на секунду заколебалась, а потом приготовилась метнуться сквозь огонь, но в этот момент священник удержал ее за руку:

— Подожди. — Он вытащил из шкафа огнетушитель и сорвал с него пломбу. — Теперь пошли.

Амелия отрицательно покачала головой:

— Без вас. Вам лучше оставаться здесь и ждать пожарных. Сообщите им, что в подвале офицер полиции и жертва.

И она бросилась вперед.

Когда ты в движении...

Амелия бежала, лавируя между очагами пламени, рвущимися из-под пола. Из-за густого дыма она не могла правильно рассчитать расстояние до двери и ударилась в нее всем телом. Ее отбросило назад, и девушка покатилась по полу. Волосы Сакс затрещали от жара, и несколько прядей вспыхнули. Задыхаясь и кашляя, она сбила огонь и вскочила на ноги. Однако пол, подточенный пожаром, ослаб, паркет разъехался под ее ногами, и Амелия упала, ударившись лицом о твердое дерево. Она почувствовала, как языки пламени из подвала облизывают ее руки, и отдернула их.

Откатившись от края провала, он выпрямилась и потянулась было к дверной ручке, но вовремя спохватилась.

«Сначала хорошенько подумай! — сказала она себе. — Температура огромная. Возникнет обратная тяга, и тебя попросту поджарит». Она потрогала полотно двери: дерево оказалось обжигающе горячим.

«А что, черт возьми, я еще могу предпринять?» — подумала Амелия, и, поплевав на ладонь, резким движением схватила и повернула ручку, прежде чем нагретый металл успел опалить ее кожу.

Дверь открылась, и изнутри вырвалось целое облако дыма, пронизанное искрами.

— Есть тут кто-нибудь?! — крикнула Сакс и устремилась вниз по лестнице.

Нижние ступени уже были охвачены пламенем. Она направила на них короткую струю углекислоты и нырнула в полумрак подвала. Девушка тут же споткнулась, и огнетушитель, стуча по ступенькам, исчез в темноте. Сама Сакс едва успела ухватиться за перила и удержаться, иначе она неминуемо сломала бы ногу.

Вытащив ногу из-под провалившейся ступени, Амелия вгляделась в дымный мрак. Самого дыма было немного: он поднимался к потолку и вытягивался сквозь щели, но огонь здесь бушевал вовсю. Огнетушитель закатился под горящий стол. «Забудь о нем!» — приказала себе девушка и двинулась вперед.

— Эй! — снова крикнула она.

Тишина.

Потом Сакс вспомнила, что 823-й имел обыкновение заклеивать своим жертвам рты липкой лентой. Ему не нравилось, когда они издавали звуки.

Она толкнула ногой боковую дверь и заглянула в маленькую котельную. Отсюда вела дверь наружу, но подступы к ней были завалены пылающими обломками. Тут же находилась и емкость с горючим, вокруг которой тоже бушевало пламя.

"Топливо быстро не взорвется, — вспомнила Сакс кое-что из лекций о поджогах. — Значит, есть время раскидать горящие обломки и открыть дверь. *Сначала*надо приготовить путь к отступлению, а *потом*заняться поисками женщины и девочки".

Она заколебалась, наблюдая, как пламя, волна за волной, накатывается на цистерну.

Не взорвется, не взорвется…

Амелия бросилась вперед, к спасительной двери.

Не…

Неожиданно емкость зашипела, как банка перегревшейся газировки, и лопнула по центральному шву. Вырвавшееся из нее горючее вспыхнуло оранжевым облаком, и к Сакс потекла настоящая огненная река.

Взорваться, может быть, и не взорвется, но горит оно здорово, чтоб его… Амелия отпрыгнула назад и закрыла дверь. Об этом пути отхода можно забыть.

Безудержно кашляя, она отступала к лестнице, оглядывая подвал в поисках Кэрол и Пэмми. Может быть, на этот раз 823-й отступил от своих правил и вместо подвала остановил свой выбор на чердаке?

Откуда-то сверху послышался душераздирающий треск. Амелия подняла голову и увидела, как огромная балка, растрескавшаяся и объятая пламенем, медленно сползает вниз.

Невольно вскрикнув. Сакс отпрыгнула в сторону, но снова споткнулась и упала на спину. Горящий таран направлялся прямо к ее лицу и груди, и девушка, защищаясь, инстинктивно выставила перед собой руки.

Послышался удар: балка уперлась в стул и остановилась в нескольких дюймах от лица Амелии. Она откатилась в сторону и вскочила на ноги.

Сакс осматривала помещение сквозь плывущую дымовую завесу.

«О Господи, нет! Я не должна потерять еще одну жертву!» — пронеслось в голове девушки. Задыхаясь, она обернулась и двинулась в сторону темного угла, который еще не обследовала.

Внезапно из-за шкафа, стоящего у нее на пути, высунулась нога и подставила ей подножку.

Сакс потеряла равновесие и, вытянув руки, в который раз шлепнулась на пол, едва не попав лицом в лужу горящего топлива. Она перекатилась на бок, выхватила пистолет, и… он оказался направленным прямо в лицо перепуганной блондинки, пытающейся принять сидячее положение.

Сакс тут же сорвала ленту с губ жертвы, и та, выплюнув изо рта черную жижу, зашлась в приступе кашля.

— Кэрол Ганц?

Та кивнула.

— Где ваша дочь?

— Ее здесь нет. Мои руки… Я в наручниках…

— Нет времени, надо убираться отсюда. — Сакс мигом разрезала веревку на лодыжках жертвы. И только сейчас она заметила возле окна плавящийся от жара полиэтиленовый пакет.

«Ключевые» предметы! Те самые, которые должны были подсказать местонахождение девочки. Амелия шагнула было вперед, но тут дверь из котельной затрещала, потом рухнула, и оттуда хлынуло горящее топливо, в один момент пожравшее пакет без остатка.

Сакс на какую-то долю секунды застыла, но тут до ее слуха донесся истошный крик женщины. Лестница, по которой Амелия спустилась в подвал, горела уже полностью. Сакс выбила ногой из-под дымящихся останков стола огнетушитель.

Пластмассовые раструб и ручка уже расплавились, а сам металлический цилиндр разогрелся так, что его невозможно было держать. Отхватив ножом полосу от своей блузки, Амелия обвернула ею горловину баллона, и швырнула его на верхние ступени лестницы. Какое-то время огнетушитель балансировал, а потом покатился вниз, как сбитая кегля.

Сакс вытащила свой «Глок», и когда красный цилиндр оказался на середине лестницы, нажала на спуск.

С оглушительным грохотом огнетушитель взорвался, и красная шрапнель его оболочки с шипением и свистом пронеслась над головами женщин. Грибовидное облако углекислоты и пепла взвилось вверх и погасило пылающие ступени.

— А теперь вперед! — скомандовала Сакс.

Торопясь изо всех сил выбраться, девушка почти тащила жертву на себе, и вскоре обе очутились в огненном аду первого этажа. Прижимаясь к стене, они медленно продвигались к выходу, осыпаемые цветными осколками лопающихся от жара витражей. То, что было когда-то телами Иисуса, девы Марии и апостолов, блестящим водопадом сыпалось на спины спасающихся женщин.

Глава двадцать девятая

Через сорок минут Сакс уже наложили на порезы швы, перевязали и так накачали чистым кислородом, что у нее закружилась голова и появилось

ощущение полета. Она сидела рядом с Кэрол Ганц, и обе женщины смотрели на то, что осталось от церкви, хотя смотреть было особенно не на что. От здания сохранились лишь две стены и чудом уцелевшая часть третьего этажа, причудливо высившаяся над похожим на лунную поверхность засыпанным пеплом пустырем.

— Пэмми, Пэмми... — стонала Кэрол. Ее тошнило, и она время от времени отплевывалась. Потом женщина прижала к лицу кислородную маску и откинулась навзничь, вся во власти слабости и боли.

Сакс посмотрела на смоченный спиртом марлевый тампон, которым она вытирала лицо. Сначала ткань была почти коричневой, а теперь стала едва розовой. Раны Амелии были несерьезными: порез на лбу и небольшие ожоги второй степени на руках. Вот только губы потеряли свои совершенные очертания. Нижняя была рассечена во время аварии так, что пришлось наложить три шва.

Кэрол надышалась дымом и страдала от боли в сломанном запястье. Рука ее *уже*была заключена во временную шину, и теперь женщина баюкала ее и что-то бормотала сквозь зубы. Дыхание с хрипом вырывалось из ее груди.

— Этот сукин сын... — она вновь закашлялась. — Почему... Пэмми? Почему именно она? Трехлетний ребенок! — Кэрол утерла злые слезы тыльной стороной здоровой руки.

— Может быть, он не собирается причинять ей вреда. Ведь он только вас привез в церковь.

— Нет, — злобно сплюнула женщина. — Ему все равно, что с ней будет. Он больной. Я же видела, какими глазами он смотрел на нее. Я его убью. Я убью тебя, мать твою!.. — остальные крепкие выражения пресек новый приступ кашля.

Сакс поморщилась от боли. Она машинально начала расковыривать ногтем обожженный палец. Потом достала свой блокнот:

— Вы можете мне рассказать, что случилось? Между приступами кашля, постоянно всхлипывая, Кэрол поведала ей о том, как незнакомец похитил ее и дочь.

— Вы хотите, чтобы я кому-нибудь позвонила? Может быть, мужу? — предложила Сакс.

Кэрол не отвечала. Она поджала колени к подбородку, обхватила ноги и хрипло задышала.

Правой ладонью, покрасневшей от ожогов. Сакс тихонько дотронулась до руки женщины, осторожно сжала ее и повторила свой вопрос.

— Мой муж… — Кэрол уставилась на Сакс диким, отсутствующим взглядом. — Он умер.

— Я не знала. Простите.

У Кэрол начала кружиться голова после успокоительного укола, она совсем ослабла, и женщина-медик проводила ее к машине скорой помощи, чтобы несчастная могла там прилечь.

Сакс подняла глаза и увидела, что к ней навстречу из-за сгоревшей церкви бегут Лон Селитто и Джерри Бэнкс.

— О Господи, офицер! — Селитто с ужасом уставился на обломки здания, разбросанные по всей улице. — Что с девочкой? Где она?

— Она пока что у преступника.

— С тобой все в порядке? — волновался Бэнкс.

— Ничего серьезного, — отмахнулась Амелия и взглянула в сторону скорой помощи. — У потерпевшей Кэрол не осталось денег. И ей негде жить, она приехала сюда, чтобы работать на конференции ООН. Вы не могли бы позвонить кому-нибудь, чтобы о ней позаботились, детектив? Может быть, ей пока что окажут помощь?

— Разумеется, — уверил Амелию Селитто.

— А что с «ключевыми» предметами? — поинтересовался Бэнкс. Он потрогал пластырь над правой бровью и поморщился.

— Они сгорели, — вздохнула Сакс. — Я видела их. Там, в подвале. Но у меня не оставалось времени. Они сгорели на моих глазах и теперь похоронены там, в развалинах.

— Боже мой! — пробормотал Бэнкс. — Что же теперь будет с девочкой?

«Что за идиотский вопрос? — возмутилась про себя Амелия. — Как будто он не знает, что с ней будет!»

Она побрела назад к своей разбитой машине и отыскала наушник с микрофоном. Сакс хотела сразу же соединиться с Раймом, включила аппарат, немного выждала, потом решительно нажала кнопку отбоя. Что он ей может сейчас посоветовать? Она с сожалением взглянула на

развалины церкви. Как можно работать на месте преступления, если этого места, как такового, уже не существует?

Так она и стояла, упершись руками в бедра, и наблюдала за дымящейся грудой обломков. Неожиданно до ее ушей донесся какой-то странный звук. То ли какой-то скрип, то ли визг механизма. Сначала она не обратила на шум особого внимания, но вдруг заметила, как Лон Селитто выпрямился и, перестав стряхивать пыль с помятой рубашки, вдруг выпалил:

— Вот это да! Глазам своим не верю!

Она повернулась туда, куда удивленно уставился сейчас Лон.

В квартале от сгоревшей церкви остановился большой черный фургон. Из задней части его кузова выдвинулась гидравлическая платформа, и на ней что-то появилось. Сакс прищурилась, вглядываясь. Похоже на одного из тех роботов, которых используют специалисты по разминированию. Платформа коснулась асфальта, и «робот» скатился на мостовую.

Амелия громко рассмеялась.

Хитроумное приспособление развернулось в их сторону и двинулось вперед. Ярко-красное инвалидное кресло больше напоминало «Понтиак-файерберд». Это была одна из лучших электронно-механических моделей с небольшими колесами, мощным аккумулятором и таким же мотором.

Рядом вышагивал Том, но Линкольн Райм сам управлял своим экипажем с помощью зажатой во рту трубки. Движения этого механического чуда были странно грациозными. Кресло подъехало к Амелии и остановилось.

— Ну, ладно, сдаюсь, я тебе немного приврал, — быстро произнес он.

Она вздохнула и покачала головой:

— Насчет спины? Или того, что тебе противопоказаны инвалидные кресла?

— Ну, я уже сознался, что солгал. Знаю, что ты сердишься, Амелия. Ну, тогда позлись, сколько надо, и забудем об этом.

— Ты замечал, что когда у тебя хорошее настроение, ты называешь меня «Сакс», а когда отвратительное — то обязательно «Амелия»?

— Я бы не сказал, что сейчас у меня скверное настроение, — спокойно ответил Райм.

— Действительно, — поддержал хозяина Том. — Ему просто очень не нравится, когда его уличают в чем-то нехорошем. — Том кивнул в сторону впечатляющего кресла. Сакс с уважением осмотрела модель «Штормовая Стрела», выполненную компанией «Экшн». — Он держал это сокровище в шкафу, а перед всеми распинался, какой он несчастный. Я ему не раз высказывал свое мнение по этому поводу.

— Том, можно обойтись без комментариев? По-моему, я уже извинился. Разве нет? Тогда еще раз: прощу прощения.

— Этот красавец у него уже несколько лет хранится в пыли, — продолжал помощник. — Он очень быстро научился управлять им. Тут всего несколько движений: надо либо чуть всасывать воздух, либо, наоборот, дуть в трубку. Он достаточно лихо катается на нем. Да, кстати, что касается меня, то он ко мне обращается исключительно «Том». Я не люблю, когда люди называют друг друга по фамилии.

— Мне надоело то, что на меня вечно пялились, — небрежно бросил Райм. — Поэтому я перестал совершать увеселительные прогулки. — Он озабоченно посмотрел на поврежденную губу Сакс. — Болит?

Она дотронулась до швов и ухмыльнулась:

— Жжет, как в аду.

Райм бросил беглый взгляд на Джерри:

— Ас тобой-то что, Бэнкс?

— Врезался головой в пожарную машину, — молодой человек улыбнулся и снова прикоснулся к пластырю.

— Райм, — серьезно начала Сакс, — там практически ничего не осталось. Девочка у преступника, а я не успела вовремя добраться до оставленных им предметов.

— Ах, Сакс, сколько раз можно повторять. Все не может исчезнуть, что-то должно было остаться. И не забывай о принципе мсье Локара.

— Я сама видела, как они горят, эти «ключевые» предметы. Даже если там действительно что-то осталось, все теперь завалено тоннами обломков.

— Тогда мы будем искать другие улики: все то, что он не намеревался нам оставить. Сегодня мы будем работать на месте преступления вдвоем. Сакс. Ты и я. Пошли!

Он два раза дунул в трубку, и кресло двинулось вперед. Они приблизились к церкви на десять футов, когда Амелия вдруг вскрикнула:

— Подожди!

Он резко затормозил.

— Ты становишься невнимательным, Райм. Ну-ка, надень на колеса резиновые полоски. А то мы можем спутать твои следы с отпечатками преступника!

— Ну, приступим?

— Нам нужен образец пепла, — начал Райм. — Там, в микроавтобусе было несколько пустых банок из-под краски. Постарайся их отыскать.

Она подобрала одну из них среди останков машины.

— Ты знаешь, где именно начался пожар? — поинтересовался Линкольн.

— Думаю, да.

— Тогда бери образец — пинту или даже две — как можно ближе к источнику огня.

— Хорошо. — Амелия взобралась на пятифутовую кирпичную стену, что осталась от северной стороны церкви, и начала всматриваться в дымящуюся яму под ногами.

— Эй, офицер! — крикнул ей начальник пожарной команды. — Осторожней, мы еще не обезопасили эту зону!

— Ну, теперь там не опасней, чем когда я заходила туда в последний раз, — ответила Сакс и, ухватив ручку банки зубами, начала спускаться вниз по стене.

Линкольн Райм наблюдал за ней, но сейчас он видел самого себя три с половиной года назад, снявшего пиджак и опускающегося на строительную площадку метро у входа на станцию «Сити Холл».

— Сакс! — позвал он Амелию, и она обернулась. — Будь осторожней. Я видел то, что осталось от машины, и не могу терять тебя дважды за один день.

Она кивнула и тут же исчезла за краем стены. Через несколько минут тревожного ожидания Райм крикнул Бэнксу:

— Ну, где же она?

— Не знаю.

— Я хотел сказать, не мог бы ты пойти посмотреть, как у нее идут дела?

— А! Конечно. — Джерри подошел к стене и глянул вниз.

— Ну? — нетерпеливо поинтересовался Райм.

— Сплошные развалины.

— Разумеется, развалины. А ты что хотел? Ты ее видишь?

— Нет.

— Сакс? — тревожно закричал Райм. Раздался какой-то грохот, и в воздух поднялось большое облако пепла.

— Сакс! Амелия! Тишина.

Линкольн собирался отправить за ней спасательную бригаду, но тут же услышал радостный голос:

— Принимайте!

— Джерри! — подозвал Райм Бэнкса.

— Готов! — отозвался молодой детектив.

Из подвала вылетела банка из-под краски, и Бэнкс ловко поймал ее одной рукой. Вслед за образцом пепла появилась и сама Сакс, вытирая ладони о брюки и морщась.

— Все в порядке? Она кивнула.

— Ну, теперь давай осмотрим улицу, — отдал распоряжение Райм. — Тут круглосуточное оживленное движение, поэтому ему надо было поставить машину в переулке. Вот там-то он и припарковался. И провел женщину вон через ту дверь.

— Откуда тебе это известно?

— Существует всего два способа открывать запертые двери. Я имею в виду, если при этом не использовать взрывчатку. Итак, замки и петли.

Эта дверь была наглухо закрыта на засов изнутри, поэтому ему пришлось выбить из петель штыри. Как видишь, он даже не позаботился как следует вставить их обратно, когда уходил отсюда.

Они начали обследовать территорию от самой двери до дымящейся воронки на месте церкви. Преодолевая за один шаг не более фута. Сакс обшаривала асфальт лучом фонаря.

— Нам необходимо найти следы протекторов, — пояснил Райм. — Надо выяснить, как именно стояла его машина, и где располагался багажник.

— Вот, — сказала Амелия, останавливаясь. — Здесь есть отпечатки, только не ясно, задних колес или передних. Ведь он мог сдать машину и задним ходом.

— Рисунок четкий или немного смазанный?

— Чуть размытый.

— Значит, это следы передних шин. — Райм рассмеялся, увидев выражение лица девушки. — Ты же сама специалист по автомобилям, Сакс. Когда в следующий раз сядешь за руль, прежде чем трогаться, поставь колеса прямо. Потом выйди и посмотри на следы. Отпечатки передних колес всегда будут смазаны. Далее. Это та самая украденная машина. «Форд Таурус», модели 97-го года. Общая длина 197,5 дюйма. Колесная база — 108,5. Примерно 45 дюймов от центра заднего колеса до багажника. Измерь расстояние и пройдись с вакуумным фильтром.

— Послушай, Райм, откуда у тебя такие познания?

— Сегодня утром не поленился заглянуть в справочник. Ты уже осматривала одежду жертвы?

— Да. И ногти, и волосы тоже. Да, вот еще что. Девочку Кэрол зовут Пэмми, но похититель упорно обращался к ней «Мэгги». Тот же случай, что и с немкой, которую он называл Ханной. Помнишь?

— Ты имеешь в виду, что снова проявляется его вторая личность? Интересно, что же это за действующие лица, участвующие в его маленькой пьесе?

— Я пройдусь с фильтром и возле двери, — сообщила Амелия. Райм внимательно рассматривал девушку: лицо в порезах, взлохмаченные, кое-где опаленные волосы, ожоги на руках. Наблюдая за ее работой. Линкольн хотел было напомнить ей, что место преступления всегда трехмерно, но Сакс сообразила сама и прошлась вакуумным насосом по дверной коробке.

— Скорее всего, прежде чем заводить женщину в подвал, он заглянул внутрь, — высказала предположение Амелия и обработала фильтром карниз окна рядом с дверью.

Именно на это хотел обратить ее внимание Райм, но она опередила его.

Прислушиваясь к визжащему свисту фильтра, Линкольн перенесся на несколько часов назад.

— Я... — начала было Сакс, но он не дал ей договорить.

— Ш-ш-ш!

Как иногда Райм погружался в воспоминания о когда-то совершенных прогулках, услышанных концертах или проведенных беседах, так и теперь он все глубже забирался в тайники своего сознания. Когда он добрался до нужного ему места — даже не зная толком, где оно находится, — он почувствовал, что стоит тут уже не один. Как наяву, он увидел невысокого мужчину в перчатках, темном спортивном костюме и лыжной шапочке, закрывающей лицо. Он вышел из седана «Форд Таурус», в салоне которого пахло свежестью от очистителя. Женщина — Кэрол Ганц — лежала в багажнике, а ее ребенок оставался в доме из розового мрамора и дорогого кирпича. Он увидел, как мужчина выволакивает женщину из багажника.

Эта картина пронеслась перед мысленным взором Райма так, как будто являлась воспоминаниями о реальных событиях.

Вот он вынул штыри из петель, вскрыл дверь, втащил жертву внутрь и привязал к стене. Затем собрался уходить, но неожиданно остановился. Мужчина отыскал место, с которого ему была видна Кэрол. Ему надо было видеть ее, так же, как он смотрел на того закопанного живьем пассажира такси у железной дороги вчера утром.

Точно так же, как он смотрел на прикованную к трубе Ти-Джей Колфакс посреди котельной.

Но зачем? Почему ему так необходимо наблюдать за ними? Чтобы убедиться, что жертве некуда деться, и она надежно привязана? Или для того, чтобы еще раз проверить, не забыл ли он что-нибудь сделать? Или...

Он широко раскрыл глаза, и неясный образ подозреваемого номер 823 растворился.

— Сакс! — возбужденно крикнул Райм. — Ты помнишь котельную, где ты нашла отпечаток перчатки?

— Конечно.

— Ты тогда сказала, что он наблюдал за ней, поэтому и приковал на открытом месте. Но ты не знала, почему ему это понадобилось. Я сейчас кое-что понял. Он смотрит на свои жертвы, потому что без этого не может. Ему необходимо смотреть.

Потому что такова его природа.

—Что это значит?

— Пошли!

Райм снова приник к своей трубке, «Стрела» развернулась и поехала вперед.

Вырулив на тротуар, Линкольн остановил кресло и прищурился, оглядывая местность.

— Ему необходимо наблюдать за жертвами. Могу поспорить, что он следил и за прихожанами. Для этого ему нужно безопасное место, которое потом не пришлось бы подметать.

Его взгляд упал на маленькое уличное кафе при ресторане через дорогу: уютные столики под открытым небом стояли прямо напротив церкви.

— Вон там! Быстро туда, Сакс! И не забудь про свой фильтр.

Она кивнула, зарядила свой «Глок» новой обоймой, схватила несколько пакетов для вещественных доказательств, пару карандашей и вакуумный фильтр. Райм видел, как она перебежала через дорогу и медленно начала подниматься по ступеням, осматривая каждый фут на своем пути.

— Он был здесь! — прокричала девушка. — Вот след ботинка. Он истерт точно так же, как и те, другие.

«Вот оно! — с удовольствием отметил про себя Райм. — Это уже лучше». Он испытал приятное знакомое чувство. Теплое солнце, чистый воздух и масса зрителей. И, конечно же, возбуждение от преследования.

Когда ты в движении, тебя трудно поймать.

Ну что ж, если мы будем двигаться быстрее, то, возможно, и поймаем.

Райм невзначай окинул взглядом собравшуюся толпу и заметил, что многие лица повернуты к нему. Правда, куда большее количество зевак сейчас наблюдало за действиями Сакс.

Пятнадцать минут Амелия работала возле кафе, а когда вернулась, то с гордостью показала Линкольну маленький пакет для вещдоков.

— Что же ты там обнаружила. Сакс? Его водительские права? Или свидетельство о рождении?

— Золото, — улыбнулась Амелия. — Я нашла там золото.

Глава тридцатая

— Давайте, ребята, — подбадривал команду Райм. — Сейчас надо действовать очень быстро. Нельзя допустить, чтобы он успел увезти девочку на следующее место преступления. Вперед!

Том переместил Линкольна из «Стрелы» на кровать, сначала устроив его на специальной выдвижной доске, вмонтированной в шкаф, а потом передвинув на «Клинитрон». Теперь Сакс поняла, почему он не хотел, чтобы она случайно открыла шкаф, соседствующий с его фонотекой.

Несколько секунд Райм лежал неподвижно, глубоко дыша от напряжения.

— "Ключевые" предметы погибли при пожаре, — напомнил он. — Поэтому мы никоим образом не можем узнать, где находится следующее место преступления. Итак, нам надо вычислить его дом.

— И ты думаешь, нам это удастся? — с сомнением в голосе произнес Селитто.

«А разве у нас есть выбор?» — подумал Райм, но промолчал. Перепрыгивая через две ступеньки, в спальню влетел Бэнкс.

Он не успел открыть рот, как Райм насел на него с вопросом:

— Что они сказали тебе? Что? Говори же!

Райм понимал, что та крошечная крупица золота, обнаруженная Амелией, была не под силу анализу в импровизированной лаборатории Купера. Поэтому он послал молодого детектива в ФБР к специалистам, чтобы они дали свое заключение относительно этой находки.

— Они позвонят нам в течение получаса.

— Получаса? — недовольно пробормотал Райм. — Это же дело первостепенной важности.

— Разумеется. Поэтому они сразу же отложили все другие дела. Там был сам Деллрей. Вы бы видели, как он действовал! Вся работа сразу же остановилась. Он устрашил их так, что даже я испугался. Короче, если специалисты по металлу не скажут в самое ближайшее время, что это такое, тогда — трам-тарарам!... Ну, можете себе вообразить Деллрея в гневе.

— Райм, — обратилась к Линкольну Сакс. — Я вспомнила еще кое-что, что может оказаться для нас важным. Ганц мне рассказала, что похититель обещал отпустить их обеих, если она позволит ему освежить ее ногу.

— Освежить?

— Ну, да. Снять, то есть срезать с нее кожу.

— Освежевать, — поправил Райм.

— Может быть. Но потом он не стал ничего с ней делать. Кэрол добавила, что у нее создалось впечатление, будто... будто он не мог себя заставить так поступить с ней.

— Ну, прямо как в первом эпизоде. Помните того мужчину у железной дороги? — подал голос Селитто.

— Занятно... — отозвался Райм. — Я думал, что он оголил кость на пальце только для того, чтобы никто не посмел снять кольцо. Возможно, я ошибался. Давайте внимательно проанализируем некоторые его поступки: он отрезает палец таксисту и забирает его с собой. Распарывает до кости руку и ногу немки. Ворует несколько человеческих костей вместе со скелетом змеи из магазина. Слушает, как ломается палец у Эверетта... И странным образом непременно наблюдает за своими жертвами. Тут что-то связано...

— С анатомией?

— Именно так. Сакс.

— Ну, если не считать Ганц, — подсказал Селитто.

— Я полагаю, — продолжал Райм, — что он вполне мог снять с ее ноги кожу, оставив саму женщину при этом живой. Только что-то остановило его. Интересно было бы выяснить, что именно.

— А чем она отличается от всех остальных? — удивился Селитто. — То, что она женщина, его не волнует. И то, что из другого города — тоже. Немка ведь у нас родом далеко не из Нью-Йорка.

— А может быть, он не хотел делать ей больно в присутствии дочери? — высказал предположение Бэнкс.

— Вряд ли, — печально усмехнулся Райм. — Как раз сострадание, жалость и душевная чуткость ему не свойственны.

— Но эта женщина, тем не менее, отличается от других, — вдруг заметила Сакс, — она — мать.

Райм задумался:

— Да, действительно. В этом что-то есть. Мать и дочь. Хотя этого оказалось недостаточно, чтобы он их отпустил. Но и не стал мучить Кэрол. Том, внеси-ка это в нашу таблицу и поставь в конце вопросительный знак. — Затем он обратился к Сакс. — Она тебе ничего нового не сообщила относительно его внешности?

Амелия быстро пролистала свой блокнот.

— Все то же, что и раньше: лыжная шапочка-маска, легкого телосложения, черные перчатки, он...

— Черные? — встрепенулся Райм, глядя на таблицу. — Точно черные, а не красные?

— Да, я еще ее переспросила, и она подтвердила.

— Помнишь, Мел, там был кусочек черной кожи? Наверное, как раз от перчатки. Тогда откуда брались красные?

— Понятия не имею, — пожал плечами Купер. — Но мы их находили несколько раз. Что бы то ни было, оно принадлежит подозреваемому.

Райм посмотрел на мешочек с вещественными доказательствами:

— Ну, что там у нас еще имеется?

— Здесь все те частицы, которые я собрала в переулке у места, где стояла машина, и рядом с дверью. — Сакс вытряхнула содержимое мешочка на чистый лист бумаги, и Купер тут же склонился с лупой над кучкой мусора.

— В основном никчемный материал, — с сожалением констатировал он. — Земля, кусочки минералов. Манхэттенская слюда, аспидный сланец, полевой шпат.

Все это можно было найти в любой части города.

— Продолжай.

— Полусгнившие листья. Пожалуй, все.

— А что у нас с одеждой Ганц?

Купер и Сакс вскрыли другой пакет и тщательно осмотрели все то, что находилось там.

— Опять же земля, — заметил Купер. — И какие-то мелкие фрагменты камней.

— Где именно он держал ее, когда привез к себе в дом?

— На полу в подвале. Она говорила, что пол там земляной.

— Великолепно! — закричал Райм и повернулся к Куперу. — Землю на анализ! Немедленно.

Купер послушно поместил образец почвы в спектрометр. Все затихли в ожидании результатов. Наконец, экран компьютера замигал, и на нем появилось нечто, напоминающее лунный пейзаж.

— А ты прав. Линкольн. Это действительно интересно. Количество танина прямо-таки зашкаливает. И еще...

— Углекислая соль натрия?

— Просто удивительно! — рассмеялся Купер. — Как же ты догадался?

— Ее использовали на сыромятнях, а позднее на кожевенных заводах, в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Танин консервирует кожу, а щелочь закрепляет. Значит, его дом расположен рядом со старой сыромятной. Вернее, там, где она когда-то находилась.

Линкольн улыбнулся. Он был доволен собой. «Ну, что, 823-й? — мысленно обратился он к преступнику. — Ты слышишь шаги? Это за тобой. Мы уже дышим тебе в затылок». Он принялся изучать карту Рандела. — Из-за запаха мало кто соглашался жить рядом с кожевенным производством, — продолжал он. — Поэтому на содержание этих заводов всегда вводились ограничения и дополнительные налоги. Я знаю несколько таких мест в Нижней восточной части города. И еще в Гринвич Виллидж, когда это место действительно было деревней, пригородом. А еще на самой западной окраине, как раз там, где мы нашли немку, возле тоннеля скотного двора. Да, и в Гарлеме, конечно, в самом начале двадцатого века их было немало.

Потом Райм взглянул на список продуктовых магазинов, тех самых, где было куплено мясо, и продолжал рассуждать:

— Челси отпадает сразу. Там никаких заводов и в помине не было. И Гарлем тоже, поскольку там нет магазинов «Шопрайт». Значит, остаются Западная часть Виллидж, Нижняя восточная или опять Адова Кухня. Это местечко, как видно, ему по душе.

«Примерно десять квадратных миль», — с грустью подумал Райм. Еще в самый первый день своей работы он прикинул, что в Манхэттене скрыться легче, чем в дремучем лесу.

— Ну, двигаемся дальше. Что там за камушки, найденные в одежде Кэрол?

Купер склонился над микроскопом:

— Они у меня.

— Покажи мне их, Мел.

Экран компьютера Линкольна ожил, и на нем вспыхнули, переливаясь всеми цветами радуги, крошечные частицы каких-то минералов, напоминающих гигантские алмазные астероиды.

— Передвинь их, пожалуйста, — попросил Райм. Три непонятных вещества слиплись воедино.

— Тот, что слева — розовый мрамор, — пояснил Мел. — Такой же, как мы находили раньше. В середине, вот это, серое…

— Известковый раствор, а рядом с ним обыкновенный строительный камень, — закончил за приятеля Райм. — Значит, мы имеем дело со зданием федерального стиля, вроде нашего Сити-Холла, выстроенного в 1812 году. Там тоже только фасад отделан мрамором, а все остальное сложено из обыкновенного камня. Это делалось из экономии. Впрочем, это строительная уловка. Деньги, предназначавшиеся для оплаты остального мрамора, оседали по карманам. Далее. Что у нас осталось? Пепел. Давайте посмотрим, из-за чего же все-таки начался пожар.

Проведя анализ образца на хроматографе, Купер уставился на кривую, возникшую на экране.

Состав свежеочищенного бензина оказался достаточно уникальным. Учитывая красители и добавки производителя, горючее можно было проследить по всей цепочке. Если, конечно, на бензозаправке, где преступник купил его, разные сорта бензина не смешивали. Купер

сообщил, что бензин данного сорта реализуется через заправки компании «Газ Эксчендж».

Бэнкс ухватился за справочник и быстро отыскал нужные страницы:

— В Манхэттене работают шесть таких станций. Три — в деловой части. Одна на пересечении Шестой авеню и Хьюстон. Еще одна на Делэнси, 503. И последняя на перекрестке 19-й и 8-й.

— 19-я находится слишком далеко к северу, — заметил Райм и уставился на таблицу. — Какая же из сторон: Восточная или Западная?

Продуктовые магазины, бензин...

В дверях выросла длинная тощая фигура.

— Меня на эту вечеринку примут? — скромно поинтересовался Фредерик Деллрей.

— Это зависит от того, с подарком ты или без, — отозвался Линкольн.

— Подарков у меня целый мешок. — Деллрей помахал в воздухе папкой с эмблемой ФБР.

— Ты когда-нибудь научишься стучаться в дверь? — спросил Селитто.

— За время работы я от этого как-то отвык, — парировал агент.

— Ну заходи, хвастайся, что у тебя есть? — пригласил Линкольн Фреда.

— Сам не знаю. Мне, например, это ни о чем пока не говорит. Да я, собственно, ни хрена еще и не знаю, — откровенно признался тот.

Деллрей начал зачитывать текст результатов анализа, потом пояснил:

— У нас там, в лаборатории, работает Тони Фарко. Я ему сказал: парень, эта фигня для Линкольна, смотри, не лопухнись, чтоб все было чики-пики. А он говорит: «Это позолота, да еще и старая, ей лет не то шестьдесят, не то все восемьдесят». Да, там еще обнаружена целлюлоза, поэтому он считает, что ваше золотишко из книги.

— Ну разумеется! — воскликнул Райм. — Позолоченный корешок старого тома!

— И еще он там нашел чернила, — продолжал Деллрей, воодушевленный добродушным приемом. — И вот что он считает, я цитирую: «Не

противоречит составу чернил, используемых публичными библиотеками Нью-Йорка в качестве штемпельной краски». Смешно пишет, да?

— Библиотечная книга, — задумчиво произнес Райм и замолчал.

— В красном кожаном переплете, — добавила Сакс. Райм посмотрел на нее и улыбнулся:

— Точно! Так вот что означают эти кусочки красной кожи. Это не перчатка. Они отлетают от переплета книги, которую он вечно таскает с собой. Значит, у него есть своя личная Библия.

— Библия? — недоверчиво произнес Деллрей. — Ты что же, считаешь, что это какой-то религиозный маньяк?

— Не в прямом смысле, Фред. Банкс, звони в библиотеку. Может быть, именно там, в читальном зале, он истер свои ботинки. Знаю, что забрасываю удочку очень уж наудачу. Но у нас не слишком большой выбор. Теперь мне нужен список всех антикварных книг, украденных из библиотек Манхэттена в течение года.

— Сейчас. — Молодой детектив решил идти по наиболее верному и надежному пути. Поглаживая порез от бритвы на щеке, он позвонил прямо домой мэру города и попросил его лично связаться с директором центральной библиотеки и выяснить то, что требовалось Райму.

Уже через полчаса по факсу пришло сообщение на две страницы. Том вынул их из аппарата и даже присвистнул:

— Вот это да! Оказывается, у читателей в этом городе ручонки загребущие! — С этими словами он передал списки Райму.

За последние двенадцать месяцев с полок публичных библиотек пропало восемьдесят четыре книги, изданные пятьдесят лет назад или ранее. Из них тридцать пять — в Манхэттене.

Райм бегло просмотрел названия пропане. Диккенс, Остин, Хемингуэй, Драйзер… Книги о музыке, философии, виноделии, литературная критика, волшебные сказки. Цена каждой была на удивление низкой. Двадцать, тридцать долларов. Видимо, это были далеко не первые издания, и воры, наверное, даже не подозревали об этом.

Он продолжал изучать список.

Ничего. Ровным счетом ничего подходящего. Возможно…

И тут глаза его остановились. Есть!

«Самые громкие преступления в Старом Нью-Йорке». Автор — Ричард Уилл Стивенс. Издано в 1919 году, «Баунтифул Пресс». Книга оценивалась в шестьдесят пять долларов и была украдена в филиале публичной библиотеки на Делэнси-стрит девять месяцев назад. В описании указывались и размеры: пять дюймов на семь, в красном лайковом переплете, с мраморовидным узором бумаги на форзацах и позолоченным корешком.

— Мне нужен экземпляр такой книги. При этом совершенно неважно, где и как вы ее будете доставать. Если понадобится, пошлите кого-нибудь в библиотеку Конгресса.

— Я достану ее, — пообещал Деллрей. *Продуктовые магазины, бензин, библиотека*...Теперь настало время определиться. В распоряжении Райма находились триста полицейских и агентов ФБР, но их надо было рассредоточить одновременно по восточной и западной части города, чтобы провести поиски незаметно для преступника. Он снова взглянул на таблицу.

«Где же твой дом? Уж не в Западной ли части Виллидж? — мысленно спрашивал Линкольн 823-го. — Не мог ли ты купить бензин и украсть книгу в восточной части, чтобы ввести нас в заблуждение? Или ты действительно живешь там? Насколько же ты умен? Нет, я имею в виду, насколько ты себя таковым почитаешь? Откуда в тебе такая уверенность, что мы никогда не найдем тебя по тем крохотным следам, которые ты нам, по мнению мсье Локара, оставляешь каждый раз?» Наконец, Райм решился и приказал:

— Про Виллидж забываем и направляем силы в Нижнюю Восточную часть. Собрать всех. Отряды Боу, наших ребят и твоих, Фред. Вот что вы ищете: большой дом, выстроенный в федеральном стиле лет двести назад. Фасад облицован розовым мрамором. Остальные стены — простой камень. Возможно, бывшее поместье или общественное здание. Рядом гараж или пристройка для экипажей. За последние две недели там должны были заметить «Форд Таурус» и желтое такси. Особенно в эти дни.

Райм посмотрел на Сакс.

Забывать мертвых...

Селитто и Деллрей принялись звонить по телефонам.

— Я тоже поеду, — заявила Амелия.

— А я ничего другого и не ожидал. Когда внизу захлопнулась дверь. Линкольн чуть слышно прошептал:

— Да поможет тебе Бог, Сакс. Да поможет тебе Бог.

Глава тридцать первая

Три полицейских машины медленно двигались по улицам Нижней Восточной части. В каждой из них сидели по двое полицейских, внимательно всматривающихся в проплывающие мимо дома.

Через несколько минут появились и две черные повозки-то есть седана. Машины не имели никаких опознавательных знаков, но наличие фар-искателей, укрепленных рядом с боковыми зеркалами, сразу выдавали их принадлежность.

Он прекрасно знал, что кольцо поиска постепенно сжимается, и обнаружение его дома — всего лишь вопрос времени. Однако он был буквально шокирован тем, что они смогли настолько приблизиться к нему. Особенно его встревожил тот факт, что двое полицейских, остановив машину, вылезли из нее и принялись дотошно осматривать серебристый «Таурус», который он припарковал на Кэнел-стрит.

Как, черт возьми, они смогли вычислить эту машину? Ему, конечно, было известно, что угон автомобиля — дело рискованное, но он лелеял надежду, что «Хертц» не скоро обнаружит пропажу. Если же фирма и поднимет шум, то полиции никогда не придет в голову связать похищенную машину с ним. Да, он недооценил их.

Один из полицейских злобным взглядом окинул его такси.

Глядя прямо перед собой, собиратель костей свернул на Хьюстон-стрит, где вскоре затерялся в массе таких же таксомоторов. Через полчаса он бросил автомобиль и возвратился домой пешком.

Маленькая Мэгги посмотрела на него.

Она, конечно, все еще была перепугана, но плакать уже перестала. У него мелькнула мысль: а не оставить ли ее у себя? Вырастить, воспитать... Пусть у него будет дочь. Однако эта идея посетила его лишь на миг, и так же внезапно исчезла.

Нет, возникнет слишком много проблем. Да еще было что-то жуткое в том, как маленькая девочка смотрела на него. Она казалась старше своих трех лет. И, конечно, будет всегда напоминать ему о том, что он натворил. Разумеется, пройдет время, и ей все это покажется каким-то диким сном, но настанет день, и правда откроется. Так бывает всегда. Как

бы ты ни старался подавлять ее и прятать, истина в любом случае вырвется наружу.

Нет, он не может доверять этой девочке больше, чем кому-либо другому. Человеческая природа такова, что в конце концов все предают друг друга. Доверять можно только собственной ненависти. А еще кости. Все остальное — вероломно.

Он присел на корточки рядом с Мэгги и отклеил ленту с ее ротика.

— Мамочка! — тут же заныла она. — Я хочу к мамочке!

Он ничего не ответил ей, а просто встал и начал оглядывать ее: нежный череп, изящные ручонки.

Внезапно девочка завизжала изо всех сил.

Он снял перчатку, и его пальцы зависли над ее головой. Затем он осторожно погладил ее волосы. («Отпечатки пальцев могут быть сняты с плоти, если после контакта прошло менее 90 минут. См. КРОМЕКОТ. Однако никому еще не удавалось восстановить пальцевой узор, оставшийся на волосах». Линкольн Райм, «Вещественные доказательства», 4-е издание, Нью-Йорк, издательство «Судебная Пресса», 1994 год.)

Собиратель костей медленно поднялся вверх по лестнице в большой зал на первом этаже. Он прошел мимо картин, изображавших рабочих, женщин и детей. Снаружи раздался знакомый звук, и преступник склонил голову набок, прислушиваясь. Затем шум усилился. Собиратель костей схватил оружие и поспешил к черному ходу. Отодвинув засов, он толкнул дверь и принял боевую стойку, готовый стрелять в любую секунду.

На него смотрела стая бездомных собак. Однако животные вскоре опять вернулись к опрокинутому ими мусорному контейнеру. Преступник убрал пистолет в карман и вернулся в зал.

Теперь он стоял у окна цвета бутылочного стекла, из которого открывался вид на старое кладбище. Ага, вот он! Возле одной из могил стоял все тот же мужчина, одетый в черное. Вдали все небо было утыкано шипами мачт клиперов и шлюпов, пришвартованных у Восточной реки.

Собиратель костей ощутил, как его переполняет чувство утраты. Он думал о том, не случилась ли какая-нибудь трагедия. Может быть, это Большой Пожар 1776 года, уничтоживший половину Бродвея. Или эпидемия желтой лихорадки 1795 года, выкосившая всю ирландскую

общину. Не исключено, что это пожар на прогулочном корабле «Генерал Слокам», в котором погибло более тысячи женщин и детей, что нанесло огромный урон немецким переселенцам.

А может быть, это было предчувствие той трагедии, которая должна была произойти в ближайшем будущем.

Через пару минут крики Мэгги утихли, и их сменил привычный шум старого города: рычание паровых двигателей, перезвон колоколов и стук лошадиных копыт по мощеным улицам.

Забыв о преследующих его полицейских и о Мэгги, он просто стоял у окна, наблюдая за призрачными фигурами, прогуливающимися невдалеке.

Тогда и теперь.

Его глаза смотрели сквозь время, и он потерялся в другой эпохе. Поэтому он и не заметил, как стая бездомных собак проникла в дом через заднюю дверь, которую он оставил открытой. Псы посмотрели на одинокую фигуру у окна, а потом вприпрыжку устремились в дальнее крыло здания.

Подняв носы и навострив уши, собаки исследовали помещение, пока до их слуха не донесся тихий плач, исходивший откуда-то снизу.

......

Поиски теперь больше походили на акт отчаяния: даже неразлучные братья Харди вынуждены были разделиться.

Беддинг методично обшаривал дома по Делэнси, а Саул занимался тем же, но намного южнее. Селитто и Бэнкс работали каждый на своем участке, как и сотни других полицейских и агентов ФБР. Они опрашивали местных жителей, не видел ли кто из них худого мужчину, плачущего ребенка, серебристый «Таурус», заброшенный старый дом, облицованный розовым мрамором...

А? Что ты говоришь? Ребенка? Видел ли я ребенка? Ты посмотри: сам-то ты видишь здесь детей? Скажем, за последние шестьдесят секунд?

Амелия Сакс настояла на том, чтобы ее включили в команду Селитто, осматривающую район возле магазина «Шопрайт» на Хьюстон, где подозреваемый номер 823 покупал телятину. Там же находилась и заправочная станция, где преступник приобрел бензин. Ну и, конечно же, библиотека, откуда им была украдена книга.

Однако все их старания ни к чему не привели, и теперь они рыскали, словно стая волков, полагаясь, каждый на свой индивидуальный нюх. Полицейские взяли себе по участку и принялись их прочесывать.

Когда Сакс в новеньком микроавтобусе осматривала очередной квартал, ею овладело отчаяние. То же самое испытывала она, когда работала на местах преступления: очень уж много вещественных доказательств, невероятно большая площадь, которую всю надо «перелопатить». И безнадежность затеи постепенно начинает давить на сознание. Сейчас, на этих разогревшихся влажных улицах, разветвляющихся в сотни переулков и тупиков, проезжая мимо тысячи однообразных домов, отыскать один-единственный особняк казалось невозможным. Это было почти нереально. Амелия вдруг вспомнила про тот волосок, о котором рассказывал Райм: он нашел его на потолке, потому что именно туда его отбросило отдачей от револьвера калибра 38.

Сначала Сакс твердо решила заезжать в каждый переулок. Но время шло, и перед мысленным взором девушки то и дело представала несчастная девочка, спрятанная в подвале. И тогда Амелия повела машину быстрее. Она только и успевала смотреть налево и направо в поисках фасада из розового мрамора. Теперь пришли сомнения: не могла ли она пропустить его логово в своей неуместной спешке? Или, наоборот, ей нужно ехать еще быстрее, чтобы успеть просмотреть как можно больше улочек?

Все дальше и дальше. Еще квартал, еще один переулок. И все впустую…

……

После смерти Шнейдера полиция тщательно собрала и исследовала все принадлежащее ему имущество. Согласно записям в его дневнике, он убил восемь ни в чем неповинных граждан этого города. Не останавливался он и перед осквернением могил. Если принимать его слова на веру, он несколько раз тревожил покой усопших на разных кладбищах. Никто из его жертв не смог оказать убийце достойного сопротивления, так как все они были к обыкновенными обывателями. Тем не менее, Шнейдер не испытывал ни малейшего чувства вины за содеянное. Казалось, он был ослеплен сумасшедшей иллюзией того, что несет своим жертвам избавление и благо.

Левый безымянный палец Линкольна чуть-чуть двигался, и на рамке одна за другой переворачивались тонкие гладкие листы старой книги «Преступления в Старом Нью-Йорке», доставленной двумя агентами ФБР всего десять минут назад. Благодаря неподражаемому Деллрею и его стараниям, том был найден за рекордно короткий срок.

«Плоть увядает, она слаба, — писал злодей своей безжалостной, но твердой рукой. — Кость — самая сильная составная человека. Я ставлю перед собой благородные цели, и мне непонятно, как кто-то может это оспаривать. Я был добр к ним всем, и теперь они стали бессмертными. Я освободил их. Я разобрал их до костей».

Терри Добинс оказался прав. Глава 10, которая называлась «Джеймс Шнейдер — Собиратель костей» была настоящей моделью поведения преступника. Те же самые убийства: огонь, животные, вода. И даже одну жертву Шнейдер сварил заживо. Подозреваемый номер 823 рыскал по тем же районам, где казнил свои жертвы Шнейдер. Преступник считал, что немецкая туристка Гергер была его собственной Ханной Голдшмидт, иммигранткой начала века. Именно для этого он прятался в доме, где жили немцы. И маленькую Пэмми Ганц он называл другим именем — Мэгги, тоже полагая, что она как раз и есть О'Коннор, одна из жертв Шнейдера.

Не очень удачная гравюра, покрытая тонкой калькой, давала представление о Шнейдере. С демоническим выражением лица убийца сидел в подвале, изучая большую берцовую кость.

Райм внимательно смотрел на карту города Рандела.

Кости...

Ему почему-то вспомнился один случай, когда пришлось работать на строительном участке в Манхэттене, где экскаватором всего был выкопан человеческий череп. Райм сразу же определил, что череп этот очень старый, и к расследованию подключился судебный антрополог. Раскопки продолжались, и вскоре было обнаружено достаточно большое количество человеческих скелетов и отдельных костей.

Исследования показали, что в Манхэттене в 1741 году произошло восстание рабов, и многих из них, вместе с белыми аболиционистами, повесили на маленьком острове в районе озера Колек. Позднее этот остров стал обычным местом для казней, а в результате там появились и неофициальные кладбища.

Но где именно располагалось это место? Райм пытался вспомнить. На границе китайского квартала и Нижней Восточной части. Но точнее определить он не мог, потому что старое озеро уже давным-давно прекратило свое существование. Оно было... Есть! Сердце Райма тревожно забилось. Озеро засыпали именно потому, что оно было настолько загрязнено, что уже угрожало нормальному санитарному состоянию города. А основным источником загрязнения как раз и послужили кожевенные заводы на восточном берегу!

Райм уже приноровился набирать телефонные номера самостоятельно, и, не перепутав ни одной цифры, быстро соединился с мэром города с первой же попытки. Как поведал секретарь, сам мэр в это время присутствовал на позднем завтраке в здании ООН. Но стоило Линкольну назвать себя, как секретарь тут же спохватился и попросил немного подождать. Не прошло и минуты, как Райм услышал в трубке невнятный голос из-за того, что рот у говорившего был, очевидно, набит пищей:

— Я вас слушаю, детектив. Как там наши дела идут, черт бы их подрал?

......

— 5885, слушаю вас, — произнесла Амелия в микрофон рации. По ее голосу Райм сразу понял, что девушка чем-то раздражена.

— Сакс, как вы там?

— Ничего хорошего, — вздохнула она. — Пока безрезультатно.

— По-моему, я его вычислил.

— *Что?*

—Квартал 600, восточная часть Ван Бреворта. Рядом с китайским кварталом.

— Но как ты об этом узнал?

— Мэр связал меня с главой Исторического Общества. Там сейчас как раз ведутся археологические раскопки. Рядом старое кладбище, через улицу как раз то место, где когда-то стоял кожевенный завод. И, кроме того, он вспомнил, что там есть несколько старинных зданий, выстроенных в федеральном стиле. Я думаю, что один из этих особняков вы и ищете.

— Я еду туда.

Райм услышал, как заскрипели шины, потом взвыла сирена.

— Я уже соединялся с Лоном и Хауманном. Они тоже скоро будут там.

— Райм! — взволнованно произнесла Сакс. Голос ее заглушался треском помех. — Я должна сама спасти ее.

«У тебя доброе сердце настоящего копа, Амелия, — подумал Линкольн. — Ты действительно профессионал. И одновременно новичок».

— Сакс! — позвал он девушку.

— Да?

— Я читал эту книгу. Так вот, 823-й задумал нечто ужасное. Меня просто потрясло то, что он собирается с ней сделать.

Амелия не отвечала.

— Я хочу сказать вот что, — продолжал он. — Найдешь ты там девочку или уже нет, не знаю. Но вы должны обязательно покончить с ним. Особенно если он будет пытаться оказывать сопротивление.

— Мы его обязательно схватим живым, и тогда он сам расскажет, где она. Мы можем…

— Нет, Сакс, послушай меня. Вы должны его пристрелить. Если выяснится, что у него есть оружие, и он сам начнет… В общем, гасите его, не задумываясь.

Снова зашипели помехи, но через некоторое время он снова услышал ее голос:

— Я уже на Ван Бреворте, Райм, — отчетливо произнесла Амелия. — Ты был прав. Похоже, я нашла этот дом.

Восемнадцать машин без опознавательных знаков, два полицейских фургона и микроавтобус Амелии сгрудились возле небольшой пустынной улочки в Нижней Восточной части города.

Обстановка здесь больше напоминала Сараево. Почти все дома оказались заброшенными, два из них сгорели дотла. На восточной стороне улицы стояли останки больницы с провалившейся крышей. Рядом с домом зияла огромная дыра в земле, огороженная веревками с предупреждающими надписями «Проход запрещен!». На табличках красовалась государственная печать округа, что означало, что в этом месте ведутся археологические раскопки. Как и предупреждал Райм. Труп тощей собаки, объеденный крысами, валялся в канаве неподалеку.

В самой середине на противоположной стороне находился довольно симпатичный особняк с бледно-розовым фасадом и пристроенным к нему гаражом. Он выгодно отличался от всех других строений на Ван Бреворте.

Селитто, Банкс и Хауманн расположились возле полицейского фургона, наблюдая, как дюжина офицеров готовится к штурму и проверяет свои М-16. Сакс присоединилась к этому небольшому отряду и, никого не

спрашивая, заправила волосы под шлем и уже начала облачаться в кевлар, когда к ней подошел Селитто:

— Сакс, ты для боя не годишься, — высказался он. — Оставайся здесь.

Поправляя кобуру, она с удивлением уставилась на детектива, чуть приподняв левую бровь, пока он, наконец, не смягчился:

— Ну, хорошо, но только пойдешь сзади. Это приказ.

— Будешь в команде номер два, — добавил Хауманн.

— Да, сэр. Уж это я как-нибудь переживу.

Один из полицейских предложил ей автомат МР-5. Ей сразу вспомнился Ник и их первое свидание на стрельбище. Два часа они провели там, стреляя из автоматического оружия по движущимся мишеням, появляющимся в оконных и дверных проемах. Потом они тренировались в скоростной перезарядке магазинов и обойм, разбирали винтовку М-16 и практиковались в удалении загрязнений, мешающих нормальной работе «Кольтов». Сакс не очень любила массированного огня, а Ник буквально наслаждался стаккато автоматных очередей. Она предложила ему провести соревнование по стрельбе из «Глока» на 50-ти футовой дистанции и трижды выиграла его. Когда последний магазин Амелии опустел. Ник крепко поцеловал ее прямо на мишенном поле.

— Я лучше воспользуюсь своим табельным оружием, — кивнула она офицеру.

В этот момент подбежали братья Харди. Они передвигались, пригнувшись, словно опасаясь снайперских пуль.

— Вот, что мы выяснили. Вокруг никого нет. Весь квартал...

— ...абсолютно пуст.

— Все окна в доме закрыты ставнями. Задняя дверь...

— ...которая выходит в смежный переулок, открыта.

— Открыта? — переспросил Хауманн, посматривая на своих бойцов.

— Не только не заперта, но даже распахнута, — подтвердил Саул.

— Может быть, это западня? Не исключено, что он приготовил для нас сюрприз. Нет ли там мин-ловушек?

— Мы их не видели. Конечно, это вовсе не значит...

— ...что их там нет.

— В переулке есть какой-нибудь транспорт? — поинтересовался Селитто.

— Нет.

— В доме имеется два входа со стороны фасада. Главная дверь...

— ...выглядит так, будто ее замазали краской и не пользуются вообще. Вторая ведет в гараж, а оттуда уже в сам особняк. Пристройка просторная, туда с легкостью поместятся две машины. Там есть висячий замок на цепи.

— Но он лежит на земле.

— Предпод может находиться внутри, — кивнул Хауманн.

— Не исключено, — согласился Саул и добавил: — И скажи ему еще, что мы там услышали.

— Очень слабые звуки. Возможно, детский плач.

— Или крики.

— Это девочка? — встрепенулась Сакс.

— Вполне возможно. Но потом звук прекратился. А как Райм вычислил это место?

— *Если бы мне самому*кто-нибудь это объяснил, — хмыкнул Селитто. — И как у этого человека мозги устроены?

Хауманн подозвал к себе одного из офицеров и принялся отдавать распоряжения. Через несколько секунд полицейские фургоны остановились в переулке, перекрывая запасной выход.

— Команда номер один, передняя дверь. Срезайте ее огнем. Дерево старое, пулям не помеха. Это ясно? Команда номер два направляется в переулок. По моему сигналу на счет «три» заходите в дом. Ясно? Нейтрализуйте всех, кто находится внутри. Однако не забывайте, что там может быть девочка, поэтому смотрите, куда стреляете. Офицер Сакс, вы уверены, что тоже должны участвовать в этой операции?

Она решительно кивнула.

— Хорошо. Мальчики и девочки, вы должны его взять. Вперед.

Глава тридцать вторая

Группа офицеров и Сакс вбежали в раскалившийся на солнце переулок, перекрытый с обеих сторон полицейскими фургонами. Буйно разросшиеся сорняки пробивались сквозь брусчатку мостовой, разрушали фундаменты строений и напомнили Амелии пустырь возле железной дороги, где она обнаружила могилу.

Он надеялся, что жертва уже мертва. Для ее же блага...

Хауманн отдал приказание своим бойцам, и, осмотрев крыши близлежащих домов, убедился, что на них, словно антенны, торчат стволы снайперских винтовок.

Команда номер два, атакующая сзади, замерла у двери. Сакс заметила недоуменные взгляды полицейских, наблюдающих, как она поправляет на своих туфлях резиновые ленты. Один из них прошептал на ухо своему товарищу что-то о суевериях.

Затем она услышала в наушнике:

— Команда номер один у парадного входа. Оружие заряжено, ждем распоряжений.

— Сигнал принят, команда один. Команда номер два, доложите.

— Команда два. Заняли позицию.

— Сигнал принят. Обе команды начинают действовать по сигналу «три».

Амелия в последний раз проверила оружие.

— Один...

Она слизнула каплю пота, сползшую на разбитую губу.

— Два...

О'кей, Райм, мы идем за ним.

— Три!

Раздавшийся взрыв прозвучал очень тихо, напоминая скорее хлопок. Обе команды двинулись вперед. Быстро. Амелия двигалась позади офицеров, которые, ворвавшись в дом, рассыпались в разные стороны.

Лучи фонарей, прикрепленных к стволам винтовок, метались во всех направлениях, перекрещиваясь с узкими полосками солнечного света, просачивавшихся сквозь заколоченные окна. Сакс осталась в одиночестве, а остальная команда, рассредоточившись, принялась обшаривать помещения, стенные шкафы и темные углы за статуями, загромождавшими первый этаж.

Амелия повернула за угол и увидела перед собой неясно вырисовывающееся лицо и нож.

Ее сердце учащенно забилось, и он замерла в боевой стойке, направив дуло пистолета вверх. Давление ее пальца на спусковой крючок достигло уже пяти фунтов, когда она поняла, что смотрит на картину. Мясник с жуткой луноликой физиономией, держащий в одной руке нож, в другой — кусок окровавленного мяса.

О Господи!

Ну и домик он себе выбрал!

Тяжелые башмаки полицейских простучали по лестнице, ведущей на второй и третий этажи.

Но Сакс искала нечто другое.

Наконец, она обнаружила дверь в подвал. Та была чуть приоткрыта, так что фонарь можно было выключить. Сначала надо осмотреться. Ник когда-то предупреждал ее о том, что при наличии в помещении темных углов безопаснее всего заглядывать туда, опустившись на колено. Таким образом, можно избежать нападения притаившегося там преступника. Тот будет обязательно целиться на уровне головы или груди. Девушка глубоко вдохнула. Вперед!

Ничего. Внутри только темнота.

Она отступила назад и прислушалась.

Поначалу до ее слуха не донеслось ни звука. Потом возник шум, напоминающий отдаленное царапанье и то ли прерывистое дыхание, то ли тихое рычание.

Он здесь и ищет пути отхода!

— В подвале слышна какая-то возня, — прошептала Сакс в микрофон. — Требуется подкрепление.

— Сигнал принят.

Но Амелия не могла ждать. Она думала о маленькой девочке, которая сейчас осталась наедине с преступником. Сакс шагнула вниз по лестнице, потом остановилась и вновь прислушалась. Только потом она осознала, что от талии и выше ее фигура четко вырисовывается на фоне дверного проема, делая ее беззащитной. Девушка тут же пригнулась.

Дыши глубже.

А теперь — вперед!

Луч фонаря в ее руке, словно лезвие меча, прочертил темное пространство. Ствол пистолета был направлен прямо в центр светового пятна, ползущего слева направо по стене. «Веди луч на уровне паха, — вспомнила она наставления Ника. — Запомни, что преступники не летают».

Ничего. Никаких признаков присутствия кого-либо.

— Офицер Сакс!

Наверху лестницы появился полицейский.

— О нет! — Луч фонаря осветил Пэмми Ганц, съежившуюся в углу подвала.

— Не двигайтесь! — крикнула Амелия полицейскому. В нескольких дюймах от девочки сгрудилась стая тощих собак, обнюхивающих ее лицо и ноги. Широко открытые глаза ребенка перебегали с одной собачьей морды на другую. Крошечная грудная клетка вздымалась и опадала, а по щекам катились крупные слезы. Рот девочки был раскрыт, и, казалось, что ее язык прилип к нёбу.

— Оставайся там! — обратилась Сакс к прибывшему на помощь бойцу. — Постарайся не испугать их.

Амелия тщательно прицелилась, но стрелять не стала. Она, конечно, могла бы уложить одну или двух собак, но боялась, что остальные в панике могут наброситься на ребенка. Один из псов был достаточно крупным для того, чтобы единственным движением челюстей перекусить шею Пэмми.

— Он там? — коротко спросил полицейский.

— Не знаю. Позови сюда врача, только стойте там же, наверху. Предупреди остальных, чтобы не вздумали спускаться.

— Ясно.

Переводя ствол оружия с собаки на собаку, Амелия начала спускаться. До животных, наконец, дошло, что в подвале еще кто-то появился, и вся стая отвернулась от девочки, уставившись на вошедшую Сакс. Если Пэмми была для них только пищей, то Амелия представляла уже реальную угрозу. Собаки зарычали и оскалились: передние лапы задрожали, а задние напряглись, словно псы готовились к немедленному прыжку на противника.

— Мне стра-а-ашно! — тоненько пропищала Пэмми, вновь привлекая к себе внимание собак.

— Тс-с-с, милая, — попыталась успокоить ее Сакс. — Ничего не говори. Веди себя тихо.

— Мамочка! Я хочу к мамочке! — Ее жалобные завывания насторожили животных, и псы засуетились, нетерпеливо пританцовывая на месте.

— Спокойно, спокойно...

Сакс двинулась вперед, забирая влево. Собаки снова уставились на нее, на вытянутую руку, сжимающую пистолет. Стая разделилась: половина продолжала окружать Пэмми, а остальные пытались обойти Амелию.

Вскоре Сакс оказалась между девочкой и тремя псами.

Она покачивала пистолетом из стороны в сторону, и глаза собак, не отрываясь, следили за черным глазком ствола.

Одна из них, с покрытой лишаями рыжей шкурой, зарычав, двинулась вперед.

Пэмми снова принялась плакать:

— Мамочка...

Сакс опустила руку на плечо девочки и, ухватив ее за кофту, медленно потащила себе за спину. Рыжая псина сделала еще один шаг.

— Кыш! — цыкнула на собаку Амелия. Но та не пошевелилась.

— Пошла прочь!

Собаки, придвинувшиеся к рыжей, ощерили коричневые зубы.

— Убирайтесь отсюда, мать вашу! — рявкнула на них Сакс и стукнула стволом пистолета по морде особенно наглого пса. Тот взвизгнул, испуганно заморгал и бросился вверх по лестнице.

Пэмми пронзительно заверещала, вселяя панику в оставшихся собак. Они начали грызться между собой. Поднялась возня: один ротвейлер отбросил дворняжку, и та, закувыркавшись в воздухе, шлепнулась прямо перед Сакс. Девушка топнула ногой возле костлявой морды, и собака в ужасе умчалась вслед за первой. Остальные припустились за ней, словно борзые за зайцем.

Пэмми снова заплакала. Амелия, опустившись рядом с ней на корточки, обшарила лучом фонаря помещение. Преступника нигде не было.

— Все хорошо, милая. Скоро мы пойдем домой. Все будет в порядке. А того дяди здесь нет? Ты запомнила его?

Девочка кивнула.

— Он ушел?

— Я не знаю. Я хочу к мамочке.

Сакс услышала, как наверху перекликаются офицеры. Второй и третий этажи также оказались пусты.

— А такси или машина? — крикнула она им. — Вы нашли что-нибудь?

— Ничего нет, — отозвался один из офицеров. — Наверное, он убрался отсюда.

Его здесь нет, Амелия. Это было бы нелогично.

—Подвал безопасен? — раздался сверху чей-то голос.

— Я как раз собираюсь проверить. Будьте пока наверху.

— Мы спускаемся.

— Не надо, — запротестовала Сакс. — Место преступления необходимо осмотреть. Пришлите сюда врача, чтобы он занялся девочкой.

Молодой врач с волосами песочного цвета спустился по лестнице и присел на корточки рядом с Пэмми.

И тут Сакс заметила следы, ведущие через подвал к выкрашенной черной краской металлической двери в стене. Она пошла в том же направлении, стараясь ступать так, чтобы не повредить следы, и пригнулась. За полуоткрытой дверью начинался темный тоннель, ведущий, скорее всего, в один из соседних домов на противоположной стороне улицы.

Вот он, и путь отхода. Сукин ты сын!

Костяшками пальцев левой руки Сакс толкнула дверь. Та распахнулась, даже не скрипнув. Она вглядывалась в полумрак. Футах в двадцати-тридцати от входа в тоннель откуда-то проникал свет, но движущихся теней девушка не заметила.

Если ей и могло что-то померещиться в темноте, то это было телом Ти-Джей, свисающим с трубы или пухлой немки Гергер с крысой, ползущей по ее груди к горлу.

— 5885 командному посту, — проговорила она в микрофон.

— Слушаю, — раздался в наушнике резкий голос Хауманна.

— Обнаружила тоннель, ведущий к дому южнее жилища преступника. Пусть кто-нибудь перекроет вход и окна.

— Вас понял.

— Я иду туда.

— В тоннель? Сейчас я пришлю подкрепление. Сакс.

— Нет. Нельзя никого допускать на место преступления. Пусть лучше кто-нибудь побудет с девочкой.

— Повторите.

— Никакого подкрепления не требуется. Она выключила фонарь и начала пробираться вперед. В академии, конечно, не обучали ползанью по крысиным норам. Но она вспомнила, что говорил ей Ник по поводу поведения в подобных ситуациях. Оружие следует держать как можно ближе к себе. Ни в коем случае не вытягивать руку, чтобы его не выбили. Три шага вперед, можно даже шаркающей походкой. Остановиться и прислушаться. Потом еще два шага. Снова пауза. Потом еще четыре. Вести себя непредсказуемо.

Черт, как же тут темно!

И что это еще за запах? Амелию даже передернуло от отвращения.

Приступ клаустрофобии навалился на нее, словно плотное покрывало. Стены буквально давили на Сакс. Ей даже пришлось остановиться и сосредоточиться на чем-нибудь другом. Вскоре страх рассеялся, но вот запах... Казалось, он, наоборот, сгустился, и девушка начала давиться.

Спокойно, девочка, спокойно!

Она выждала, пока рефлекторный спазм отпустит ее, и двинулась дальше.

До нее донесся звук, словно работал какой-то механизм, приводимый в движение электромотором.

До конца тоннеля оставалось десять футов, и уже можно было различить дверь, ведущую в другой просторный подвал. Он тоже был темным, правда не настолько, как тот, в котором обнаружилась Пэмми. Свет проникал через грязное оконце, и Сакс видела пляшущие в солнечных лучах пылинки.

Нет-нет, девочка, ты держишь пистолет слишком далеко от себя. Один удар — и ты безоружна. Центр тяжести сместить назад. Руки освободить для стрельбы, а задницу использовать для равновесия.

И вот Сакс уже у двери.

Она снова поперхнулась от резкого запаха.

Интересно, он поджидает меня там или нет?

Она высунулась и быстро огляделась. Помни: на тебе шлем, а он выдержит и отклонит любой удар. Кроме того, преступник стреляет из детского пистолета калибра 0,32.

Ну, хорошо. С чего начнем?

«Справочник патрульного» тут не поможет, к Нику за советом не обратишься, так что остается бросить монетку.

Налево.

Она выглянула из тоннеля и посмотрела налево. Ничего, кроме гладкой стены.

Если преступник находится с другой стороны, то он меня уже видел и имел прекрасную возможность выстрелить.

Тогда вперед. И быстрее.

Когда ты в движении…

И Сакс прыгнула.

...тебя трудно поймать.

Она тяжело повалилась на пол и покатилась. В тени вырисовывался чей-то силуэт, прячущийся у стены справа, возле окна. Амелия прицелилась и собиралась выстрелить, но внезапно замерла на месте.

О Господи!..

Ее глаза были прикованы к телу женщины, подпиравшему стену.

До самой талии фигура ее была довольно изящной. У женщины были темно-каштановые волосы, худое лицо, небольшая грудь и длинные руки. Все тело покрывали тысячи мух. Они издавали такое омерзительное жужжание, какого Сакс еще не доводилось слышать.

От талии и ниже, она была... Короче говоря, там уже ничего не было. Оголенные кости бедер, обнажившийся позвоночный столб — вся плоть растворилась в отвратительной ванне, рядом с которой покоился труп. Сейчас в емкости находилось жуткого вида месиво темно-бурого цвета. Видимо, это была какая-то кислота или щелочь. Пары жидкости жгли глаза, а ужас, смешанный с яростью, переполнял сердце девушки.

Ах ты, бедняжка...

Сакс небрежно отмахивалась от назойливых мух, которые, завидев пришелицу, начали атаковать и ее.

Руки женщины замерли расслабленными. Ладони вверх, будто она медитировала. Глаза закрыты. Рядом валялся пурпурный спортивный костюм для занятий бегом.

Но она оказалась здесь не единственной жертвой.

Еще один скелет, полностью очищенный от плоти, лежал возле похожей ванны, в которой, правда, не было кислоты. Она была наполнена черной густой кровью и жижей, в которую превратилось мясо. У скелета недоставало одной руки. Невдалеке Амелия обнаружила третий скелет, разобранный по косточкам. Здесь рука преступника успела изрядно потрудиться. Каждая кость была тщательно отполирована. Возле черепа лежала аккуратно сложенная стопочка наждачной бумаги. Сам череп блестел, как будто был выполнен из какого-то синтетического материала.

И тут она услышала позади себя дыхание.

Слабое, едва уловимое, но на этот раз она не могла ошибиться.

Сакс резко обернулась, кляня себя за беспечность.

На нее пахнуло пустотой подвала. Она провела лучом фонаря по полу. Здесь, на каменных плитах, следов не осталось, не то что на земляном полу в доме преступника.

И снова это дыхание.

Где он прячется? Где?

Сакс, пригнувшись еще ниже, обшаривала лучом подвал. Ничего.

Где же он? Может быть, здесь есть вход в другой тоннель или лаз на улицу?

Еще раз внимательно осмотрев пол, она заметила что-то похожее на слабый след, тянущийся в темноту. Амелия решила двигаться в том направлении.

Через некоторое время она резко остановилась и прислушалась.

Дыхание?

И да, и нет.

Она снова развернулась и уставилась на изуродованный труп женщины.

Ну, давай же!

Ее глаза продолжали обшаривать все вокруг.

Ничего. Как же так? Я слышу его, но ничего не вижу.

Стена, перед которой находилась Сакс, была сплошной: ни дверей, ни окон. Ей пришлось снова вернуться к трупам.

Откуда-то в памяти всплыли слова Линкольна Райма: «Запомни, что место преступления всегда трехмерно».

Она резко вскинула фонарь кверху, и в его луче увидела сверкающие клыки добермана. Он притаился на выступе в двух футах от нее, сгорбившись перед прыжком, словно дикий кот.

На секунду их глаза встретились, и они оба застыли.

Сакс машинально пригнула голову, но прежде чем она успела вскинуть оружие, собака прыгнула. Ее зубы лязгнули о шлем девушки.

Вцепившись зубами в подбородочный ремень, пес неистово тряс головой, словно пытаясь сломать шею жертве. Они оба повалились на край емкости, заполненной кислотой. Пистолет вылетел из руки Сакс.

Продолжая удерживать в зубах ремешок, доберман сучил передними и задними лапами, царапая когтями бронежилет, разрывая одежду на животе и бедрах девушки. Она отчаянно молотила его кулаками, но пес, словно деревянный, казалось, был совершенно нечувствителен к ее ударам.

Наконец, он выпустил шлем и подался назад, намереваясь броситься ей в лицо. Сакс успела выставить локоть, и почувствовала, как зубы добермана вонзились ей в предплечье. Это дало ей возможность вытащить из кармана нож, и она всадила лезвие между ребер собаки. Та дико взвыла, откатилась в сторону и бросилась к двери.

Амелия подхватила пистолет и побежала по тоннелю вслед за ней. Сакс ворвалась в подвал в тот момент, когда пес, увидев замерших от испуга Пэмми и врача, прыгнул на них.

Пригнувшись, девушка дважды выстрелила из пистолета. Одна пуля поразила собаку в голову, другая царапнула по стене, но пес бездыханным рухнул прямо под ноги врачу.

— Слышу выстрелы! — раздалось в наушниках, и с десяток полицейских, отбросив с дороги труп собаки, окружили Пэмми, заняв оборонительную позицию.

— Все в порядке, — поспешила успокоить их Сакс. — Это я стреляла.

Члены команды несколько расслабились.

— Собачка умерла! — тут же завизжала Пэмми. — Она убила собачку!

Сакс сунула дымящийся «Глок» в кобуру и подхватила девочку на руки.

— Мамочка! — привычно заныла та.

— Скоро ты увидишь свою мамочку, — успокаивала ее Амелия. — Сейчас мы ей позвоним.

Выбравшись из подвала, девушка поставила Пэмми на пол, и обратилась к находившемуся рядом молодому полицейскому:

— Я обронила свои ключи от наручников. Освободите девочку, но предварительно постелите под наручники кусок чистой бумаги. Потом заверните их и уложите в полиэтиленовый пакет.

Офицер закатил глаза к потолку:

— Послушай, красотка, найди кого-нибудь помоложе и командуй им. — С этими словами он повернулся спиной, собираясь уйти.

— Эй, боец! — рявкнул возникший в помещении Хауманн. — Делай так, как она говорит.

— Но, сэр, — запротестовал тот, — я ей не подчиняюсь.

— А у меня для тебя новости, — ехидно сообщила Сакс. — Ты под моим руководством будешь осматривать место преступления.

……

Кэрол Ганц лежала в комнате с бежевыми стенами, уставясь в потолок. Она вспоминала о чудесных временах, когда несколько недель назад они с Пэмми и компанией друзей сидели у костра в Висконсине в гостях у Кейт и Эдди, болтали, рассказывали интересные истории и пели песни.

Кейт не отличалась хорошим голосом, но Эдди мог вполне сойти за профессионального певца. К тому же, он неплохо играл на гитаре. Эдди специально для нее исполнял песню Кэрол Кинг «Гобелен», и женщина не могла удержаться от слез. Тогда ей казалось, что она сможет забыть о смерти Рона и начать новую жизнь.

Кэрол вспомнила слова Кейт, сказанные тем вечером: «Когда ты сердишься, лучше всего свернуть свой гнев и вручить его кому-нибудь другому. Надо избавляться от него, а не копить в себе».

Сейчас Кэрол была очень сердита. Буквально в ярости.

Какой-то выродок, настоящее безмозглое дерьмо, выстрелил в спину ее мужу, отобрав у него жизнь. А теперь очередной псих похитил ее дочь. Ей хотелось взорваться, и она напрягала все силы, чтобы не начать буйствовать: раскидывать по комнате вещи и выть, словно койот.

Она лежала на кровати, бережно уложив пострадавшее запястье на живот. Кэрол приняла таблетку димедрола, который уменьшил боль, но заснуть ей так и не удалось. Весь день она провела в этой комнате, мучаясь от безделья, пытаясь связаться по телефону с Кейт и Эдди и ожидая новостей о Пэмми.

Сначала ей представлялся Рон. Потом она отбросила эти мысли и занялась своим гневом: как нечто осязаемое, женщина упаковывала его в ящик, заворачивала в бумагу…

И тут зазвонил телефон. Кэрол сначала застыла, а потом рванулась к трубке:

— Алло?

Женщина-полицейский рассказала ей, что они нашли девочку и доставили ее в больницу. Она добавила, что Пэмми не пострадала. Через секунду к трубке подошла сама девочка, и мать с дочерью смеялись и плакали одновременно.

Через десять минут Кэрол уже ехала в манхэттенскую больницу на заднем сиденье черного полицейского седана.

Она буквально бегом бросилась к палате Пэмми, и была очень удивлена, когда ее остановила полицейская охрана. Так, значит, они не поймали эту сволочь?! Но, увидев дочь, Кэрол тут же забыла и о похитителе, и о страшной поездке в такси, и об охваченном пламенем подвале. Она бросилась к девочке и крепко обняла ее.

— Милая, я так беспокоилась о тебе! С тобой все в порядке? Правда?

— Эта тетенька... Она убила собачку!.. Обернувшись, Кэрол увидела стройную рыжеволосую девушку, ту самую, которая спасла ее из горящей церкви.

— ...и правильно. Потому что она хотела меня съесть. Кэрол обняла Сакс:

— Не знаю, что и сказать вам... Я просто... Спасибо вам, спасибо.

— С девочкой все в порядке, — успокаивала ее Амелия. — Незначительные царапины, ну и подкашливает немного.

— Миссис Ганц? — В палату вошел молодой человек с чемоданом и желтым рюкзаком в руках. — Я детектив Бэнкс. Вот ваши вещи.

— Ну, слава Богу!

— Посмотрите, не пропало ли чего.

Она тщательно перебрала вещи в рюкзаке. Все оказалось на месте: деньги, кукла Пэмми, пластилин, набор компакт-дисков, радио... Похититель, кажется, ничего не тронул. Хотя, подождите...

— Мне кажется, что пропала одна фотография. Я, правда, не совсем уверена, но, по-моему, их было больше. Впрочем, все самое важное на месте.

Детектив вручил ей на подпись какую-то бумагу. В палату вошел молодой врач, который поговорил с Пэмми, похвалил ее плюшевого медвежонка и измерил девочке давление.

— Когда ее отпустят? — поинтересовалась Кэрол.

— Мы хотели бы оставить ее на несколько дней, чтобы понаблюдать…

— На несколько дней? — удивилась Кэрол. — Но ведь с ней все в порядке.

— У нее обнаружились симптомы бронхита. Лучше было бы подлечить девочку. Кроме того… — Он понизил голос. — Мы хотим пригласить специалиста по вопросам, связанным с совращением малолетних. Просто так, на всякий случай.

— Но она должна была присутствовать вместе со мной на торжественном открытии конференции ООН. Я ей обещала.

— Было бы лучше оставить ее здесь под охраной, — вмешалась Амелия. — Мы не знаем, куда скрылся похититель. Поэтому к вам мы тоже приставим охранника.

— Наверное, вы правы. А можно мне с ней побыть еще немного?

— Конечно, — улыбнулся врач. — Вы можете даже здесь переночевать. Мы поставим дополнительную кровать.

Потом все ушли, оставив Кэрол наедине с дочерью. Женщина уселась на кровать и обняла ребенка за узкие плечики. На секунду она с отвращением вспомнила, как он, этот псих, дотрагивался до Пэмми. Какими глазами он смотрел на нее и на саму Кэрол, когда хотел срезать ей кожу с ноги… Женщина содрогнулась в ознобе и расплакалась.

Ее привела в чувство Пэмми:

— Мамочка, расскажи мне сказку. А лучше спой что-нибудь. Песенку про друзей. Пожа-а-алуйста!

Успокоившись, Кэрол спросила:

— Ты хочешь именно эту, да?

— Да!

Миссис Ганц усадила дочь на колени и высоким голосом затянула «У тебя есть друг». Временами Пэмми подхватывала припев.

Это была любимая песня Рона, и после его смерти, последние два года, Кэрол не могла ее слышать: при первых же аккордах начинались слезы.

А сегодня, вместе с Пэмми, они допели ее до конца, почти не сбиваясь, а после долго смеялись.

Глава тридцать третья

Наконец, Амелия Сакс попала в свою квартиру в Бруклине. Она жила всего в шести кварталах от дома родителей, где до сих пор обитала ее мать. Войдя на кухню, Амелия тут же схватила телефон и нажала кнопку "I" на скоростном наборе номера:

— Ма, это я. Я приглашаю тебя в среду на поздний завтрак в Плаза. У меня будет выходной.

— А зачем? Ты хочешь отпраздновать свое новое назначение? Ну, как там идет работа? Ты совершенно меня забыла и никогда не позвонишь.

Сакс нервно засмеялась. Ее мать и не подозревала, чем занимается дочь последние полтора дня.

— Ма, ты смотришь новости?

— Я? Да я же тайная поклонница Брокоу, насколько тебе известно.

— Ты слышала о недавнем похищении людей?

— Кто же не слышал? И что же ты хочешь мне рассказать?

— Ну, у меня есть для тебя что-то вроде сенсационного сообщения.

И она поведала своей ошеломленной матери и о том, как ей пришлось спасать жертвы, и о Линкольне Райме и, с небольшими сокращениями, о том, как она осматривала места преступлений.

— Эми, будь жив твой отец, он бы тобой гордился.

— Итак, встречаемся в среду. Притворись больной и никуда не выходи. Значит, Плаза. Договорились?

— Не стоит, дорогая. Лучше купи себе что-нибудь на эти деньги. А у меня есть вкусные вафли, да и в морозилке кое-что лежит. Приходи ко мне.

— Мам, там не настолько все дорого.

— Я знаю, чтобы позавтракать в таком месте, нужно истратить целое состояние!

— Ну, хорошо. — Амелия старалась, чтобы ее голос звучал естественно. — А может быть, пойдем в чайную?

Это было очаровательное кафе в Западной части Виллидж, где подавали на деревянных тарелках самые восхитительные блинчики на всем Восточном побережье. Короче говоря, еда там была выше всяческих похвал.

В трубке молчали.

— Ну, это можно, — наконец согласилась мать. Эту стратегию Сакс благополучно использовала в течение нескольких лет.

— Ну, мне надо немного отдохнуть. Завтра я тебе еще раз позвоню.

— Ты слишком много работаешь, Эми. Скажи-ка, а вот это расследование... оно не было опасным?

— На мою долю выпала только техническая сторона дела. Я осматривала места преступлений. Безопаснее и не придумать.

— И они выбрали именно тебя. Надо же! — восхищенно произнесла женщина и повторила. — Был бы жив твой отец, он бы тобой гордился.

Они попрощались, и Сакс, пройдя в спальню, тут же рухнула на кровать.

После того как она вышла из палаты Пэмми, Амелия навестила двух человек, бывших жертв 823-его. Монелл Гергер, забинтованная почти до глаз и накачанная сывороткой от бешенства, уже покинула больницу и собиралась отправиться навестить своих родственников во Франкфурте.

— Но только на лето, — твердо решила девушка. — Не бросать же теперь мне все это. — И она кивнула в сторону купленных на свои деньги стереосистемы и целой коллекции компакт-дисков. Отважная Монелл всем своим видом пыталась доказать, что никакой маньяк не напугает ее настолько, чтобы она покинула свое скромное жилище в Дойче Хаус и уехала из Нью-Йорка навсегда.

Уильям Эверетт еще находился в больнице. Разумеется, сломанный палец проблемы не представлял, но сердце от всего пережитого давало о себе знать, и его решили немного подлечить. Сакс была приятно удивлена, узнав, что много лет назад Уильям владел магазином в Адовой Кухне и был знаком с ее отцом. «Я знал всех полицейских нашего района», — сообщил он. Когда она показала ему фотографию в своем

бумажнике, он кивнул: «Да, похоже, я частенько видел его, хотя это было давно».

Хотя эти визиты носили неофициальный характер, Амелия на всякий случай вооружилась блокнотом. Правда, ни один из потерпевших ничего нового о преступнике не добавил.

За окнами шумели деревья: клены и гингко трепал сильный ветер. Сакс поднялась, скинула с себя форму и принялась чесаться. Особенно под грудью, как всегда было после долгого ношения бронежилета. Потом она облачилась в домашний халат.

Хотя подозреваемый номер 823 не слишком опасался ареста, к бегству он на всякий случай подготовился. Дом на Ван Бреворт оказался пуст. Хотя настоящий владелец дома сообщил полиции, что постоялец проживал достаточно долго, с прошлого января (по подложным документам, разумеется), при осмотре жилища не обнаружили даже бытового мусора. После того как Сакс осмотрела место преступления, по ее следам прошлась целая бригада полицейских экспертов на предмет обнаружения отпечатков пальцев. Однако первые же отчеты оказались безрадостными.

— Складывается впечатление, что он не снимал перчатки, даже посещая сортир, — заметил Бэнкс.

Мобильная группа вскоре обнаружила и такси, и седан, оставленные преступником в глухом закоулке. Местной банде автомобильных воров, как заметил Селитто, потребовалось не более семи-восьми минут, чтобы разобрать обе машины на запчасти. Любые вещественные доказательства, которые могли хранить эти автомобили, разбежались по десятку магазинов.

Сакс включила телевизор и отыскала канал новостей. Однако о похищениях не было сказано ни слова: темы всех репортажей крутились вокруг церемонии открытия конференции ООН.

Амелия смотрела все подряд: и комментарии ведущих, и обращение генерального секретаря ООН, и выступление какого-то посла с Ближнего Востока, и даже рекламу.

Она пыталась проявить интерес к передачам, поскольку существовало нечто такое, о чем Сакс старалась не думать: ее сделка с Линкольном Раймом.

Вроде бы, все закончилось. Кэрол и Пэмми освобождены, и теперь Амелии придется выполнить свою часть договора — оставить Райма наедине с доктором Бергером.

С Бергером… Он не понравился ей с первого взгляда. Во всей его внешности, в спортивной фигуре, в бегающих глазках и всем прочем просвечивало удовлетворенное самолюбие. Идеально уложенная прическа, дорогая, с иголочки, одежда. Почему Райм не мог пригласить кого-нибудь, похожего на Кеворкяна? Пусть тот и странноват, но как-то больше подходит на роль доброго и мудрого дедушки. Ее веки сомкнулись. *Забыть о мертвых…*

Сделка есть сделка. Но, черт тебя подери, Райм… Нет, она не могла бросить его вот так, не попытавшись переубедить еще раз. Тогда, в спальне, он застал ее врасплох, и она слишком волновалась, чтобы привести весомые аргументы. У нее есть время до понедельника. Вполне достаточно, чтобы подготовиться и убедить Райма не делать этого. Хотя бы отложить, скажем, на месяц. Черт, да хоть на один день!

А что она ему скажет? Амелия решила набросать на листке план своего выступления перед Линкольном.

Открыв глаза, она выбралась из постели, чтобы вооружиться ручкой и бумагой.

И застыла. Дыхание вырвалось из груди со свистом, словно ветер, бушевавший снаружи…

На нем была черная одежда, лыжная шапочка-маска и черные перчатки, блестящие, будто смазанные маслом.

Посредине ее спальни стоял подозреваемый номер 823. Ее рука машинально дернулась в сторону прикроватного столика, в ящике которого лежали «Глок» и нож. Но преступник ожидал этого. В воздухе просвистела лопата и ударила Амелию по голове. В глазах блеснула вспышка, и девушка упала на пол.

Ей удалось приподняться на четвереньки, но в тот же миг нога ударила ее по ребрам, и она распласталась, судорожно ловя ртом воздух. Потом Сакс почувствовала, как ее руки сковывают за спиной наручниками, а рот залепляют лентой. Движения нападавшего отличались быстротой и ловкостью. Преступник перевернул ее на спину, и халат девушки распахнулся.

Она начала брыкаться, рефлекторно пытаясь избавиться от наручников.

Получив еще один удар в живот, она подавилась воздухом и затихла. Преступник подхватил ее под мышки и поволок через заднюю дверь в небольшой садик, примыкавший к дому.

Он не отрывал взгляда от ее лица: его не интересовали ни ее роскошный бюст, ни плоский живот, ни лобок с рыжими кудряшками. Сейчас Амелия была готова на все, лишь бы остаться в живых.

Но диагноз Райма оказался верным. Никакого сексуального влечения преступник не испытывал. У него на уме было что-то совершенно иное. Он сбросил ее тело между двумя грядками с анютиными глазками, так что соседи не смогли бы ее заметить. Переведя дыхание, мужчина осмотрелся и воткнул лопату в землю.

Амелия Сакс расплакалась.

……

Он елозил затылком по подушке.

Однажды врач, наблюдая за ним в такой момент, высказался, хотя его и не просили, что это обычное непроизвольное движение. Райм подумал, что так же ведет себя и Сакс, бессмысленно терзая ногтями свои пальцы.

Линкольн напряг мышцы шеи, поворочался, устраивая голову удобнее, и посмотрел на таблицу. Он считал, что перед ним находится полная история безумия данного человека. Вот она вся: и в черных размашистых строках, и в пробелах между ними. Однако конца истории Райм еще не видел. Пока.

Он снова мысленно перебрал все «ключевые» предметы. Некоторые из них пока оставались необъясненными.

Шрам на пальце.

Узел.

Лосьон после бритья.

Ну, пока нет самого подозреваемого, от шрама толку никакого: не с чем сравнивать. Ничего определенного относительно узла, кроме поверхностного заключения юного Бэнкса, что тот не относится к разряду морских.

Теперь дешевый лосьон. Большинству преступников и в голову не придет пользоваться им перед делом. Тогда зачем он им так обильно поливается? Инстинктивно Райм чувствовал, что этим ароматом убийца

пытается заглушить другой, свойственный ему запах. Он опять перебрал в уме возможные причины: запахи еды, алкоголя, табака...

Почувствовав на себе чей-то взгляд, он чуть повернул голову влево. Черные пустые глазницы черепа гремучей змеи пялились в сторону Клинитрона. Пожалуй, это был единственный предмет, выбивающийся из общей картины. Он не нес в себе никакой информации, а был подброшен только для того, чтобы подразнить их.

Внезапно Райма посетила одна мысль, и он воспользовался рамкой для переворачивания страниц, чтобы найти в книге «Преступления в Старом Нью-Йорке» нужный абзац из главы о Джеймсе Шнейдере.

Известный доктор, занимающийся проблемами мозговой деятельности (это недавно появившаяся, но ставшая уже модной наука, названная психологией), высказал неожиданную теорию, согласно которой Шнейдер вовсе не стремился причинять вред своим жертвам. Этот ученый муж считал, что таким образом Шнейдер пытался отомстить тем, кто, как он полагал, сам причинил ему вред. А именно, городской полиции или, может быть, обществу в целом.

Кто знал, где находился источник этой ненависти? Возможно, как и истоки Нила неизвестны современной науке, так ручейки, питавшие злобу преступника, могли оставаться непостижимыми для него самого. Хотя одна из причин может базироваться на следующем факте. В юном возрасте Шнейдер стал свидетелем того, как его отец был арестован. Впоследствии он умер в тюрьме, а после этого оказалось, что он был неповинен в грабеже, в котором его обвинили. Сразу после ареста мать мальчика пустилась во все тяжкие и совершенно забросила ребенка. Джеймса воспитывала улица.

Преступления, совершенные сумасшедшим, были своего рода вызовом: попыткой выставить на всеобщее посмешище полицию, которая так несправедливо обошлась с его отцом и разрушила семью.

Но так оно или нет, мы вряд ли узнаем.

Однако ясно одно: выставляя напоказ несостоятельность защитников закона, Джеймс Шнейдер — Собиратель Костей — выплескивал свою ненависть на город в целом, убивая его невинных жителей.

Линкольн Райм откинул голову на подушку и снова принялся разглядывать таблицу.

……

Земля — пожалуй, самое тяжелое на этом свете.

Эти почва, пыль, их железные объятия не душат человека, а сжимают со всех сторон, обрекая на неподвижность, кончающуюся смертью.

Сакс сейчас владело одно желание: умереть. Она молила, чтобы это произошло побыстрее. От страха, например, или вследствие разрыва сердца. Это чувство родилось еще тогда, когда первая лопата земли обрушилась на ее голову. Сейчас она молила о смерти едва ли не сильнее, чем Линкольн Райм жаждал того момента, когда примет свои таблетки с бренди.

Она лежала в могиле, которую преступник вырыл в ее собственном дворе, и чувствовала, как жирная земля постепенно засыпает все ее тело.

Испытывая садистское наслаждение, преступник хоронил ее медленно, бросая за раз не более половины лопаты, аккуратно разравнивая землю. Он начал с ног, и теперь постепенно подбирался к ее груди. Земля забивалась ей под халат, и ее прикосновения напоминали шарящие пальцы любовника.

Груз, давящий на Амелию, все нарастал, и ей уже трудно было дышать. Раз или два преступник прекращал работу, чтобы взглянуть в ее лицо, а потом вновь брался за лопату.

Он любит наблюдать…

Руки Сакс были скованы за спиной, и она бессознательно вытягивала шею, чтобы как можно дольше оставаться на поверхности.

Постепенно земля скрыла ее грудь, а потом плечи и шею. Холодная плотная почва уже давила на горячую кожу ее щек, лишая девушку последней возможности двигаться. Убийца наклонился над ней и сорвал ленту с ее губ. Амелия попыталась было закричать, но в этот момент мужчина бросил горсть земли прямо в ее распахнутый рот. Она задохнулась. В ушах ее зазвенело, а потом почему-то послышалась мелодия песни, пришедшей из ее детских воспоминаний, «Зеленые листья лета». Эту песню часто заводил отец, снова и снова отыскивая ее на пластинке. Грустная мелодия назойливо преследовала Сакс, и девушка закрыла глаза. Все стало черным. Она попыталась еще раз открыть рот, и получила очередную порцию земли.

Забывать о мертвых…

И вот она уже под землей.

Здесь совершенно тихо. Амелия не могла ни кашлянуть, ни вздохнуть. Земля — печать надежная. В легких почти не осталось воздуха, и девушка не могла издать ни звука. Тишина, нарушаемая лишь навязчиво звучащей мелодией, да нарастающий шум в ушах.

Затем давление на лицо уменьшилось, а тело стало бесчувственным и невесомым, словно у Райма. Сознание начало меркнуть.

Чернота, чернота. Ни единого слова от отца или от Ника… Никаких снов. Никакого переключения передач, чтобы стрелка спидометра показывала трехзначные цифры.

Чернота.

Забывать…

Масса земли, покрывшая ее тело, постепенно оседала, утрамбовываясь. Сознание удерживало лишь один образ: руку, торчащую из могилы, которую Амелия видела вчера утром. Эта рука извивалась, словно умоляя о пощаде. Никакой пощады ей не будет.

Рука манила Сакс за собой.

Райм, мне будет не хватать тебя.

Забывать…

Глава тридцать четвертая

Что-то стукнуло ее по лбу. Довольно сильно, хотя боли она не почувствовала.

Что, это? Что? Его лопата? Кирпич? Или, может быть, наконец-то, 823-й испытал чувство сострадания и, решив, что такая смерть бесчеловечна, вернулся сюда, чтобы попросту перерезать ей горло?

Второй удар, потом еще один. Она не могла открыть глаза, но даже через сомкнутые веки ощущала приближение света. Появились цвета. И воздух. Она вытолкнула изо рта слипшуюся землю и начала делать осторожные вдохи. Затем закашлялась и стала судорожно отплевываться.

Наконец, она открыла глаза и через пелену слез увидела неясные очертания Лона Селитто. Он стоял между двух полицейских врачей, один из которых пальцами в резиновых перчатках продолжал выковыривать грязь у нее изо рта, а другой стоял наготове с кислородным баллоном и маской.

Селитто и Бэнкс быстро откапывали тело Амелии, раскидывая землю в разные стороны своими мускулистыми руками. Затем они аккуратно подняли ее и вынули из халата, словно змею из старой кожи. Селитто, разведенный несколько лет назад, быстро отвернулся, накинув на ее плечи свою куртку. Молодой Джерри Бэнкс успел все-таки полюбоваться на ее нагое тело. Но сейчас она совсем не сердилась на него.

— Вы… успели?.. — только и смогла выговорить Сакс, прежде чем ее снова одолел приступ сильнейшего кашля.

Селитто выжидающе посмотрел на все еще запыхавшегося Джерри, который тщетно пытался догнать подозреваемого. Он печально покачал головой:

— Нет. Ему удалось скрыться.

Амелия уселась на газоне и вдохнула кислород из баллона.

— Но как вы узнали? — прохрипела она.

— Райм, — пояснил Джерри. — И даже не спрашивай, как это ему пришло в голову. Он позвонил и поднял на ноги всю команду. Мы были на местах, поэтому сразу же рванулись сюда.

Амелия почувствовала, как оцепенение покидает ее. Только теперь она, наконец, полностью осознала, что могло произойти. Она выронила из рук кислородную маску, поднялась, отступила на пару шагов, и неожиданно из ее глаз хлынули слезы. Напряжение уступило место безудержному плачу с причитаниями:

— Нет, нет! О Господи, нет!

Она принялась шлепать себя по рукам и ногам, пытаясь стряхнуть ужас, который никак не отпускал ее, продолжая преследовать девушку, как рой разъяренных пчел.

— О Господи! Нет!..

— Сакс! — встревожился Бэнкс. — Сакс, что с тобой?

Но Лон помахал ему рукой, жестом показывая, чтобы тот отошел в сторону:

— Все в порядке, — коротко пояснил он. — Лон придерживал ее за плечи, а девушка опустилась на четвереньки, и ее вырвало. Она еще долго всхлипывала и сжимала кулаки, словно хотела раздавить остатки прилипшей к пальцам грязи.

Амелия прижалась к нему лицом и обхватила плечи Райма. И замерла в таком положении она оставалась довольно долгое время.

— Сакс... Сакс...

Наконец, она отошла от Клинитрона и вытащила из угла комнаты старое, но очень удобное кресло. Амелия, в просторных теплых брюках и рубашке с короткими рукавами, с удовольствием плюхнулась в него и перекинула через подлокотник свои красивые длинные ноги. Сейчас она больше походила на озорную школьницу.

— Но почему именно мы, Райм? Почему он выбрал нас, и теперь мы страдаем? — Она произнесла это хриплым шепотом: земля здорово поцарапала гортань, и сейчас девушке было даже больно разговаривать.

— Настоящие жертвы не те, кого он похищает, а именно мы, — объяснил ей Линкольн.

— А кто именно — *мы?*

—Ну, точно я и сам не знаю. Может быть, общество в целом. Или этот город. Или ООН. Полицейские. Я тут немного познакомился с его библией, прочитав главу о Джеймсе Шнейдере. Ты помнишь теорию Терри о том, почему преступник оставляет нам «ключевые» предметы?

— Конечно, — вступил в разговор Селитто. — Чтобы мы стали соучастниками. Ему требуется с кем-то делить чувство вины. Тогда ему становится легче убивать. Он уже как бы не один.

Райм кивнул, но при этом добавил:

— Возможно, хотя лично я думаю теперь о другом. Я полагаю, что эти оставленные для нас предметы служат как бы для нападения на нас. Ведь каждая погибшая жертва — это большая потеря.

В своей старой простенькой одежде, с завязанными в хвостик волосами, Амелия сейчас казалась еще красивей, чем прежде. Но глаза ее выражали только боль и ужас пережитого. Она как будто заново ощущала все то, что ей пришлось испытать. Райм представил себе, что было бы с ним, если бы Амелия погибла, похороненная заживо, и отвернулся.

— Но что он имеет против нас? — удивилась девушка.

— Понятия не имею. У Шнейдера, например, ошибочно арестовали отца и посадили в тюрьму, где тот и умер. А что касается нашего

преступника… Кто его знает? Лично меня, как вы все помните, больше интересуют вещественные доказательства…

— … а не причины преступления, — закончила за Линкольна Сакс.

— Почему он выбрал нас и никак не может отстать? — задался вопросом Банкс и задумался, глядя на Амелию.

— Итак, мы обнаружили его логово и спасли девочку. Мне кажется, он не рассчитывал на то, что все это произойдет так быстро. Может быть, это напугало его. Лон, теперь надо позаботиться о том, чтобы у каждого из нас была надежная круглосуточная охрана. Он, видимо, снялся с насиженного места после того, как мы потревожили его покой, но все равно далеко пока, что не уходит. Теперь ему не терпится нанести нам как можно больше вреда. Я и Лон, Джерри, Сакс, Купер, Хауманн, Поллинг, — мы все стоим на очереди в его страшном списке. Могу поспорить, что тут я не ошибаюсь. А сейчас необходимо, чтобы на месте преступления у дома Сакс поработали ребята Перетти. Конечно, сейчас убийца был максимально осторожен и вряд ли оставил что-нибудь существенное, но все же… Ведь ему пришлось буквально убегать оттуда, что явно не входило в планы преступника.

— Наверное, будет лучше, если я сама отправлюсь туда, — предложила Сакс.

— Нет, — возразил Райм.

— Но мне надо осмотреть место преступления.

— Тебе надо немного отдохнуть, — отрезал Линкольн, и слова его прозвучали как приказ. — И это обязательно. Ты, конечно, меня извини, но выглядишь ты сейчас паршиво.

— Он прав, офицер, — согласился с другом Селитто. — И никаких возражений. Пока что мы в помощи не нуждаемся. Двести человек только и занимаются тем, что ищут его. Кроме того, Фред Деллрей выпросил еще сто двадцать агентов для помощи нам.

— Вот интересно! На моем дворе было совершено преступление, а мне не дают его осмотреть!

— Все верно, — кивнул Райм. — Лон, по-моему, правильно тебе объяснил обстановку.

Селитто направился к выходу:

— Надеюсь, возражений уже не будет?

— Нет, сэр.

— Ну, Бэнкс, пошли, нам еще надо потрудиться. Сакс, вас подвезти? Или вам еще доверяют машину?

— Нет, спасибо, я сама на колесах, — слабо улыбнулась Амелия.

Детективы ушли, и до Райма еще некоторое время доносились их голоса: сначала на лестнице, потом снизу, из прихожей. Затем входная дверь захлопнулась, и они с Амелией остались одни.

Райм спохватился, заметив, что в комнате очень уж ярко горит свет. При помощи своего пульта управления он уменьшил накал ламп.

Сакс потянулась.

— Ну, что ж, — неопределенно сказала она, взглянула на часы и заметила. — Уже поздно.

— Разумеется.

Она поднялась и подошла к столу, туда, где лежала ее сумочка. Девушка раскрыла ее, вынула компактную пудру и принялась изучать поврежденную губу в маленькое зеркальце.

— Ну, в общем, не так уж и заметно, — успокоил ее Райм.

— Франкенштейн какой-то, — нахмурилась она, потрогав губу. — Почему до сих пор не придумали делать нитки для швов под цвет тела? — Она убрала пудру назад, щелкнула замком сумочки и перекинула ремешок через плечо. — А ты решил передвинуть кровать, как я вижу. — Только теперь она обратила внимание на то, что Клинитрон переехал ближе к окну.

— Том постарался. Теперь я могу из окна смотреть на парк, когда захочу.

— Ну, что ж, это здорово.

Она подошла к окну и выглянула.

«Ну, давай же, что ты медлишь? — подбадривал себя Линкольн. — Ничего страшного тут нет». Он набрал побольше воздуха и выпалил:

— Может, ты хочешь остаться здесь? Я имею в виду, что уже очень поздно. А в твоем доме еще Бог знает сколько времени будут снимать отпечатки пальцев. Там провозятся до утра, наверное.

Он почувствовал, как внутри него огнем вспыхнула надежда. «Подави ее немедленно!» — сердито подумал он. Но в тот же миг лицо девушки расцвело в улыбке:

— С удовольствием, — коротко ответила она, решив сразу все проблемы.

— Прекрасно! — Волна адреналина бросилась в кровь, и челюсть Райма задрожала. — Просто великолепно. Том!

Они еще немного послушают музыку, выпьют по стаканчику виски. Может быть, он еще расскажет ей об известных местах преступлений. А она поделится своими воспоминаниями. Линкольна очень интересовал отец Амелии, как и вообще работа полиции в 60-е и 70-е годы. Он хотел узнать побольше о том, как работал печально известный Южный участок в старые добрые времена.

— Том! — погромче позвал Райм. — Достань, пожалуйста, простынь и одеяло. Том! Понятия не имею, куда он запропастился. Том!

Сакс собиралась уже что-то сказать, но в этот момент в дверях появился помощник, и раздраженно заявил:

— Достаточно одного грубого окрика. Линкольн. Нечего так долго разоряться.

— Амелия снова останется у нас. Ты можешь достать для нее одеяло, подушки, ну, и все, что полагается, чтобы постелить на диване?

— Нет, на диване я больше спать не буду, — вдруг решила Сакс. — Я там не очень уютно себя чувствую.

Райм понял, что должен сейчас уговорить ее остаться здесь, наверху, но потом смирился, подумав при этом с печалью: вот уже несколько лет он не спал рядом с женщиной. Тем не менее, он не стал показывать своего разочарования, и сказал:

— Внизу есть спальня для гостей. Том постелит тебе там. Но Сакс все решила по-своему. Она спокойно положила сумочку обратно на стол и повернулась к помощнику:

— Все в порядке. Том. Мы сами тут разберемся. Ничего делать не надо.

— Но мне не сложно.

— Все в порядке. Спокойной ночи. Том. — И она прошла к двери, явно намекая на то, что ей и Райму пора остаться одним.

— Ну, я...

Она улыбнулась и твердым, решительным голосом повторила:

— Спокойной ночи. Том. И осторожней на лестнице, не споткнись. — Когда помощник шагнул в коридор, она закрыла дверь и заперла ее на щеколду. После этого девушка скинула туфли и разделась, оставшись только в кружевном бюстгальтере и смешных мешковатых трусиках. Она тут же забралась на Клинитрон и устроилась рядом с Раймом. В каждом ее движении скользила та властность, которой обладают красивые женщины, когда дело доходит до постели.

Сакс немного поерзала, ощущая приятное массажное действие маленьких шариков, и засмеялась:

— Вот так кровать! Это же просто чудо! — И снова потянулась, как сонная кошка, потом закрыла глаза и промурлыкала: — Надеюсь, ты не будешь возражать?

— Абсолютно.

— Райм...

— Что?

— Расскажи мне еще что-нибудь из своей книги. О каких-нибудь местах преступлений. Ладно?

Он начал историю об одном неуловимом серийном убийце из Квинс, но уже через минуту она заснула.

Райм увидел, что ее грудь прижалась к его телу. Девушка закинула ногу на его бедро, а ее волосы растрепались, и несколько прядей упали на лицо Линкольна. Волосинки щекотали кожу, а он уже забыл это ощущение. Для человека с такой прекрасной памятью было удивительно, что теперь ему показалось, будто все это происходит с ним впервые. Все, что он помнил, была серия каких-то нудных и одинаковых вечеров с Блэйн, да и то только до несчастного случая. Но все же он подумал о том, что если бы такое случилось раньше, то он не стал бы тревожить свою жену и спокойно перенес бы эту щекотку.

Сейчас, конечно, он не смог бы смахнуть с лица волосы Амелии, даже если бы ему это приказал сам Господь Бог. Но он и не думал убирать их. Напротив, ему хотелось, чтобы это ощущение длилось целую вечность.

Глава тридцать пятая

На следующее утро Линкольн Райм снова остался один. Том отправился по магазинам, а Мел Купер работал в лаборатории следственного отдела. Вине Перетти закончил осмотр места преступления в особняке на Ван Бреворт и в доме Сакс. Они нашли на удивление мало ценного, но Райм отнес это на счет изобретательности преступника, а не сомнительного таланта самого Перетти, как сыщика.

Линкольн находился в состоянии ожидания. Ему должны были вскоре доставить отчет об осмотре места преступления. Правда, и Добинс, и Селитто предполагали, что сейчас 823-ий должен был «лечь на дно», по крайней мере, на некоторое время. Пока что больше не было зарегистрировано ни нападений на полицейских, ни похищений людей. Последние двенадцать часов город жил спокойно.

Офицер, в подчинении которого находилась Сакс, проводил ее к специалисту по болезням горла. Земля, попавшая в рот девушки, все же успела повредить нежные ткани гортани. Для самого Райма тоже выделили телохранителя. Теперь перед его домом стоял вооруженный полицейский из 20-го участка. Линкольн знал этого парня: когда-то они с ним долго спорили о качествах ирландского и шотландского торфа, применяемых в производстве виски.

Райм пребывал в великолепном настроении. Он соединился по рации со своим охранником и предупредил его:

— Через пару часов ко мне должен прийти врач. Пропусти его.

Полицейский пообещал выполнить это указание.

Доктор Уильям Бергер клялся, что сегодня прибудет вовремя.

Райм откинулся на подушку и внезапно осознал, что находится в спальне не совсем один. Соколы важно расхаживали по карнизу, заглядывая в комнату. Они редко капризничали, но, видимо, сейчас реагировали на изменение погоды. Приближался фронт низкого давления. И хотя небо казалось чистым и безоблачным. Линкольн доверял птицам. Они никогда не ошибались, этакие непогрешимые барометры.

Райм посмотрел на часы. Одиннадцать утра. И вот теперь, точно так же, как и два дня назад, он снова ожидал появления Бергера. «Такова жизнь, — рассуждал он. — Как часто нам приходится откладывать наши дела, но в конце концов, как бы там ни было, мы оказываемся у намеченной цели».

В течение двадцати минут он пытался смотреть телевизор. Сначала ему хотелось отыскать программу, где сообщалось бы о похищениях людей.

Но, как назло, все новости теперь были посвящены только торжественному открытию всемирной конференции ООН. Райм разозлился, начал переключать один канал за другим, попал на какой-то нудный фильм, потом опять на напыщенного репортера, стоящего с микрофоном перед зданием ООН, вконец разозлился и выключил телевизор совсем.

Зазвонил телефон. Проделав несколько замысловатых операций, Линкольн, наконец, ответил:

— Слушаю.

Пару секунд в трубке молчали, потом послышался знакомый голос:

— Линкольн?

— Я.

— Это Джим Поллинг. Как дела?

Райм вдруг вспомнил, что не видел капитана со вчерашнего утра, если не считать его минутного присутствия в спальне перед пресс-конференцией, на которой он в основном подсказывал ответы мэру и шефу Уилсону.

— Все в порядке, — коротко доложил Райм. — Появилось что-то новое о нашем подозреваемом?

— Пока нет, но мы все равно его возьмем. — Снова пауза. — Послушай, ты сейчас один?

— Ну конечно.

И в третий раз Поллинг замолчал. Потом нерешительно произнес:

— Ничего, если я к тебе заскочу? Ты не возражаешь?

— Ради Бога.

— Примерно через полчаса подъеду.

— Хорошо, я буду дома, — весело отозвался Райм.

Он поудобней устроил голову на подушке, и его взгляд упал на завязанную в узел веревку, висящую на стене рядом с таблицей. Они до сих пор не разгадали тайну этого узла. Да уж, действительно, теперь хоть веревку готовь! Он засмеялся своей шутке. Ему очень не хотелось, чтобы

дело закончилось с нераскрытым секретом. Потом он вспомнил, что Поллинг был заядлым рыболовом. Может быть, ему этот узел что-нибудь скажет?

Поллинг…

Джим Поллинг…

Райму с самого начала показалось довольно странным, что сам капитан настаивал на его — Линкольна — участии в расследовании. Он не захотел, чтобы Перетти занялся вещественными доказательствами, а ведь так было бы выгоднее самому Поллингу. А как он сражался, чтобы дело не отнимали у полиции и не передавали фэбээровцам! Устроил в спальне Райма чуть ли не потасовку с Деллреем…

Да и вообще, если хорошенько задуматься, все участие самого Джима в этом деле оставалось загадкой. Такие серьезные дела, как с 823-м, никто добровольно расследовать не возьмется, даже заядлый карьерист, который жаждет присвоения очередного звания. Слишком уж тут много шансов потерять жертву, а тогда кровожадная пресса сама разберет тебя по косточкам и смешает с дерьмом. Причем за любую оплошность.

Поллинг… Только теперь Райм по-новому оценил его участие в деле. Он вспомнил, как влетал в спальню вечно куда-то спешащий Джим, быстро справлялся о последних новостях в ходе расследования, и так же внезапно исчезал.

Ну, конечно, надо делать скидку на то, что ему надо было обо всем докладывать и мэру, и шефу полиции. А может быть (эта мысль пришла в голову Райму совершенно неожиданно), Поллинг докладывал не только им и торопился в совершенно другие места?

Может быть, существовал еще некто, кому нужно было следить за делом и постоянно находиться в курсе всех событий? Может, Поллинг встречался и с самим преступником?

Но каким образом Джим мог быть связан с 823-м? Чушь какая-то.

И тут его осенило.

А может, он сам и есть тот 823-й?

Ну, конечно, нет. Это даже смешно. Просто обхохочешься. Даже если не учитывать причины и средства, как он мог успеть все это совершить? Ведь капитан был здесь, в спальне Райма, когда совершались некоторые похищения…

А точно ли был?

Райм с сомнением посмотрел на таблицу.

Темная одежда и мятые хлопчатобумажные брюки. Последние дни Поллинг постоянно появляется в спортивной одежде. Ну и что? Многие люди ходят в...

Внизу открылась и захлопнулась дверь.

— Том?

Ответа не последовало. Впрочем, Райм прекрасно знал, что помощника не будет еще несколько часов.

— Линкольн? — послышался голос снизу.

О нет, только не это. Райм принялся набирать номер полиции.

Девятка... единица...

Но от волнения его подбородок чуть дернулся, и он случайно перевел курсор на двойку.

Шаги приближались.

Райм попытался перезвонить, но, как назло, в волнении он так сильно толкнул джойстик, что тот отлетел в сторону, и очутился вне его досягаемости.

В этот момент Джим Поллинг вошел в комнату. Райм наивно полагал, что охранник внизу сначала свяжется с хозяином дома. Но он ошибся. Конечно, рядовой полицейский не стал особо раздумывать, когда перед ним появился капитан полиции, и незамедлительно пропустил его внутрь.

Темная куртка Поллинга была расстегнута, и Райм сразу же заметил у него на бедре автоматический пистолет. Он не мог различить марку, но знал, что «Кольты» калибра 0,32 были в списке личного оружия, выдаваемого полиции Нью-Йорка.

— Линкольн, — обратился он к Райму. Чувствовалось, что Поллинг волнуется и держится настороженно. Его взгляд упал на лежащий на столе позвонок.

— Как поживаешь, Джим?

— Неплохо.

Поллинг не принадлежал к числу домоседов. Шрам на пальце... Джим — заядлый рыболов и мог распороть палец крючком, забрасывая удочку. Или случайно порезаться охотничьим ножом. Райм хотел бы выяснить это, но гость держал руки в карманах. Интересно, что у него там? Может быть, нож?

Разумеется, Поллинг не был профаном в криминалистике и знал, как вести себя на месте преступления. Уж он-то точно не оставил бы после себя следов.

А лыжная шапочка? Разумеется, если Поллинг и есть тот самый подозреваемый, ему надо было скрывать свое лицо, потому что любая из жертв могла бы легко его потом опознать. А лосьон... что ж, вполне вероятно, что он им и не пользуется, а просто таскает с собой и брызгает им, где ни попадя, чтобы сбить следствие со следа. Поэтому никто бы и не заподозрил Поллинга, от которого никогда ничем не пахло.

— Ты один? — поинтересовался Джим.

— Мой помощник...

— Охранник сказал, что его пока нет.

— Все верно, — после некоторой паузы подтвердил Райм.

Поллинг, с волосами песочного цвета, хоть и был небольшого роста и легкого телосложения, но отличался незаурядной силой. На память пришли слова Терри Добинса: социальный работник, советник, политик. Тот, кто помогает другим...

Как, например, любой полицейский.

«Интересно, умру ли я прямо сейчас?» — подумал Райм, и неожиданно осознал, что умирать ему совсем не хочется. Во всяком случае, не таким образом, не от руки кого-то другого.

Поллинг подошел к кровати.

Однако при всем желании Линкольн не мог ничего поделать. Он находился в полной власти этого человека.

— Линкольн, — мрачно повторил Поллинг.

Их глаза встретились, и Райм почувствовал, как между ними словно пробежал электрический ток. Черная искра. Капитан перевел взгляд на окно.

— Ты, наверное, давно об этом задумывался, — начал Джим.

— О чем же?

— Почему я настоял, чтобы именно ты проводил это расследование.

— Я подумал, что из-за моих исключительных способностей. Однако капитан даже не улыбнулся.

— Так почему ты выбрал меня, Джим?

Капитан сплел перед собой тонкие, но сильные пальцы. Руки рыболова, спортсмена, пусть и изящные, но вполне способные извлечь добычу из ее норы и вспороть ей брюхо острым ножом.

— Четыре года назад мы работали вместе над делом Шепарда. Райм кивнул.

— Рабочие обнаружили тогда тело того полицейского на станции метро.

Линкольн помнил, как сначала раздался стон, похожий на прощальный гудок тонущего «Титаника», потом раздался грохот, прозвучавший, словно выстрел, и на него свалилась балка, сломавшая ему позвоночник.

— Ты тогда осматривал места преступлений. Как всегда, один.

— Да.

— А ты знаешь, как мы взяли Шепарда? У нас был свидетель.

Свидетель? Райм об этом даже не подозревал. После несчастного случая он и не думал следить за ходом дела. Знал только, что Шепарда осудили, и через три месяца в тюрьме его закололи ножом. Убийцу так и не нашли.

— Да-да, свидетель, — продолжал Поллинг. — Он видел Шепарда с оружием в руках в доме жертвы. — Джим сделал шаг к кровати и скрестил руки на груди. — Свидетеля нашли за день до того, как обнаружили тело в метро. Еще перед тем, как я потребовал, чтобы ты лично осмотрел место преступления.

— Что ты говоришь, Джим?

Капитан уставился в пол:

— Тогда ты стал нам уже не нужен, равно как и твой отчет. Линкольн промолчал.

— Ты понимаешь, к чему я веду? — спросил Поллинг. — Мне очень хотелось пригвоздить эту скотину Шепарда. Мне нужно было распутать самое дохлое и трудное дело. Ты же знаешь, что если на суде фигурируют отчеты, составленные Линкольном Раймом, то адвокаты могут махнуть на подзащитного рукой. Они боялись их, как огня.

— Но Шепарда осудили бы и без моего отчета, — возразил Райм.

— Все верно. Линкольн. Но дело не только в этом. Я знал от строительных рабочих, что тот участок очень опасен.

— И ты заставил меня полезть туда, не дожидаясь, пока рабочие укрепят его?

— Шепард убивал полицейских. — Лицо Поллинга скривилось от отвращения. — Мне так хотелось его схватить! Я был готов пойти на все. Но... — Джим опустил голову.

Райм ничего не ответил. Он снова услышал и стон, и грохот ломающегося дерева. А потом почти увидел взлетевший вверх и медленно оседающий клуб пыли. Забавно теплое спокойствие, охватившее тело, и лихорадочно бьющееся от страха сердце.

— Джим...

— Вот почему я хотел, чтобы ты занимался нынешним расследованием, понимаешь? — С несчастным, виноватым видом Поллинг вновь уставился на позвонок. — Со всех сторон я только и слышал, что ты превратился в инвалида, и твоя жизнь окончилась. Что ты просто тянешь время, раздумывая, как вернее убить себя. Я всегда чувствовал себя виноватым, и только и думал о том, как бы вернуть тебе хоть частицу прежней жизни.

— И ты жил с этим последние три с половиной года?

— Ты же знаешь меня. Линкольн. Да и все меня знают. Если я кого-то ловлю, то он пускает пузыри, пока не пойдет на дно. Я могу быть очень жестоким с преступниками и не успокаиваюсь, пока не упрячу их за решетку. Управлять этим выше моих сил. Мне иногда приходилось идти и на обман, но ведь я имел дело с преступниками. Или, по крайней мере, с подозреваемыми. И они не были полицейскими. А то, что случилось с тобой... я считаю тяжелым грехом, обрушившимся на меня.

— Но я и сам был далеко не новичком, — возразил Райм. — Мог бы просто отказаться туда идти, если бы считал место опасным.

— Но...

— Я не вовремя? — раздался голос у двери в спальню. Райм скосил глаза, ожидая увидеть на пороге Бергера, но это оказался Питер Тейлор. Линкольн вспомнил, что доктор обещал еще раз навестить его после приступа дисрефлексии. Райм уже предчувствовал, что доктор собрался прочесть ему пространную лекцию о Бергере и Обществе Леты. Сейчас Линкольн был не в настроении, чтобы все это выслушивать. Ему хотелось побыть одному и переварить признание Поллинга. Пока Райм еще не до конца проанализировал его исповедь. Тем не менее, он дружелюбно пригласил доктора:

— Проходите, Питер.

— У вас очень своеобразная система безопасности. Линкольн, — улыбнулся Тейлор. — Полицейский у входа спросил, не доктор ли я, и, получив утвердительный ответ, тут же пропустил в дом. А если я назовусь адвокатом или бухгалтером, проблем тоже не будет?

Райм засмеялся:

— Сейчас мы с вами побеседуем, — сказал он и взглянул на Поллинга. — Не переживай, Джим. Такова моя судьба: оказаться не в том месте и в неподходящее время.

— Спасибо, Линкольн. —Поллинг опустил руку на правое плечо Райма и тихонько сжал его.

Райм кивнул, и чтобы погасить возникшую было неловкость, представил мужчин друг другу:

— Джим, это Питер Тейлор, один из моих врачей. А это Джим Поллинг, мой бывший сослуживец.

— Рад познакомиться, — кивнул Тейлор, протягивая руку. Момент был достойным внимания, и Райм проследил глазами за этим движением. В тот же момент ему в глаза бросился глубокий шрам в форме полумесяца, пересекавший указательный палец врача.

— Нет! — закричал Линкольн.

— Так ты тоже коп?! — воскликнул Тейлор и, удерживая правой рукой ладонь Поллинга, выбросил вперед левую с зажатым в кулаке ножом. Он трижды ударил Джима под ребра, аккуратно поворачивая лезвие с

ловкостью настоящего хирурга. Сразу было видно, что он старается не повредить драгоценную кость.

Глава тридцать шестая

В два длинных шага Тейлор оказался у кровати Райма. Он выхватил из-под пальца Линкольна пульт управления и отшвырнул его в сторону. Детектив набрал в легкие воздух, чтобы закричать, но доктор остановил его:

— Тот констебль тоже мертв. — И он кивнул на дверь, подразумевая охранника на улице. Как зачарованный, Тейлор уставился на бившегося в конвульсиях Поллинга, разбрызгивавшего кровь по стенам и полу.

— Джим! — кричал Райм. — О нет, нет...

Руки капитана обхватили распоротую грудь. Комнату заполнил отвратительный хлюпающий звук, рвущийся из его горла, и стук ботинок по полу. Потом он затихло. Через секунду Поллинг дернулся последний раз, и умер. Его выкатившиеся глаза уставились в потолок.

Повернувшись к кровати и медленно обходя ее, Тейлор, не отрываясь, смотрел на Райма. Его рука продолжала сжимать нож, а дыхание стало тяжелым.

— Кто ты такой? — задыхаясь, спросил Линкольн.

Тейлор молча обхватил пальцами руку Райма и несколько раз сжал ее. Тот не мог сказать, сильно или нет. Потом доктор взял единственный действующий палец детектива и, погладив его окровавленным лезвием ножа, засунул кончик под ноготь.

Райм почувствовал боль и странное ощущение подступающей тошноты. Затем оно усилилось, и Линкольн начал давиться воздухом.

Потом, видимо, Тейлора что-то насторожило, и он замер на полувздохе. Наклонившись, он внимательно посмотрел на подставку для книг, где покоился том «Преступления в Старом Нью-Йорке».

— Так вот оно что... Вы все же нашли его... Вся полиция должна гордиться, что ты снова в их рядах. Линкольн Райм. Я рассчитывал, что пройдут дни, пока вы обнаружите дом, а за это время собаки успеют обглодать тело Мэгги до костей.

— Зачем же ты делаешь все это?

Не удостаивая его ответом, Тейлор продолжал осматривать Райма, что-то бормоча себе под нос:

— Тогда ты не был таким безупречным. В старые времена. Тебе ведь случалось допускать ошибки. Раньше.

В старые времена...Что он имел в виду?

Доктор тряхнул волосами, седыми, а вовсе не каштановыми, и взгляд его упал на учебник по судебной экспертизе, написанный Раймом. Он сразу же узнал эту книгу, и тут Линкольн начал кое-что понимать.

— Так, значит, ты читал мою книгу. Штудировал ее в библиотеке. Той самой, что находится рядом с твоим домом.

В конце концов, 823-й действительно оказался заядлым читателем.

Итак, он ознакомился со всеми тонкостями криминалистики. Вот почему с такой тщательностью он заметал следы, постоянно носил перчатки, чтобы ненароком не оставить своих отпечатков. Большинство преступников не обращало бы внимания на те мелочи, про которые не забывал Тейлор. Он даже специально опрыскивал дешевым лосьоном место преступления.

Ну и, конечно же, учебник Райма был не единственной книгой, которая удостоилась его внимания.

«Места преступлений» он тоже тщательно изучил. Оттуда он и почерпнул мысль о возможности подбрасывания «ключевых» предметов, напоминающих о старом Нью-Йорке. И только Линкольн Райм мог догадаться об истинном значении этих предметов.

Тейлор взял в руки позвонок, подаренный им Райму восемь месяцев назад, и принялся машинально поглаживать его пальцами. Теперь Линкольн смотрел на когда-то так тронувший его подарок как на жуткую прелюдию к кошмару.

Глаза доктора были какими-то отсутствующими. Райм вспомнил, что и раньше замечал у Тейлора такой взгляд, когда тот обследовал его. Тогда он склонен был относить это на счет сосредоточенности врача, а теперь прекрасно понимал, что это проявление безумия. Питер постепенно утрачивал контроль над собой.

— Но скажи мне, — попросил Райм, — почему?

— Почему? — злобно прошептал Тейлор, ощупывая колено, икру и лодыжку Линкольна. — Потому что ты был замечательным человеком, Райм. Уникальным и неуязвимым.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, как можно наказать человека, желающего умереть? Убив его, ты всего-навсего исполнишь его желание. Поэтому мне хотелось пробудить в тебе вкус к жизни.

И тут Райм, наконец, все понял. Ответ пришел сам собой.

Старые времена...

—Это была подделка, имитация, — прошептал Райм. — Тот отчет от патологоанатома из Олбани. Ты сам его написал.

Колин Стэнтон... Питер Тейлор и был тем самым Колином Стэнтоном.

Тем человеком, всю семью которого убили на его глазах в китайском квартале. Мужем и отцом, стоящим в столбняке над окровавленными телами жены и детей, не знавшим, что предпринять.

Ты допускал ошибки. Раньше.

И теперь, как бы поздно это не произошло, все кусочки мозаики сложились в стройную картину.

Теперь стало понятным, почему он наблюдал за своими жертвами: за Ти-Джей Колфакс, Монелл и, наконец, за Кэрол Ганц. Он рисковал быть схваченным, когда предавался этому занятию, но ничего не мог с собой поделать. Тейлор наблюдал за ними так же, как когда-то смотрел на умирающих близких. Он хотел отомстить, но его долг врача не позволял ему собственноручно отнимать жизнь. И для того чтобы убивать, ему приходилось превращаться в своего духовного предтечу — Собирателя Костей, психопата Шнейдера из девятнадцатого века, семью которого уничтожила полицейская ошибка.

— После того как я вышел из психушки, мне удалось прочитать отчеты о расследовании того дела. О том, как ты не заметил спрятавшегося преступника и тот выбрался из квартиры. Я понял, что должен убить тебя. Но не мог этого сделать. Сам не знаю, почему... Я ждал, пока что-нибудь произойдет. Потом мне попалась книга про Джеймса Шнейдера... Он пережил то же самое, что выпало и на мою долю. Ведь он-то смог отомстить, так почему же не смогу отомстить и я?

Я разобрал их до костей.

—Но заключение о смерти, — напомнил Райм.

— Я составил его на собственном компьютере и отправил факс в полицейское управление. А потом стал другим человеком — Питером Тейлором. Только потом до меня дошло, почему я остановился именно на этой фамилии. А ты догадался? — Глаза Стэнтона переметнулись на таблицу, составленную детективами. — Ответ вот здесь.

Знает основы немецкого языка.

— "Шнейдер", — вздохнул Райм. — А по-английски — «Тейлор». Портной.

Стэнтон кивнул:

— Целые недели я проводил в библиотеке, изучая материалы по травмам позвоночника, а потом позвонил тебе. Я отрекомендовался специалистом по опорно-двигательному аппарату. Мне хотелось убить тебя при первой же встрече и, срезая с тебя плоть, наблюдать, как ты умираешь, истекая кровью. На это могло потребоваться несколько часов, а может и дней. И что же выяснилось? — Глаза его расширились. — Оказалось, что ты сам желаешь смерти!

Он склонился над Раймом:

— Я до сих пор вспоминаю тот день, когда впервые тебя увидел. Сукин ты сын! Ты был практически мертв, и я понял, что надо сделать. Заставить тебя снова ожить. Чтобы ты снова приобрел цель в жизни.

Таким образом, выяснилось, что его не интересовали личности похищенных. Ему было все равно.

— Значит, тебе было наплевать, уцелеет жертва или нет.

— Ну, разумеется. Передо мной стояла задача заставить тебя захотеть спасать их от смерти.

— А узел, — вдруг вспомнил Райм, глядя на веревочную петлю, свисающую со стены рядом с таблицей. — Это тот самый, что применяется в хирургии?

Тейлор кивнул.

— Ну, разумеется, я мог бы и сам догадаться. А откуда шрам на твоем пальце?

— На пальце? — нахмурился доктор. — Как же ты... Ах, да! Шея. Ты снял отпечаток с шеи Ханны. Я знал, что в принципе это возможно, но не придал значения, — сейчас он злился на себя. — В психушке я расколол стакан, чтобы вскрыть себе вены, и порезался, — безумными глазами он уставился на шрам.

— Но ведь смерть твоей жены и детей, — спокойно произнес Райм, — это просто случайность. Жуткая, кошмарная, несправедливая, но все-таки случайность. Никто ничего не сделал умышленно. Произошла ошибка, и мне очень жаль, что она привела к таким последствиям.

— А ты помнишь, что написано тобой в предисловии к собственному учебнику? — почти пропел Тейлор и тут же сам процитировал: — «Криминалист обязан помнить, что любое действие влечет за собой определенные последствия. Присутствие преступника изменяет каждое место преступления, какими бы незначительными эти изменения не казались. Поняв это, можно идентифицировать преступника и определить его местонахождение, с тем чтобы справедливость восторжествовала». — Стэнтон ухватил Райма за волосы и приблизил к себе его лицо. Линкольн ощутил дыхание психопата на своей коже и увидел капельки пота, выступившие на посеревших щеках доктора. — Так вот, я — всего лишь последствие твоих действий.

— Ну, и что ты собираешься сделать? Убить меня? Теперь это не имеет никакого значения.

Стэнтон отпустил его волосы и отпрянул от постели.

— Ты хочешь знать, что я собираюсь сделать? — зашипел он. — Убить твоего доктора Бергера. Но не так, как это делает он. Никаких снотворных, уколов и выпивки. Посмотрим, как ему понравится смерть, выдержанная в старомодном стиле. Потом настанет очередь твоего друга Селитто. А офицер Сакс?

Что ж, и ее тоже. Один раз удача ей улыбнулась, но можно попробовать еще раз. Повторное захоронение, так сказать. Ну и, разумеется, Тома. Он умрет прямо здесь, на твоих глазах. Уж его-то я разберу по косточкам. Медленно и с удовольствием. — Дыхание его участилось и стало прерывистым. — Может быть, прямо сегодня им и займусь. Когда он вернется?

— Ошибку совершил я. — Райм закашлялся и, вздохнув поглубже, повторил: — Я во всем виноват, можешь делать со мной все, что хочешь.

— Нет, виноваты вы все.

— Нет, ты не можешь… — Линкольн снова подавился воздухом, что едва не привело к приступу, но справился с собой. Стэнтон внимательно наблюдал за ним.

— Ты не можешь причинить им вреда. Я сделаю все, что ты… — Тут он издал нечленораздельный звук, захрипел, голова его заметалась по подушке, а глаза едва не вылезли из орбит.

Дыхание Райма остановилось, и плечи судорожно затряслись. Жилы на шее натянулись, как стальные тросы.

— Райм! — тревожно выкрикнул Стэнтон.

Разбрызгивая слюну, голова Райма моталась из стороны в сторону, и все его безвольное тело, казалось, содрогается от невидимого землетрясения. Голова закинулась назад, из уголка рта потекла струйка крови.

— Нет! — продолжал кричать Стэнтон, пытаясь делать Райму массаж сердца. — Нет, ты не должен умирать! Он приподнял веки Райма, но увидел только белки. Стэнтон бросился к медицинской сумке Тома, нашел лекарство для снижения давления, наполнил шприц и ввел его Линкольну. Потом выдернул из-под головы Райма подушку, чтобы тот мог нормально дышать. Вытерев губы детектива, он принялся делать ему искусственное дыхание.

— Нет! — бушевал Стэнтон. — Я не позволю тебе умереть!

Но Райм ни на что не реагировал.

Доктор снова проверил неподвижные глаза детектива.

— Ну, давай же! Давай!

Затем он застыл, уставившись на умиравшего перед ним человека.

Потом он снова наклонился, чтобы в последний раз попытаться вдохнуть в Райма жизнь.

И когда он приблизил ухо к губам Линкольна, чтобы уловить хоть признак дыхания, голова Райма со всей силы рванулась вперед, словно нападающая змея. Его зубы вонзились в шею Стэнтона, перегрызая сонную артерию, и впились так глубоко, что даже заскрежетали по позвонкам.

До самой…

Стэнтон завопил и попятился от постели, но зубы Райма не разжались. Последним усилием врач приподнял его тело над кроватью, оно потеряло опору, и они оба рухнули на пол. Горячая, вкуса старой меди, кровь хлынула из разорванной шеи, заливая рот Линкольна.

... кости.

Легкие Райма находились без воздуха уже целую минуту, но он и не пытался вздохнуть, игнорируя разрывающую их боль. Он не обращал внимания и на рану, которую нанес сам себе, прокусив щеку, чтобы симулировать приступ дисрефлексии. Райм рычал от ярости, и перед ним вставали образы то Сакс, закапываемой заживо в землю, то Ти-Джей Колфакс, варящейся в струе раскаленного пара. Он тряс головой, ощущая, как его зубы перемалывают хрящи и кости.

Истошно крича и барабаня в бесчувственную грудь Райма кулаками, Стэнтон изо всех сил пытался освободиться от впившегося ему в горло чудовища.

Но ничего не помогало. Казалось, в мышцы челюстей Райма вселилась вся сила жертв современного собирателя костей.

На ощупь Стэнтон ухитрился приподняться с пола и добраться до столика, на котором лежал его нож. Пару раз ему удалось ударить им Райма, но он сам находился в таком положении, что смог достать только руку и ногу противника. Боль, которая любого другого человека лишила бы сознания, не имела никакой власти над парализованным Раймом.

Тиски его челюстей сжимались все сильнее, и вскоре, когда они размозжили дыхательное горло, крик Стэнтона стих. Лжедоктор еще пытался вытащить из руки Линкольна нож, чтобы снова нанести удар, но тут тело его затрепетало, пару раз сильно дернулось, и обмякло.

Стэнтон осел на пол, вновь увлекая Райма за собой. Голова криминалиста с громким стуком ударилась о дубовый паркет. Но Линкольн так и не отпустил шею убийцы: весь дрожа от напряжения и рыча, он продолжал терзать плоть, словно голодный лев, озверевший от вкуса крови.

Часть пятая

Когда ты в движении — тебя трудно поймать

«Долг врача заключается не только в том, чтобы, продлить жизнь, но и в том, чтобы остановить страдания».

Доктор Джек Кеворкян

Глава тридцать седьмая

Понедельник, 7 часов 15 минут вечера — понедельник, 10 часов вечера.

Перед самым заходом солнца Амелия Сакс появилась в спальне Райма.

На этот раз она уже не была одета в форму, а облачилась в джинсы и зеленую блузку. На ее красивом лице проглядывали свежие царапины, и, памятуя о событиях последних трех дней, их никак нельзя было отнести на счет самоистязания.

— Фу! — поморщилась она, проходя мимо того места, где умерли Поллинг и Стэнтон. Несмотря на то, что Том тщательно вымыл пол с хлоркой, на паркете до сих пор оставалось огромное розоватое пятно.

Райм наблюдал, как Сакс остановилась и холодно кивнула доктору Уильяму Бергеру, стоящему у окна, на карнизе которого гнездились соколы, и держащему в руке свой кейс.

— Значит, ты разделался с ним? — спросила она, указывая на пятно.

— Да. *Он*получил *свое*.

— И ты справился без посторонней помощи?

— Борьбу было трудно назвать честной, — согласился Райм. — Но я пытался себя сдерживать.

На улице рыжеватый отсвет заходящего солнца воспламенил верхушки деревьев и выстроившиеся в стройные ряды здания вдоль Пятой авеню по другую сторону парка.

Сакс строго взглянула на Бергера, который тут же попытался оправдаться:

— Мы с Линкольном просто беседовали.

— Неужели? Последовала долгая пауза.

— Амелия, — подключился к разговору Райм. — Я должен пройти через это. Я так решил.

— Понимаю, — ее великолепные губы, чуть испорченные темными черточками швов, сжались. И это, пожалуй, была ее единственная внешняя реакция на его слова. — Ты ведь знаешь, что я терпеть не могу, когда ты называешь меня по имени. Просто не выношу.

Как он мог ей признаться в том, что как раз *она*и являлась основной причиной, по которой он все же решился закончить начатое им страшное дело?

Проснувшись утром рядом с ней, он с горечью осознал, что сейчас она поднимется, оденется и выйдет из его дома, чтобы вернуться к своей жизни, к *нормальной*жизни. Они были обречены в своей любви, если, конечно, он вообще имел право думать о ней... И то, что она встретит очередного Ника и полюбит его, было только вопросом времени. Дело 823-го закончено, а без него их пути неминуемо должны разойтись. Это неизбежно.

Да, Стэнтон оказался умнее, чем предполагал Райм. Линкольн действительно подходил к самому краю реального мира и снова почувствовал себя живым, когда пришло прозрение.

Сакс, я нагло врал тебе. Иногда мертвых нельзя забыть. Иногда случается так, что ты уходишь вслед за ними...

Амелия сжала кулаки и подошла к окну:

— Я думала, что приду к тебе с разгромной пламенной речью и обязательно отговорю от всяких глупостей. Но не смогла. Все, на что я теперь способна, это сказать, что я не хочу, чтобы ты все-таки поступил по-своему.

— Сделка есть сделка, — напомнил Райм. Она посмотрела на Бергера:

— Черт! — Потом подошла к кровати, присела на корточки и положила руку на плечо Линкольну. Некоторое время она молчала, поправляя волосы у его лба, затем заговорила снова:

— Но ты можешь для меня кое-что сделать?

— Что же?

— Подарить мне несколько часов.

— Но я не передумаю.

— Я это уже поняла. Мне нужно всего два часа. Ты просто обязан перед этим кое-что сделать.

Райм вопросительно посмотрел на Бергера, который, неловко переминаясь с ноги на ногу, заявил:

— Понимаете, Линкольн, я не могу здесь долго задерживаться. Мой самолет... Если вы решили подождать еще недельку, я могу вернуться и потом...

— Все в порядке, — оборвала его Сакс. — Я сама помогу ему все сделать.

— Вы? — недоверчиво переспросил Бергер. Она нехотя кивнула:

— Да.

«Ну, это совсем не в ее духе», — сразу же отметил про себя Райм. Но когда он заглянул в ее голубые глаза, то даже через выступившие на них слезы понял, что с девушкой что-то произошло.

— Когда я оказалась... — тихо начала она. — Когда он закапывал меня живьем... Райм, я не могла пошевелиться. Ни на дюйм. И в какой-то момент мне ужасно захотелось умереть. Не жить, не сопротивляться, а побыстрее покончить со всем этим. Теперь я понимаю, что ты чувствуешь. Райм кивнул и обратился к Бергеру:

— Все в порядке, доктор. Вы можете просто оставить... как бы нам это назвать поаккуратней?

— Ну, скажем, атрибуты, — предложил Бергер.

— Вот именно. Оставьте их на столе, пожалуйста.

— Вы в себе уверены? — спросил врач у Сакс.

Она снова кивнула.

Доктор выложил таблетки, бренди и полиэтиленовый пакет на прикроватный столик. Потом порылся в своем кейсе и виновато сообщил:

— По-моему, у меня нет резинки для пакета.

— Ничего страшного, — успокоила его Сакс и взглянула на свои туфли. — У меня найдется лишняя.

Бергер подошел к кровати и положил ладонь на плечо Райма:

— Желаю вам спокойного самоосвобождения.

— Самоосвобождение, — сухо повторил Райм, когда Бергер скрылся за дверью, и обратился к Сакс: — Ну, и что же я должен для тебя сделать?

……

Круто развернувшись на скорости пятьдесят миль в час, Амелия чуть притормозила, и переключилась на четвертую передачу.

В открытые окна автомобиля врывался встречный ветер и трепал им волосы. Порывы его были свирепы, но Сакс и слышать не хотела о том, чтобы поднять стекла.

— Это будет совсем не по-американски, — заявила она, и стрелка спидометра перевалила за цифру «100».

Когда ты в движении...

Райм поначалу предложил покататься по тренировочному полицейскому полигону, но ничуть не удивился, когда Амелия с негодованием отвергла подобное предложение, сказав, что это развлечение для малолеток. Сама она после недели учебы в академии перестала его посещать. Поэтому они помчались на Лонг-Айленд, приготовив на всякий случай для дорожной полиции вполне правдоподобную версию, и даже отрепетировали детали.

— Дело в том, что пятая скорость — не самая быстрая, — объяснила Сакс. — Она хороша тогда, когда преодолеваешь многомильный путь, а нам сейчас на это наплевать. Сакс взяла левую руку Райма и, накрыв ее своей ладонью, положила на рукоятку коробки передач. Теперь они переключали их вместе.

Мотор взревел, и они разогнались до 120 миль в час. Придорожные деревья и дома так и мелькали мимо. Лошади, пасущиеся на полях, провожали черную молнию «шевроле» недоуменными взглядами.

— Это ли не самое лучшее, Райм?! — восторженно вопила девушка. — С этим не сравнится ни секс, ни что другое!

— Я чувствую под пальцем вибрацию, — заметил он. Она улыбнулась, и ему даже показалось, что она пожала ему руку. Наконец, пустынная дорога закончилась, появились встречные машины, и Сакс, с видимой неохотой, снизила скорость. Потом она развернулась, и теперь нос машины смотрел прямо на восходящую луну, почти невидимую в дрожащем вечернем мареве.

— Давай попробуем сто пятьдесят, — озорно предложила она. Линкольн Райм закрыл глаза и буквально растворился в потоке встречного воздуха, напоенного запахом свежескошенной травы и ощущении скорости.

Эта ночь была, пожалуй, самой жаркой в году.

Со своего нового удобного места Линкольн имел возможность обозревать парк, с его завсегдатаями, постоянно сидящими и, кажется, даже живущими на скамейках. Он наблюдал за изможденными бегунами, семействами, расположившимися возле дымящихся костров и поедающими поджаренное мясо. Издалека эти люди напоминали оставшихся в живых средневековых рыцарей, пирующих после большого сражения. Несчастные владельцы собак, изнывая от жары, с обязательными пакетиками в руках, совершали вечерний моцион.

Том завел грустную мелодию — адажио для струнных Самюэля Бербера. Однако Райм только усмехнулся и велел заменить ее на Гершвина.

Амелия Сакс поднялась по ступенькам и вошла в спальню. Райм что-то разглядывал в окно.

— Кого ты там увидел?

— Разгоряченных людей.

— А как птицы? Соколы?

— Ну, эти, как всегда, здесь.

— Им тоже жарко?

— По-моему, нет, — ответил Линкольн, взглянув на самца. — Мне кажется, они стоят выше таких мелочей.

Она поставила сумку на пол возле кровати и достала оттуда бутылку дорогого бренди. Райм напомнил ей о виски, но она решила пить сегодня бренди в знак солидарности и подвинула бутылку поближе к таблеткам и пакету. Сейчас она напоминала заботливую супругу, вернувшуюся домой с рынка и принесшую кучу всевозможных овощей и морепродуктов. Оставалось только начать готовить обед.

Кроме того, по просьбе Райма она купила лед. Линкольн вспомнил, что Бергер предупреждал его о жаре, возникающей внутри пакета. Амелия открутила пробку «Курвуазье», наполнила два стакана и опустила в один соломинку.

— А где Том? — поинтересовалась Сакс.

— Вышел.

— Он все знает?

— Да.

Они попробовали бренди, отпив по небольшому глотку.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я передала что-нибудь твоей жене?

Райм некоторое время обдумывал это предложение. «Бывает так, что у нас имеются целые годы, — размышлял он, — чтобы беседовать друг с другом, ругаться и неистовствовать, объяснять свои желания, обиды и сожаления, а мы… О, как же мы непростительно расточаем время!» Линкольн осознал, что хотя он знаком с Амелией Сакс всего три дня, за этот небольшой срок они успели открыться друг другу так, как это не случалось с Блэйн за почти что десятилетие совместной жизни.

— Нет, — решительно произнес он. — Я ей уже отправил послание по электронной почте, — он хохотнул. — Немного вспомнил прошлое, только и всего.

Еще пара глотков бренди, и вяжущий привкус на нёбе начал рассасываться. Теперь напиток казался более мягким и не таким крепким.

Сакс наклонилась и своим стаканом дотронулась до его бокала.

— У меня имеются кое-какие сбережения, — начал Линкольн. — Большую часть я решил передать Блэйн и Тому. Я…

Но она остановила его нежным поцелуем в лоб и отрицательно покачала головой.

После этого Амелия аккуратно высыпала крошечные таблетки себе на ладонь.

Райму сразу же припомнился анализ на цвет Дилли-Коппани: добавьте однопроцентный ацетат кобальта в метанол и обработайте им предмет анализа. После этого капните пропил-амин. Если вещество содержит барбитураты, реактив приобретает красивую голубовато-сиреневую окраску.

— И как мы теперь поступим? — раздумывала Сакс, глядя на таблетки. — Честно говоря, мне никогда раньше не приходилось сталкиваться с подобным.

— Просто раствори их в моем стакане, — предложил Райм.

Она бросила их в бокал, и они почти моментально исчезли.

Какими легкими и невесомыми они казались. Совсем, как сны, которые они вызывают.

Сакс еще раз перемешала соломинкой темно-янтарную жидкость. Райм осмотрел ее истерзанные пальцы, но сейчас он уже не испытывал никакого сострадания к рукам девушки. Сегодня наступила *его*ночь, а она должна быть полной радости и наслаждения.

Внезапно ему вспомнилось детство в деревне, в самом сердце Иллинойса. Будучи ребенком, он не любил пить молоко, и, чтобы заставить его сделать это, мать всегда покупала специальные соломинки, изнутри обработанные вкусовыми добавками. Клубничными и шоколадными. Почему-то потом он забыл о них. А в общем, это гениальное изобретение. Имея такую соломинку, маленький Линкольн всегда с нетерпением ждал свой стакан молока.

Сакс подвинула к нему бокал, и Райм взял соломинку в зубы. Амелия положила ладонь ему на руку.

Свет или мрак, музыка или тишина, сны или медитация безмятежного существования без сновидений? Что ждет меня там?

Райм попробовал напиток на вкус, но тот ничем не отличался от обычного бренди. Может быть, едва заметная горчинка. Он, скорее, походил...

Неожиданно снизу донеслись сильные удары в дверь. Похоже, в нее не только барабанили кулаками, но еще и нещадно пинали ногами. Кроме того, послышались какие-то крики.

Райм вздрогнул и выпустил соломинку изо рта. Он мрачно посмотрел в сторону коридора.

Сакс нахмурилась.

— Сходи, пожалуйста, — попросил Линкольн. Она исчезла на лестнице и уже через несколько секунд вернулась расстроенная. За ней появились Лон Селитто и Джерри Банкс. Райм сразу же заметил, что молодой детектив сегодня утром провел над собой во время бритья очередной сеанс самоистязания. «Или надо за ним наблюдать, или приставить к нему парикмахера», — подумалось Райму.

Селитто рассеянным взглядом окинул стол, не заметив ни бутылки, ни пакета. Он посмотрел на Сакс, но она, скрестив руки на груди, словно указывала ему на дверь. Он сразу понял, что его чин тут не поможет, и то, что происходит сейчас в комнате, не имеет к нему никакого отношения. Селитто правильно оценил обстановку, однако уходить не торопился.

— Линкольн, мне надо с тобой поговорить, — выпалил он.

— Давай, только побыстрее. У нас еще куча дел. Детектив тяжело опустился на плетеный расшатанный стул:

— Час назад в здании ООН взорвалась бомба. Рядом с банкетным залом. Как раз во время обеда в честь делегатов конференции.

— Шесть человек погибли, пятьдесят четыре ранено, — добавил Банкс. — Двадцать находятся в критическом состоянии.

— О Господи! — выдохнула Сакс.

— Нет, ты ему сам скажи, — пробормотал Селитто.

— Для работы на конференции, — продолжал молодой детектив, — ООН набирала временных сотрудников. Так вот, преступницей оказалась одна женщина, работавшая в приемной. С полдюжины свидетелей сообщили, что видели, как она вошла в здание с рюкзаком и оставила его в камере хранения возле банкетного зала. Женщина ушла с работы как раз перед взрывом. Отряд взрывников утверждает, что бомба содержала не менее двух фунтов С4.

— Линк, взрывчатка находилась в желтом рюкзаке, — многозначительно произнес Селитто.

— Желтом? — Райм начал что-то припоминать.

— В отделе кадров нам сообщили, что женщину звали Кэрол Ганц.

— Мать Пэмми! — одновременно вскрикнули Сакс и Линкольн.

— Да. Та самая женщина, которую вы спасли в церкви. Только, конечно, Ганц — не настоящая ее фамилия. На самом деле ее зовут Шарлотта Уиллоуби. Она была замужем за Роном Уиллоуби. Это вам о чем-нибудь говорит?

Но Райм отрицательно покачал головой.

— Пару лет назад все газеты об этом писали. Он служил сержантом армейской миротворческой части в Бирме.

— Ну-ну, продолжай, — попросил Райм.

— Уиллоуби не хотел туда лететь. Он считал, что американский солдат не должен носить форму ООН и выполнять приказы, если он идут не от американских командиров. Сейчас у него полно последователей: это так называемое «правое крыло». Тем не менее, он отправился на восток. Но не пробыл там и недели, когда его подстрелил какой-то бродяга в

Рангуне. Прямо в спину. Так он и стал настоящим мучеником. В отделе по борьбе с терроризмом нам сообщили, что его вдова была тут же завербована чикагской группировкой экстремистов. В этом принимали участие ее новые приятели, некие Катрин и Эдвард Стоуны.

— Взрывчатка была замаскирована под детский пластилин, — продолжал Бэнкс, — и лежала вместе с игрушками. Женщина собиралась пройти на банкет вместе с дочкой, поэтому охрана и не обратила бы внимания на пластилин. Но так как Пэмми оставалась в госпитале, Кэрол пришлось изменить свой план и просто оставить рюкзак в камере хранения. Правда, и без того жертв хватило.

— Она скрылась?

— Разумеется. Ни малейшего намека, где бы ее можно было отыскать.

— А девочка? Пэмми?

— Пропала. Ее выписали из больницы примерно в то же время, когда прозвучал взрыв. Но в палате девочки не оказалось.

— А эта ячейка?

— Та, что в Чикаго? Они тоже словно растворились. У них есть убежище в Висконсине, но там они пока не появлялись. Даже и не знаем, с чего начать.

— Так вот о чем краем уха слышал Деллрей, — рассмеялся Райм. — Как раз наша Кэрол и прибывала в аэропорт. И тогда она не имела ничего общего с 823-м.

Бэнкс и Селитто не сводили глаз с Линкольна.

Опять эти молчаливые штучки.

— Нет, Лон, забудь об этом. — Райм ощущал зовущее тепло стакана, стоявшего всего в паре дюймов от него. — Это невозможно.

Селитто нервно поежился, отлепляя от тела и мокрую от пота рубашку:

— Как же у тебя здесь холодно, Линкольн! Послушай, ты не торопись мне отвечать. Ну, что тебе стоит этим заняться, а?

— Нет, я не смогу вам помочь.

— Там еще нашли записку. Ее просила передать генеральному секретарю Кэрол Ганц. В общем, она там развела канитель по поводу мирового

правительства, о том, что американцев лишают свободы, и так далее. Заявила, что взрыв в Лондоне — тоже дело их рук и предупредила, что на этом они не остановятся. Их надо отыскать, Линк.

Бэнкс почувствовал, что ему тоже надо проявить себя:

— И генеральный секретарь, и сам мэр, — оживился Джерри. — Они оба очень просили, чтобы этим расследованием занялись именно вы. Ответственный агент Перкинс тоже к ним присоединился. А если вам и этого недостаточно, то будет персональный звонок из Белого Дома. Мы очень надеемся и рассчитываем на вас, детектив.

Линкольн не стал поправлять Джерри относительно его обращения «детектив».

— Лаборатория ФБР уже готова приступить к работе, — продолжал Селитто. — Ответственный по этому делу — Фред Деллрей. И он с уважением — он даже просил меня подчеркнуть это слово, — с уважением почтительно просит тебя работать в качестве судебного эксперта. А место преступления девственно чистое. Ну, оттуда только вынесли тела погибших и раненных.

— Какое же оно после этого девственное?! — тут же взорвался Райм. — Оно уже загрязнено, и причем сильно!

— Тогда тем более мы нуждаемся в вашей помощи, — подхватил Бэнкс и, осмелев, добавил слово «сэр», чтобы смягчить гнев великого криминалиста.

Райм вздохнул и безнадежно посмотрел на свой стакан с соломинкой. Покой был так близок. Как и боль. Два бесконечных понятия, навсегда слившихся для него воедино.

Он закрыл глаза, и в комнате стало совсем тихо.

— Будь эта женщина одна, сама по себе, может, все было бы просто, — попытался оправдаться Селитто. — Но с ней девочка, дочка. Ты понимаешь, что это означает: уйти в подполье с ребенком? Представляешь себе жизнь этой крошки?

«Ну, ничего, Лон, — подумал Райм. — Это я тебе тоже когда-нибудь припомню».

Линкольн опустил голову на свою пышную подушку, полежал так несколько секунд, а потом резко раскрыл глаза:

— У меня будут условия, — бодро произнес он.

— Выкладывай, Линк.

— Ну, во-первых, — начал Райм, — я не работаю в одиночку.

И он многозначительно посмотрел на Амелию Сакс. Она немного поколебалась, затем улыбнулась, встала и забрала у него стакан. Твердым шагом подойдя к окну, она выплеснула отравленную жидкость в горячий августовский воздух. А всего в нескольких футах от ее руки сердитый сокол недовольно взглянул на девушку, вопросительно склонив набок серую голову, а потом вновь повернулся к своему пушистому птенцу и принялся кормить голодного детеныша.

Приложение

Выдержки из книги «Вещественные доказательства» Линкольна Райма, раздел: «Словарь терминов», 4-ое издание. (Нью-Йорк, «Судебная Пресса», 1994 год.) Перепечатано с разрешения автора.

Альтернативный источник света

Тип лампы интенсивного освещения с изменяемой длиной волны и различным цветом. Используется для освещения невидимых в нормальном свете отпечатков пальцев и некоторых типов следов и биологических улик.

Анализ с применением вакуумного напыления металла

Самый эффективный способ «проявления» невидимых в обычных условиях отпечатков пальцев на гладких поверхностях. При этом методе испаряемый металл (золото или цинк) в вакуумной камере покрывает исследуемый предмет тонким слоем металла, и таким образом делает отпечаток видимым.

Анализ на плотность

Сравнительный анализ образцов почвы для определения района, откуда взят грунт. Для этого образцы помещают в пробирки, наполненные жидкостями с разной плотностью.

Антрополог судебный

Специалист, оказывающий помощь следствию при работе с останками, а также привлекаемый при эксгумации тел.

Вещественные доказательства (улики)

Предметы или вещества, используемые в судебной практике для доказательства какого-либо предположения о вине или невиновности подозреваемого. Включают в себя различные отпечатки, тела и их фрагменты, а также всевозможные предметы.

Газовый хроматограф/масс-спектрометр

Приборы, используемые в ходе следствия для определения неопознанных веществ. Часто применяются совместно. Газовый хроматограф разделяет вещество на составные элементы, а масс-спектрометр определяет каждый из них.

Двойное лучепреломление

Разница между двумя измерениями преломления, которые присутствуют у кристаллического вещества. Применяется при исследовании песка, волокон, почвы.

ДНК, определение типа

Анализ генетических таблиц, определение внутриклеточного строения некоторых типов биологических улик (например, крови, спермы, волос) с целью сравнения с контрольными образцами, взятыми у подозреваемого или потерпевшего. Процесс включает в себя выделение и сравнение фрагментов ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты) — установление хромосомного набора. Позволяет установить принадлежность взятого образца определенной личности с вероятностью один к сотням миллионов. Также имеет название «генетические отпечатки».

Идентификация вещественных доказательств

Определение категории или класса, к которому относится вещественное доказательство. Следует отличать от индивидуализации, при которой устанавливается единственный источник происхождения данного образца. Например, по обрывку бумаги можно *идентифицировать,*что он взят из пачки весом 40 фунтов, используемой в полиграфии. Он также может быть *индивидуализирован,*если будет совпадать с оборванным листом в журнале, принадлежащим подозреваемому. Индивидуализация дает, естественно, более высокие результаты.

Индивидуализация вещественных доказательств — см. Идентификация

Компьютеризированная система идентификации отпечатков пальцев

Система сканирования и банк данных отпечатков пальцев.

Нингидрин

Химическое вещество, которое позволяет делать видимыми скрытые отпечатки пальцев, оставленные на пористых поверхностях (например, бумага, картон, дерево).

Одонтолог судебный

Специалист, привлекаемый следователями для определения подозреваемого или жертвы по зубной карте, остаткам зубов или их отпечаткам.

Остаточные вещества (после выстрела)

Вещества, в основном барий и сурьма, остающиеся на коже и одежде стрелявшего. Сохраняются на теле в течение шести часов, если их не удалить умышленно. Большой риск удаления таких веществ возможен, если руки подозреваемого сковывают наручниками за спиной.

Пальцевые узоры

Капиллярные линии, составляющие отпечатки пальцев, ладоней, подошв. Уникальны для каждого индивидуума. Отпечатки пальцев, оставленные на месте преступления, подразделяются на: 1) пластические (оставленные на восприимчивых поверхностях, таких как глина, замазка), 2) очевидные (формируются при участии инородных веществ — например пыль, краска, кровь), и 3) скрытые (оставленные потожировыми выделениями кожи на различных поверхностях и, в основном, невидимые).

«Постановка» («Пьеса»)

Усилия преступника изменить улики, добавить или переместить вещественные доказательства с целью убедить следствие в том, что преступление было совершено другим человеком или вовсе не имело места.

Принцип обмена Локара

Сформулирован французским криминалистом Эдмондом Локаром. Между преступником и жертвой на месте преступления всегда происходит обмен вещественными доказательствами, зачастую на уровне микрочастиц.

«Решетка» («Челнок»)

Обычный метод осмотра места преступления, при котором специалист производит движение вперед и назад в одном направлении (например, север — юг), а затем проделывает те же движения в перпендикулярном направлении (восток — запад).

Сканирующий электронный микроскоп

Аппарат, позволяющий исследовать образцы после их бомбардировки электронами, с выводом оптической информации на экран компьютера. По сравнению с оптическими микроскопами, предел увеличения которых ограничен (в 500 раз), электронный микроскоп позволяет получать увеличение в сотни тысяч раз. Часто соединен с рентгеновской приставкой, позволяющей изучать внутреннюю структуру объекта.

Следы преступления

Могут быть разнообразными и включать в себя микроскопические частицы пыли, почвы, волокон и клеточный материал.

Спектрометр массы — см. газовый хроматограф

Цепочка ответственных лиц

Список физических лиц, несущих ответственность за вещественное доказательство с момента его обнаружения на месте преступления до момента судебного разбирательства.

Примечания

1

Утро (нем.).

2

Боже мой (нем.).

3

Раннее утро (нем.).

4

Тут что-то не так (нем.).

5

Нет! (нем.).

6

На помощь! Нет, пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо (нем.).

7

Ханна, пойдем со мной, Ханна Голдшмидт (нем.).

8

Меня зовут не Ханна (нем.).

9

Не так! (нем.).

10

Эта боль (нем.).

11

Вперед! (нем.).

12

Пожалуйста, помогите мне (нем.).

13

Что? (нем.).